Романовы: семейная сага русских царей

Инна Соболева

Принцессы немецкие – судьбы русские

Две великие страсти — власть и любовь

ПИТЕР

SHOUT
SHARE
IT

Annotation

Эта книга – о немецких принцессах, ставших русскими царицами. У семерых героинь книги общая, немецкая, кровь и общая судьба. Из маленьких уютных немецких княжеств все они в ранней юности попали в необозримую, суровую, загадочную страну. Все они поднялись на самую вершину власти. Все были вынуждены мастерски играть свою роль, скрывая подлинные чувства. И еще одно объединяло их, таких непохожих, – ни одна не была счастлива. Ни малышка Фике, ставшая Екатериной Великой; ни ее невестка Мария Федоровна, чьи интриги могут сравниться лишь с интригами Екатерины Медичи; ни Елизавета Алексеевна, ставшая музой величайшего поэта России; ни внешне такая беззаботная Александра Федоровна; не было горя, которое миновало бы Марию Александровну; хорошо известна страшная судьба последней российской императрицы, Александры Федоровны. Любой вымысел меркнет перед страстями и невзгодами, которые выпали на долю русских цариц, поэтому рассказ о них будет полон драматизма. В книге приведены малоизвестные или вовсе неизвестные широкой публике факты из жизни Дома Романовых.

- Инна Соболева
  - От автора
  - «Веселая царица была Елисавет…»
  - «Прелесть неизъяснимая»
    -
    - Отступление об отношении к домашним животным
    - Отступление о странностях любви
    - Отступление о великолепном князе Тавриды
    - Отступление о том, что значит быть русской
    - Отступление об эпистолярном жанре
    - От «воска» до «чугуна» Часть I
    - Отступление о Павловске
    - Отступление о смолянке Екатерине Ивановне Нелидовой
    - Отступление о Михайловском замке
  - «Елисавету втайне пел…»
    -
    - Отступление о старшем друге
    - Отступление об Александровском дворце
    - Отступление о Константине и Анне

- Отступление о мнимом возлюбленном
- Отступление о том, что сказал С. С. Гейченко
- Отступление о любви и смерти
- Отступление о Федоре Глинке, великодушном гражданине

○ От «воска» до «чугуна» Часть II
○ «Гений чистой красоты»
-
- Отступление о новогодних елках и о любви к театру
- Отступление о пожаре в Зимнем дворце
- Отступление о Марии Николаевне Романовой
- Отступление о Варваре Аркадьевне Нелидовой

○ «Рождена не для трона»
-
- Отступление о невозможной любви
- Отступление о милой Ливадии
- Отступление о великом князе Николае Михайловиче
- Отступление о том, кто должен был стать императором Николаем II
- Отступление о той, которая хотела стать Екатериной III
- Отступление о памяти и памятнике

○ «Хозяйка земли русской»

Инна Соболева
Принцессы немецкие – судьбы русские

От автора

Правды выйдет наружу ровно столько, сколько мы ее вытащим.

Галилео Галилей

История слишком важна, чтобы отдать ее на попечение историков.

Прозаику или драматургу должно быть позволено туда входить.

Джулиан Барнс, английский писатель

Эта книга о головокружительных поворотах судьбы, захватывающих интригах, роковых страстях, непреодолимых препятствиях, коварных изменах, невыносимых страданиях, о тайнах рождений и смертей – в общем, о том, что старается придумать всякий автор в надежде заинтриговать и увлечь читателя. Мне же ничего придумывать не пришлось – сама ИСТОРИЯ постаралась сделать жизнь моих героинь, шести немецких принцесс, ставших русскими царицами, такой, что перед их судьбами, перед теми невзгодами, которые выпали на их долю, меркнет любой вымысел. Поэтому рассказ о них (не по воле автора, а по простой необходимости следовать исторической правде) будет полон драматизма.

События их личной жизни, а уж душевные муки и подавно, были надежно скрыты от окружающих. Мало того, по воле их царственных супругов, а иногда и по их собственной воле, потомкам осталась тщательно продуманная ложь, которая должна была создать образы благополучных, безупречных (а оттого – безликих) императриц, имеющих очень мало общего с теми женщинами, какими они были на самом деле.

На этих страницах – попытка проникнуть в тайны, веками тщательно оберегаемые. Расследование этих тайн, сравнение противоречивых свидетельств современников, изучение не всегда легкодоступных документов и в особенности – мотивов, заставлявших императриц скрывать свои поступки или искажать их смысл, – занятие увлекательнейшее. Более того, некоторые описанные события дают основания усомниться в достоверности общепринятых представлений о ходе отечественной истории.

У всех российских императриц, начиная с Екатерины II (исключение – супруга Александра III Мария Федоровна, урожденная датская принцесса Дагмар), общая кровь (немецкая) и как будто общая судьба. Из маленьких, чистеньких, уютных, живущих по строгому регламенту немецких княжеств все они в ранней юности попали в необозримую, неподвластную никаким регламентам суровую, загадочную страну, где ошеломляющая роскошь двора уживалась с рабством и нищетой большинства простых людей. Различные обстоятельства (порой – случайные) вознесли этих женщин на самую вершину власти в этой чужой для них стране.

Всем пришлось отказаться от собственной веры, принять веру своих мужей – православие. Для одних это стало драмой, для других – счастьем. Все большую часть своей жизни прожили в России. Одни полюбили ее преданной, действенной любовью, другие просто честно исполняли свой долг супруги императора, а кое-кто рассматривал «страну пребывания» как собственное бюргерское хозяйство. Но все без исключения вынуждены были играть ту роль, которую им отвела судьба: скрывать подлинные чувства, настроения, превозмогать болезни – носить маску. Каждый день. Долгие годы.

Каждой пришлось пройти примерно одинаковые этапы жизни: невеста наследника российского престола, жена наследника и невестка царствующей императрицы; мать наследника, императрица, свекровь очередной юной немецкой принцессы, вдовствующая императрица. Каждая сыграла почти все эти роли, но каждая – по-своему!

И еще одно объединяло их, таких непохожих: ни одна не была счастлива… Ни малышка. Фике, ставшая Екатериной Великой, ни ее невестка, Мария Федоровна, чьи интриги могут сравниться лишь с интригами Екатерины Медичи, ни Елизавета Алексеевна – муза величайшего поэта России, ни внешне беззаботная, как птичка, Александра Федоровна, обожаемая супруга «железного» императора Николая I. Не было горя, которое миновало бы Марию Александровну, жену царя-освободителя; хорошо известна страшная судьба последней российской императрицы, Александры Федоровны.

Кого-то невзгоды ломали, кого-то закаляли, кого-то ожесточали. Но чем больше узнаешь о поступках и чувствах этих женщин, тем больше убеждаешься: сложившееся в свое время мнение, будто были они всего лишь тенями своих царственных мужей (единственная, о ком такого не посмели и помыслить, – Екатерина Великая), – не более чем миф. На русском троне рядом с императорами всегда были женщины незаурядные. Чего больше

каждая из них принесла стране – добра или зла – вопрос другой. На него я попытаюсь ответить. Но абсолютно достоверно одно: тенями они не были.

О первой из наших героинь, Екатерине Великой, знают, наверное, все. Потому что она создавала Великую Россию. Да и о последней, Александре Федоровне, жене Николая II, известно немало. Потому что помогла Великую Россию разрушить. А другие? Не каждый может назвать даже их имена, не говоря уже о делах, характерах, судьбах. А знать стоило бы.

Ведь каким бы скромным (уж во всяком случае, по сравнению с Екатериной II) ни выглядело участие других императорских жен в государственной жизни России, на самом деле оно было огромно. Уже потому, что они рожали следующих монархов и, как положено природой, передавали им по наследству свои качества. А ведь генетики утверждают, что дети наследуют личностные свойства отца и родовые (в том числе национальные) черты матери. От того, какими были эти дети, почти полтора столетия во многом зависела судьба нашей страны.

Любители разного рода вычислений подсчитали, что у последнего российского императора из династии Романовых, Николая II, была всего одна сто двадцать восьмая часть русской крови. Что дают такие подсчеты? Да и достоверны ли они? А что если легенды не лгут и отцом Екатерины II был не младший брат Ангальт-Цербстского герцога Христиан-Август? А отцом Павла I – не ненавистный Екатерине Петр III? А отцом Николая I – вовсе не Павел? Что если 300-летие Дома Романовых, которое с такой помпой праздновали в 1913 году, – не больше чем мистификация, пусть и невольная? Что если последним потомком Романовых на русском престоле был внук Петра Великого, злополучный Петр III? Но даже если все обстояло именно так и Россией многие годы правили императоры, отцы которых к Романовым никакого отношения не имели, разве это что-нибудь меняет? К тому же доказать, кто был настоящим отцом, особенно через века, весьма затруднительно. А вот мать, носившая дитя и родившая его, сомнений не вызывает. Тем более интересно знать, какими они были, эти немецкие принцессы, «вознесенные» на трон чужой, огромной, непонятной могущественной державы.

Чем больше думаешь о судьбах жен и матерей российских императоров, тем отчетливее понимаешь, что русская кровь и русская душа – не одно и то же. Стать «русским душою» и сделать для России все, на что способен, может и человек другой крови. И наоборот, русская кровь – еще не гарантия патриотизма. Впрочем, «чистота крови» в таком огромном генетическом котле, как Россия, – не больше чем очередной миф. А русские – не только и

даже не столько этнос. Русские – духовная и христианская общность.

Из всех этих соображений, наблюдений, открытий, из изучения официальных архивных материалов, писем и интимных дневников и получился сценарий научно-популярного сериала «Принцессы немецкие – судьбы русские». Идея сделать на основании сериала книгу принадлежит Издательскому дому «Питер». Идея, надо сказать, смелая. Такое – впервые. Обычно по книгам делают фильмы.

«Веселая царица была Елисавет…»

В Русском музее есть картина Луи Каравака – портрет двух девочек, одной 8 лет, другая на год младше. Обе красавицы. Но какие разные! Старшая черноволоса, тонколица, загадочно бледна. Взгляд строгий, не по годам проницательный. По выражению ее лица можно предположить: она обладает незаурядным интеллектом. Когда смотришь на вторую, мыслей об интеллекте как-то не возникает. Здесь преобладает грация, веселость, даже игривость. Белокурая малышка чудо как хороша. Очевидно, что из нее вырастет редкая красавица. Это две дочери Петра Великого – Анна Петровна и Елизавета Петровна, будущая российская императрица.

Петр Великий умирал в ночь на 28 января 1725 года. Это был день рождения Анны. Ей исполнилось 16 лет. Такие вот странности судьбы… Многие знатоки петровской эпохи вслед за Вольтером предполагают, что последняя фраза, написанная императором перед смертью («Отдать все…»), должна была закончиться именем старшей дочери. И наша история была бы другой. Не случилось. Не успел. А может, и не собирался. Кто знает?

А вот в том, что отец любил Анну, сомневаться не приходится. Как же тогда мог отдать замуж за вполне ничтожного

Голштинского герцога Карла Фридриха? Ведь не хотел. Три года добивался голштинец, племянник погибшего в 1718 году шведского короля Карла XII, руки русской царевны, и не обязательно Анны – он был согласен на любую из дочерей Петра, лишь бы заручиться поддержкой могущественного российского владыки. Поддержка нужна была и в завоевании шведского престола, и в борьбе против Дании, захватившей в начале Северной войны почти половину Голштинского герцогства – Шлезвиг.

Согласия на брак Петр не давал. Зачем такой муж Елизавете, а уж тем более Аннушке, которой после смерти наследника, маленького цесаревича Петра Петровича, государь подумывал завещать престол. Но весной 1724 года решил короновать законную супругу, мать своих детей, Екатерину Алексеевну, и переписал завещание на нее.

Не прошло и полугода, как Петр узнал об измене своего «друга сердешненького», Катеринушки. Девятого ноября казнили любовника царицы Виллима Монса, а уже десятого император послал за Карлом Фридрихом. Через несколько дней царь и герцог подписали брачный контракт: Анна Петровна становится женой голштинца, но будущие супруги отрекаются «за себя, своих наследников и потомства мужского и женского полу от всех прав, требований и притязаний на корону и империум Всероссийский». Это был договор официальный. Но одновременно был подписан и другой, тайный. Он давал Петру право забрать у родителей родившегося от этого брака ребенка и сделать его наследником российского престола.

Петру не суждено было дожить не только до рождения внука, но и до свадьбы дочери. Екатерина, которую царственный супруг собирался лишить престола, стала императрицей. В мае 1725 года она пошла на беспрецедентный шаг: прервала траур по супругу и устроила роскошную свадьбу Анны с Карлом Фридрихом. Молодожены уехали на родину герцога. Там, в Киле, дочь Петра была невыразимо одинока. Муж пьянствовал, развратничал. Это не было неожиданностью: в России Карл Фридрих тоже вел себя отнюдь не образцово, но страх перед будущим тестем все-таки сдерживал. Дома он наконец-то почувствовал себя абсолютно независимым. Молодой жене внимания не уделял. Да и ей с ним было неинтересно. Замечательные свойства души и ума, которыми наделена была Анна Петровна, применения не находили.

10 февраля 1728 года, спустя три года после кончины отца, двадцатилетняя Анна родила первенца. «Бедный малютка, не на радость ты родился», – были первые слова, с которыми

обратилась она к сыну. Вещее сердце не обмануло. На седьмой день после родов она смотрела в открытое окно на иллюминацию, устроенную в честь младенца, простудилась и через три месяца умерла от скоротечной чахотки. Перед смертью умоляла об одном – похоронить ее подле батюшки. Наверное, тешила себя мыслью, что там, на родине, над ее гробом будет безутешно рыдать единственный близкий человек, оставшийся у нее на земле, сестричка Елизавета. Они ведь дружили, и их взаимная привязанность ничем не была омрачена. Но сестра в Петербург не приехала. Была осень, время охоты. А охота – любимое удовольствие Елизаветы Петровны. Не до похорон…

Шли годы. Умер Петр II (сын старшего сына Петра Великого, Алексея), благоволивший красавице-тетке. Десять лет правила страной двоюродная сестра, Анна Иоанновна (дочь старшего брата Петра, слабоумного Иоанна Алексеевича – Ивана V), всячески притеснявшая Елизавету. Был провозглашен императором Иваном VI младенец Иоанн Антонович, регентшей при котором стала его мать, Анна Леопольдовна (племянница Елизаветы, дочь второй ее двоюродной сестры, Екатерины Иоанновны, и Мекленбург-Шверинского герцога Карла Леопольда, супруга принца Антона Ульриха Брауншвейгского). Справедливо ли, что единственная дочь первого российского императора все время остается не у дел? И в ноябре 1741 года с помощью группы гвардейских офицеров справедливость наконец восторжествовала: Анна Леопольдовна была свергнута и со всем семейством сослана на север. Елизавета Петровна стала императрицей.

Вот тут-то, через 13 лет, и пришло время вспомнить о покойной сестре Анюте. Может, и не вспомнила бы: легко, весело жила, печальных мыслей старалась не допускать (они ведь могут нанести ущерб ее неземной красоте!). Но жизнь – штука жестокая, заставляет и о неприятном иногда задуматься. А неприятность была серьезная: отсутствие наследника престола. Самой ей наследника уже не родить – поздно. А ведь где-то там, в Германии, есть Аннушкин сынок, родная кровь. Тринадцать лет – не возраст, можно еще воспитать из мальчонки русского государя. Значит, нужно как можно скорее привезти его в Петербург, а то ведь, живя за границей, он подвергается разным недружественным России влияниям и может в конце концов стать опасным для тетушки, незаконно захватившей власть.

Звали мальчика Карлом Петром Ульрихом: по отцу – в честь двоюродного деда, шведского короля Карла XII, по матери – в честь родного деда, Петра Великого. Оба они оставили престолы, на которые он мог вполне законно претендовать.

И вот он в Петербурге. Елизавета огорчена: четырнадцатилетний мальчик хил, неказист – ничего общего ни с дедом, ни с Анной, ни с нею самой, признанными красавицами. Но еще хуже – совсем не развит. Это даже ей, не слишком образованной, сразу бросилось в глаза. Чему только его учили в Голштинии!? Зато капризен, необуздан, упрям: православную веру сердцем не принял, обряды соблюдать отказывается, русский язык учить не желает. Все время посвящает детским забавам да военным играм с голштинским отрядом, вызванным из Киля. Но главное – боготворит Фридриха II! И это – ее наследник! Ее, чьи войска дважды брали Берлин! «Умом и характером они были до такой степени несходны, что стоило им поговорить между собою пять минут, чтобы неминуемо повздорить», – вспоминала женщина, хорошо знавшая обоих. Очень скоро она приедет в Россию, чтобы остаться здесь на долгие 52 года.

Своим появлением в России она обязана (или Россия обязана ее появлением) Елизавете Петровне. Дочь Петра была первой, кто женил наследника престола на немецкой принцессе, установив традицию, которая до конца царствования Романовых была нарушена лишь однажды.

На самом деле первым, как и во всем, был ее батюшка, Петр Великий. Ведь это он женил своего сына Алексея на немецкой кронпринцессе Шарлотте, внучке герцога Брауншвейг-Вольфенбюттельского Антона Ульриха. Но первая немецкая принцесса, ставшая женой одного из Романовых, прожила в России так недолго (она умерла после тяжелых родов через четыре года после приезда в Петербург), что не оставила заметного следа в русской истории. Только одно, кроме происхождения, роднит Шарлотту с другими принцессами, волею судеб оказавшимися в нашем отечестве: в браке она была глубоко несчастна.

Но вернемся к той, которая вот-вот должна ступить на русскую землю, чтобы стать женой родного внука Петра Великого Карла Петра Ульриха, прожить на этой земле так долго и сделать для нее так много, чтобы получить право написать на подножье памятника преобразователю России: «PETRO PRIMO – CATHARINA SECUNDA», что в переводе с латыни означает не только «Петру Первому – Екатерина Вторая», но «Петру Первому – Екатерина Следующая».

Карлу Петру Ульриху, после принятия православия названному Петром Федоровичем, шел шестнадцатый год. «Пришла пора урода женить», – вздыхала Елизавета. Дело государственное…

О русской невесте нечего и помышлять: родственники

наверняка попытаются влиять на верховную власть. Она хорошо помнила историю своей семьи. Ее дед, царь Алексей Михайлович, был женат дважды. Схватка за власть между царевной Софьей (дочерью от первого брака с Марией Милославской) и юным Петром (сыном второй жены, Натальи Нарышкиной) стоила сотен жизней. Да, батюшка Петр Алексеевич жестоко подавил стрелецкий бунт. А что было делать? Умереть самому? Елизавета не осуждала отца, но повторения кровавых междоусобиц допустить не желала.

Значит, нужно искать невесту-иностранку. Это и для политики полезно: родственники врагами не станут, скорее – союзниками, в худшем случае – нейтральными соседями. Но жена российского монарха обязана принять православие (Петра I, когда он сватал кронпринцессу Шарлотту, это не заботило, к проблемам религиозным он был более чем равнодушен; теперь – другие времена). Католичка от собственной веры не откажется. Лютеране терпимее. Тогда – немка? Немцы – близкие соседи. Да и наследник – наполовину немец.

Елизавета начала внимательно присматриваться к многочисленным немецким принцессам. Выбрала Амалию, сестру Фридриха II Прусского. Король от такого родства уклонился. Тогда императрица остановилась на саксонской принцессе Марианне. Но брак с наследником российского престола усилил бы Саксонию, соперницу Пруссии. Так что и этому сватовству Фридрих помешал, однако решил взять наконец дело в свои руки и через своих людей при русском дворе как бы невзначай привлек внимание Елизаветы Петровны к принцессе Ангальт-Цербстской. Он по опыту знал: дочь Петра как истинная женщина не делает различий между государственными делами и личными пристрастиями или антипатиями. А с Ангальт-Цербстским домом связаны у нее сентиментальные воспоминания: в ранней молодости ее женихом был Карл Август, принц Голштинский и епископ Любский, дядя протежируемой Фридрихом невесты. Незадолго до свадьбы жених неожиданно скончался. Невеста страдала. Правда, в молодости нрав у нее был веселый и беззаботный, так что горевала она недолго, но не забыла. К тому же до сведения русской государыни довели, что во дворце Ангальт-Цербстских принцев на почетном месте висит портрет ее любимой покойной сестры Аннушки.

Фридрих Великий хорошо разбирался в людях. На нежных струнах души Елизаветы Петровны сыграл безошибочно: она решила пригласить в Петербург именно Ангальт-Цербстскую принцессу Софию Амалию Фредерику, которую домашние называли смешным именем Фике. Правда, пригласить-то

пригласила, но это пока ничего не значило: не понравится – отправим обратно.

«Прелесть неизъяснимая»

Пройдут годы. София Амалия Фредерика станет в православии Екатериной Алексеевной. Имя – от крестной матери, отчество – от крестного отца. Так будут получать свои русские имена все немецкие принцессы, становившиеся женами российских государей. Уже став Екатериной Великой, она сочинит себе эпитафию:

Здесь лежит Екатерина Вторая, рожденная в Штеттине 2 мая 1729 года, прибывшая в Россию в 1744 году, чтобы выйти замуж за Петра Третьего.

Четырнадцати лет от роду она возымела три намерения: понравиться своему жениху, понравиться императрице Елизавете, понравиться народу.

Желая преуспеть во всех трех намерениях, она ничего не забывала. В течение восемнадцати лет скуки и уединения она поневоле прочитала множество книг.

Вступив на Российский престол, она желала добра и старалась доставить своим подданным счастье, свободу и собственность.

Она легко прощала и ни к кому не питала ненависти. Пощадливая, обходительная, от природы веселонравная, с душою республиканскою и добрым сердцем, она имела друзей. Работа давалась ей легко. Она любила искусства и обожала быть на

людях.

Соблазнительно писать о Екатерине, разбираясь последовательно буквально в каждом слове этой не лишенной самоиронии эпитафии, – с чем-то соглашаться, подтверждать рассказами о конкретных делах; с чем-то спорить, что-то опровергать. Но, коротко и просто оценив свою жизнь и дела, Екатерина не заметила или не назвала в себе самого главного, того, что так точно определил Пушкин: «прелести неизъяснимой». Помните, так в «Капитанской дочке» он говорит о первом впечатлении, которое произвела на Машу Миронову императрица? Едва ли сама она этого загадочного и одновременно так много объясняющего свойства за собой не знала, просто назвать так точно и исчерпывающе, как это сделал Пушкин, даже при своем очевидном писательском даровании не сумела. Или – умолчала. Из скромности. Да-да, из скромности, каким бы странным ни показалось это качество применительно к уверенной в себе, самодостаточной Екатерине.

При всей своей любви к комплиментам (неудивительно, ведь она – женщина), она знала меру в возвеличивании себя (напомню хотя бы, что она отказалась от титула Мать Отечества и запретила ставить себе памятники). Только Пушкин сумел двумя словами назвать тайну ее обаяния, которое испытывали на себе многие, вернее все, кого она хотела покорить.

Вот я и попытаюсь понять, как внешние обстоятельства и эта «прелесть неизъяснимая» сделали из малышки Фике Екатерину Великую.

В эпитафии она называет только день и место своего рождения, а о происхождении, о родителях не говорит ни слова. Между тем в происхождении ее много вопросов, и, если бы удалось найти на них ответы, удалось бы разобраться в некоторых ее важнейших качествах и поступках. К примеру, понять источник ее (не побоюсь пафосного определения, потому что оно точно) пламенной любви к России. Если бы полюбила нашу страну после того как узнала, было бы понятно. И, на мой взгляд, – естественно. Но ее любовь изначальна, еще до узнавания, еще до встречи. Что это? Предначертание свыше? Или зов крови?

Мать Екатерины, принцесса Иоганна Елизавета, происходила из достаточно знатного, не слишком богатого и ничем особенно не прославленного Голштин-Готторпского рода. Так считали все, и сама Екатерина тоже. Гордиться особенно было нечем, но и стыдиться тоже нечего. Но через 80 лет после смерти императрицы журнал «Русская старина» (1875 г., т. 12, с. 457) опубликовал исследование генеалогического древа Екатерины Великой. Это была сенсация. Оказалось, что ее далеким предком

по материнской линии был русский князь Ярослав Ярославич Тверской, родной брат самого Александра Невского. Как была бы счастлива Екатерина! Она ведь чувствовала себя русской.

А матушка ее, несмотря на столь высокое происхождение, была дамой весьма легкомысленной. О ее многочисленных романах шептались при всех европейских дворах. Василий Осипович Ключевский, исследователь серьезный, заслуживающий доверия, имел все основания написать о ней: «Ходячая интрига, воплощенное приключение; ей было везде хорошо, только не дома. На своем веку она исколесила почти всю Европу…». Хотя торопиться осуждать Иоганну Елизавету не стоит: своего дома у нее фактически не было – ее выдали замуж за младшего брата Ангальт-Цербстского герцога, всю жизнь прослужившего в прусской армии. Семья вынуждена была жить не на родовых землях, а там, где приходилось служить главе семейства. Потому и родилась Фике в Штеттине. Там был расквартирован полк, которым командовал генерал-майор Христиан Август Ангальт-Цербстский, отец девочки. Оговорюсь сразу: официальный отец. Потому что, кто был ее настоящим отцом, как было загадкой при рождении, так и осталось по сей день.

На этот счет существует несколько версий. Согласно первой, отец Софии – «Железный Фридрих». За эту версию говорит то, что он откровенно благоволил матушке Екатерины и приложил немало усилий, чтобы выдать девочку за наследника российского престола. Но если это так, Екатерина об этом определенно не знала, – достаточно внимательно изучить ее отношения с Фридрихом после того, как она стала императрицей.

Вторая версия широкого распространения не получила. Она изложена в «Записках» гвардейского офицера Алексея Михайловича Тургенева, имевшего широкие связи среди придворных. Он предполагал, что отцом Екатерины мог быть канцлер Бестужев-Рюмин, который в молодости состоял на дипломатической службе при Ангальт-Цербстском дворе. Некоторые утверждали, что Екатерина очень похожа на Алексея Петровича. Судя по единственному известному мне портрету канцлера – сходства никакого. К тому же трудно поверить, чтобы Иоганна Елизавета при всей ее взбалмошности, попав в Петербург, начала активно и нагло интриговать в пользу Пруссии против всемогущего в то время Алексея Петровича, если бы он был или хотя бы предположительно мог быть отцом ее дочери.

Третий кандидат на роль родного отца – Иван Иванович Бецкой. Его внешнее сходство с Екатериной Великой поразительно. После воцарения Екатерины Бецкой избегал присутствовать на больших дипломатических приемах: это

сходство так бросалось в глаза, что те, кто видел их рядом впервые, не могли скрыть потрясения. Потом, привыкнув, делали вид, что не замечают.

Ни Екатерина, ни Бецкой никогда не подтверждали, но и не опровергали слухов о своем родстве. Да и что они могли знать наверняка? Неопровержимо лишь материнское начало. Доказать подлинность отца в те времена было невозможно: генетической экспертизы не существовало. Все доказательства были косвенные: в 1728 году мать Екатерины жила в Париже, там же в русском посольстве служил Иван Бецкой. Их связь не была секретом. И еще: когда Фике станет всемогущей российской самодержицей, только Бецкой будет иметь право входить к ней в любое время дня и ночи без доклада. Только ему она будет целовать руку.

Бецкой был незаконнорожденным сыном генерала, князя Ивана Юрьевича Трубецкого (между прочим – Рюриковича). Он попал в плен к шведам в сражении под Нарвой в 1700 году и прожил в Стокгольме в качестве почетного пленника 18 лет. У русского князя завязался роман со шведской аристократкой, баронессой Вреде, и у нее в 1704 году родился сын. Правда, ходил слух, что у прекрасной шведки была короткая, но пылкая связь с самим Петром I, а князь Иван, что называется, «покрыл грех» обожаемого императора. Подтвердить или опровергнуть эту легенду едва ли возможно, а вот то, что отец (или назвавшийся отцом) полюбил ребенка, сомнений не вызывает. Он-то и дал мальчику свою усеченную фамилию (Трубецкой – Бецкой). Так было принято в то время в случаях, когда отец не отрекался от своего внебрачного ребенка. Будущий российский вельможа, друг и советник Екатерины Великой, а по всей вероятности, и ее отец, получил блестящее образование, и идеи просветителей овладели его умом и сердцем.

После того как Иоганна Елизавета родила дочь, Бецкой стал частым гостем в Цербсте, в родовом замке Ангальт-Цербстского дома. Предпочитал приезжать, когда там гостила маленькая Фике с матушкой. Иван Иванович принимал участие в воспитании девочки, много и с любовью рассказывал ей о России – кстати, и о том, как императрица Елизавета Петровна захватила власть. У Фике была прекрасная память. И пылкое воображение…

О том, насколько хороша была память и насколько пылко воображение, свидетельствует поразительный факт: впервые оказавшись в Петербурге всего на один день (двор тогда пребывал в Москве и юная кандидатка в невесты должна была спешить на встречу с императрицей Елизаветой), девочка сразу попросила свою свиту провезти ее тем путем, которым во время переворота ехала Елизавета Петровна от казарм Преображенского полка к

Зимнему дворцу, – к власти. Если не родство с Бецким, то уж его рассказы наверняка вызвали у маленькой немецкой принцессы острый интерес к России. И к русской короне тоже…

В Цербсте, находившемся до объединения Германии на территории ГДР, особенно бросается в глаза разница между восточной и западной частями нынешней ФРГ. Здесь тоже чисто, тоже много цветов, но все заметно беднее. Дворец герцога Ангальт-Цербстского Иоганна, дяди Фике, у которого она подолгу жила, разрушенный в годы войны, до сих пор не восстановлен. Причина до боли знакомая: нет денег. Память Екатерины Великой здесь глубоко чтят. В одном из немногих сохранившихся после бомбежек старинных особняков – посвященный ей музей. Интересных экспонатов немного, но хранят их любовно. По-русски говорят хорошо, а главное – охотно. Рассказывают (правда, не слишком уверенно), будто бы нашелся спонсор, который поможет восстановить дворец. А вот за парком ухаживают сами и гордятся, что он такой же (ну, почти такой же…), как при ней. Главная дорожка носит ее имя. Парк так неназойливо ухожен, а оттого так естествен, что веришь в его первозданность. И не составляет труда перенестись почти на три века назад и представить, как по этой вот дорожке, плавно огибающей зеркальный пруд, гуляют двое: маленькая девочка и высокий статный молодой мужчина, как увлеченно они беседуют, с каким пониманием и нежностью смотрят друг на друга.

И так смотрели они друг на друга до конца его дней. Он прожил долгую жизнь, а она, хотя и была намного моложе, пережила его всего на год. Перенесла его уход очень тяжело, хотя и понимала: смерть для него – избавление. Последний год он был парализован и совершенно беспомощен.

Она высоко ценила Бецкого не только за преданность, но и за всестороннюю образованность, незаурядный ум, отменный вкус и безупречную честность. Доверяла ему дела, в которых ни на кого другого не могла положиться. Известно, что строительство всегда было и остается весьма «взяткоемким». Поэтому руководить Канцелярией от строений императрица поручила именно Бецкому. Без утверждения Комиссии в столице нельзя было построить ничего мало-мальски значительного. Екатерина знала: ни на какие уступки тем, кто может нанести ущерб красоте города, Иван Иванович никогда не пойдет. А уж попробовал бы кто-нибудь нарушить высотный регламент, соорудить здание выше Зимнего дворца! Под руководством Бецкого или с его разрешения в Петербурге построено много. Достаточно вспомнить только гранитные набережные Невы, дивную фельтеновскую решетку Летнего сада, его собственный дом по соседству с этим

садом. В этот дом часто приезжала Екатерина.

Здесь она чувствовала себя свободнее, чем в собственном дворце: там слишком много любопытных глаз и ушей. Здесь можно говорить свободно, не опасаясь, что подслушают. Бецкой был, пожалуй, единственным (исключая Потемкина), кому разрешалось спорить с государыней. Она любила его. Как воспитателя? Как мудрого советчика? Как человека, открывшего ей Россию? Или как отца? Русского отца…

Она ему поручала руководить большинством самых дорогих ее сердцу проектов, начиная от создания Эрмитажа, ставшего, благодаря их общим усилиям и вкусу, одним из величайших музеев мира, и кончая их общим грандиозным проектом – воспитанием «новой породы людей».

В самом начале своего правления Екатерина наметила план действий на ближайшие десять лет. Под первым номером записала: «нужно просвещать нацию, которой должен управлять». И она и Бецкой разделяли мнение Сократа, что зло есть результат незнания. Вместе они два года разрабатывали систему воспитательно-образовательных учреждений. Уже в 1764 году она утвердила составленное Бецким «Генеральное учреждение о воспитании обоего пола юношества», которое не только ставило грандиозные задачи преодолеть «суеверия веков» и дать молодым людям новое, современное воспитание и образование, но и определяло конкретные меры решения этих задач. Без промедления (пример того, что между планом и его воплощением совсем не обязательна привычная нам «дистанция огромного размера») были открыты воспитательное училище при Академии художеств (Бецкой был ее президентом), воспитательные дома для сирот в Петербурге и Москве, несколько коммерческих училищ. Были преобразованы многие кадетские корпуса. Но главным и любимым детищем и императрицы, и Ивана Ивановича стало Общество двухсот благородных девиц, вошедшее в историю как Смольный институт благородных девиц, о котором я расскажу в главе «От „воска“ до „чугуна“».

Для всех учебных заведений Бецкой разработал специальные уставы. После того как их утверждала Екатерина, они получали статус законов. Были они для своего времени непривычно гуманны:

…не отягощать многими и трудными понятиями, и тем менее принуждать с жестокостью, чтоб при самом начале учение не показалось им горестью… стараться приохочивать детей к учению пристойною кротостию, ласкою и обнадеживаниями… Бить детей, грозить им и бранить, хотя и причины к тому бывают, есть существенное зло.

Прошло более двух с половиной веков, а то, что советовал учителям Бецкой и что становилось беспрекословным повелением после утверждения Екатериной, нисколько не устарело. К сожалению, выполнять эти разумные требования у нас научились далеко не все. Как не все и не везде до сих пор следуют мудрому совету присматриваться с раннего детства к природным дарованиям детей, «дабы произвести и превосходных по разуму людей».

Был ли Иван Иванович Бецкой отцом Екатерины II, мы вряд ли когда-нибудь узнаем. Но то, что он был ее верным другом и надежным помощником, человеком «превосходным по разуму», сомнению не подлежит. И свое место у подножья памятника великой государыне, поставленного уже в царствование ее правнука, Александра II, перед Александринским театром в Петербурге, он занимает по праву.

Рассказывая об отношениях Екатерины с Иваном Ивановичем Бецким, я ушла на многие годы вперед от ее детства и на многие километры на восток от Цербста, где она впервые услышала о возможности выйти замуж за наследника российского престола. Вернемся обратно.

Иоганна Елизавета обращалась с дочерью без особой нежности, постоянно твердила, что та некрасива, что ей невозможно будет найти хорошего жениха (а девочка верила – как не поверить собственной матери?). И вдруг, окрыленная перспективой стать тещей будущего российского самодержца, мамаша проявляет невиданную расторопность: заказывает портрет малышки Фике самому модному берлинскому живописцу Антуану Пэну и, едва портрет окончен, воспользовавшись экстренной оказией, посылает его в Петербург Елизавете Петровне. Ответ обнадеживающий: «Выразительная физиономия юной принцессы Цербстской понравилась императрице». Судьба девочки решена. Нужно собираться в дорогу. Впрочем, «сборы были недолги и касались более матери, нежели дочери: княжна привезла с собой в Россию три-четыре платья, по дюжине рубашек, чулок и платков – и только; у нее не было даже постельного белья».

10 января 1744 года цербстская княжна навсегда покинула свою родину. Больше ее нога никогда не ступит на немецкую землю (она вообще ни разу в жизни не покинет пределов России). Но пока до окончательной разлуки предстоит визит в Сан-Суси, к Фридриху Великому. За благословением. Он будет напутствовать Софию общими словами: пожеланиями успеха, благополучия, счастья (о делах с пятнадцатилетним ребенком говорить рано). Зато матушке будут даны вполне серьезные инструкции. Фридрих

надеялся получить в ее лице агента при русском дворе. Он просчитался. Но об этом чуть дальше. А пока – об одном неприятном конфузе. Мать, сама известная модница, так плохо одевала девочку, что ей не в чем было явиться на аудиенцию к королю. Фридриху пришлось сказать одной из своих родственниц, чтобы та одолжила Фике подобающее платье. И великий король, и будущая великая императрица хорошо запомнят этот случай…

И вот – Россия. Она встретила свою гостью (кто знал, что она станет хозяйкой?) залпом орудий при въезде в Ригу. До границы Фике с матушкой добирались то на почтовых, то просто на наемных лошадях без всяких удобств. Продолжение путешествия было обставлено с невиданной роскошью. Иоганна Елизавета писала:

Мне и в голову не приходит, что все это для меня, для бедной, для которой в других местах едва били в барабаны, а в иных и того не делали. Все происходит здесь с таким величием и почетом, что мне кажется при виде роскоши, меня окружающей, что это сон.

У матушки явно закружилась голова, и она не сумела адекватно оценить невиданно торжественную встречу; не поняла, а вернее, просто не пожелала допустить, что встречают так вовсе не ее, а невесту наследника российского престола. Кстати, именно неспособность знать свое место сыграет с ней злую шутку.

Петербург во времена Елизаветы, как сказали бы сейчас, был городом контрастов: из великолепного квартала вы вдруг попадали в дикий сырой лес; рядом с огромными палатами вельмож и роскошными садами, украшенными дивными мраморными статуями, соседствовали развалины, жалкие деревянные избушки или пустыри. Но самым поразительным было то, что целые ряды деревянных лачуг вдруг исчезали и на их месте поднимались великолепные каменные строения. Город менялся на глазах. Елизаветинское время оставило замечательные создания короля петербургского барокко, любимого архитектора императрицы Франческо Бартоломео Растрелли: Строгановский, Воронцовский, Аничков дворцы, Смольный собор и, конечно же, Зимний дворец. До завершения его строительства Елизавета Петровна не дожила. Его первой хозяйкой станет Екатерина II, первая немецкая принцесса на русском троне. В этом дворце, задуманном Елизаветой для себя, пройдет большая часть жизней всех российских императриц. Его стенам суждено будет увидеть многое. И слезы тоже. Слезы по большей части тайные: не пристало государыням показывать подданным, что и на троне женщина остается всего лишь

женщиной. Не больше. Но и не меньше.

А пока основные события разворачиваются в Летнем дворце Елизаветы Петровны, на месте которого сейчас стоит Михайловский замок. Именно там стало ясно, что брак Екатерины непоправимо несчастен, именно там она дважды едва не умерла, там родила сына, который по многим, не всегда зависящим от них обоих обстоятельствам, сделался ей чужим; там принимала присягу после переворота, стоившего жизни ее мужу.

Поражал режим, в котором жила Елизавета Петровна и вынуждала жить своих приближенных. Она спала днем и бодрствовала ночью. Екатерина вспоминала:

Никто никогда не знал часа, когда е. и. в. угодно будет обедать или ужинать, и часто случалось, что эти придворные, поиграв в карты (единственное развлечение) до двух часов ночи, ложились спать, и только что они успевали заснуть, как их будили для того, чтобы присутствовать на ужине е. в.; они являлись туда, и так как она сидела за столом очень долго, а они все, усталые и полусонные, не говорили ни слова, то императрица сердилась… Эти ужины кончались иногда тем, что императрица бросала с досадой салфетку на стол и покидала компанию.

В среду и пятницу приближенным приходилось особенно тяжело: вечерний стол у государыни начинался после полуночи. Дело в том, что она строго соблюдала постные дни, но покушать любила. Вот и дожидалась первого часа следующего, непостного дня, когда можно было от души наедаться скоромным. Она терпеть не могла яблок. Даже накануне того дня, когда предстояло являться ко двору, лучше было к яблокам не прикасаться: если государыня почувствует их запах, разгневается не на шутку.

Елизавета Петровна очень любила театр, но на спектакли отправлялась не раньше одиннадцати часов вечера. Если кто-то из придворных не ехал с нею туда, с него брали 50 рублей штрафа.

Она легко раздражалась, и тем, кто это раздражение вызвал, приходилось несладко. Особенно болезненно воспринимала чужой успех на придворных балах и маскарадах. В молодости она была так хороша собой, что не знала соперниц. С годами красота стала увядать, а при дворе появлялись все новые юные красавицы. Ей трудно было это пережить, а скрывать ревность не умела, да и не считала нужным.

Могла в ярости вырвать из прически придворной дамы (часто вместе с прядью волос, а то и с кожей) украшение, очень той шедшее, под предлогом, что терпеть не может таких причесок. Екатерина вспоминала:

В удовлетворении своих прихотей Елизавета, казалось, не знала границ, самодурствуя, как богатая барыня. В один прекрасный день императрице пришла фантазия велеть всем дамам обрить головы. Все ее дамы с плачем повиновались; императрица послала им черные, плохо расчесанные парики, которые они принуждены были носить, пока не отросли волосы. Вслед за этим последовал приказ о бритье волос у всех городских дам высшего света. Это распоряжение было обусловлено вовсе не стремлением ввести новую моду, а тем, что в погоне за красотой Елизавета неудачно покрасила волосы и была вынуждена с ними расстаться. Но при этом она захотела, чтобы и другие дамы разделили с ней печальную участь, чем и был вызван беспрецедентный указ.

Екатерине вторит французский дипломат Фавье, наблюдавший Елизавету Петровну в последние годы ее жизни:

В обществе она является не иначе как в придворном костюме из редкой и дорогой ткани самого нежного цвета, иногда белой с серебром. Голова ее всегда обременена бриллиантами, а волосы обыкновенно зачесаны назад и собраны наверху, где связаны розовой лентой с длинными развевающимися концами. Она, вероятно, придает этому головному убору значение диадемы, потому что присваивает себе исключительное право его носить. Ни одна женщина в империи не смеет причесываться, как она.

Спать государыня имела обыкновение в разных местах, так что никто заранее не знал, где она ляжет. Говорили, началось это с тех пор, как она сама ночью вошла в спальню Анны Леопольдовны и захватила власть. Видимо, боялась, как бы и с ней не случилось того же. Спать укладывалась не раньше пяти утра. Засыпая, любила слушать рассказы старух, которых ей приводили с улиц и площадей. Под их сплетни и сказки кто-нибудь чесал царице пятки, и она засыпала.

Когда спала, поблизости запрещалось ездить экипажам, чтобы стук колес не разбудил императрицу.

Летом, наигравшись в парке (Петергофском, Царскосельском, Гостилицком) со своими фрейлинами и утомившись, засыпала прямо на ковре, расстеленном на траве. Одна из фрейлин должна была веером отгонять мух, другие – стоять вокруг в мертвом молчании. И горе было тем, кто нарушит сон государыни! Петр Великий бил провинившихся дубинкой, в руке его дочери дубинку успешно заменял башмак.

Она панически боялась мертвецов и даже издала указ, запрещавший проносить покойников мимо ее дворцов. Никакие силы не могли заставить ее войти в дом, где лежал покойник. Говорить о смерти в ее присутствии было недопустимо – впрочем,

как и о Вольтере.

Была суеверна, безоговорочно верила разного рода приметам, гаданиям, пророчествам. Над этим можно было бы посмеяться, если бы не одно странное совпадение: накануне смерти императрицы Ксения Георгиевна Петрова (известная теперь как святая Ксения Блаженная, или Ксения Петербургская) ходила по городу и говорила: «Пеките блины, вся Россия будет печь блины!» (в России с давних пор существует обычай печь блины на поминки).

Я рассказываю о причудах Елизаветы Петровны вовсе не для того, чтобы позабавить читателей, а для того, чтобы они могли представить, как восприняла все это юная немецкая принцесса, воспитанная в среде, где господствовали рациональные начала. Удивлялась? Иронизировала? Осуждала? Наверное, всего понемногу. Но – и это главное – училась. Нет, не вести себя так, как Елизавета. Наоборот, усвоила твердо: чтобы не вызывать недовольства окружающих, пусть даже и тщательно скрываемого, нельзя насильно навязывать им свой ритм жизни; нельзя незаслуженно оскорблять. Никого! Она всегда будет приветлива и ровна со всеми – от фельдмаршала до лакея. «Благодарю», «пожалуйста», «прошу вас» не сходили с ее языка, к кому бы она ни обращалась.

Легко понять, почему слуги ее боготворили. Невозможно представить, чтобы она ударила по щеке даже нерадивую служанку: со стыдом и отвращением помнила, как Елизавета Петровна лупила по щекам придворных дам. Своим приближенным она тоже запретила избивать холопов, заслужив ропот первых (что ее мало заботило) и преданную любовь вторых (что удается редкому правителю). В общем, в отношении к людям Екатерина никогда не повторяла Елизавету. Но это касалось только внешних сторон поведения.

Нет никакого сомнения, что, затевая свержение Петра III, Екатерина использовала опыт Елизаветы, во всяком случае, наверняка была воодушевлена ее успехом. Мотив у обеих один: не быть постриженной в монахини, править самой. Да и детали совпадают: опора на гвардию и верного, смелого фаворита. Более того, Елизавета, любимая народом (не только как дочь Петра Великого, но и как государыня вполне гуманная), подготовила общество к появлению на троне еще одной «матушки-царицы».

Позаимствовала Екатерина у своей предшественницы и «институт фаворитизма». Правда, той и не снились масштабы, до которых довела его казавшаяся поначалу такой невинной скромницей Фике.

И еще один поступок Екатерины, жестокий, неженский, был с

точностью позаимствован у дочери Петра. Как Елизавета бестрепетно отняла у нее новорожденного сына, так и она отнимет первенца у второй жены своего сына Павла, Марии Федоровны. Мотиву обеих один, государственный: воспитать достойного наследника престола (обе были разочарованы в тех, кому вынуждены будут передать корону, одна – в племяннике, другая – в сыне). Только всегда ли цель оправдывает средства?

Отношения между этими двумя женщинами складывались непросто. Не будем забывать, что, отправляясь в Россию, тринадцатилетняя Фике имела три важнейших намерения, одно из которых – понравиться императрице Елизавете.

Вероятнее всего, слышала от Бецкого, что царица не проста: капризна, подозрительна. Но, встреченная тепло и радушно, шагнула навстречу будущей родственнице с открытой душой. Более того – восхитилась. Не только и не столько невиданной роскошью русского двора, сколько красотой и веселостью государыни. Екатерина сама нрав имела веселый и считала веселость обязательным свойством гения.

Иоганна Елизавета не сумела разглядеть за приветливостью и веселостью российской императрицы весьма решительный и жесткий характер, сочла ее доверчивой и простоватой. И начала с неуклюжей самоуверенностью выполнять поручение Фридриха Прусского: выведывать, вынюхивать, заводить многообещающие (на ее взгляд) знакомства. Елизавета быстро разобралась в мотивах бестактного поведения своей будущей родственницы, но до поры терпела: девочка ей нравилась все больше.

Окончательно княгиня Цербстская погубила себя в глазах императрицы, когда осенью опасно заболел наследник. Елизавета была в отчаянии, многие часы проводила у его постели. Екатерина искренне горевала о женихе, которого готова была полюбить и вовсе еще не подозревала, что скоро возненавидит. А ее матушка, даже из приличия не прикидываясь опечаленной, уже подыскивала дочери новую выгодную партию; переписывалась об этом с Фридрихом, почти открыто совещалась с прусским представителем при российском дворе бароном Мардефельдом. Этого Елизавета простить не могла. Дабы оградить дочь от пагубного влияния мамаши, она сразу после свадьбы отправит тещу своего наследника домой. Правда, соблюдая приличия, не преминет щедро одарить. Но въезд в Россию для Ангальт-Цербстской княгини будет закрыт навсегда.

Разлука с матерью не станет для Екатерины тяжелым ударом: они никогда не были близки. К тому же поведение Иоганны заставляло ее постоянно краснеть от стыда, невольно чувствовать себя виноватой перед Елизаветой Петровной. Тем более что та

начинала относиться к девочке с материнской нежностью, какой она никогда не видела от родной мамаши. И все-таки отъезд матери усугубил одиночество, Екатерина осталась в среде чуждой и не слишком доброжелательной. Приязнь, а уж тем более дружбу еще предстояло заслужить. Как ей, юной, неопытной, слишком доверчивой, слишком откровенной, преодолеть отчуждение искушенных в интригах придворных? Задача, казалось, непосильная. Но она понимала: если у нее не будет друзей и помощников, ей придется смириться с ролью безропотной тени наследника, которого уже считала ничтожеством. Это была не ее роль! И она начала действовать.

Первая задача – завоевать доверие и поддержку одного из самых влиятельных елизаветинских вельмож, генерал-фельдмаршала, государственного канцлера графа Алексея Петровича Бестужева-Рюмина (по непопулярной, но все же существовавшей версии – ее родного отца). Она всегда будет ставить перед собой самые трудные задачи, кажущиеся неразрешимыми. Простые ей всегда будут скучны.

Ее отношения с Бестужевым складывались самым неблагоприятным образом. Поначалу он сильно досаждал ей своими преследованиями. Виновата в этом была Иоганна Елизавета. Она, явившись ко двору, начала активно интриговать против Бестужева, который был непримиримым врагом Фридриха II. Могущественный канцлер без труда одержал верх и над не слишком умной интриганкой, и над всеми, кто готов был содействовать планам прусского короля. Но, вообразив, что Екатерина продолжит дело, столь бездарно начатое изгнанной из России матерью, отнесся к ней крайне сурово и постарался показать, сколь велико его влияние на императрицу.

По его наущению Елизавета Петровна приняла меры, лишившие жену наследника какой бы то ни было возможности участвовать в политике; приставила к ней надзирателей, супругов Чоглоковых, обязанных следить за каждым ее шагом. Стоило ей хоть немного сблизиться с кем-то из фрейлин или даже прислуги, как этих людей тут же удаляли от нее. Сослали в Казань ее верного камердинера Тимофея Евреинова, на его место назначили некоего Шкурина, который должен был (и попытался поначалу) доносить о каждом слове великой княгини. Но она (вот ее прелесть неизъяснимая в действии!) из доносчика сумела сделать самого преданного слугу, который будет ради нее рисковать имуществом и самой жизнью (об этом речь впереди).

Убрали ее первую горничную, немку Крузе, которой она полностью доверяла. На ее место прислали Прасковью Никитичну Владиславову. Ей тоже приказано было шпионить, но она стала

для великой княгини, а потом и императрицы, не только верной слугой, не только другом, но – и в этом ее особая роль в жизни Екатерины – своего рода мудрым проводником по русской жизни. Она была поистине кладезем знаний, которых не почерпнешь из книг, не узнаешь от самых образованных учителей; знаний, без которых Екатерине вряд ли удалось бы стать по-настоящему русской, научиться вести себя с разными людьми так безошибочно, что они убеждались: перед ними не заезжая немка, а своя, природная матушка-государыня.

Современники рассказывали, что Прасковья Никитична «знала все из жизни темной, и во многих отношениях недоступной, как закрытая книга: прошлое, включая мельчайшую подробность анекдотов (в те времена это слово употреблялось в ином смысле, чем сегодня; оно означало занимательные, любопытные истории из жизни. – И. С.), настоящее, включая малейшую новость города и двора. В каждом семействе она помнила четыре или пять поколений и рассказывала безошибочно все, что знала про родню, отца, мать, предков, двоюродных братьев отцовой и материной линии, восходящей и нисходящей». Все это очень пригодилось будущей государыне.

Но слуги слугами, а общения с людьми своего круга Екатерина была лишена абсолютно. Даже писать письма кому бы то ни было, в том числе и родителям, ей запретили.

Не отсюда ли потом, когда никто не смел ей что-либо запрещать, – такая страсть к переписке? Ей приходилось довольствоваться только подписью на письмах, которые за нее сочиняли в коллегии иностранных дел (ведомстве Бестужева). Одиночество становилось нестерпимым. Пройдет время, и она, в совершенстве выучив русский язык, будет часто употреблять народные пословицы и поговорки. Так вот, о сложившейся ситуации можно смело сказать: «Нет худа без добра». Лишенная общения со сколько-нибудь интересными людьми, она начала запоем читать. Книги отточили ее природный ум, сделали ее выдающимся политиком, дипломатом и отчасти философом. Плутарх, Вольтер, Гельвеций, Руссо, Монтескье – ее учителя. «Причины величия и упадка Римской империи» – ее настольная книга. Она готовилась. И никто не подозревал, какие мысли рождались в этой очаровательной головке.

Впрочем, «никто» – слово здесь неподходящее, потому что было по меньшей мере два человека, которые сумели оценить ее по достоинству. Это Иван Иванович Бецкой (он знал ей цену всегда – сам воспитывал) и Алексей Петрович Бестужев-Рюмин (он, опасаясь ее, приглядывался внимательно, а она делала все, чтобы он понял: у великой княгини незаурядные таланты, а

значит, если помочь, – большое будущее). Думаю, особенно задело и поразило Бестужева то, как она сумела привлечь на свою сторону его проверенных агентов, не только Шкурина и Владиславову, но и Чоглоковых. Мария Симоновна, урожденная графиня Гендрикова, родственница императрицы со стороны матери, Екатерины I, из злой надсмотрщицы превратилась в наперсницу. Ее супруг, Николай Наумович, камергер двора, безответно, но страстно влюбился в свою подопечную. Вероятно, именно канцлер первым заметил ее поразительную способность покорять даже недругов своим гипнотическим обаянием.

Делая ставку на Екатерину, Бецкой заботился прежде всего о ней. Бестужев больше думал о себе: приход к власти Петра Федоровича означал для него неизбежный конец карьеры, а может быть, и жизни: император, во всеуслышание заявлявший, что для него было бы большой честью служить у Фридриха Великого лейтенантом, никогда не простит канцлеру его многолетнюю, упорную антипрусскую политику. И Бестужев делает ставку на Екатерину. Воспользовавшись неприязнью Елизаветы Петровны к племяннику, он начинает исподволь готовить ее к мысли назначить наследником престола малолетнего Павла Петровича, которого императрица нежно любит, а регентшей – Екатерину Алексеевну. Ему и графу Никите Ивановичу Панину, обер-гофмейстеру и наставнику Павла, идея эта нравится чрезвычайно: молодая женщина станет прекрасной исполнительницей их воли. Скажу сразу, оба они, мудрые, искушенные политики, просчитаются. Она всегда будет послушна только своей воле.

Но пока Бестужев налаживает и укрепляет отношения с великой княгиней и дает понять иностранным дипломатам, что Петр Федорович «царствовать не будет» или процарствует очень недолго по причине своей крайней неспособности к управлению могущественной Российской империей. А вот на его супругу стоит обратить самое серьезное внимание. И обращают. И начинают ценить. И ищут благосклонности. Тем более что здоровье Елизаветы Петровны с некоторых пор вызывает опасения.

В это время идет Семилетняя война. Генерал-фельдмаршал Степан Федорович Апраксин, победитель в битве под Гросс-Егерсдорфом, покоритель Мемеля, вдруг неожиданно отступает. Его и канцлера, отдавшего тайный приказ об отступлении, обвиняют в государственной измене и отдают под суд. Нелепость обвинения очевидна: люди, всю жизнь боровшиеся против Фридриха, не могли переметнуться на его сторону. Настоящая причина «загадочного отступления» в том, что Бестужев,

напуганный участившимися припадками императрицы (есть основания предполагать, что она страдала эпилепсией) и опасавшийся ее неожиданной кончины, был обеспокоен будущим России. Основания для этого были более чем серьезные: наследник престола – друг и поклонник врага. После воцарения Петра III эти опасения подтвердятся. Бестужев, предвидя уступки будущего монарха своему кумиру, хотел иметь армию и Апраксина поближе к границам России. Но как объяснишь это Елизавете? Придется признаться, что боишься ее смерти. А это, при ее мнительности, хуже любого предательства.

Подозрения пали и на Екатерину. Еще бы – немка! Уж не она ли склонила канцлера и фельдмаршала к измене?! Дружеские связи великой княгини с Бестужевым – ни для кого не секрет. Екатерина в панике. О переписке, касающейся «загадочного отступления», она даже не подозревала, так что вроде бы опасаться нечего. Но в бумагах канцлера во время обыска могли найти написанный ими вместе «проект о престолонаследии»… Им обоим пришлось преодолеть множество преград, чтобы он сумел известить ее: «все сожжено». Бестужев не выдал Екатерину ни в чем: кроме требований уличить ее в соучастии с «государственными изменниками» от него добивались еще и показаний о ее отношениях с Понятовским (об этих отношениях мне еще предстоит рассказать).

Казалось бы, раз все сожжено, опасность миновала. Она верит: Бестужев, ее учитель и руководитель в темной и запутанной области дипломатии и дворцовых интриг, не выдаст ее ни под какими пытками. Но она окружена сетью шпионов и соглядатаев. Императрица продолжает на нее гневаться, хотя бы за дружбу с Бестужевым, совершенно забывая, что сама еще вчера полностью ему доверяла. Петр ненавидит ее ничуть не меньше, чем она его. К тому же у него есть фаворитка, Елизавета Романовна Воронцова, готовая заменить ее в роли законной супруги. Положение невыносимо тяжкое, по мнению врагов, – безвыходное. Но им еще только предстоит узнать, на что способна эта молодая женщина, иногда кажущаяся такой беззащитной…

28 февраля 1758 года она пишет Елизавете письмо. Нежное, почтительное. Благодарит императрицу за все милости, ею оказанные, горько сожалеет, что этих милостей не заслужила, «потому что навлекла на себя только ненависть великого князя и явную немилость ее величества», ввиду чего просит «прекратить ее невзгоды, отправив ее к родителям». Елизавета – женщина. Тон письма – печальный, но смелый – произвел на нее впечатление. Она вознамерилась лично встретиться с великой княгиней. Однако встреча эта произошла только 13 апреля:

недоброжелатели Екатерины уговаривали царицу отложить свидание в надежде, что им еще удастся заставить Бестужева оговорить великую княгиню. Но тот ни слова, способного повредить Екатерине, не сказал, и в итоге был сослан и лишен всех званий и состояния. Забегая вперед, скажу, что сразу по восшествии на престол Екатерина II прикажет с почестями доставить своего учителя (и спасителя) ко двору и вернет ему все потерянное. Не получит он только одного, о чем мечтал, главного – права управлять новой императрицей.

А тогда у великой княгини уже не оставалось душевных сил ждать, и она прибегла к последнему средству: заболела, вернее, притворилась больной и приказала позвать своего духовника, Федора Яковлевича Дубянского (он был не только священником, но и искушенным царедворцем, к тому же духовником и Елизаветы Петровны). После исповеди и последовавшей за ней беседы Дубянский отправился к императрице, дождался ее пробуждения и переговорил с ней так убедительно, что она, наконец, назначила встречу.

Встреча эта имела для Екатерины значение решающее: Елизавета окончательно с великой княгиней не примирилась, но вынесла из беседы твердое убеждение: «великая княгиня очень умна, а великий князь очень глуп». Второе свидание произошло через полтора месяца и окончательно оправдало Екатерину в глазах государыни. Более того, откровенность и крайне непривлекательная картина личной жизни наследника, на которую великая княгиня не пожалела красок, побудили Елизавету Петровну задуматься о будущем своей империи и возложить надежды на одну Екатерину.

Кавалер Д'Эон де Бомон, известный международный авантюрист и мистификатор, агент Людовика XV при дворе Елизаветы Петровны, видел великую княгиню вскоре после этих событий. Был он (а возможно, она) личностью весьма наблюдательной и проницательной. Вот его впечатления о будущей великой государыне:

…Пылкая, страстная, романтическая натура; у нее блестящие зачаровывающие глаза, глаза дикого животного; лоб высокий, и, если не ошибаюсь, на нем начертано долгое и страшное будущее. Она предупредительна, приветлива, но когда подходит ко мне, я безотчетным движением отступаю назад: она наводит на меня страх.

Через 20 лет Екатерина напишет нечто вроде отчета перед собственной совестью, который странно перекликается с впечатлениями знаменитого авантюриста:

Если мой век боялся меня, то был глубоко неправ. Я никому и

никогда не хотела внушать страха; я желала бы быть любимой и уважаемой по заслугам, и более ничего. Я всегда думала, что на меня клевещут, потому что меня не понимают. Я часто встречала людей, бывших бесконечно умнее меня. Я никогда никого не презирала, не ненавидела.

Мое желание и мое удовольствие были – сделать всех счастливыми… быть может, я слишком много взяла на себя, считая людей способными сделаться разумными, справедливыми и счастливыми. Я ценила философию, потому что моя душа была всегда истинно республиканской. Я согласна, пожалуй, что подобное свойство души составляет страшный контраст с моею неограниченною властию… Что касается моей политики, то я старалась следовать тем планам, которые казались мне самыми полезными для моей страны и наиболее сносными для людей. Если бы я узнала другие – лучшие, я применила бы их. Если мне и платили неблагодарностью, то по крайней мере никто не скажет, что я сама была неблагодарной. Часто я мстила своим врагам тем, что делала им добро или прощала их. Человечество вообще имело во мне друга, которого нельзя было уличить в измене ни при каких обстоятельствах.

Но до этого было еще очень далеко. Еще никто не знал, что она станет самодержавной государыней (верила только она сама). Пока на троне – Елизавета Петровна. Она не единожды обсуждала с близкими план провозглашения наследником Павла Петровича, а регентшей – его матери. Но так и не решилась. Не потому, что сомневалась, – мешал панический страх перед смертью. Казалось, стоит принять какие-то меры, связанные с кончиной, – накликаешь беду. И если бы она сделала то, что задумала, все сложилось бы по-другому. Во всяком случае, Петра Федоровича не было бы нужды убивать. Впрочем, Екатерину едва ли устроила бы роль регентши. Тем более что с сыном у нее не было не только душевной близости, но даже простого взаимопонимания.

Вообще все, связанное с сыном, от самого его рождения, даже от зачатия, – горько, безрадостно и таинственно. Началось с того, что ей никак не удавалось выполнить ту главную задачу, во имя которой ее привезли в Россию, – родить наследника.

21 августа 1745 года состоялась необычайно пышная свадьба 16-летней девочки, уже почти год назад превратившейся из Фике в великую княжну Екатерину Алексеевну, и семнадцатилетнего Петра Федоровича. Вот что рассказывала Екатерина о своей первой брачной ночи:

Дамы меня раздели и уложили между девятью и десятью часами… Все удалились, и я осталась одна больше двух часов, не зная, что мне следовало делать: нужно ли было вставать или

оставаться в постели. Наконец Крузе, моя новая камер-фрау, вошла и сказала очень весело, что великий князь ждет своего ужина, который скоро подадут. Его Императорское Высочество, хорошо поужинав, пришел спать, а когда лег, он завел со мной разговор о том, какое удовольствие испытал бы один из его камергеров, если бы увидел нас вдвоем в постели. После этого он заснул и проспал очень спокойно до следующего дня… Когда рассвело, дневной свет показался мне очень неприятным в постели без занавесов, поставленной против окон, хотя и убранной с большим великолепием розовым бархатом, вышитым серебром. Крузе захотела на следующий день расспросить новобрачных, но ее надежды оказались тщетными; и в этом положении дело оставалось в течение десяти лет без малейшего изменения.

В своих «Записках» Екатерина приводит множество фактов, убеждающих, что причиной этих странных отношений был Петр. Он был ребенком, а не пылким юношей.

Великий князь ложился после ужина, и как только мы были в постели, Крузе запирала дверь на ключ, и тогда великий князь играл до часу или двух ночи; волей-неволей я должна была принимать участие в этом прекрасном развлечении, как и Крузе. Часто я над этим смеялась, но еще чаще меня это изводило и беспокоило, так как вся кровать была покрыта куклами и игрушками, иногда очень тяжелыми…

Едва ли найдется много женщин, способных выдержать такое. Екатерина терпит. Поначалу не вполне понимает, что происходит. Она ведь, как и муж, тоже совсем ребенок. Потом, после того, как ее муж станет волочиться буквально за каждой юбкой и страстно описывать жене прелести очередной своей избранницы, она начнет винить себя: недаром же матушка с детства уверяла ее, что она некрасива и ей трудно будет подыскать мужа. И она робко попытается проверить, как действуют ее чары на других молодых людей. Убеждается: действуют.

Пример тому – братья Чернышевы. В связи с одним из них, Андреем, ее подозревают, подвергают допросам, но, так и не добившись признания, начинают обвинять в близости со вторым братом, Захаром. Она упорно утверждает, что отношения с Чернышевыми – невинная дружба. Они столь же упорно это подтверждают. Ей не верят. Не верят современники. Это понятно: нравы при дворе Елизаветы Петровны весьма свободные, трудно представить, чтобы молодая женщина, которую игнорирует муж, обошлась без любовника.

Не верят и те, кто тщательно изучал ее жизнь (почему-то с особым пристрастием – интимную, а не жизнь души, не взгляды, даже не дела) в течение двух веков, прошедших после ее смерти.

Почему не верят – понять затруднительно. Одно дело, если бы она была вообще склонна скрывать свои увлечения. Но ведь она вполне откровенно рассказывает о романах и с Салтыковым, и с Понятовским (пока речь только о любовниках, а не о фаворитах, отношения с которыми она не только не скрывала, но подчеркнуто демонстрировала). Почему же ее вдруг одолевает стыдливая скрытность, когда дело касается Чернышевых? Я убеждена: она говорила правду. В то время, когда она флиртовала с братьями (да, флиртовала, кокетничала и это того не скрывала), она еще не была готова к физической измене мужу. Она вообще в интимных отношениях еще ничего не понимала.

Более того, она заверяла: «Если бы великий князь пожелал быть любимым, то относительно меня это вовсе было нетрудно; я от природы была наклонна и привычна к исполнению своих обязанностей». И в этом ей тоже нельзя не поверить, если вспомнить, какое воспитание получали немецкие принцессы, которых от рождения готовили в послушные жены маленьких или больших, но монархов.

Бестужев, составляя инструкции для будущей гувернантки Екатерины, требует (в целях скорейшего обеспечения престолонаследия!):

Великой княгине должно быть предложено применяться более покорно, чем прежде, ко вкусам своего мужа, казаться услужливой, приятной, влюбленной, пылкой даже в случае надобности, употреблять, наконец, все свои посильные средства, чтобы добиться нежности своего супруга и выполнить свой долг.

Но мудрый канцлер, понявший, что она может только казаться влюбленной, а вовсе не любить своего малопривлекательного супруга, глубоко заблуждается, советуя ей «употреблять все посильные средства». Он не понимает, что эта девочка просто еще не знает таких средств – она ребенок. Опытный человек должен бы понять: чем давать девочке невыполнимые советы, лучше разобраться в истинных причинах поведения великого князя. А, как стало известно почти через полтора столетия после описываемых событий (узкому кругу было известно с самого начала), причина была, причем самая заурядная: заболевание, вернее порок развития, именуемый фимозом, достаточно часто встречающийся и легко устранимый.

В 1758 году один из руководителей международного ведомства Франции Шампо писал своему посланнику в Петербурге маркизу Опиталю:

Великий князь, не подозревая этого, был неспособен иметь детей от препятствия, устраняемого у восточных народов обрезанием, но которое он считал неизлечимым. Великая

княгиня, которой он опротивел, и не чувствующая еще потребности иметь наследников, не очень огорчалась этим злоключением…

Вторил ему и другой дипломат, посланник Кастера:

Стыд этого несчастья, которое его удручало, был таков, что он не имел даже храбрости признаться в нем. А великой княгине, принимавшей его ласки лишь с отвращением и опытной не более его, и в голову не приходило ни утешить его, ни заставить искать средства, которые возвратили бы великого князя в ее объятия.

«Опротивел», «отвращение» – эти слова, написанные людьми осведомленными, наблюдательными, но не самыми близкими к великокняжескому семейству, свидетельствуют о том, что отношения между супругами не были тайной. А это значит, что немало молодых искателей приключений могли пытаться заслужить расположение Екатерины. В самом деле, не может же молодая женщина в течение стольких лет оставаться одна!

Как утверждает молва и подтверждает сама Екатерина, «победителем» оказался Сергей Салтыков, камергер великокняжеского двора, принадлежавший к одному из самых знатных семейств России. По словам Екатерины, он был «прекрасен, как день». Трудно сказать, как далеко зашли их отношения к тому моменту, когда Елизавете Петровне, озабоченной тем, что великая княгиня никак не может родить наследника, доложили, что напрасно она надеется на появление внука: супружеских отношений между Петром и Екатериной не существует. И это несмотря на то, что по ее приказу они каждую ночь проводят в общей постели! Императрица в отчаянии. Ей нужен наследник! Настоящий, а не этот голштинский урод! Она умоляет Бестужева что-нибудь придумать.

Поговорить с Екатериной на столь щекотливую тему канцлер поручает Чоглоковой, преданной ему хранительнице как добродетели великой княгини, так и чести великого князя. В свете этой миссии, которую Чоглокова старательно выполняла уже не первый год, ее разговор с великой княгиней выглядит особенно пикантно. Высоконравственная дама объяснила своей подопечной, что бывают случаи, когда государственные причины обязывают отрешиться от личных соображений, даже от законного и в любых других случаях похвального желания супруги оставаться верной своему мужу. Тем более, если муж оказывается неспособным обеспечить престолонаследие, а значит, и спокойствие государства.

В заключение Чоглокова прямо потребовала сделать выбор между Сергеем Салтыковым и Львом Нарышкиным (что было весьма гуманно: предлагали не кого попало, а молодых людей, с

которыми великая княгиня была дружна). Чоглокова была уверена, что Екатерина выберет Нарышкина. Та запротестовала. «Тогда пусть будет другой!» Екатерина промолчала.

Итак, выбор сделан. Теперь Бестужев может поговорить с избранником. Салтыков понял его с полуслова. Самое распространенное мнение, будто задолго до этих разговоров он уже состоял в «преступной» связи с великой княгиней, будто (какое счастливое совпадение!) как раз в это время Екатерина почувствовала первые признаки беременности. Нужно было срочно заставить Петра Федоровича вступить наконец в близкие отношения со своей законной женой и тем самым скрыть истину.

Салтыков, по словам самой Екатерины, был «настоящий демон интриги». Он немедленно взялся задело. Как? Об этом рассказывает господин Шампо:

Салтыков тотчас же стал придумывать способ убедить великого князя сделать все, что было нужно, чтобы иметь наследников. Он разъяснил ему политические причины, которые должны бы были его к тому побудить. Он также описал ему и совсем новое ощущение наслаждения и добился того, что тот стал колебаться. В тот же день Салтыков устроил ужин, пригласив на него всех лиц, которых великий князь охотно видал, и в веселую минуту все обступили великого князя и просили его согласиться на их просьбы. Тут же привели хирурга – и в одну минуту операция была сделана и отлично удалась. Салтыков получил по этому случаю от императрицы великолепный брильянт.

Здесь возникают весьма серьезные противоречия между источниками информации, которыми мы располагаем. Казалось бы, Елизавета сама санкционировала связь невестки с Салтыковым: ей нужен наследник! Любой ценой! «Записки» Екатерины это косвенно подтверждают: немыслимо вообразить, что Чоглокова без повеления императрицы решилась бы сделать великой княгине столь рискованное предложение. Значит, Елизавета знает, что ее распоряжение выполнено: Екатерина вступила в незаконную связь с Сергеем Салтыковым. Так почему же самым резким тоном требует, чтобы, как только великий князь выздоровеет настолько, чтобы жить со своей женой, ей предъявили доказательства того состояния, в котором великая княгиня должна была оставаться до сего времени? Что это, демонстрация, рассчитанная на публику, которая должна быть уверена: великая княгиня невинна; будущий ребенок, без всякого сомнения, – отпрыск Петра Федоровича? Или все, рассказанное Екатериной про разговор с Чоглоковой, который был не чем иным, как лишь слегка замаскированным сводничеством, – ложь? Но зачем ей было лгать? Для спасения собственной репутации?

Но это ее никогда особенно не заботило. Более того, в «Записках» она вполне определенно намекает, что отцом ребенка был Салтыков. Непонятно, тем более что доказательство невинности великой княгини Елизавета получила.

Свидетельствует Шампо:

Между тем наступило то время, когда великий князь мог жить с великой княгиней. И так как, будучи задет словами императрицы, он пожелал удовлетворить ее любопытство в интересовавших ее обстоятельствах – и утром после брачной ночи отослал государыне в собственноручно запечатанном ларце доказательства благоразумия великой княгини, которые Елизавета желала видеть (понятно, что речь идет о каплях крови на простыне. – И. С.).

Способы получить такие доказательства женщины знали с древности, обмануть совершенно неопытного в этом отношении Петра Федоровича было нетрудно, тем более что он наверняка поверил в невинность супруги, иначе, учитывая их, мягко говоря, не слишком нежные отношения, не стал бы выгораживать ее перед тетушкой. Но ведь можно предположить и другое: доказательства были подлинными, до той ночи интимных отношений с другими мужчинами у Екатерины не было. Загадка.

К слову сказать, многие писавшие о Екатерине обвиняют ее в том, что она в своих «Записках» злонамеренно исказила светлый образ своего супруга, изобразив его виновником их неудавшегося брака и тем самым оправдывая его незаконное свержение и убийство. Главная «улика» против Екатерины – противоречия в ее рассказах о Петре. Мол, то она рисует его импотентом, то – ловеласом, не пропускающим ни одной юбки. Из этого противоречия (мнимого!) следует вывод: и то и другое – ложь. Трудно допустить, что историки не знают о заболевании Петра и о его излечении: сведения эти с последней четверти XIX в. были вполне доступны исследователям. Просто эту информацию игнорируют. Если ее учитывать, все написанное Екатериной получает подтверждение: до обрезания Петр – импотент, после – ловелас (наверстывает упущенное). Значит, если главный аргумент сомневающихся в правдивости «Записок» ложен, воспоминаниям Екатерины все же можно доверять?

Но вернусь к году 1754, десятому году пребывания бывшей Ангальт-Цербсгской принцессы на русской земле. Наконец-то она после долгих злоключений родила сына, будущего наследника российского престола. Этот день мог быть счастливым, каким он и становится для большинства женщин. Но ее лишили этого счастья. Потом большинство исследователей будут вскользь отмечать (сочувствуя бедному Павлу), что у нее не было развито

материнское чувство. Неудивительно. Роды были очень тяжелыми. Но это материнских чувств обычно не убивает. Дело в другом. Как только новорожденного обмыли, присутствовавшая при родах Елизавета унесла мальчика к себе и показала его матери только через шесть недель, и то всего на несколько минут. Екатерину лишили самого первого, рождающего взаимную любовь, контакта с сыном, что не могло не подействовать на ее психику, как бы она ни гордилась тем, что нервы у нее железные.

Самое страшное началось после того, как императрица покинула комнату роженицы. За Елизаветой последовали все. Молодая мать осталась одна. Никто не принес ей даже стакана воды. За стенкой пировал «счастливый отец». Она слышала пьяные крики, пыталась позвать на помощь. Никто не отозвался. Не слышали или ждали, когда она умрет?

Тайком заглянула искренне любившая Екатерину Владиславова. Воды не подала, на просьбу перенести ее в спальню из комнаты, в которой гулял жуткий сквозняк, ответила шепотом, приложив палец к губам: «Не велено». Екатерина должна была умереть: сделала свое дело, родила желанного наследника – больше не нужна. Она очень хорошо поняла это в те дни, когда была между жизнью и смертью. И никогда не забыла. Об этом не мешало бы помнить и тем, кто обвиняет ее в жестоком отношении к мужу.

Ее спасли не врачи – спасла воля к жизни. Может быть, и та кровь – русская кровь, – которая, возможно, в ней текла. Будь она послабее, не поднялась бы. И история России была бы другой.

Когда выяснилось, что она сумела победить болезнь, молодой матери на золотом подносе принесли указ императрицы, которая дарила ей 100 000 рублей и некоторые драгоценности. Ей платили за муки. Сделали это не сразу по простой причине: может, не выживет – и платить не придется. Правда, драгоценности были такие, что Екатерина уверяла, будто ей стыдно было бы подарить их и своей горничной. А вот деньги порадовали: у нее накопилось много долгов. Только радовалась рано: через несколько дней казначей ее величества попросил отказаться от денег. Дело в том, что Петр, узнав о полученной ею сумме, пришел в ярость: ему должны заплатить не меньше! Елизавета приказала удовлетворить требование племянника. А вот денег в казне не оказалось. Ни копейки. История сама по себе достаточно примечательная. Но есть в ней и не лежащий на поверхности смысл. Почему Петр так нагло требовал денег за рождение сына? Был уверен в своих заслугах, в том, что он действительно отец? Или шантажировал тетушку, угрожая рассказать о своей непричастности – открыть незаконность

новорожденного? Опять загадка.

Вообще ребенок Екатерины – одна из самых трудноразрешимых (хотя при современных возможностях науки все-таки разрешимых) загадок истории царской династии, а значит, и истории России. Существует четыре версии происхождения Павла Петровича Романова. Согласно первой, официальной, но не вызывающей доверия у большинства исследователей, его отец – законный супруг Екатерины, внук Петра Великого, Петр Федорович, будущий император Петр III. Самый серьезный аргумент «за» – редкое сходство Павла с Петром, не столько внешнее, сколько психологическое, нравственное. Из этого следует, что все последующие российские государи (а все они – прямые потомки Павла) – Романовы.

По второй версии, отец Павла – Сергей Салтыков. Именно у этой версии больше всего сторонников, тем более что она почти прямо подтверждена самой Екатериной. Правда, ее противники недоумевают: как у весьма привлекательной Екатерины и признанного красавца Салтыкова мог родиться такой сын? На это можно было бы ответить, как через 45 лет после рождения Павла на подобный вопрос, заданный уже им самим, ставшим императором, относительно внешности своей первой внучки ответила графиня Шарлота Карловна Ливен: «Господь всемогущ». А можно вспомнить старшего брата Сергея Салтыкова, Петра. Он был курнос до безобразия. Выходит, курносость в роду Салтыковых присутствовала. Но если отец – Салтыков, значит, ни в одном российском императоре после Петра III не было ни капли крови Романовых.

Третья версия, не имея много сторонников, все же повторялась из века в век. Будто бы Екатерина родила мертвого ребенка, а так как ждать появления наследника Елизавета Петровна больше не желала, то был послан курьер, чтобы срочно найти новорожденного. И нашел. В пригородной деревушке, в семье бедного чухонца. Заплатил родителям деньги, каких те никогда не видывали, и привез ребенка императрице. Главный аргумент сторонников этой версии – внешность Павла. А еще – равнодушие к нему Екатерины. Будто чувствовало сердце, что это не ее сын. В этом случае, как и в предыдущем, все наши цари – не Романовы.

Четвертая версия, пожалуй, самая невероятная. Будто бы Павел был сыном самой Елизаветы, которая подменила его на ребенка, рожденного Екатериной. В пользу этой версии говорит прежде всего то, что Елизавета сразу отняла новорожденного у матери, а также ее страстная, экзальтированная любовь к мальчику. Если принять эту версию, то все российские государи –

прямые потомки Петра Великого, Романовы.

Вторая и третья версии крайне невыгодны царствующему дому. Первая стала официальной. Четвертая могла сгодиться на всякий случай. Неблаговидный поступок дочери Петра можно простить, зато незыблемым остается главное: бессменность династии Романовых. Недаром было предпринято все, чтобы «Записки» Екатерины не увидели света. Их удалось опубликовать только в конце XIX века, на закате империи.

А вот Екатерина предпочитала вторую версию. Почему не промолчала о связи с Салтыковым, ведь эта связь – пятно на ее репутации? Может быть, просто проговорилась в порыве откровенности? Нет. Слишком серьезна тема, слишком умна Екатерина. И дело не в репутации. Это для нее – пустое. Дело в праве на власть. Ей выгодно было, чтобы все знали: Павел – вовсе не сын покойного законного императора и потому никакого права наследовать тому не имеет. Сын может наследовать только ей, матери. Она становится основоположницей династии!

А Салтыков просто выполнил свою функцию. Она его едва ли любила. Просто пришло время стать женщиной, просто он был настойчив и очень красив. Ситуация вполне обычная. К тому же ее призвали таким, не самым противным способом решить задачу государственной важности!

Оправившись после родов, она узнала, что Салтыкова отослали в русское дипломатическое представительство в Швеции. Встретила это известие спокойно: у нее по-прежнему нет мужа, у нее отняли ребенка. По сравнению с этим потеря не любимого, а всего лишь любовника – мелочь.

Зато никто не может отнять у нее самых мудрых, самых любимых собеседников и советчиков – книг. И она читала с упоением, погружаясь в мир высоких идей, удивительных, неожиданных, смелых мыслей. Это было время ее стремительного интеллектуального и нравственного взросления.

К тому же после рождения сына надзор за великой княгиней был несколько смягчен, у нее появилась хоть какая-то возможностей общаться с людьми, которые были ей интересны. Вот тогда-то и встретила она свою первую любовь. Это был граф Станислав Август Понятовский, польский аристократ, неотразимо элегантный, изысканно красивый, блестяще образованный, желанный гость знаменитого парижского салона мадам Жоффрен (с ней Екатерина, уже став императрицей, будет вести оживленную переписку). Будущий король Польши пока был всего лишь сотрудником английской дипломатической миссии в Петербурге, правой рукой (не по должности, а по существу) нового британского посланника сэра Чарльза Хенбери Уильямса.

А если называть вещи своими именами – доверенным лицом английской разведки.

В то время Англия, в связи с осложнениями в отношениях с Францией, была крайне заинтересована в укреплении сотрудничества с Россией. Уильямсу было необходимо заручиться поддержкой при петербургском дворе. Поначалу все его попытки сблизиться с кем-то, кто может оказаться полезным, оказывались безуспешными. Изучив расстановку сил, он понял: самая перспективная фигура – жена наследника престола. Заметив красноречивые взгляды, которыми обменивались его сотрудник и великая княгиня, Уильямс способствовал их более близкому знакомству.

Через много лет Понятовский вспоминал:

Ей было двадцать пять лет. Оправляясь от первых родов, она расцвела так, как об этом только может мечтать женщина, наделенная от природы красотой. Черные волосы, восхитительная белизна кожи, большие синие глаза навыкате, многое говорившие, очень длинные черные ресницы, острый носик, рот, зовущий к поцелую, руки и плечи совершенной формы, средний рост – скорее высокий, чем низкий, походка на редкость легкая и в то же время исполненная величайшего благородства, приятный тембр голоса, смех, столь же веселый, сколь и нрав ее, позволявший ей с легкостью переходить от самых резвых, по-детски беззаботных игр – к шифровальному столику, требующему напряжения физического… Глядя на те, забываешь, что есть на свете Сибирь.

Стесненное положение, в каком она жила с того времени, что вышла замуж, а также отсутствие общества, хоть сколько-нибудь соответствующего ее развитию, пристрастили ее к чтению. Она многое знала. Она умела приветить, но и нащупать слабое место собеседника. Уже тогда, завоевывая всеобщую любовь, она торила себе дорогу к трону, занимаемому ею теперь с такой славой.

Достаточно было нескольких встреч, чтобы между молодыми людьми вспыхнула любовь. Первая. Для нее – наверняка. Он уверял, что и для него тоже (впрочем, он-то ее не разлюбит никогда). Как ей было с ним интересно! Можно было говорить обо всем, о самых сложных философских материях, и он – понимал. Их взгляды на мир совпадали, а если не совпадали, как увлекательно было спорить, доказывать свою правоту! Она с раздражением (больше – на себя) вспоминала свой недавний роман с Салтыковым. С тем говорить было совершенно не о чем, разве что обсуждать придворные сплетни. А теперь! Какое это было прекрасное совпадение взаимопонимания и страсти. Она впервые в жизни чувствовала себя счастливой.

Правда, трудно сказать, знала ли она об особой миссии, которую возложили на ее возлюбленного его родственники, самые могущественные в то время в Польше вельможи, братья Чарторийские (в других, достаточно широко принятых транскрипциях, – Чарторыйские или Чарторыжские). Воспользовавшись пребыванием племянника при северном дворе, они поручили начинающему дипломату защищать интересы Польши, как они их понимали. А суть их политики состояла в отказе от традиционных связей с республиканской Францией и установлении «сердечного согласия» с враждебной Россией. Это превосходно согласовывалось с целями, которые преследовала английская дипломатия. Так что любовь любовью, но забывать о политических интересах двух держав Понятовскому не позволили бы ни родственники, ни английский посланник. Понимала ли Екатерина, что невольно служит источником информации? А если понимала, обсуждала ли с ним только то, что считала возможным и нужным довести до сведения иностранцев? Думаю, именно так она и поступала. А вот омрачало ли это ее чувство к Станиславу Августу? В ее «Записках» об этом ни слова.

Эта любовная история достойна романа в духе старшего Дюма. Здесь и тайные встречи, и зашифрованные имена, и переодевания, и побеги, и погони, и ночные прогулки по опасному, темному городу, и международные политические интриги, заложниками которых становились влюбленные. Но Екатерина – уже не наивная девочка, которая не видела греха в открытом кокетстве, за которым не стояло ничего предосудительного. Жизнь ее научила скрывать все, что она хотела скрыть. И она вела себя так, что долго никто не мог ничего заподозрить. Но однажды…

Отступление об отношении к домашним животным

«После обеда я повела оставшуюся у меня компанию, не очень многочисленную, посмотреть внутренние покои великого князя и мои. Когда мы пришли в мой кабинет, моя маленькая болонка прибежала к нам навстречу и стала сильно лаять на графа Горна, но когда она увидела графа Понятовского, то я думала, что она сойдет с ума от радости. Так как кабинет мой был очень мал, то кроме Льва Нарышкина, его невестки и меня никто этого не заметил, но граф Горн понял, в чем дело, и когда я проходила через комнаты, чтобы вернуться в зал, граф Горн дернул за рукав и сказал: „Друг мой, нет ничего более предательского, чем маленькая болонка; первая вещь, которую я делал с любимыми мной женщинами, заключалась в том, что дарил им болонку, и через нее я всегда узнавал, пользовался ли у них кто-нибудь большим расположением, чем я“.»

Так, вполне откровенно и не без самоиронии, вспоминала Екатерина II о том, как, еще будучи великой княгиней, принимала летом 1756 года в летней резиденции в Ораниенбауме тогдашнего секретаря английского посольства графа Понятовского и посланника шведского короля графа Горна.

Цитирую эту пикантную историю не для того, чтобы подтвердить свой рассказ о том, что будущую императрицу и будущего короля (ставшего таковым исключительно по ее воле) связывала в то время близость, а исключительно для того, чтобы рассказать об отношении Екатерины к домашним животным. Это поможет многое понять в ее характере.

О лошадях подробно писать не стану: все Романовы, и мужчины, и, начиная с Анны Иоанновны, женщины тоже, были прекрасными наездниками и к лошадям относились с трогательной заботливостью. А вот отношение к собакам и кошкам постепенно эволюционировало.

Похоже, у нас все начинается с Петра. Первый – он во всем первый. Именно он привез из Голландии первого кота и поселил его в первом своем Зимнем дворце. Он настолько обожал своих собак, дога Тиграна и левретку Лизетту, что приказал их забальзамировать. Этот человек, обладавший не самым мягким характером, подверженный приступам неудержимой ярости, ни разу в жизни не обидел ни одно животное.

Второй и тут была Екатерина. Ее всегда окружали собаки. Особенно она любила левреток и болонок, подтверждая тем

самым мнение современных психологов, что люди сильные, самодостаточные, предпочитают маленьких собачек, а одержимые комплексами, прежде всего комплексом неполноценности, выбирают псов больших и свирепых.

Первых левреток ей привез из Лондона в 1770 году доктор Димсдаль, прославившийся тем, что сделал первые в России прививки оспы (государыне и ее сыну). С тех пор она держала их около полудюжины, а иногда и больше. Эти маленькие, изящные борзые были любимцами коронованных особ Европы, куда попали когда-то из древних Египта и Рима, а много позднее были завезены и в Россию, где и получили имя «левретка», что по-французски означает «игрушка ветра». Спали любимцы Екатерины рядом с ее кроватью на розовых атласных матрасах, обшитых кружевами. О том, что императрица вышла гулять, оповещал звонкий лай бегавших рядом с ней собак. Слышен он был в самых отдаленных уголках парка.

В письме Гримму Екатерина писала: «Я всегда любила животных. Животное имеет гораздо более ума, нежели это предполагают. И если оно когда-нибудь имело бы право говорить, так это – Сир Том Андерсон (родоначальник семейства любимых левреток царицы. – И. С.). Ему нравится общество, в особенности общество его собственной семьи. Он выбирает из каждого нового выводка самых умных и забавляется с ними; он их воспитывает, заставляет усваивать свой нрав, свои привычки. В дурную погоду, когда каждая собака чувствует наклонность ко сну, он не ест и не дает есть менее опытным. Если находит что-нибудь забавное – он занимает их; если находит траву, полезную для их здоровья, – ведет их к ней. Вот сколько признаков ума, которые я сто раз наблюдала».

В другом письме она рассказывала Гримму, что присланные им перчатки валяются на диване «и забавляют внуков Сира Тома Андерсона и в особенности Лэди Андерсон, которая в свои пять месяцев представляет из себя маленькое чудо и соединяет в этом возрасте все добродетели и пороки своей знаменитой породы. Она уже сейчас рвет все, что находит, всегда бросается и хватает за ноги всех, кто входит в мою комнату; охотится за мухами, птицами, оленями и тому подобными животными вчетверо больше ея и одна производит больше шума, чем все ея братья, сестры, тетка, отец, мать, дед и прадед вместе взятые. Это полезная движимая собственность в моей комнате, так как она забавляется всякими пустяками, которые следует унести из моей комнаты, не нарушая обычного течения моей жизни».

Она восхищалась проказами своих любимцев: «Вы меня извините, что вся предыдущая страница так плохо написана: мне

чрезвычайно мешает в эту минуту некая молодая, прекрасная Земира, которая садится как можно ближе ко мне и доводит свои претензии до того, что кладет свои лапы мне на бумагу».

Прекрасная Земира не забыта и сегодня. Ее статуэтка, изготовленная на Петербургском императорском фарфоровом заводе в дар Екатерине, хранится в Большом дворце в Петергофе. Летом в Петергофском парке проводят ставший уже традиционным праздник «Игрушка ветра», посвященный Земире. На нем выбирают и награждают самых красивых левреток.

Любила Екатерина и кошек. Про кота, которого подарил ей Потемкин, она сообщала, что «изо всех котов – кот самый веселый, умный и нисколько не упрямый».

В «Воспоминаниях» мадам Виже-Лебрен, которая во время своего пребывания в Петербурге жила напротив Зимнего дворца (об этой французской художнице речь впереди), среди прочих наблюдений есть и такое: «Когда императрица возвратилась в город, я видела, как она каждое утро открывала форточку и бросала хлебные крошки воронам, которые целыми сотнями ежедневно и в определенный час слетались за своим пропитанием».

У Екатерины было свойство, которое поражало современников: животные, даже видевшие ее впервые, шли к ней, будто загипнотизированные, старались прикоснуться, прижаться. Впрочем, это ее магическое свойство распространялось и на людей. Если она хотела кого-то очаровать, ей это удавалось без труда.

Сейчас среди более чем полусотни своих сородичей, традиционно охраняющих Эрмитаж от грызунов, живет красавица кошка по имени Царица Екатерина. В музее помнят о том, что статус охранников картинных галерей придала кошкам именно Екатерина. На прокорм хвостатой охране и на жалование служителям, обязанным ухаживать за животными, с легкой руки именно Екатерины до самой революции 1917 года из государственной казны выделяли весьма солидные суммы.

У Павла I была любимая беспородная собака, которая следовала за ним всюду, и Мария Федоровна вынуждена была терпеть ее присутствие даже в супружеской спальне. Адмирал Александр Семенович Шишков вспоминал: «Чудная собака сия достойна того, чтобы о ней упомянуть. Она, увидя однажды государя, идущего по двору, подбежала к нему и маханием хвоста изъявила ему свою радость. Он ее погладил. Она, как будто бы получа через то позволение, пошла за ним на лестницу, в комнаты и в самый кабинет его. Он дал ей волю и не отгонял от себя. С тех пор она от него не отставала и в короткое время из

робкой и боязливой так сделалась смела и спесива, что никто, кроме него, дотронуться до нее не мог; на всякого она огрызалась и кусала… Она любила спектакли и ни одного из них не пропускала; сидела в партере на задних ногах и смотрела на игру актеров, как будто бы понимая их речи и действия. В день смерти императора, никуда прежде из дворца не отлучаясь, она вдруг пропала, и никто не знает, куда девалась».

Любимый пес Александра II, черный сеттер Милорд, умер от тоски, когда обожаемый хозяин, уезжая в 1867 году на Всемирную выставку в Париж, вынужден был на время оставить его дома. Любимая собака Александра III, белая с подпалинами лайка Камчатка, погибла в железнодорожной катастрофе, в которую попала царская семья в 1888 году.

А вот с последним императором – сложнее. В детстве и юности у него тоже были любимые собаки. Потом… потом собаки были только для дела – Николай Александрович, как дед и отец, был страстным охотником. Министерство двора в конце каждого года составляло списки охотничьих трофеев. В этих списках вслед за медведями, оленями, волками следовали вороны, за ними – бродячие или потерявшиеся собаки и кошки. Сколько? Точные данные есть только за 6 лет. Так вот, за эти годы император застрелил в Царском Селе и Петергофе 20 547 ворон (какова скрупулезность подсчетов!), 3786 собак и 6176 кошек. Очень часто «охотился» он в присутствии супруги, последней немецкой принцессы, осчастливившей русский трон.

Чудовищно? Похоже, так выплескивалась тщательно скрываемая агрессивность кроткого монарха. Но комплексы мужчин меня не занимают. А вот что испытывала супруга императора – интересно. Неужели наслаждалась видом залитых кровью трупов несчастных животных? А если нет, почему не прекратила бойню? Ведь ее влияние на супруга было безгранично.

Рассказывали, что однажды, увидев забавы венценосного семейства, кто-то из охраны сказал: «Бог все видит. Он накажет!» Они – не услышали.

Но возвращаюсь к Екатерине. Летом 1756 года невольное предательство любимой собачки обошлось для неосторожных любовников без последствий: свидетелями-то были друзья. Но через два года случилась беда. Обычно граф, пробираясь в Ораниенбаумский дворец на свидание с возлюбленной, надевал широкий плащ и белокурый парик. Когда часовые спрашивали его: «Кто идет?», он отвечал: «Музыкант великого князя». Почти год это сходило ему с рук, хотя охрана во дворце была

нешуточная: голштинское войско наследника российского престола насчитывало 5000 (!) идеально вымуштрованных солдат и офицеров.

Однажды Понятовскому не удалось обмануть караульных, его схватили и привели к Петру. Разумеется, рассказать обманутому мужу об истинных причинах своего тайного появления во дворце граф не мог. Великий князь, заподозрив, что иностранец покушался на его жизнь, собирался уже доложить об этом императрице и потребовать для несостоявшегося убийцы сурового наказания.

Екатерина была вынуждена вмешаться. В это время ее муж был страстно влюблен в Елизавету Воронцову. Екатерина, разумеется, не ревнует. Этот роман – избавление от омерзительного для нее «внимания» великого князя. Но вместе с тем Воронцова опасна: она имеет основания претендовать на роль официальной жены наследника. И если о связи с Понятовским станет известно, это прекрасный повод сослать Екатерину в монастырь, а на трон посадить новую супругу. Екатерина оказывается перед выбором: промолчать – значит дать расправиться с человеком, которого любит. Признаться, что той ночью он приходил к ней, – можно лишиться надежды на трон, о котором она мечтает уже 13 лет, ради которого столько терпела и готова терпеть еще. В первый раз ей предстояло выбирать между любовью и властью. В первый (и единственный) раз она выбирает любовь. Причем поступает весьма оригинально: рассказывает обо всем любовнице мужа. Та сообщает Петру Федоровичу. Результат неожиданный: то, что могло стать трагедией, обернулось фарсом.

Понятовского под конвоем привели в кабинет великого князя. Сам Станислав Август так вспоминал об этой встрече в своих «Записках»:

«Не безумец ли ты, что ты до сих пор не доверился мне!» – воскликнул великий князь. Смеясь, он объяснил, что даже не думает о ревности, что предосторожности, предпринятые вокруг Ораниенбаумского дворца, существуют лишь для обеспечения его личной безопасности. В ответ Понятовский (как-никак он – дипломат) похвалил организацию охраны дворца, чем доставил Петру искреннее удовольствие. Тот с лукавой улыбкой заявил: «Так как мы теперь друзья, здесь не хватает еще кое-кого». С этими словами, – вспоминает Понятовский, – он идет в комнату своей жены, вытаскивает ее из постели, не дает ей времени надеть чулки и ботинки, позволяет только накинуть капот, без юбки, в этом виде приводит ее к нам и говорит ей, указывая на меня: «Вот он, надеюсь, что теперь мною довольны»… Я часто бывал в Ораниенбауме, я приезжал вечером, поднимался по потайной

лестнице, ведшей в комнату великой княгини, там были великий князь и его любовница; мы ужинали вместе, затем великий князь уводил свою любовницу и говорил нам: Теперь, дети мои, я вам больше не нужен . Я оставался, сколько хотел.

Но когда Екатерину начали подозревать в том, что она вместе с Бестужевым и Апраксиным участвовала в заговоре в пользу Фридриха Прусского, Понятовский, опасаясь, что и его как иностранца, зная о его близости с великой княгиней, обвинят в антироссийских действиях, воспользовался возможностью уехать из России и переждать грозу в безопасном месте. Он любил Екатерину и хорошо ее знал. Но не настолько, чтобы понять: такой слабости она не простит. Он так и не поймет, или сделает вид, что не понимает (никто ведь не захочет признаваться в собственной трусости), что заставило ее отказаться от их великой любви. Узнав о том, что его возлюбленная захватила трон, он будет бомбардировать ее письмами, умолять о встрече. Она – не согласится. И вовсе не потому (вернее, не только потому), что рядом с нею уже другой, не такой тонкий, умный, элегантный, зато куда более смелый и надежный, – Григорий Орлов. Просто предательство убило любовь…

Она отвечает на его мольбы уклончиво, но достаточно ясно:

Прошу вас не спешить с приездом сюда, ибо ваше пребывание здесь в нынешних обстоятельствах было бы опасным для вас и весьма вредным для меня. Революция, совершающаяся в мою пользу, — поразительна; единодушие, с каким все оказывают мне поддержку, – невероятно; я завалена делами и не в силах дать вам полный отчет. Всю мою жизнь я буду стремиться быть полезной вами вашей высокочтимой семье, но все здесь сейчас находится в состоянии критическом, происходят вещи, важные необычайно; я не спала три ночи и за четыре дня ела два раза. Прощайте, всего вам доброго. Екатерина.

Как блистательно она владеет словом! В этом коротком письме главное – подтекст. Она пишет: «…ваше пребывание здесь… было бы опасным для вас». На самом деле намекает: я знаю, почему вы в трудную для меня минуту покинули Россию, меня не обманешь: вы боялись за себя. Понятовский объяснял свой отъезд политическими обстоятельствами, которые и на самом деле существовали, но которые он вполне мог преодолеть. А это: «Все мне оказывают поддержку»? За этим – снова упрек: все, но не вы, самый близкий человек. Он будто не понимает. И снова и снова молит о встрече.

Она отвечает коротко:

Не могу скрывать от вас истины: я тысячу раз рискую, поддерживая эту переписку… С меня не спускают глаз, и я не могу

давать повода для подозрений — следует соответствовать. Я не могу вам писать, будьте выдержаннее. Рассказывать о всех здешних секретах было бы нескромностью — словом, я решительно не могу. Не тревожьтесь, я позабочусь о вашей семье.

В этом письме – снова подтекст. Она подчеркивает (но как деликатно!), что понимает: он так жаждет встречи, так взволнованно напоминает об их любви не потому, что продолжает так же страстно любить ее, а потому, что она стала императрицей и от нее теперь зависит благополучие его семьи. Она лишь частично права: судьба семьи его, разумеется, беспокоит, но любит он ее по-прежнему. Что же касается ее утверждения, что она рискует, продолжая с ним переписываться, он тоже должен понять: теперь ради него она рисковать не намерена, а когда-то… Он-то знает, как она рисковала! Он не хочет понять, что прошлое ушло навсегда. Он надеется: любовь вернется. Даже после того, как прочитал в ее «отчете» о перевороте: «Орлов всюду следовал за мной и делал тысячу безумств; его страсть ко мне была публична».

5 января 1763 года она пишет ему последнее письмо:

Отвечаю на ваше письмо от 8 декабря. Понять не могу, чем заслужила я упреки, которыми полны ваши письма. Мне кажется, я поддерживаю вас так старательно, как только могу (Екатерина имеет в виду свои усилия, дипломатические и финансовые, направленные на то, чтобы сделать Понятовского королем Польши. – И. С.).

Уже одно то, что я вам отвечаю, – не так уж мало. Я не должна была бы этого делать. Я не хочу и не могу лгать. Моя роль может быть сыграна только безукоризненно; от меня ждут чего-то сверхъестественного. Но завоеванный мною авторитет послужит поддержкой и вам.

Вы и ваша семья можете быть уверены в исключительно внимательном отношении с моей стороны и в моей дружбе, сопровождаемой всем уважением, какое только можно себе представить.

Легко можно представить и другое: каково было человеку любящему получить такое письмо – несомненное свидетельство разрыва. Он пишет в дневнике:

…Я дважды написал императрице: «не делайте меня королем, призовите меня к себе».

Две причины диктовали мне такие слова.

Первая – чувство, которое я все еще хранил в своем сердце. Вторая – убеждение в том, что я сумею больше сделать для моей родины, находясь вблизи императрицы, чем будучи королем здесь. Тщетно. Мои мольбы не были услышаны. Екатерина считала, что

титул короля – достаточная награда.

Она действительно так считала. Разве это не истинная щедрость – расплачиваться за любовь короной? К тому же в Петербурге он ей абсолютно не нужен, а в Варшаве может пригодиться. Так, кстати, и вышло: он стал марионеткой в ее руках, помог России вместе с Австрией и Пруссией трижды разделить польское государство и тем самым его уничтожить. Он не желал этого, страдал, но не имел ни воли, ни реальной возможности противостоять могущественным соседям. Свое безволие, которое поляки расценивали и продолжают по сей день расценивать как предательство, он оправдывал любовью к величайшей из женщин.

Она до конца дней не желала его видеть. Хотя одна встреча все-таки состоялась. Екатерина была любезна, но холодна, как лед. После ее смерти ставший императором Павел Петрович проявил уважение к потерявшему государство, корону и отвергнутому своим народом последнему польскому королю: поселил бывшего возлюбленного матери в Петербурге, в роскошном Мраморном дворце. Но за этим широким жестом трудно было не увидеть намека: дворец Екатерина построила для Григория Орлова, занявшего в ее сердце место Станислава Августа. Теперь Станислав Август жил во дворце своего удачливого соперника. Еще один удар по самолюбию…

Станислав Август Понятовский на два года пережил свою царственную возлюбленную и успел написать воспоминания. О себе, о Польше, но главное – о ней.

Мне кажется, ее увлечение Григорием Орловым во многом объясняется тем, что он был полной противоположностью осторожному, изнеженному Понятовскому, в котором она разочаровалась. На Орлова она обратила внимание потому, что при дворе много говорили о его воинских подвигах (в сражении при Цорндорфе он был трижды ранен, но не покинул поле боя) и безумных выходках. Присмотрелась. Этот гигант с прекрасным, нежным лицом Аполлона нравился любой женщине. А она снова была одинока. Она только что с горечью поняла, что идеализировала бывшего возлюбленного (точно так же будет идеализировать и этого, и всех прочих – таков уж ее характер). И она – влюбилась. Между тем знаменитый историк, знаток той эпохи, Казимир Валишевский, писал о новом увлечении Екатерины:

Неумный и совершенно необразованный, он вен такой же образ жизни, что и все его товарищи по полку, но доводил его до крайности, проводя все свое время в игре, попойках и в ухаживании за первой встречной. Всегда готовый на ссору и на то, чтобы

снести голову своему обидчику, – он не боялся пожертвовать жизнью, когда у него не было для расплаты другой монеты; смело ставил на карту все свое состояние, тем более что терять ему было нечего; всегда казался подвыпившим, даже в те минуты, когда случайно был трезв; горел неутомимой страстью ко всем наслаждениям; приключений шкал со страстью и жил в каком-то непрерывном безумии; таков был человек, входивший в жизнь будущей императрицы.

Интеллектуал Валишевский явно не одобряет выбора Екатерины. Но она выбрала именно того, кто был ей нужен в тот момент. Неумный, необразованный? Что из того? Ума у нее самой хватало. Ей нужен был человек бесшабашной смелости, безумной отваги и, что не менее важно, – любимец гвардии. Она ведь знала, на что способна русская гвардия (с детства помнила рассказы Бецкого). Она готовила переворот, пока – одна, без помощников и советчиков. Но понимала: без поддержки гвардии ей не обойтись. Так что необузданный красавец может оказаться весьма полезным. Нет, ее связь с Орловым не строилась на расчете. Просто в ее чувстве находилось место и расчету тоже. И этот расчет оправдался: братья Орловы сумели привлечь на ее сторону достаточно лихих гвардейцев, которые буквально на руках вознесли ее на русский престол. А о том, что главным было все-таки чувство, а не расчет, свидетельствует ее крайняя неосмотрительность: незадолго до решающих событий она забеременела. Отношения с мужем не оставляли надежды, что он отнесется к этому снисходительно. Времена, когда он позволял себе развлекаться в обществе жены и ее любовника, давно миновали. Петр всерьез задумал жениться на Елизавете Романовне Воронцовой. В манифесте о восшествии на престол он даже не упомянул ни жену, ни сына. Это был плохой знак. И все же приличия требовали найти убедительный повод для официального разрыва с женой. И она сама легкомысленно дала ему этот повод. Как удалось ей скрыть беременность, уму непостижимо. Но рожать в том же дворце, где рядом мечтающий избавиться от нее муж! Кстати, это был уже Зимний дворец, в который императорское семейство въехало сразу после кончины Елизаветы Петровны и воцарения Петра Федоровича под именем Петра III.

11 апреля 1762 года начались роды. Что будет, если она не сумеет сдержать крик?! Ее спас верный слуга, тот самый Василий Шкурин, которого когда-то канцлер Бестужев-Рюмин приставил к ней в качестве соглядатая. Он поджег собственный дом, чтобы отвлечь Петра Федоровича, который всегда наслаждался зрелищем пожаров. Царь попался на эту уловку, побежал

смотреть, как горит чужое добро.

В это время Екатерина родила мальчика, который получит имя Алексей, отчество по отцу – Григорьевич, а фамилию Бобринский, по названию села Бобрики, купленного для него матушкой в Тульской губернии. А пока Шкурин укладывает новорожденного в бельевую корзину и уносит из дворца. Едва родив, она снова лишается ребенка. Правда, по совсем другой причине, но все же… Это едва ли способствовало бурному расцвету материнских чувств. Да и до того ли ей было! Она готовила революцию.

Я думаю, нет смысла подробно рассказывать о перевороте 28 июня 1762 года. В нашей истории немного эпизодов, описанных столь подробно и столь многократно. Источники у всех авторов этих описаний одни, поэтому ничего нового мой пересказ не прибавит. А вот проанализировать мотивы поведения Екатерины Алексеевны очень интересно, тем более что почти все исследователи видят один мотив: жажду власти. Этот мотив вполне правомерно считать главным, но уж наверняка он не был единственным: не так примитивно устроена была будущая великая государыня.

Итак, возникает заговор с целью свергнуть насаждающего прусские порядки императора Петра III (заговор, на первый взгляд, кажется несерьезным: больше разговоров, чем дела). Неожиданный арест одного из заговорщиков, капитана Петра Богдановича Пассека, и опасение, что он, не выдержав пыток, выдаст остальных, заставляет начать действовать. Екатерину спешно привозят из Петергофа в столицу, где ей радостно присягают гвардейские полки. Свергнутый император в это время мечется между Ораниенбаумом, Петергофом и Кронштадтом, нигде не находя поддержки. Прекрасная, как амазонка, Екатерина во главе отряда заговорщиков верхом на своем любимом Бриллианте прибывает в Петергоф. Потом – арест Петра, его отречение, отъезд в Ропшу (ему предложили самому выбрать место временного заточения, пока не будут готовы апартаменты в Шлиссельбургской крепости; он выбрал Ропшинский дворец).

И вот – внезапная смерть ропшинского пленника. Официально объявили: от геморроидальной колики. Но ни для кого не было секретом: бывшего императора (именно так именовала Екатерина свергнутого супруга в официальных бумагах) убили. Убивать она, почти наверняка, не приказывала. Но как кстати оказалась эта смерть! Теперь ей никто не мешал. Россия была в ее власти.

Правда, предстояли еще весьма неприятные хлопоты, связанные с похоронами Петра Федоровича. Довольно подробно

описал это митрополит казанский Вениамин (Пуцек-Григорович), бывший в 1762 году архиепископом Санкт-петербургским. Тело императора привезли на утренней заре в лавру и поставили в зале тех деревянных покоев, где жил архиепископ. Три дня, как положено по древнему обычаю, приходили туда, чтобы отдать покойному последний христианский долг, не только вельможи, но и «всякого звания люди». Указ новой государыни приглашал подданных проститься с телом Петра «без злопамятствия». Он лежал в скромном гробу, так непохожем на роскошный гроб, в котором недавно хоронили Елизавету Петровну; сложенные на груди руки одетого в поношенный голштинский мундир императора были в больших белых перчатках, на которых запеклась кровь. Это были следы не слишком аккуратного вскрытия (оно, кстати, показало, что у Петра было невиданно маленькое для взрослого человека сердце). Тело перенесли в церковь и после подобающей церковной церемонии похоронили в Благовещенской церкви без всякой пышности. Екатерины на церемонии не было: сенаторы убедили ее в монастырь не ходить и на погребении мужа не присутствовать.

Ей и в самом дурном сне не могло привидеться, что еще предстоит встреча с супругом на этой земле. После восшествия на престол Павел приказал извлечь из могилы истлевшие за 34 года останки того, кого считал родителем (сохранились только кости, шляпа и перчатки), уложить в роскошный гроб и поставить его в Зимнем дворце рядом с гробом матери. Через три дня обоих перенесли в Петропавловский собор, похоронили рядом. Будто вернулись времена, когда Елизавета Петровна силой заставляла их спать в одной постели. Похороны сопровождались церемониалом сколь торжественным, столь и отвратительным, заставившим многих (в том числе и тех, кто вскоре организует заговор против Павла) усомниться в душевном здоровье нового монарха. На гробницах родителей он повелел сделать надпись, способную ввести в заблуждение любого, кто не слишком хорошо знает отечественную историю: «Император Петр III родился 10 февраля 1728 г., погребен 18 декабря 1796 года. Екатерина II родилась 21 апреля 1729 г., погребена 18 декабря 1796 года». Несведущий может подумать: «Как в сказке: жили долго и счастливо и умерли в один день».

Уже после кончины Екатерины граф Растопчин, разбирая по указанию нового самодержца бумаги покойной, найдет записку Алексея Орлова: «Матушка, милосердная государыня. Как мне изъяснить, описать, что случилось, не поверишь верному своему рабу. Но, как перед Богом, скажу истину. Матушка! Готов на смерть идти, сам не знаю, как беда случилась. Погибли мы, коли

не помилуешь. Матушка, его нет на свете. Но никто сего не думал, и как нам задумать поднять руку на государя. Но, государыня, свершилась беда. Он заспорил за столом с князем Федором (Барятинским. – И. С.), не успели мы разнять, а его уже не стало. Сами не помним, что делали, но все до единого виноваты, достойны казни. Помилуй меня хотя для брата. Повинную тебе принес и разыскивать нечего. Прости или прикажи скорее кончить. Свет не мил, прогневали тебя и погубили души навек».

Граф немедленно снял с сенсационной записки копию (она-то и дошла до потомков), а подлинник отдал Павлу. Тот почувствовал явное облегчение: поверил, что матушка не приказывала убивать. Но записку почему-то сжег. Чтобы потомки не узнали правды? Если это, конечно, правда…

Екатерину подозревал не только сын. Кровь мужа несмываемым пятном всю жизнь оставалась если не на ее совести, то на репутации уж наверняка. Почему же не обнародовала эту записку, почему не наказала виновных? Ее недоброжелатели объясняют просто: или сама была виновата, или боялась расправляться с убийцами, которые слишком много знали. К тому же это они возвели ее на престол.

А почему бы не допустить другое: она умела быть благодарной и верной, не могла предать друга, доверившегося ей. Даже ради того, чтобы снять с себя страшное подозрение. Кстати, если бы обнародовала, если бы наказала публично, вряд ли многие поверили бы самозванцу Пугачеву.

Правда, ничто не мешает предположить, что Алексей Григорьевич написал эту записку специально, чтобы реабилитировать царицу. Он был предан ей беспредельно и всегда заботился о ее репутации больше, чем она сама. Свою верность и свою готовность идти ради нее на все он докажет не только воинскими подвигами, но и не самым красивым, но необходимым для ее спокойствия поступком, заманив в свои сети «княжну Тараканову», когда та объявит себя дочерью Елизаветы Петровны и законной претенденткой на русский трон, доставив немало неприятных минут могущественной, но «беззаконной» владычице России.

Но вернусь к мотивам, заставившим Екатерину Алексеевну решиться на переворот. Первый, не спорю, – желание властвовать. Достаточно вспомнить ее откровенное признание в письме к Уильямсу: «Я буду царствовать или погибну». Она ведь действительно шла на огромный риск: победи Петр – ее участь была бы не лучше той, что постигла его. Только она в случае неудачи обрекла бы на мучительную гибель не только себя, но и

всех, кто ее поддерживал.

Был еще и личный мотив: Петр III мог вот-вот отправить ненавистную супругу в монастырь или в крепость, где уже третье десятилетие томился сброшенный с престола Елизаветой Петровной законный император Иоанн Антонович. Кстати, вместе с матерью Петр готов был отправить и сына, Павла Петровича, поскольку, во-первых, в своем отцовстве сомневался, а, во-вторых, какой же мужчина любит детей от ненавистной женщины?

И все же, смею утверждать, был еще один мотив, высокий и благородный, который и представляется мне первостепенным. Этот мотив – тревога о будущем России, желание и готовность сделать для этой страны все, что позволят силы и талант. А ни в своих силах, ни в своем таланте она не сомневалась ни минуты.

Но одна она действовать не могла. Нужны были помощники, готовые для нее на все. Первым среди них был отец ее ребенка, последний любовник великой княгини и первый фаворит императрицы Екатерины II Григорий Григорьевич Орлов.

Отступление о странностях любви

Я попробую доказать, что многочисленные фавориты Екатерины II – результат вовсе не какой-то, мягко говоря, гиперчувственности (большинство исследователей называют это развратностью, порочностью, сексуальной распущенностью), а, скорее, высокой требовательности к партнеру. Она всю жизнь искала человека, который мог бы быть и любовником, и помощником, и другом (таким стал для нее Потемкин), но, кроме того, был бы верен ей безраздельно (этого Потемкин дать ей не смог). Не случайно, отчаявшись такого человека встретить, она решила его для себя воспитать. Если прибавить сюда эфемерную надежду, что рядом с молодыми она сама сохранит молодость, становится понятной эта череда юных фаворитов, которых она приближала, а когда убеждалась, что и этот – не тот, – отсылала, щедро наградив. Ей нужен был человек, на которого она могла бы смотреть снизу вверх, в крайнем случае – равный. Кругом (начиная с мужа) были люди более чем заурядные, исключая Потемкина (но о нем – отдельно). Именно в этом, в крайне неудачном первом опыте семейной жизни и в том, что не было рядом с ней настоящего мужчины, ее беда, из-за этого она так часто меняла любовников.

А между тем в то самое время, когда она была особенно одинока, не то что любовников, но и мужа фактически не имела, рядом с ней был человек достойнейший: умный, образованный, порядочный, надежный и – любивший ее всю жизнь. Любивший тайно: моральные принципы не позволяли ему забыть, что она – чужая жена. А она не поняла, не заметила, прошла мимо. Нет, она знала его и относилась к нему прекрасно, но не подозревала, что он ее любит.

Еще до того, как она узнает о его тайном чувстве, она напишет в своих «Записках»: «Он был хорош собой, оригинального ума, очень приятен в обращении и умом несравненно превосходил своего брата Алексея, который тоже был красив, но был еще великодушнее и добрее. Все красавицы при дворе были от него без ума. Я не знаю другой семьи, которая, будучи в такой отменной милости при дворе, была бы так всеми любима, как эти два брата Разумовские».

Речь идет о Кирилле, младшем брате Алексея Григорьевича Разумовского, церковного певчего из украинской деревни, благодаря прекрасному голосу попавшего ко двору, а благодаря красоте, надежности, порядочности и доброте ставшего не только фаворитом, но и законным, хотя и тайным, супругом

императрицы Елизаветы Петровны. Старший брат очень хорошо относился к Екатерине с первых ее шагов при дворе: сочувствовал, знал по своему опыту, как трудно новому человеку среди лицемерной придворной челяди. Свое доброе отношение Алексей Григорьевич докажет в крайне затруднительной ситуации, в которую попадет Екатерина, уже став императрицей (об этом чуть дальше).

Я пока вернусь к Кириллу Григорьевичу. Четырнадцатилетним неграмотным мальчишкой попал он в Петербург. Через три-четыре года прекрасно говорил по-французски, а в изяществе и благородстве манер ему уступали многие родовитые аристократы. В восемнадцать стал президентом Академии наук (не худшим из президентов, несмотря на то, что члены Академии, да и все вокруг были возмущены этим назначением). В 22 года он уже гетман Украины. Невероятно! Но именно при этом «мальчишке» для Украины наступили золотые времена, лучшие с того момента, как она вошла в состав России. Кирилл Разумовский был талантлив и на любом посту справедлив и честен.

Сентенцию о том, что история не имеет сослагательного наклонения, невозможно опровергнуть. И хотя она стала банальностью, которую неловко повторять, все же позволю себе представить графа Разумовского рядом с Екатериной. Это был бы гармоничный союз. И, наверное, время, которое принято называть веком Екатерины, выглядело бы иначе. А уж ее женская судьба наверняка была бы другой (к огорчению дотошных исследователей альковных секретов). Но, как мне кажется, летом 1749 года, через четыре года после свадьбы, она прошла мимо своего счастья. Почему? Уверена: потому что тогда не допускала даже мысли о внебрачной связи. То лето она вынуждена была провести в Раеве, подмосковном поместье своих надсмотрщиков Чоглоковых. Скучала смертельно. Скрашивали несносное однообразие только визиты Кирилла Григорьевича. Его дворец в Покровском был в тридцати верстах от Раева, и он ежедневно, в любую погоду приезжал верхом к обеду или ужину. Она понимала: он, как и многие придворные, знает о ее нелепых, оскорбительных отношениях с мужем, о ее горькой участи жены – не жены. Только другие злословят, а он – сочувствует. Она была благодарна. Кокетничать с ним не приходило в голову. Это с Чернышевыми можно по-девчоночьи играть в любовь, а здесь – серьезный, взрослый мужчина…

Через двадцать лет императрица вспомнит то лето и спросит, что побуждало графа каждый день преодолевать шестьдесят километров, чтобы скучать при ее дворе, когда у себя во дворце

он мог принимать по своему вкусу избранное московское общество. Он ответит коротко: «Любовь». Она искренне удивится: «Но кого же вы могли найти в Раеве, чтобы влюбиться!?» И услышит неожиданный ответ: «Вас». Что она почувствовала? Быть может, сожаление? Быть может, упрекнула его за излишнюю скромность и сдержанность? Но если и упрекнула, то молча. Менять что-либо было уже поздно…

Быть может, она вспомнила его взгляд в роковой день переворота, когда еще не было понятно, чем все кончится? Он тогда, преклонив колено, смотрел на нее снизу вверх так преданно и вместе с тем твердо, что она отбросила последние сомнения. Она тогда приехала в казармы Измайловского полка вместе с Григорием Орловым и Федором Барятинским. Кирилл Разумовский был командиром этого полка, его поддержка могла оказаться (и оказалась!) решающей. Он первым присягнул новой государыне. Почтительно поцеловал руку. Может быть, задержал ее руку в своей чуть дольше… Но она в тот момент могла думать только об одном: о царском венце, который был так близок. К тому же рядом был Григорий Орлов, которого она любила, от которого только что родила сына…

Кстати, вскоре после переворота Григорий Орлов, хвастаясь в кругу гвардейцев своими возможностями, осмелился заявить, что ему хватит месяца, чтобы подготовить новый переворот и свергнуть Екатерину с престола. При этом присутствовал Кирилл Григорьевич. «Это возможно, – возразил он, – но мы повесили бы тебя, мой друг, за неделю до этого». Об этом разговоре написал в своем донесении французский посланник барон де Бретейль. Так что в Версале знали. Интересно, знала ли Екатерина?

Как раз с Григорием Орловым, первым фаворитом императрицы Екатерины II, и связана услуга, которую оказал ей старший брат Кирилла, Алексей Григорьевич. Дело в том, что Григорий Григорьевич Орлов после смерти законного супруга своей возлюбленной счел необходимым узаконить их отношения. То, что Катенька теперь царица и ей не пристало выходить замуж за своего подданного, ему казалось сущей чепухой. У них есть сын? Они любят друг друга? Он помог ей захватить трон? Так за чем же дело стало!? У нее не оставалось сил противиться его напору. Да она и в самом деле любила этого отважного красавца, правда, со свойственной ей способностью преувеличивать достоинства любого, кто ей симпатичен, а уж любимого – тем более.

Но замужество царицы – дело государственное. С одной стороны, отношения с Орловым, о которых всем известно, следует упорядочить. С другой – ситуация, какой в царствующем доме

еще не бывало. Вопрос был вынесен на обсуждение Государственного совета. Собравшиеся удрученно молчали. Исключение составил Никита Иванович Панин (он не только воспитатель Павла, но и один из самых активных участников заговора, приведшего Екатерину к власти). Панин смело заявил: «Императрица может делать что ей угодно, но госпожа Орлова никогда не будет русской императрицей». Это отрезвило Екатерину. И не только потому, что в словах могущественного Панина – нескрываемая угроза. Любовь любовью, но ничего не смыслящий в государственных делах муж, а рядом, в опасной близости к трону, – четверо его братьев, как раз к государственным делам вовсе не равнодушных… Они наверняка попытаются влиять на ее политику. Нет, ей это не нужно. Но и обижать Григория, а тем более терять его, она еще не готова. Значит, следует найти убедительную причину отказа. Тут неожиданно на помощь приходит возвращенный из ссылки Бестужев (он искренне желает этого брака – надеется через Орлова влиять на Екатерину). Он предлагает опубликовать свидетельство о тайном браке императрицы Елизаветы Петровны с Алексеем Григорьевичем Разумовским. Это убедит всех, что подобные браки в порядке вещей. Для этого нужно совсем немного: получить у графа бумаги и разрешение на их публикацию.

Переговоры с Разумовским поручают вице-канцлеру Воронцову. Об этих переговорах со слов дядюшки рассказал племянник Алексея Григорьевича. Его рассказ я передаю почти дословно. В очень осторожных, заранее обдуманных выражениях Воронцов излагает Разумовскому цель своего посещения: за услугу, которой от него ждут, его блестяще наградят. Екатерина предполагает, признав в нем официального супруга своей тетки и благодетельницы, возвести его в сан императорского высочества со всеми почестями и прерогативами, присвоенными этому титулу. Соответствующий указ уже заготовлен. Разумовский слушает, не говоря ни слова, смущая посетителя своим молчанием и задумчивым взглядом, отуманенным безысходной грустью. Все так же молча он читает проект указа. Подходит к старинному дубовому сундуку, вынимает оттуда шкатулку из слоновой кости с перламутровыми и серебряными инкрустациями, открывает ее, вынимает документ, перевязанный розовой шелковой лентой, выцветшей от времени, развязывает ленту, заботливо прячет ее обратно в шкатулку, запирает сундук и возвращается к камину, где неспешно читает извлеченный из шкатулки документ. После этого, храня такое же глубокое молчание, которое Воронцов не решается нарушить, Алексей

Григорьевич с видом человека, принявшего серьезное решение, осеняет себя крестным знамением и бросает таинственный документ в огонь. Со вздохом – облегчения или сожаления – он опускается в кресло и наконец говорит: «Во всю свою жизнь я был только смиренным рабом ее величества императрицы Елизаветы. И теперь я хочу только одного: быть всеподданнейшим слугой царствующей императрицы. Просите ее сохранить ее милостивое отношение ко мне».

Прецедента, на который уповали Бестужев и Орлов, больше не существовало. Уничтожив дорогой ему документ, Алексей Григорьевич доказал и свою неподкупность, и, главное, преданность Екатерине. Это был поступок настоящего друга, понимавшего ее истинные интересы. Выйди она замуж за Орлова, едва ли она стала бы счастливей. А уж в том, что этот брак мешал бы ей царствовать, не приходится сомневаться. Что никаких помех она долго не потерпела бы, тоже не вызывает сомнения. Значит, и от второго супруга рано или поздно пришлось бы избавляться. Как? Это опять область предположений – область сослагательного наклонения. Очевидно одно: Алексей Григорьевич Разумовский оказал ей неоценимую услугу, и она этого не забудет. До последнего дня не оставит его расположением и преданной заботой. Она вообще умела быть благодарной.

Потеряв надежду на брак с императрицей, Григорий Орлов начинает вести себя так, что вызывает всеобщее недоумение и осуждение. Французский посланник Беранже докладывает в Париж:

Чем больше я слежу за Орловым, тем более я убеждаюсь, что у него недостает только звания императора. Его непринужденность в обращении с императрицей поражает всех, и, по словам русских, такого явления не было ни в одной стране со времен основания монархии. Он стоит выше всякого этикета и позволяет себе по отношению к своей государыне такие вольности, каких не могла бы допустить в высшем обществе ни одна уважающая себя женщина со стороны своего возлюбленного.

В самом деле, она невероятно покорна, послушна всем его капризам. Но капризы любящая женщина может простить, а когда узнает об изменах… «Я сие узнала и просто сделала заключение, что, о том узнав, уже доверия иметь не могу, – мысль, которая жестоко меня мучила. Я думаю, от рождения своего я столько не плакала, как эти полтора года». Отчего плакала? Только ли от обиды? Или он вернул ее к мысли, что ее нельзя любить, что с ней (в ней) что-то не так?

Думается, именно в необдуманных словах Иоганны Елизаветы, твердившей дочери, что та некрасива, что ей не найти жениха, нужно искать истоки ее отношения к мужчинам во второй половине жизни. Орлов своим поведением подтверждал: любить ее так, как она хочет, невозможно. Долго такое продолжаться не могло. Она, повелительница огромной державы, не позволит себе быть брошенной, жалкой. Как хорошо, что он всего лишь любовник, от которого не так уж трудно избавиться. А если бы был мужем! Наверное, только в это трудное время она до конца поняла, какую услугу оказал ей мудрый Алексей Разумовский.

Любопытные соображения по поводу Орлова высказывает барон де Бретейль в донесении министру иностранных дел Франции герцогу Шуазелю:

Это очень красивый человек. Он был возлюбленным царицы в течение нескольких лет, и я вспоминаю, как она однажды указала мне на него как на смешного и экстравагантного человека. Но затем он заслужил более серьезного отношения к себе с ее стороны. Впрочем, говорят, что он действительно очень глуп. Так как он говорит только по-русски, то мне трудно судить о нем. Но глупость – довольно распространенная черта среди тех, которые окружают теперь императрицу, и, хотя она, по-видимому, легко приспособляется к своему обществу, я, тем не менее, убежден, что она не преминет устранить от себя большую часть этих приближенных.

Прозорливый дипломат оказался прав. Только причиной устранения Орлова стала не его глупость, а его измены. Впрочем, все-таки глупость: умный человек никогда не позволил бы себе поступать с Екатериной так, как почему-то считается допустимым вести себя с обыкновенной женщиной. Она обыкновенной не была. Не понять этого за одиннадцать лет близости – что это, как не глупость?

Екатерина прозревает: как могла она восхищаться тем, чего не было: умом, благородством? Как могла искренне верить и убеждать других, что он – настоящий античный герой? Тем не менее, уже твердо решив расстаться, она щедро награждает Орлова, подтверждая, что умеет быть благодарной. Среди прочих подарков бывшему возлюбленному – бесценное чудо, Мраморный дворец, построенный Антонио Ринальди, один из прекраснейших дворцов Петербурга. Правда, до окончания строительства Григорий Григорьевич не дожил, Екатерина выкупила дворец у его наследников и подарила на свадьбу своему второму внуку, Константину Павловичу. После отречения цесаревича Константина, подавления восстания декабристов и воцарения

Николая I дворец снова отошел в царскую казну. В нем жил и работал младший брат Александра II, Константин Николаевич, чей вклад в развитие русского флота, к сожалению, недостаточно оценен. Потом дворец перешел к его сыну, великому князю Константину Константиновичу (известному поэту К. Р.), праправнуку Екатерины Великой. В этом дворце он, президент Императорской академии наук, задумал и осуществил создание Пушкинского Дома, бесценного памятника величайшему поэту России. Но до этого еще очень далеко.

А пока идет год 1773. Орлов видит, что положение его пошатнулось, а Мраморный дворец больше похож не на подарок любящей женщины, а на плату за любовь. Так расплачиваются с надоевшими содержанками! Может быть, он не слишком умен, но гордость у него есть. И он преподносит своей царице в день ее тезоименитства достойный подарок: огромный бриллиант с редким голубовато-зеленоватым отливом, ограненный в форме высокой индийской розы (180 граней, расположенных ярусами). Екатерина благосклонно принимает подарок и дает ему имя – «Орлов». Под этим именем он и сегодня числится в списке самых крупных драгоценных камней мира. Государыня приказала увенчать бриллиантом скипетр, один из символов императорской власти. Сейчас он хранится в Алмазном фонде Кремля.

Но бесценный подарок не изменил положения: место «самого красивого мужчины нашего времени» (так с легкой руки Екатерины называли Орлова современники) уже занял корнет Васильчиков.

Я очень многим обязана семье Орловых; я награждала их поместьями и орденами и всегда буду им покровительствовать, и они сумеют быть мне полезными, но мое решение непреложно; одиннадцать лет я страдала, теперь я хочу жить так, как мне хочется, совершенно независимо. Князь может поступать, как ему вздумается: он может уехать за границу или остаться в России, может пить, охотиться, заводить любовниц. Если он будет вести себя хорошо, то его ждет почет, если же плохо, то он себя покроет позором.

Преемник Орлова был замечателен единственно тем, что, в отличие от parvenu Орлова, происходил из древнего боярского рода. Барон Сольмс сообщал о нем своему патрону, Фридриху II: «Это человек среднего роста, лет двадцати восьми (Екатерине в это время 43 года. – И. С.), смуглый и довольно красивый. Он был всегда очень вежлив со всеми, очень мил, но робок и таким остался до сих пор. Его как будто стесняет та роль, которую ему приходится играть». Неудивительно, что Васильчиков – случайный и не амбициозный человек – не мог долго удержаться

рядом с Екатериной. Позднее она вспоминала: «Выбор мой был наудачу и с отчаяния: как раз в это время я мучилась его (Орлова. – И. С.) изменами более, чем в состоянии сказать». Вскоре внимание императрицы привлекает человек совсем иного склада. Имя его Григорий Александрович Потемкин. Васильчиков легко уступает место новому фавориту. Екатерина, щедро наградив корнета, тут же забывает о его существовании.

Казалось бы, Васильчиков не стоит того, чтобы уделять ему много внимания: пришел и ушел, не оставив следа; был только предлогом для того, чтобы расстаться наконец с Орловым. На самом деле роль Васильчикова очень велика. До его появления она вела себя, как могла бы вести себя любая женщина: любила, приносила жертвы, ревновала, страдала, плакала, прощала. К сорока трем годам в ее жизни было трое мужчин (мужа в расчет не берем). Позволю сказать: всего трое. Только ханже пришло бы в голову обвинить ее в развращенности. Поведение Орлова заставило Екатерину по-новому осознать себя как женщину и резко изменить отношение к мужчинам. Она больше не желала ни страдать, ни прощать. Она – царица, и ей не пристало поддаваться женским слабостям. Больше никто не увидит ее страдающей от ревности, плачущей, потакающей чужим прихотям. Она понимает: без мужчин ей не обойтись. Что ж, она будет брать тех, кто ей понравится; пользоваться ими, сколько ей захочется; а когда наскучат, менять на более молодых, – в общем, поступать точно так же, как поступают мужчины с надоевшими им женщинами. Правда, мужчинам для этого не нужна корона…

Григорий Александрович Потемкин был человеком, способным заставить ее отказаться от этого решения. В нем было все, что она ценила: мужская стать, доблесть, ум, широта, щедрость, честолюбие. Правда, честолюбия на этот раз оказался избыток…

Отступление о великолепном князе Тавриды

«Я больше, чем царь, я – Потемкин!» Пожалуй, ничто не скажет о нем точнее, чем эти слова. Это не только слова, это уверенное самоощущение.

«Положение Потемкина превосходит все, что можно вообразить себе в отношении к могуществу безусловному. Он царствует во всем пространстве между горами Кавказа и Дунаем и разделяет власть императрицы в остальной части государства». Так писал герцог Ришелье в 1790 году, на закате могущества Потемкина, да и всей его земной жизни. Это была правда. Но не вся: Екатерина отдавала ему много власти, но не более, чем считала нужным и полезным для государства.

Об этом человеке, которого с полным основанием называли вице-императором, написаны многие сотни страниц, от серьезных исторических исследований до романов и поэм. Все они, пусть и в разной степени, интересны, потому что необычайно интересен их герой, которого одни современники считали гением, другие – сумасшедшим. «Он созидал или разрушал, – говорил о нем Массон, – или спутывал все, но и оживлял все. Когда отсутствовал, только и речи было, что о нем; появлялся – и глядели все исключительно на него одного. Вельможи, его ненавистники, игравшие некоторую роль в бытности его в армии, при его появлении, казалось, уходили в землю, уничтожались при нем…»

Подробный рассказ об этом исполине, заслонявшем собою всех, увел бы очень далеко от рассматриваемой здесь темы, поэтому я коснусь только отношений Потемкина с Екатериной и его влияния на ее судьбу.

Он был одним из участников переворота 1762 года, присутствовал в Ропше при убийстве Петра III, пытался привлечь внимание Екатерины то шутовством, то хитростью, то отчаянной храбростью в сражениях. И в результате он добился своего: между ними вспыхнуло чувство не просто сильное, но яростное – под стать их темпераментам. Гордый, честолюбивый, наделенный столь же огромными дарованиями, сколь и пороками, Потемкин с первого дня своего возвышения не хотел быть «мебелью» при дворе. Екатерина скоро оценила разумность его советов, смелость и пользу его инициатив. С первых месяцев их совместной жизни и до конца его дней (долгие 17 лет!) она не принимала ни одного важного решения без совета с ним. Но их совместная жизнь

закончилась всего через два года…

Почему она изменила Потемкину? Для ярых защитников нравственности – прекрасный повод упрекнуть ее в распутстве: всем вроде бы хорош новый фаворит, так нет, ее опять на свеженькое потянуло. Внешне это, может быть, именно так и выглядит, во всяком случае, для любителей «клубнички» – наверняка. На самом деле, уверена, все гораздо сложнее и печальнее. Она успела хорошо узнать своего «батеньку» (так она его часто называла) и прекрасно видела: одна из главных черт этого могучего характера – непостоянство. И это касалось не только женщин, хотя привязанности его менялись со скоростью, какая Екатерине и не снилась; более того, обычно, даже во время боевых действий, он возил с собой не просто очередную любовницу, но целый гарем. Он был непостоянен во всем: увлекся науками, проявил к ним немалые способности – и вдруг бросил учебу в Московском университете; решил уйти в монастырь, но вскоре передумал и подался на военную службу. И так из раза в раз, от увлечения – к быстрому охлаждению и к новому увлечению. Она понимала, что скоро он обзаведется новой любовницей – его не переделаешь. Но она не хотела больше страдать, переживать новые измены – уже достаточно натерпелась. Вот и решила изменить первая. С кем? Это было не особенно существенно. Главное было в том, что она знала: делить ее с кем бы то ни было Потемкин не станет. Значит, интимным отношениям конец. Конец и все усиливающейся его власти над ней. А что помощником ее он останется, была уверена: его государственный ум, его административные таланты требовали применения, а где еще их применить, как не на службе государыне? И она оказалась права. Оскорбленный мужчина отказался навсегда от своих притязаний на женщину, которая ему изменила. Правда, когда слухи о его фантастическом распутстве достигали Екатерины, он оправдывался: любит и до гроба будет любить ее одну, но уж коли она ему недоступна… Верила ли она ему? Верил ли он сам себе? Но другом, верным помощником и советчиком он был для нее до последней минуты.

О ее отношении к нему свидетельствуют письма. Вот отрывок из одного: «Всекрайно меня обеспокоивает твоя болезнь. Я ведаю, как ты не умеешь быть больным и что во время выздоровления никак не бережешься; только сделай милость, вспомни в настоящем случае, что здоровье твое в себе какую важность заключает, благо империи и мою славу добрую; поберегись, ради самого Бога, не пусти мою просьбу мимо ушей, важнейшее предприятие в свете без тебя оборотится ни во что…»

Это письмо написано в то время, когда Потемкин находился в

Новороссии, занимаясь обустройством пустынных областей, возвращенных его стараниями России. С лихорадочной быстротой он закладывал города: Екатеринослав, Николаев, Херсон, руководил их застройкой. Готовил кадры для решающей войны с Турцией, которая должна была утвердить Россию на берегах Черного моря. Заботился об обеспечении безопасности русских границ со стороны Кавказа, вел переговоры о подданстве грузинского царя Ираклия. Продумывал план присоединения Крыма, по мнению Екатерины, «важнейшего предприятия в свете».

Екатерине удалось с помощью Потемкина (и, конечно же, Суворова) осуществить многие свои планы. Императрица подчеркивала: воссоединяя западную Русь и продвигая южные границы к Черному морю, она выполняет задачи, которые ставил перед собой Петр Великий. Он – не успел. А она обязана успеть. И успела (если не все задуманное, то многое): были взяты угрожавшие нашим границам, считавшиеся неприступными турецкие крепости Очаков, Бендеры, Измаил, Аккерман, Анапа. Россия закрепилась на черноморском побережье. Был построен мощный Черноморский флот и великолепные порты: Севастополь и Одесса. Практически бескровно был присоединен Крым. И Екатерине, и Потемкину казалось: навсегда. К сожалению, то, что с великим трудом создают гении, легко разрушают ничтожества. Стоит им только получить власть…

О делах государственных, осуществленных общими усилиями царицы и великолепного князя Тавриды (так назвал Потемкина Державин), можно рассказывать бесконечно, но тогда эта книга заняла бы несколько томов. Так что вернемся к его отношениям с Екатериной.

Именно Потемкину она была обязана своим последним и самым чистым, незамутненным никакими корыстными или честолюбивыми соображениями счастьем. Ходили слухи, будто светлейший сам подбирал ей фаворитов, таких, чтобы знали свое место и не вздумали покушаться на его власть. Он делает все, чтобы удалить Завадовского, появившегося рядом с Екатериной без его санкции. Он убирает и своего ставленника, Зорича, когда тот пытается вмешаться в государственные дела. Он причастен к оскорбительной для Екатерины истории измены очередного ее фаворита, Корсакова. Тот, по мнению Потемкина, слишком долго задержался в дворцовых апартаментах. К тому же, разоблачив интрижку Корсакова с графиней Брюс, урожденной Румянцевой, родной сестрой своего вечного врага, Григорий Александрович наносит удар и фельдмаршалу Румянцеву.

В общем, заботясь о том, чтобы спальня императрицы не пустовала, светлейший блюдет собственные интересы. Насколько

он прав, поступая именно так, подтверждает история с Платоном Зубовым, последним фаворитом Екатерины, попавшим в «случай» в обход Потемкина. Именно Зубов, корыстный, ничтожный, но безмерно честолюбивый и самовлюбленный интриган, положит конец власти светлейшего над стареющей императрицей. Но до этого пока далеко. Пока Григорий Александрович советует Екатерине обратить внимание на молоденького флигель-адъютанта Сашу Ланского.

Ему 21 год (ей – 51). Он на редкость хорош собой (красота – непременное качество кандидата в фавориты: Екатерина эстетка) и самозабвенно влюблен в государыню. Впрочем, это неправильная формулировка. Он влюблен не в императрицу, а в женщину. Да, стареющую. Да, располневшую. Да, усталую. Но для него – единственную, самую прекрасную на земле. У Екатерины уже есть опыт, ее не обманешь. Она видит, что чувство этого мальчика – искреннее. И на любовь отвечает любовью. Мне кажется, это ее последняя любовь, хотя будут еще фавориты, в том числе и Платон Зубов, которому она позволит взять над собой власть, несоразмерную его достоинствам. Но это, к сожалению, будет уже проявлением угасания интеллекта и воли. Она будет цепляться за молодость, вернее, за молодых. Но это не поможет ей победить старость, скорее – наоборот.

Ланской был воспитан и образован ничуть не лучше, чем большинство молодых офицеров того времени. Екатерину это не пугало: она привыкла к обществу Салтыковых и Орловых. Я вот он сам, в отличие от других, чувствовал, насколько он ниже женщины, которая позволила ему себя обожать. Он, человек тонкий, понимает: скоро он может ей наскучить. И начинает учиться. Ее это радует чрезвычайно. Она уверена: он многого добьется. Она ведь помнит себя в его годы: была образована ничуть не лучше. Сама себя образовала. Ему будет легче: она ему поможет. Кстати, сохранилось множество свидетельств ее образованности, ее обширных знаний. Тем не менее, когда Берлинская академия предложила ей в 1768 году звание почетного члена, она не сочла возможным его принять: «Все мое знание ограничивается убеждением, что все люди – братья!»

Она делится с Гриммом своими радостями и надеждами: «Я не ожидала, чтобы мое письмо к натуралисту назвали шедевром (имеется в виду ее письмо к выдающемуся ученому, Жоржу Луи Леклерку Бюффону. – И. С.). Правда, генерал Ланской находил, что оно прекрасно написано. Но молодой человек с таким пылким умом может легко увлекаться даже при всем своем такте. Чтобы иметь понятие об этом молодом человеке, вам нужно знать, как отозвался о нем в разговоре со своим другом князь Орлов

(Алексей Григорьевич Орлов-Чесменский. – И. С.). „О! – сказал он, – вы увидите, какого она человека из него сделает! Он глотает все“. Он начал с того, что одну зиму глотал поэтов, в другую – проглотил нескольких историков. Романы нам наскучили, и мы пристрастились к Альгаротти и подобным авторам. Мы немногому учились, но много знаем и бываем всегда в обществе лучших и образованных людей. Кроме этого, мы занимаемся постройками, разводим сады, поощряем благотворительность, мы веселы, честны и очень милы».

Упоминая об обществе, в котором бывал Ланской, она не сообщает, что он прекрасно себя чувствует в компании ее внуков. А она с наслаждением наблюдает, как резвятся ее самые любимые на свете мальчики. Ланскому – 25 лет, Александру (будущему императору Александру I) – б, Константину – 4. Она вовлекает фаворита в воспитание внуков, обсуждает с ним «Бабушкину азбуку», которую пишет для малышей; объясняет, ради чего занимается этим: «У меня только две цели, одна – раскрыть ум для внешних впечатлений, другая – возвысить душу, образуя сердце». Эта ее «Азбука», лишь слегка переделанная, станет первым учебником для начальных классов учебных заведений России на многие годы. Ланской с неподдельным интересом помогает ей сочинять эту детскую книжку, вообще занимается всем, что она предлагает, чем увлечена. Он остро ощущает свою избранность: возможность находиться подле нее неотступно, смотреть, слушать, запоминать – восхищаться. Карьера его не интересует совершенно. Этот ласковый, любознательный, так много обещавший юноша подарил Екатерине четыре года безмятежного счастья. Она верила: так будет всегда…

Но 20 июня 1784 года Саша простудился. Судя по всему, это была скарлатина, осложнившаяся еще и ангиной. Екатерина не отходила от его постели, но не допускала мысли (он так молод!), что болезнь кончится трагически. Вызванный в Царское Село доктор Вейкард на вопрос государыни: «Что у него такое?» – не пощадил ее, ответив: «Злокачественная лихорадка, Ваше Величество. Он от нее умрет». Опытный врач предостерегал: болезнь заразна, просил (даже посмел требовать), чтобы Екатерина покинула комнату больного, тем более что у нее начались боли в горле. Она, ни секунды не колеблясь, пренебрегла советом врача, осталась рядом со своим Сашенькой.

25 июня он скончался от удушья у нее на руках. Она рыдала, никого не хотела видеть, даже внуков. Через 8 дней она написала Гримму (кругом так много людей, а поделиться она может только с ним): «Я погружена в глубокую скорбь, моего счастья не стало. Я

думала, что сама не переживу невозвратимой потери моего лучшего друга. Я надеялась, что он будет опорой моей старости: он усердно трудился над своим образованием, делал успехи, усвоил мои вкусы. Это был юноша, которого я воспитывала, признательный, с мягкой душой, честный, разделяющий мои огорчения, когда они случались, и радовавшийся моими радостями. Словом, я имею несчастье писать вам, рыдая… Не знаю, что будет со мной; знаю только, что никогда в жизни я не была так несчастна…».

В Царском Селе она поставит ему памятник, на нем прикажет написать: «За заслуги перед отечеством». Кое у кого эта надпись вызывает язвительную усмешку: он не занимался государственными делами, не воевал, был всего лишь любовником императрицы – хороши заслуги! Но она-то знала: четыре года он делал ее счастливой и спокойной; благодаря его любви она пережила подъем душевных сил, который помогал ей работать особенно плодотворно, работать на благо отечества. Так что надпись на памятнике Саша Ланской заслужил.

Если бы не эта нелепая смерть от детской болезни, скорее всего не было бы ни Ермолова, ни Мамонова, ни Зубова. Ланской действительно стал бы опорой ее старости. Любители подсчитывать число любовников или любовниц великих не отказывают себе в удовольствии подсчитать и суммы, которые были истрачены на подарки фавориткам и фаворитам. Екатерина, как известно, была щедра без меры. Но сумма, истраченная на Александра Ланского (7 260 000 рублей), превосходит большинство других, исключая 17 000 000, истраченных на пятерых братьев Орловых (но это – за 11 лет, причем это скорее плата за возведение на престол, чем подарки). Значительно больше Ланского получил и Потемкин (50 000 000), но он, как известно, больше брал сам, не дожидаясь подарков императрицы. Но Потемкин – это Потемкин, да и Орловы (исключая фаворита) государственной деятельностью занимались достаточно плодотворно. А Ланской? Он всего лишь «ублажал» императрицу! Именно поэтому деньги, истраченные на него, вызывают особенно резкие упреки. Более того, мне пришлось недавно прочитать, что этот юноша самозабвенно любил не Екатерину, а деньги. Так вот, на подарки любимому она действительно истратила огромную сумму. Правда, поначалу он отказывался и от денег, и от подарков, но она умела настоять на своем. А когда вскрыли завещание Ланского, выяснилось, что все, что ему принадлежало, все ее подарки он завещал (вернул) ей. Можно представить, как она была потрясена. Она ведь давно успела убедиться, что, какую бы «неземную» любовь ни питали к ней фавориты, все они

никогда не забывали о собственном кармане. Наконец судьба послала ей бескорыстного человека. И – так жестоко отняла…

Она была в отчаянии. Окружающие опасались за ее жизнь. Выручил, как это не раз бывало, Потемкин. Узнав о случившемся, он оставил свою любимую Новороссию и примчался в столицу. В Царское Село явился вдвоем с одним из братьев Орловых, Федором. Екатерина сообщает об этом Гримму: «До той минуты я не выносила человеческого лица; эти же хорошо придумали: они начали реветь вместе со мною – и тогда мне стало легче. Но для этого требовалось немало времени. В силу своей чувствительности я стала существом, бесчувственным ко всему, исключая этого горя; оно усиливалось, поддерживалось воспоминаниями на каждом шагу и при каждом слове. Однако не подумайте, что ради этого ужасного состояния я пренебрегла малейшими делами, которые требовали моего внимания… Я стала существом весьма печальным, говорящим только односложные слова, все меня огорчает, а я ни у кого не люблю вызывать сострадания к себе».

Позволю себе процитировать Казимира Валишевского, не только блистательного знатока эпохи, но и незаурядного психолога: «Один английский оратор, лорд Камельфорд, сказал, что Екатерина возвышала трон своими пороками, как король английский (Георг III) бесчестил его своими добродетелями. Это выражение несколько сильно, но, быть может, согласятся, что пороки, способные проявляться в такой трогательной форме, не заслуживают полного осуждения и презрения».

Пройдет семь лет, и ей придется пережить еще один страшный удар: умрет ее самый верный друг и помощник, Григорий Александрович Потемкин.

Суждения о его смерти были столь же противоречивы, как и отношение к нему при жизни. Большинство придворных едва скрывало ликование. А московский митрополит Платон сказал с горечью: «Древо великое пало: был человек необыкновенный!»

Байрон так написал о смерти Потемкина в «Дон Жуане»:

Тогда жил муж, по силе Геркулес,
Судьбою беспримерно отличенный.
Как метеор, блеснул он и исчез,
Внезапною болезнью пораженный,
Один в степи, под куполом небес.

Большим поэтам дано увидеть главное. Один… Всегда окруженный толпой прихлебателей и врагов, он был одинок. Только Екатерина способна была преодолеть или разделить это

одиночество. Кажется, он просто не пережил разрыва с ней.

«Ты да я, а больше никого и нет в Европе, так зачем с ними считаться», – часто говаривал светлейший. Смириться с тем, что потерял право повторить эти слова, он не смог. И она, которая предпочла ему Зубова, вполне обладавшего всеми пороками светлейшего и ни одним из его дарований, обречена была снова почувствовать одиночество и жуткую, удручающую пустоту: рядом с ней остались только посредственности.

Екатерина писала Гримму: «Страшный удар разразился над моей головой. Мой ученик, мой друг, можно сказать, мой идол, князь Потемкин-Таврический – умер… Это был человек высокого ума, редкого разума и превосходного сердца… Им никто не управлял, но сам он удивительно умел управлять другими…»

Она ценит в нем то, что в полной мере свойственно ей самой: умение управлять другими. Когда-то Петр Федорович предостерегал свою крестницу, юную Екатерину Дашкову: «Дитя мое, не забывайте, что несравненно лучше иметь дело с честными и простыми людьми, как я и мои друзья, чем с великими умами, которые используют сок из лимона и бросят потом ненужную для них корку». Похоже, он неплохо разобрался в характере своей супруги. У нее был редкий для правителя дар: она окружала себя людьми выдающимися, не боясь соперничества. Она давала возможность своим приближенным во всей полноте проявить свои таланты, поощряла их всячески, но и взять у каждого умела все, на что тот был способен. В самом деле, «использовала сок лимона» до последней капли.

Но во второй части своего предостережения Петр был совершенно необъективен: она никогда не бросала своих помощников «как ненужную корку». Она умела быть благодарной. Более того, ее награды нередко превышали заслуги награжденных. К Потемкину последнее замечание никак не относится. Она награждала его более чем щедро. Но ведь и он добывал ей (и России!) громкие победы – славу. Кроме того, он был другом, говорящим с ней на одном языке, понимающим с полуслова, – равным.

Потеря «великолепного князя Тавриды» стала для Екатерины не только невосполнимой личной утратой. С нее начался закат великого царствования.

С годами она очень изменилась. И дело не только в потере бесценного помощника и советчика; не только в возрасте, в естественной усталости человека, всю жизнь «работавшего, как лошадь» (ее собственные слова о себе). Главное в том, что она пережила два тяжелейших, разрушительных кризиса: пугачевский бунт и Великую французскую революцию. Первый был

разрушителен для страны. Второй – для идеалов Екатерины. Напомню: кризис в переводе с греческого означает суд. А суд над собой – это неизбежный пересмотр отношения к жизни, к долгу, к власти, к себе.

Еще до переворота, до смерти Елизаветы Петровны, она написала:

Я желаю, хочу только блага стране, над которой поставил меня Бог; Он мне в этом свидетель. Свобода, душа всего! Без тебя все мертво! Я хочу повиновения законам, а отнюдь не рабства. Я придерживаюсь общей цели: сделать счастливыми, а не каприза, прихоти или тирании, мешающей этой цели…

Это отрывок не из дневника, не из письма, которое, как она рассчитывала, будет прочитано, быть может, многими. Это записано карандашом на клочке бумаги – для себя. Сокровенная мысль, рожденная в минуту вдохновения. И никто из любителей обвинять ее, будто все ее письма вовсе не искренни, а продуманы так, чтобы коварно ввести в заблуждение и адресата, и потомков, не сможет отнести к этой записке свои упреки. Она убеждает, что мечта о свободе, искренняя, не напоказ, – была. Из дальнейшего мы знаем, что осуществить ее не удалось. Ее освободительные порывы закончились ужесточением крепостного права. Даже ей не по силам было обогнать время. А время свободы для России еще не пришло. И в этом – самая большая драма Екатерины-политика. Русская драма… Но слово «раб» она все-таки упразднила…

Можно ли упрекать ее в том, что, провозгласив принцип разделения властей (законодательной, исполнительной и судебной), заимствованный ею из знаменитой книги Монтескье «О духе законов», она не сумела добиться его осуществления, если мы почти через три столетия не можем этого сделать? Кстати, многие ли помнят, что именно она, самодержавная императрица, первая провозгласила в России этот принцип демократии? Парадокс!

Вообще ее «Наказ» (свод законов, состоящий из 20 глав и 526 статей) вобрал в себя все самое передовое и рациональное, что было к тому времени придумано лучшими умами планеты. В этом главном труде ее жизни она проявила себя человеком просвещенным, мудрым, действующим на основании самых точных знаний о состоянии дел в стране, о сложившихся за века нормах и обычаях, о процессах, происходящих в политике и экономике в тот исторический момент, когда она работала над «Наказом». Созданное ею законодательство действовало в России до 1917 года лишь с незначительными изменениями.

Ей до сих пор вменяют в вину агрессивность международной политики, особенно клеймят за раздел Польши. Кто спорит –

деяние, мягко говоря, не самое благородное. Но поступки политика можно оценивать, только исходя из реалий его времени. По поводу первого раздела Польши Екатерина высказалась цинично, но для своего времени вполне резонно: «Если они (Пруссия и Австрия. – И. С.) берут, то почему же и всем не брать».

Вы постарайтесь с самого момента поступления этих провинций под наш скипетр положить конец всем гонениям, притеснениям, несправедливостям, разбоям, убийствам и при судебных исследованиях ужасным пыткам, а также казням и жестоким наказаниям. Одним словом, мы желаем не только, чтобы эти провинции были покорены нами силою оружия, но и чтобы вы привязали сердца этих жителей к нашей империи правлением добрым, порядочным, справедливым, снисходительным,, мягким и гуманным.

Это отрывок из собственноручной записки-наказа губернаторам польских провинций, только что присоединенных к России в результате раздела. И снова ее великодушные внушения остаются невыполненными. Ей не по силам не только обогнать время, но и изменить сущность российского чиновника. А кому это по силам? Недаром они с Бецким мечтали воспитать нового человека. Но даже за 34 года самовластного правления сделать это оказалось невозможно. Что же касается преемников, то на них и вообще надежды мало, а уж ее преемник будет с ожесточением уничтожать все ее начинания. Тоже русская драма, повторяемая из века в век.

Отступление о том, что значит быть русской

Главным в личности Екатерины, признанной (как бы ни осуждали ее за слабости и даже пороки) не только одной из величайших женщин в мировой истории, но и одним из величайших правителей, была искренняя, страстная, самозабвенная любовь к России. Откуда? В этом ее загадка. В самом деле, почему в душе этой девочки из маленького немецкого княжества такой отклик вызвали и заснеженные, не слишком приветливые русские просторы, и древние храмы, и долгие, печальные песни (хотя музыкального слуха не имела и музыки не понимала и не любила).

Зато понимала: чтобы управлять Россией, нужно быть здесь своей, русской. Нельзя поменять кровь? Но разве это – главное? Главное – дух. Каким-то тайным чутьем задолго до Достоевского она почувствовала «особость» русской души и посчитала для себя честью и счастьем стать русской. По духу.

Что же касается крови… Вскоре после приезда в холодный, промозглый Петербург Екатерина с таким энтузиазмом принялась изучать русский язык, что не спала ночами, ходила босиком по холодному полу и без конца твердила новые слова. В результате – воспаление легких. Опасались, что не выживет. Вопреки протестам «просвещенной» мамаши лечили ее по-русски: кровопусканием. И вылечили. Потом она любила шутить: «Этим кровопусканием из моих жил до последней капли выпустили немецкую кровь, заменив ее русской!».

Пройдет много лет. Однажды, будучи в Царском Селе, Екатерина (уже императрица) почувствовала себя нехорошо. Приехал Роджерсон, ее любимый доктор, и нашел нужным немедленно пустить кровь. Она безропотно согласилась. В это самое время государыне докладывают, что приехал из Петербурга граф Александр Андреевич Безбородко узнать о ее здоровье. Она приказывает его принять. Встречает с радостной улыбкой: «Теперь все пойдет лучше: последнюю кровь немецкую выпустила».

В первые месяцы жизни в России самым счастливым днем был для нее тот, когда Елизавета Петровна сказала: «Девица пригожая, держать себя умеет и на немку не похожа». Лучшей похвалы для Екатерины быть не могло.

Действительно, даже не зная о своих русских корнях, она сумела стать русской. Русским языком овладела в совершенстве. Правда, писала с ошибками. Но Петр I, русский, писал абсолютно

безграмотно. Считал: и так обязаны понять. Она же не стеснялась просить своего секретаря, Александра Васильевича Храповицкого, ошибки исправить. Потом сама переписывала письмо набело. Извинялась перед Храповицким: «Не смейтесь над моей орфографией; я объясню вам, почему я не могла ее лучше изучить. По моем приезде в эту страну я начала с большим старанием учиться русскому языку; но моя тетка Елизавета, узнав, какому „злу“ я предавалась, велела позвать мою гофмейстрину и приказала ей положить конец этим занятиям: „Она и без этого достаточно учена“, – сказала она ей. С тех пор я могла продолжать свое образование сама только по книгам, будучи лишена учителей». Но, изучая язык самостоятельно, она познала нечто куда более важное, чем орфография: дух языка, а через него приобщилась и к духу народа.

Русские обычаи стали ее обычаями, следовала им не по обязанности – легко и естественно.

Православие стало ее верой. К переходу в эту новую, покорившую ее душу веру готовилась с трепетом. Это случилось 28 июня 1744 года. Счастливый день! Через 18 лет, день в день, тоже 28 июня, она сбросит с престола ненавистного мужа.

Пройдут годы. Весь мир уже будет называть ее Екатериной Великой. Фридрих Прусский (его тоже звали Великим) напишет ей: «Вся Германия и я с доверием надеемся, что Ваше Императорское Величество, толико прославив свое новое отечество – Россию, вспомните, что вся германская империя гордится тем, что вы там увидели свет». Фридриху нужна была помощь России в войне против Австрии, и он решил польстить Екатерине, хотя недолюбливал ее, считая неблагодарным созданием своих рук.

Как он ошибся! Она прощала ему многое (он зря считал ее неблагодарной, она всегда помнила, что именно он помог ей оказаться в России); простила даже то, что советовал Петру Федоровичу, когда тот стал императором, отправить ее в тюрьму. Только не это: он посмел напомнить ей, что она не русская! Она не желает об этом помнить! И – встает на сторону Австрии.

Она убеждена, что рождена для России. А муж, этот прихвостень Фридриха Прусского! Русским языком за 20 лет жизни в Петербурге так и не овладел. Не потому, что не мог: память имел прекрасную. Не хотел! Любил повторять услышанное еще в детстве от своего голштинского воспитателя Брюммера: «Этот подлый язык пригоден только собакам и рабам». Православия душой не принял, со священниками был груб, в церкви вел себя непристойно, над верой жены насмехался. Эта страна, ее покорившая, заворожившая, оставалась для него чужой.

Открыто признавался: «Я не рожден для России, непригоден русским, а они – мне…».

Уже этого, на взгляд Екатерины, было достаточно, чтобы лишить его русской короны. А он еще утвердил это ее убеждение первыми своими действиями на троне: вышел из войны, вернув обожаемому Фридриху все, завоеванное русской армией – русской кровью; начал вводить в армии прусские порядки, сразу заслужив ненависть и армии, и особенно гвардии. Полезных его начинаний (а они были) просто не желали замечать. Повторяли одно: еще немного – и Россия станет прусской провинцией! Этого нельзя допустить! Взгляды патриотов с надеждой обратились к Екатерине.

Пройдет время, и кое-кто будет иронизировать над ее «излишней» русскостью. Может быть, и в самом деле это выглядело немного странно, когда она упорно настаивала, чтобы автор «Медного всадника» Этьен Морис Фальконе одел Петра I в русский национальный костюм, который покойный император так усердно изгонял из России. Убедить ее в нелепости этой идеи скульптору удалось только с помощью непререкаемого авторитета – Ивана Ивановича Бецкого.

От историографов она требовала отрешиться от предрассудков, будто бы Россия до Петра была дикой, варварской страной. Она соглашалась: да, смуты, последовавшие за смертью царя Ивана Васильевича, отбросили Россию лет на 40-50 назад, но до этого она «ни в чем не отставала от остальной Европы». «Ни одна история не произвела более лучших и величайших людей, чем наша», – писала она Гримму. Она старалась действовать достойно этой великой истории: «В данное время мы далеки от того, чтобы уменьшить славу деяний и событий; скорее мы готовы поддержать ее в умах».

Те, кто пытался заподозрить ее в сознательном преувеличении своей любви к России и ее народу, могли бы устыдиться, прочитай они записки, обнаруженные после ее кончины и не предназначенные к прочтению посторонними людьми:

Никогда вселенная не производила человека более мужественного, положительного, откровенного, человечного, добродетельного, великодушного, нежели скиф (в понятии Екатерины, да и вообще того времени, скиф и русский — синонимы. – И. С.). Ни один человек не сравнится с ним в правильности, красоте его лица, в свежести его кожи, в ширине его плеч, строении и росте; у него обыкновенно дородное, сильное телосложение, широкая борода, густые длинные волосы; он по природе далек от всякой хитрости и притворства; его прямодушие

и честность защищают его от пороков. Нет ни одного конного, пехотинца, моряка, земледельца, равных ему. Ни один человек не питает такой сильной нежности к своим детям и близким, как он; у него врожденная уступчивость по отношению родителей и старших. Он быстр, точен в повиновении и верен.

Что можно об этом сказать? Идеализация? Да, наверное. Но кто не идеализирует тех, кого любит? Именно в этом преувеличении достоинств, на мой взгляд, – несомненное свидетельство искренности, неподдельности чувства.

В эпитафии она писала о себе: «Она легко прощала и ни к кому не питала ненависти». Это правда. Прощала даже измены – то, чего обычная женщина просто не в состоянии простить. Было лишь два исключения. Во-первых, не прощала, когда ей напоминали, что она не русская (о просчете Фридриха II, который обошелся ему поражением в войне, я уже упоминала). Во-вторых, злых, а уж тем более презрительных высказываний о России. В особенности, если их позволяли себе русские. Узнав о таких высказываниях князя Хованского, она пишет московскому губернатору графу Петру Семеновичу Салтыкову: «Очевидно, что, несмотря на свое пребывание во Франции, князь забыл, что за подобные речи сажают в Бастилию. К счастью для него, императрица не зла, и злой язык князя Хованского не заставит ее изменить свой характер. Только Салтыков хорошо сделает, если предупредит его в том, что если он не замолчит, то отправится в такое место, где и ворон костей его не сыщет». И приписывает по-французски: «Хорошенько задайте ему страху, чтобы он попридержал свой отвратительный язык, так как иначе я вынуждена буду сделать ему больше зла, чем причинит ему этот страх».

Вместе с тем она никогда не была шовинисткой. Прекрасно понимала, что правит многонациональной и многоконфессиональной страной, и относилась ровно и доброжелательно ко всем своим подданным. Когда Святейший Синод подал ей жалобу на казанского губернатора за то, что тот разрешил построить в городе несколько мечетей, она ответила: «Как Господь терпит на земле все вероисповедания, языки, все религии, так и императрица, следуя в этом Его святой воле и Его заповедям, поступает, прося только, чтобы между ее подданными царили всегда любовь и согласие».

Когда буйные выходки черкесов вынудили задуматься о способах их умиротворения, приближенные предложили употребить оружие. Она возразила: «Я знаю только одно действительное средство: торговля и удобство жизни, которые смягчат нравы этих народов». Цитировать эти ее слова горько и

странно: неужели никто из сильных мира сего никогда их не прочитал (почти за два с половиной века!)…

Незадолго до смерти она напишет:

Одно верно, что я никогда ничего не предпринимала, не убедись предварительно, что все, что я делала, – было согласно с благом моего государства. Это государство сделало для меня бесконечно многое, и я думаю, что моих индивидуальных способностей, направленных к благу, процветанию и высшим интересам этого государства, едва лад достаточно для того, чтобы я могла поквитаться с ним.

Поквиталась. Не как хотела – как сумела. Как позволили время и обстоятельства. Но большего для России не удалось сделать ни одному ее правителю. Начала с малого, но важного для каждого из ее подданных, исключая самых богатых, процент которых в России всегда был невелик. Первый указ новой императрицы – о снижении цен на соль. Важность его сегодня трудно оценить: соль стоит копейки. Тогда она была на вес золота. Но без золота-то обходится большинство. А без соли? Народ благословлял матушку-царицу.

Узнав, что цена за фунт мяса поднялась с двух копеек до четырех, она приказала закупить за казенный счет столько скота, чтобы вернулись прежние цены. За тем, чтобы не смели повышать цены на хлеб, следила самолично. Ее народ должен быть сыт! И в самом деле – матушка.

Делами старалась она оправдать свое беззаконное воцарение. Понимала: власть выглядит законной, только если она успешна. По ее повелению в Российской империи основано более 150 городов. Еще важнее – рост населения. Когда Екатерина пришла к власти, в стране жило 19 миллионов человек. В конце ее царствования – 36 миллионов. Население Петербурга с 60 тысяч выросло до 200. И, что немаловажно, в столице нашлось место для представителей всех народов империи. Город Петра (она любила его так называть) приобрел при ней «великолепие, которое соответствовало столице столь пространного государства».

Из 34 лет царствования 17 она воевала. Ее осуждают: войны-то вела захватнические. Но вспомним о реалиях времени: XVIII век был не только галантным, он был кровавым. Все воевали со всеми за господство над территориями, природными богатствами, людьми. Территории, завоеванные для России Екатериной II, превышали завоевания Петра I. Ученица превзошла учителя, которого боготворила. Кстати, на ее рабочем столе, за которым она проводила не менее 8 часов в день, всегда стояла табакерка

(она нюхала табак) с портретом Петра. «Я мысленно спрашиваю это великое изображение, что бы он сделал на моем месте?» Петр удивил Европу своими победами. Екатерина к ним приучила. При ней мир признал Россию великой державой. Канцлер Безбородко без ложной скромности вспоминал: «Ни одна пушка в Европе без позволения нашего пальнуть не могла».

О Екатерине-политике, государственном деятеле можно писать и писать. Недаром ее правлению посвящены многие тома исторических исследований. Я написала о ее деяниях предельно кратко, потому что задача передо мной другая: психологический портрет женщины на троне. В мотивах ее поступков как правительницы разбираться не надо, они очевидны: величие и слава России (любой ценой!). От своей страны она себя не отделяет, потому слава страны – это и ее слава, императрицы Екатерины Великой. И – наоборот. Именно поэтому она так дорожит своей репутацией просвещенной монархини (имею в виду ее переписку с Вольтером и Дидро). Здесь не только и не столько личные амбиции, сколько престиж державы.

Что же касается Екатерины-человека, женщины, то в побудительных мотивах ее поступков, в ее отношениях с людьми разбираться куда сложнее (но и интереснее). Прежде всего потому, что масштаб этой личности, а значит, и ее чувства, ее реакции не поддаются привычным оценкам, несоизмеримы ни с какими стандартами.

Отступление об эпистолярном жанре

Никогда не забуду: вскоре после смерти деда возвращаюсь из школы и застаю бабушку за странным занятием: перед ней горка мелко изорванной бумаги, а она берет из лежащей рядом пачки страницу за страницей и продолжает рвать. Мне делается страшно: может, она сошла с ума от горя?! Спрашиваю шепотом: «Что ты делаешь?» Она отвечает (тоже почему-то шепотом): «Эти письма адресованы дедушке. Он их хранил…» «Так зачем же ты их рвешь?» «Их больше некому читать…» «Почему? Я бы прочитала. Интересно…» Теперь она смотрит на меня как на сумасшедшую: «Ты не расслышала? Они адресованы дедушке». И уже сухо, строго, тоном, каким разговаривала со мной очень редко: «Чужие письма читать нельзя».

Чужие письма читать нельзя! – одна из истин, которые любой нормальный человек усваивает с детства. И даже сейчас, каждый раз, когда цитирую письма Екатерины и письма к ней, я испытываю некоторую неловкость, хотя давно уже поняла: именно письма – самый достоверный источник знаний о человеке, чью жизнь, чью душу пытаешься понять.

Что важнее: это острое желание знать или никогда не отпускающее ощущение вины за то, что «лезешь в душу»? Не знаю. Единственное оправдание вижу в том, что интерес к таким личностям, как Екатерина Великая, вызван не праздным любопытством, а потребностью неповерхностно разобраться в истории своего народа.

Я еще не раз буду цитировать письма других своих героинь, которые почти наверняка не рассчитывали, что написанное ими будет читать кто-то кроме адресата. И хотя каждый раз это будет сопровождаться смущением, не могу позволить себе отказаться от этих цитат. Во-первых, потому, что эти письма давно и неоднократно уже прочитаны вовсе не теми, кому были предназначены. Понимаю, что аргумент с этической точки зрения весьма сомнителен и очень напоминает циничное заявление Екатерины: «Если они берут, то почему же и всем не брать?». Во-вторых, потому что письма с максимальной достоверностью раскрывают и личность автора, и его истинное отношение к адресату. А разобраться именно в этом — цель книги.

Большая часть переписки Екатерины Великой – исключение из правила (впрочем, разве она сама – не исключение?). Дело в том, что многие письма она писала как раз в расчете на то, что они будут прочитаны не только адресатом, и даже не только ее современниками. Это письма к Вольтеру, к Дидро, частично – к

Гримму и Марии Терезии Жоффрен. Так что, читая их, мы выполняем ее волю. Ее часто упрекали и упрекают, что в письмах к французским просветителям она лицемерила. Не могу с этим согласиться. Да, она старалась писать так, чтобы в ней увидели безупречную государыню великой страны. Но именно это: великой страны – было для нее главным. И это ей блестяще удавалось. Недаром восхищенный ее письмами Вольтер (а его вряд ли можно заподозрить в наивной доверчивости) писал: «Теперь просвещение идет к нам с Севера».

Другая группа писем (иностранным монархам, собственным помощникам и сподвижникам) – скорее государственные документы, чем письма в общепринятом смысле. Они интересны не только содержащейся в них исторической информацией, но и стилем, присущим только ей, тем, что, будучи даже официальными документами, они никогда не бывали стандартными, формальными.

К третьей группе можно отнести письма, предназначенные ею для того, чтобы скрыть свои подлинные мысли. И это она умела делать блистательно. Достаточно вспомнить письмо к Елизавете Петровне, которое решило судьбу будущей Екатерины Великой.

И наконец, письма, которые для постороннего прочтения предназначены не были и сохранились только потому, что адресаты не захотели или не сочли возможным их уничтожить. Это большинство писем сыну, невестке, Понятовскому, Потемкину и некоторым другим. Вот эти письма она, наверное, не захотела бы увидеть в чужих руках.

Как-то она написала: «Относительно своих сочинений – скажу, что смотрю на них, как на пустяки… Мне кажется, что все, написанное мною, – довольно посредственно; к тому же я не приписываю этому никакого другого значения, как только доставляемого себе этим удовольствия».

Позволю себе не согласиться с этим самоуничижительным признанием. Ее сочинения посредственными никак не назовешь. Исключение – пьесы, которые и в самом деле довольно заурядны, а так как еще и злободневны, то сегодня не представляют ни малейшего интереса. Все же остальное: записки, заметки и особенно письма – блистательно. Мысль она выражает точно и четко, фразу строит свободно, стиль ее образен, легок, самобытен. Но для тех, кого разделяет с ней время, главное даже не в этом. Для потомков, для всех историков, пытавшихся и пытающихся до сих пор осмыслить то, что происходило в нашей стране, да и в мире, во второй половине XVIII века, по праву именуемой екатерининской эпохой, ее записки и письма – бесценный источник знаний (но и сомнений).

Я рассказала о том, как первая немецкая принцесса прошла в России все ипостаси женской жизни: была невестой цесаревича и невесткой царствующей императрицы, женой наследника, потом – императора, матерью будущего императора, вдовой. Пришло время рассказать еще об одной роли, которую ей выпало сыграть. Это роль свекрови. Надо сказать, не самая простая. Именно в этой роли чаще всего проявляются не лучшие черты характера и качества души.

Начну с первой невестки – и первой ошибки проницательной (как ей самой казалось) Екатерины Великой.

Трудно не задать себе вопрос – почему же она, так дорожившая своей не без труда обретенной русскостью и вообще русскостью на русском троне, женила своего сына и внуков на немках? Политический расчет значил для нее не слишком много: что для могущественной, огромной державы родство с маленькими немецкими княжествами! Здесь другое. На собственном опыте она знала: немецкая принцесса способна полюбить Россию больше, чем иной русский по крови. Вот в ее муже течет русская кровь, кровь самого Петра Великого. И что?! Позволю себе совершенно антинаучное допущение: ей казалось, что европейские женщины способны смягчить и облагородить русские нравы, но бороться с варварством они станут не варварскими методами, как это делал ее великий предшественник, Петр Алексеевич, а любовью, как это старалась делать она. Надеялась, что вслед за ней они продолжат разворачивать Россию к Западу. Что им, как и ей, будет проще. В них, как и в ней, не будет ни петровского преклонения перед Западом, ни елизаветинского страха и недоверия. По ее воле женами ее потомков стали четыре немецкие принцессы. Лишь одна полностью оправдала ее надежды: беззаветно полюбила Россию (о ней – в главе «Елисавету втайне пел»).

Почти 30 лет назад Елизавета Петровна пригласила в Россию Ангальт-Цербстскую принцессу Софию Амалию Фредерику. Теперь уже она, ставшая самодержицей всероссийской, ищет невесту своему сыну, мать будущего наследника престола, продолжателя ее дела. Выбор падает на принцесс Гессен-Дармштадтского дома. Трех сестер вместе с матерью приглашают в Петербург. Ландграфиня Гессен-Дармштадтская Каролина по уму и образованности была одной из замечательнейших женщин Германии. Как и Екатерина, она поддерживала постоянную переписку с деятелями французского Просвещения. К ее мнению прислушивался даже сам Фридрих II, известный женоненавистник. Зато ее супруг, ландграф Людвиг, очень

напоминал Петра III: единственным, что его по-настоящему интересовало, были военные маневры, парады, муштра. Материальное положение ландграфини было крайне затруднительным: ей приходилось растить шестерых детей практически без помощи мужа. Понятно, почему приглашение Екатерины она встретила с искренней радостью. Она опасалась, что возникнут какие-нибудь препятствия к этому желанному браку, делилась опасениями с Фридрихом. Он уверенно ее успокаивал: «Я уверен во всех главных агентах, которые ведут это дело: разве что каприз самого великого князя может расстроить наши планы». Заметим: наши! Фридрих весьма заинтересован в этом союзе, он надеется приобрести очередного агента при русском дворе. Когда-то с недалекой и самоуверенной матушкой будущей Екатерины не получилось, но ландграфиня Каролина – другое дело, уж она-то сумеет завоевать доверие русской императрицы и стать полезной для своего патрона, прусского короля.

Когда встает вопрос о том, что невесте придется переменить веру, Каролина, которая этого вовсе не пугается, но беспокоится, что заупрямится ее муж, потому что без его согласия дочь не сможет перейти в православие, снова обращается за помощью к Фридриху. И он снова ее успокаивает: «Я помню, когда я предлагал такую же партию принцу Цербстскому (отцу Екатерины. – И. С.), чего мне стоило уговорить его насчет религии… И так после всех этих проделок его дочь отправилась в Россию, и вот она теперь императрица, и еще какая императрица!»

Потом, когда ландграфиня с дочерьми уже приедет в Петербург, Фридрих будет писать ей очень часто, наполняя письма восторженными похвалами русской монархине. Знал: каждое его письмо станет известно Екатерине – перлюстрация писем была в порядке вещей. Екатерина посмеивалась: она знала, что он знает, что она знает…

За своими гостьями императрица послала русский военный корабль, который с комфортом доставил их в столицу империи. Сопровождал гессенских дам любезный, предупредительный и очень красивый друг будущего жениха князь Андрей Кириллович Разумовский (эту деталь следует запомнить).

В Петербурге бриг «Саламандра» встречали с необычайной торжественностью, к пристани подали роскошные экипажи, в которых гостей доставили в Мраморный дворец, предоставленный им императрицей. Дворец поразил гостей редким изяществом линий, стройностью фасадов и элегантностью отделки. И конечно, невиданным комфортом. Семейство было

счастливо. Только средняя сестра, Вильгельмина, возмущалась:

Мне кажется, что мы играем здесь, в Петербурге, в высшей степени смешную роль. Мы – немецкие принцессы, а между тем нас притащили сюда, словно рабынь на рынок, чтобы иноземный принц, даже некрасивый и несимпатичный, мог надменно выбрать себе ту, которая более всех поразит его варварское воображение. Еще недавно на уроке истории я проходила, как в Греции отправляли молоденьких девушек на съедение Минотавру. Мне кажется, что наше положение тоже не лучше. Неужели не было бы приличнее, если бы великий князь приехал к нам в Дармштадт?! Неужели наше милое отечество кажется русским таким ничтожным и гадким, что с ним даже не считаются?! Мне кажется, что мы, как немки, должны быть более гордыми и не ездить с таким бесстыдством на бесцеремонный выбор русского рабовладельца.

У Екатерины не только в Зимнем дворце были глаза и уши – в Мраморном тоже нашлись такие, кто слушал каждое слово дармштадтских гостей и доносил императрице. Понятно, что высказывания одной из претенденток на место будущей матери будущего наследника ее не порадовали. Но, надо отдать ей должное, слова эти она запомнила и, сватая сыну вторую невесту, ошибки не повторила. Правда, вторая невеста оказалась не такой строптивой, как Вильгельмина.

Екатерина вовсе не хотела унизить будущую невестку. Ее ведь тоже привезли в Россию по приглашению Елизаветы Петровны. Но она хорошо знала о русском обычае возить невест на смотрины в царский дворец (хотя в старину это касалось только невест царствующего монарха, а не наследника престола, но это уже подробность, давно забытая). Принцесса Вильгельмина русских обычаев не знала, русской историей никогда не интересовалась. Не заинтересуется ею и потом, когда уже станет женой наследника престола. Правда, за исключением одного эпизода, всего одиннадцатилетней давности (на дворе был год 1773)… Этот эпизод вселил в нее надежду стать владычицей пусть дикой, пусть непонятной, но огромной и богатой страны. Точно так, как стала свекровь.

Старшая сестра, Амалия Фредерика, чье спокойное достоинство пришлось по душе Екатерине, вскоре вышла замуж за принца Карла Людвига Баден-Дурлахского. Их любимая дочь, Луиза Мария Августа, станет супругой любимого внука Екатерины, Александра Павловича (о ней – в главе «Елисавету втайне пел»).

Младшая сестра, на которую Павел не обратил никакого внимания, выйдет замуж за великого герцога Саксен-Веймарского. Луиза станет одной из выдающихся женщин своего

времени. Гете считал за честь называться ее другом. Наполеон преклонялся перед ее нравственным величием.

Но Павел Петрович выбрал, кого выбрал… Нельзя исключить, что сделал он это в пику матери, которая не скрывала, что Вильгельмина у нее восторга не вызывает. За что вскоре и поплатился…

Через полгода избранница Павла Петровича приняла православие и новое имя: Наталья Алексеевна. Их венчали в церкви Рождества Богородицы (на ее месте сейчас Казанский собор). Здесь 11 лет назад Екатерину провозгласили императрицей. Сюда же, прямо на свадьбу наследника престола (ее престола!) пришла весть: Петр III воскрес! Он идет в Петербург, чтобы отдать власть сыну, законному императору Павлу I.

Екатерина понимает: самозванец. Она ведь абсолютно уверена в смерти мужа. А Павел? Думается, он тоже знает: отец мертв, а мертвые не воскресают. Но каковы мотивы появления самозванца? Истинные ему едва ли понятны, потому и не кажутся опасными. А вот провозглашенная самозванцем цель весьма привлекательна… Очень интересует Пугачев и молодую великую княгиню. Она, воспитанная в Европе, давно забывшей о рабстве, видит в нем освободителя несчастных русских крестьян. К тому же он обещает посадить на трон Павла, а значит, и ее. Что может быть лучше, если уж судьба занесла ее в эту жуткую страну?

Павла, страстно влюбленного в молодую супругу, не смущает, что рядом с ней почти неотлучно находится его друг детства красавец Андрей Разумовский (ходят упорные слухи, что он – незаконный сын Елизаветы Петровны). Именно Разумовский рассказал нетерпеливой претендентке на российский трон о том, как умер Петр III, кто и как возвел на престол Екатерину. Какой пример для подражания! И чем Разумовский хуже Григория Орлова? Но такие планы рождаются только в голове Натальи Алексеевны. Андрей Кириллович вряд ли о них даже подозревает: он человек умный, осторожный, ситуацию при русском дворе знает. И на что способна Екатерина, защищая свою власть, он тоже знает. Не то, что самоуверенная немецкая принцесса. Она ему нравится, он влюблен, роль любовника жены наследника короны щекочет самолюбие. Но не больше. На смертельный риск ради ее амбициозных планов он никогда не пойдет.

В первое время после свадьбы Павел был счастлив, весел, выполнял любое желание жены, но постепенно становился мрачен, его взгляд горел тревожным огнем, выдававшим душевную боль; с матерью держался то холодно, то был груб и дерзок. Екатерина не без основания видела в этом влияние

Натальи Алексеевны.

Екатерине докладывают: в семье наследника зреет заговор… Павел не скрывает раздражения: матушка слишком засиделась на троне! Его троне! Она улыбается в ответ:

Я знаю, что Павел будирует против меня, но всем наследникам кажется, что они лучше справятся с государственными делами. Я могу утешаться одним: его сын так же будет будировать против него самого.

Пройдет 27 лет, и те, кто еще будут живы, вспомнят эти пророческие слова.

А тогда, едва освоившись при дворе, великая княгиня пишет матушке возмущенные письма: свекровь – узурпаторша! К тому же бесстыдно меняет фаворитов! Тем, кто читал эти письма (а их читали!), понятно: немецкая принцесса, воспитанная в строгой добродетели, шокирована. Но есть одна пикантная подробность: ее собственные отношения с Андреем Разумовским. Отношения настолько плохо скрываемые, что при дворе с любопытством перешептываются: «Интересно, на кого будет похож ребенок?» (Наталья Алексеевна беременна). Подозревают, что связь эта началась еще на борту брига «Саламандра», на котором красавец-вельможа встречал невесту своего друга детства, Павла Петровича. Но это всего лишь подозрения, в свете которых поведение Натальи выглядит особенно подлым.

Подозрений, ничем не подтвержденных, в этой истории немало. К примеру, кое-кто обвинял Потемкина, что это он помог Екатерине избавиться от нежелательной невестки; хотя не подлежит сомнению, что смерть жены наследника от родов была неизбежной: она с детства страдала пороком позвоночника, который исключал возможность родить ребенка. Это было подтверждено вскрытием. Екатерине не нужны были подозрения, которые могли возникнуть при европейских дворах, так что вскрывали труп независимые эксперты (13 человек!).

Пять дней Павел и Екатерина не отходили от умирающей. Он был в отчаянии, она его утешала и старалась ободрить невестку.

«Признаюсь, — пишет она Гримму из Царского Села, – я в первый раз в жизни была в таком затруднительном, тяжелом, ужасном положении; я забыла об еде и о сне; не понимаю, как у меня доставало сил. Думаю, если эти события не произведут расстройства в моей нервной системе, то, стало быть, ее ничем нельзя расстроить… Павел довольно твердо переносит свое тяжкое горе, но сегодня у него лихорадка. Тотчас после смерти его супруги я его увезла и привезла сюда».

Вот это очень любопытно. Не факты, о которых она сообщает; не состояние, которое она описывает, нет. Интереснее всего то, о

чем она умалчивает. Именно это больше всего говорит о ее моральных принципах. А умалчивает она вот о чем. Видя, в каком отчаянии ее сын, она отдала ему пачку писем: любовных писем его лучшего друга к его обожаемой жене. Обняла (в их отношениях этот жест – редкость), сказала: «Они недостойно злоупотребили твоим доверием». Наверное, это было жестоко. Но она хотела помочь, исцелить. Сама всегда предпочитала знать правду. Любую. Не оставила его один на один с его горем. Увезла с собой в Царское Село. А Гримму рассказала только о том, что увезла; о письмах, о том, что сына предали самые близкие люди, – ни слова. Это о себе она может рассказывать самое сокровенное, обсуждать чужие тайны для нее – табу. Редчайшее, надо сказать, качество. И то, что, не любя невестку, зная о ее отношениях с Разумовским, не устроила публичного скандала, тоже кое-что говорит о Екатерине Алексеевне.

На похороны жены Павел не явился. Императрица отстояла заупокойную службу от начала до конца и отправилась в Смольный институт. Давно собиралась отобрать из выпускниц новых фрейлин. Выбрала нескольких своих любимиц. Среди них Катеньку Нелидову. Странное скрещение судеб: именно в день, когда хоронили горячо любимую, хоть и неверную жену Павла, при дворе оказалась женщина, которой предстоит сыграть в его жизни огромную роль (об этом в «Отступлении о смолянке Екатерине Ивановне Нелидовой»).

И еще любопытный факт, тоже характеризующий императрицу. Она написала о Разумовском: «Он несомненно умен, тонок и талантлив. Нужно использовать его дарования». К тому же он – Разумовский, а эта семья кое-что для нее значила. Вместо того чтобы наказать несостоявшегося заговорщика, она отправила Андрея Кирилловича чрезвычайным посланником в Неаполь (впрочем, такие престижные нынче командировки за границу в те времена нередко рассматривали как наказание). На дипломатической работе бывший возлюбленный покойной великой княгини будет верно служить государыне и России.

Пока его место не понадобится родственнику светлейшего князя Потемкина…

От «воска» до «чугуна» Часть I

Негодной невестке, так вовремя покинувшей эту грешную землю, нужно было срочно найти замену, способную дать полноценное потомство. Именно это больше всего заботит государыню: ее династия не должна прерваться! И взгляд Екатерины снова обращается к Софии Доротее Вюртембергской, которая при первом выборе невесты была отвергнута исключительно по малолетству.

Екатерина Великая была человеком трезвого ума, разного рода мистических предзнаменований не признавала, всему находила вполне реалистические объяснения. Но здесь… Не странно ли? Девочку зовут Софией, как звали и ее, Екатерину, до перехода в православие. Она тоже родилась в Штеттине. Отец ее Фридрих Евгений Вюртембергский, как и отец Екатерины, состоял на прусской службе, так как не имел достаточно средств, чтобы содержать многочисленное семейство. Наконец, она была племянницей Фридриха Великого, он ей покровительствовал, как когда-то покровительствовал Екатерине. Так хотелось верить, что эти совпадения обещают в будущем взаимопонимание и дружбу и, может быть, помогут сближению матери и сына. Она еще надеялась, что такое сближение возможно…

Помня, какое возмущение вызвало у первой жены Павла то,

что не жених приехал к ней свататься, а ее привезли в Петербург на смотрины, Екатерина решила быть деликатнее: отправила сына знакомиться с невестой ко двору Фридриха Великого. «Мертвых не воскресить, надо думать о живых и ехать за своим сокровищем в Берлин», – напутствовала она сына. И, похоже, совершила ошибку. Известный своей скупостью прусский король встречал наследника российского престола с невиданной пышностью – готовил будущего могущественного союзника. И преуспел. Павел был очарован, в нем будто проснулось унаследованное от Петра Федоровича преклонение перед Фридрихом. Это чувство со временем будет только крепнуть и все больше отдалять друг от друга сына и мать.

Но пока все замечательно. Никогда еще переписка между матерью и сыном не была такой оживленной и полной доверия. Павел пишет: «Я нашел невесту свою такову, какову только желать мысленно себе мог: не дурна собою, велика, стройна, не застенчива, отвечает умно и расторопно… Сколь счастливя, всемилостивейшая государыня, если, будучи вами руководим, заслужу выбором своим еще более милость вашу». Через некоторое время сообщает уже подробнее:

Мой выбор сделан. Препоручаю невесту свою в милость вашу и прошу о сохранении ее ко мне. Что касается до наружности, то могу сказать, что я выбором своим не остыжу вас; мне о сем дурно теперь говорить, ибо, может быть, я пристрастен, но сие глас общий. Что же касается до сердца ее, то имеет она его весьма чувствительное и нежное, что видел я из разных сцен между роднею и ею. Ум солидный ее приметил и король сам в ней, ибо имел с ней о должностях ее разговор, после которого мне о сем отзывался; не пропускает она ни одного случая, чтобы не говорить о должности ее к вашему величеству (и не случайно, и не по велению сердца, а следуя письменному «наставлению» жениха, которое он вручил ей вскоре после знакомства и в котором особо подчеркивал требование к невесте почитать свою будущую свекровь. – И. С.). Знания наполнена, и что меня вчера весьма удивило, так разговор ее со мной о геометрии, отзываясь, что сия наука потребна, чтобы приучиться рассуждать основательно. Весьма проста в обращении, любит быть дома и упражняться чтением или музыкою, жадничает учиться по-русски, зная, сколь сие нужно…

Последнее особенно радует Екатерину. Кажется, ее надежды начинают сбываться. Откуда ей было знать, что язык своей новой родины невестка так никогда и не освоит…

Правда, с переходом в православие на этот раз оказалось непросто: невеста категорически не желала менять веру. Убедил

духовник: «Внутренние убеждения и религиозные чувства, которых никто не видит, принадлежат вам, и о них знаете лишь вы». И она согласилась носить маску. Не только на лице – на душе.

Впрочем, в Павла влюбилась сразу и была вполне искренна. Писала ему незадолго до свадьбы:

Богу известно, каким счастьем для меня представляется вскоре принадлежать вам. Вся моя жизнь будет служить вам доказательством моих нежных чувств, да, дорогой, обожаемый, драгоценный князь, вся моя жизнь будет служить лишь для того, чтобы явить вам доказательства той нежной привязанности и любви, которые мое сердце будет постоянно питать к вам… вспоминайте немного о той, которая обожает вас.

Влюбленный жених отправляется в Петербург, а невеста внимательно изучает наставления, оставленные ей Павлом. Через несколько дней ей тоже предстоит ехать в Россию, нужно быть готовой. Встреча с Екатериной Великой, о которой она столько слышала, особенно волнует Софию Доротею. Будущий муж учит, как вести себя с государыней:

В отношении к императрице принцессе следует быть предупредительной и кроткой, не выказывать досады и не жаловаться на те кому бы то ни было; объяснение с глазу на глаз всегда будет наилучшее. Этим она избавит себя от многих интриг и происков, которые не замедлят коснуться ее. Так как принцесса не может иметь никаких личных целей, то ей не придется что-либо скрывать от ее величества. Потому она хорошо поступит, говоря ей откровенно все то, что у нее будет на душе; это (не говоря уже об интригах) будет гораздо лучше для ее собственного спокойствия.

И она не дала никакого повода для интриг и происков (и не даст! – искренне верит в это), а жених пишет, что они не замедлят коснуться ее: ей становится страшно. А почему она должна жаловаться на императрицу? Ведь та сама выбрала ее в невесты сыну?!

Неспокойно было ее сердце, когда она перешла к главному: чего ждет от нее будущий муж. -

«Я не буду говорить ни о любви, ни о привязанности, — писал Павел, – ибо это вполне зависит от счастливой случайности; но что касается дружбы и доверия, приобрести которые зависит от нас самих, то я не сомневаюсь, что принцесса пожелает снискать их своим поведением, своей сердечною добротою и иными своими достоинствами, которыми она уже известна. Ей придется прежде всего вооружиться терпением и кротостью, чтобы сносить мою горячность и изменчивое расположение духа, а равно мою

нетерпеливость. Я желал бы, чтобы она принимала снисходительно все то, что я могу выразить иногда даже, быть может, довольно сухо, хотя и с добрым намерением, относительно образа жизни, умения одеваться и т. п. Я прошу ее принимать благосклонно советы, которые мне случится ей давать, потому что на десять советов все же может быть и один хороший, допустив даже, что остальные будут непригодны. Притом, так как я несколько знаю здешнюю сферу, то я могу иной раз дать ей такой совет или высказать такое мнение, которое не послужит ей во вред. Я желаю, чтобы она была со мною совершенно на дружеской ноге, не нарушая, однако, приличия и благопристойности в обществе. Более того, я хочу даже, чтобы она высказывала мне прямо и откровенно все, что ей не понравится во мне; чтобы она никогда не ставила между мною и ею третьего лица и никогда не допускала, чтобы меня порицали в разговоре с нею, потому что это не отвечает тому расстоянию, которое должно существовать между особою ее сана и моего и подданным».

Эта часть наставления ее нисколько не пугает: именно к такому поведению она подготовлена воспитанием. На мужа, кто бы им ни стал, она должна смотреть как на повелителя. Так ее научили. И она всю жизнь будет следовать этому правилу. А понять, какие комплексы скрываются за некоторыми пожеланиями будущего супруга, она просто не в состоянии – слишком молода и неопытна. Потом поймет…

А пока все обещало семейное счастье. При русском дворе новую невесту цесаревича встретили доброжелательно.

Некоторое недоумение вызвало то, что она, не колеблясь, присвоила себе все старые платья, оставшиеся от первой жены Павла, и не постеснялась потребовать у камеристок даже башмаки покойной. Но это произошло уже после того, как София Доротея приняла православие, была наречена Марией Федоровной и стала законной супругой наследника российского престола. Отступать было поздно…

Свекровь к ней благоволила вполне искренне. Это очевидно из ее писем Гримму, перед которым не нужно было прикидываться (думается, для того она и допустила в свою жизнь умницу Фридриха Мельхиора Гримма, чтобы иметь возможность в любой момент хотя бы заочно побеседовать вполне откровенно с тем, кто способен понять):

Я пристрастилась к этой очаровательной принцессе. Она именно такова, какую желали: стройность нимфы, цвет лица – цвет лилии с румянцем розы; прелестнейшая кожа в свете; высокий рост с соразмерною полнотою и при этом легкость поступи; кротость, доброта сердца и искренность выражаются на ее лице.

Все от нее в восторге, и тот, кто ее не полюбит, будет не прав, так как она создана для того и делает все, чтобы быть любимою. Словом, моя принцесса представляет собою все, чего я желала, и вот я довольна.

Тогда же Екатерина говорила о нраве своей невестки: «Воск!» Пройдут годы, и незадолго до кончины любимой матушки император Николай Павлович скажет о ее характере: «Чугун!» И никто не усомнится в его правоте. Значит, мудрая государыня ошибалась? Едва ли. Из воска действительно можно вылепить все. Вот Екатерина и надеялась. Поклонница Жан-Жака Руссо, она всю жизнь явно преувеличивала свои таланты воспитательницы. Из всех своих фаворитов пыталась воспитать людей ответственных, способных достойно трудиться на благо России. Не получалось. Исключение – один Потемкин, но его таланты не были заслугой венценосной воспитательницы. С невесткой тоже не получилось. Марию Федоровну воспитывали обстоятельства. Борьба с ними, в том числе и со свекровью, закалили характер. Воск превратился в чугун.

Екатерина довольно быстро разобралась: невестка расчетлива, хотя к обездоленным щедра; педантична, невыносимо скучна, кичится своей добродетельностью, хотя мужу и детям предана безраздельно. Впрочем, поняв, что представляет собой невестка, Екатерина полностью утратила к ней интерес как к личности. А напрасно. Ей ведь нужны были внуки. А невестка не могла не передать детям свои черты. И передала… Достаточно вспомнить непреклонную жесткость Николая Павловича или двойственность натуры Александра Павловича.

Бестрепетно Екатерина отняла у невестки первенца. Жестоко? Но ведь с ней самой поступили точно так же… Ничего, пережила… Она, как и Елизавета Петровна, хотела сама воспитать внука. Идеального преемника. Ей к тому времени уже было ясно, что Павел не станет продолжателем дела всей ее жизни. Он – другой. Чужой. А из этого прелестного белокурого голубоглазого младенца она вылепит свое подобие – великого императора. Не случайно назвала его Александром. В честь Александра Невского и величайшего из государей, Александра Македонского.

Отступление о Павловске

В благодарность за рождение долгожданного внука Екатерина подарила его родителям 362 десятины земли в пяти верстах от Царского Села. Вскоре Павел Петрович предоставил село Павловское в полное распоряжение супруги. За последующие 15 лет владения Марии Федоровны разрослись до 879 десятин. Статус города и наименование «Павловск» селение получит по распоряжению Павла, уже ставшего императором, в 1796 году.

Благоустраивать новое свое имение Мария Федоровна начала с постройки увеселительного домика Паульлуст (Павлова утеха) рядом с тем местом, где вскоре построит Павловский дворец, который и сейчас – одно из блистательных украшений пригородов Петербурга. Другую дачу назвала Мариенталь (Мариина долина). Строить оба здания пригласила прославленного Чарльза Камерона. Он, как, впрочем, и приглашенный позднее Джакомо Кваренги, неоднократно вызывал гнев хозяйки Павловска тем, что якобы не проявлял достаточного рвения к работе, был недисциплинирован и не слишком исполнителен. Зодчие же видели причины конфликтов с заказчицей в ее мелочных придирках, в том, что она вмешивалась в дела, в которых мало смыслила. Имея дело с Екатериной, они привыкли, что им доверяют, понимают: творчество невозможно регламентировать.

Мария Федоровна думала иначе: творческая работа, как и любая другая, должна подчиняться строгому порядку. Переубедить ее было невозможно: она сама – человек творческий, уж она-то знает! Она и в самом деле рисовала, лепила, гравировала, вышивала. Все это делала старательно, качественно, даже мастерски, но… без малейшего полета фантазии.

Екатерина безропотно выделяла семейству сына деньги на строительство, но в конце концов взбунтовалась, предложив владельцам Павловского обходиться своими средствами, полагая, что суммы, ассигнуемые ею для двора цесаревича, с избытком покрывают все расходы. Наследник был раздражен, обижен. Супруга, считавшая, что сердиться – абсолютно неконструктивно, уговаривала его присоединиться к своим униженным просьбам: «Мы, нижеподписавшиеся, прибегаем к милостям нашей любезной и доброй Матушки с мольбой снисходительно принять наше откровенное признание в крайней денежной нужде, в которой находимся. Причиной, правда, содержание наших загородных домов и необходимость окончить начатые работы…»

Мария Федоровна блестяще умела выпрашивать деньги у

щедрой, хотя и не очень-то любящей невестку императрицы. К примеру, написала портрет возлюбленного Екатерины Александра Ланского и преподнесла свекрови. Екатерина была растрогана. Невестка получила очередную сумму на продолжение строительства своего обожаемого Павловска. Ну а то, что за глаза прилюдно осуждала «развратную старуху» за связь с мальчишкой… Кто же осмелится доложить об этом государыне? В общем, убежденность великой княгини, что лицемерие – вовсе не грех, если помогает приблизить желанную цель, оправдывалось. А цель была не просто желанна. Она была прекрасна. Павловск, ее Павловск должен превзойти Версаль и Трианон и (главное!) стать дивным напоминанием о родном Этюпе и Монбельяре. Только раннее детство она провела в Штеттине, потом семья переселилась в родовой замок Монбельяр вблизи французской границы и начала строить загородную резиденцию Этюп. С этими-то чудесными местами и были связаны самые счастливые воспоминания Марии Федоровны.

Павловск она обожала. Писала из-за границы: «Свой домашний уголок, Колоннада, Храм в Павловском доставляют мне удовольствия более, нежели все красоты Италии»; «Уверяю вас, что Италия не только не отвратила меня от Павловского, но заставила еще более его ценить».

При том, что Мария Федоровна мечтала построить дворец и парк, не уступающие лучшим европейским образцам, она была весьма экономна не только при значительных затратах по дворцу, но и во всех хозяйственных мелочах. Каждая смета художественных и обойных работ, каждый счет подрядчиков подвергался внимательному контролю владелицы Павловского. Вот несколько отрывков из писем великой княгини, свидетельствующих о ее расчетливости или, как она сама это называла, – о разумной бережливости. Адресат этих писем – Карл Иванович Кюхельбекер, первый директор Павловска, честнейший, благороднейший, безукоризненный исполнитель замыслов Марии Федоровны. Сын этого абсолютно законопослушного человека, Вильгельм, станет лицеистом, другом Пушкина, потом – декабристом.

«Уговорились ли вы насчет белой тафты? Так как с меня спрашивали рубль шестьдесят коп., я не хотела взять, думая, что с меня запрашивают…»

«Что это за счет г. Дмитриева в 165 р. за фонари и канделябры, которые – я очень хорошо помню – были, по моему приказанию, куплены моим камердинером Сидоровым и деньги за них тотчас же уплачены?»

«…майор Бенкендорф сказал мне, что каждый куст

можжевельника обойдется нам в 8 копеек, он же платит только по 3 копейки; поэтому мне пришло на ум сказать вам, чтобы вы прислали сюда лошадей в воскресенье, пораньше утром. Тогда они навезут несколько возов этих кустарников, мы заплатим только по 3 копейки и, в то же время, лошади не будут отвлечены от работ на понедельник».

Написано это в 1785 году. Марии Федоровне всего 26 лет. Но она не оставляет своими заботами тех, кто работает в ее любимом Павловском: «Что поделывают наши больные? Ради Бога остерегитесь, чтобы чего не приключилось теперь, при вскрытии реки: несравненно лучше потерпеть какие-нибудь повреждения, нежели допустить несчастный случай с кем бы то ни было». «Ради Бога, не жалейте ни денег, ни расходов, ни забот, чтобы предупреждать болезни».

Павловск до конца дней останется предметом ее гордости и неустанных забот. С детства знакомая с сельским хозяйством, особенно с цветоводством, она украсит свой парк изумительными цветами, привезенными из разных уголков Европы. С годами научится подбирать талантливых помощников для воплощения своей мечты, научится доверять им, и это даст впечатляющие результаты.

Вся декоративная часть садов и парка была предоставлена блистательному Гонзаго. Печать его таланта лежит на всей планировке и устройстве парка. Посредством рубки, группировки деревьев, подбора их сортов при посадках художник превращал самые глухие места в те живые, прелестные пейзажи, которыми и сегодня славен Павловский парк.

После страшного пожара, уничтожившего в 1803 году (уже после смерти Павла Петровича) все интерьеры парадных залов Павловского дворца, возглавить восстановительные работы вдовствующая императрица пригласила Андрея Воронихина, уже прославившего свое имя многими блестящими постройками (правда, Казанский собор был еще не окончен, но стало уже очевидно: это – шедевр).

В первые годы она не умела найти общего языка с великими Камероном и Кваренги, раздражала их мелочными придирками и замечаниями. Опыт общения с большими художниками научил ее щадить самолюбие творцов, не разыгрывать перед ними роль всемогущей повелительницы. Воронихину она не мешала спокойно творить, поддерживала все его неожиданные, смелые решения. О деньгах можно было не беспокоиться:

Александр I щедро финансировал возрождение матушкиного любимого дворца.

Павловск становился еще прекраснее. В это время,

воодушевленная, поверившая в возрождение того, что после пожара казалось утраченным навсегда, она писала Нелидовой: «Павловск похож на очаровательную женщину, которая перенесла тяжелую болезнь. Печать пройденных страданий еще пугает, но мало-помалу в ней появляются прежние милые черты, тот же шарм, и люди говорят друг другу: „Как только она опять почувствует себя хорошо, следы болезни будут совсем незаметны и она приобретет свежесть“. Так будет и с Павловском. Я благодарю Бога за то, что осталось».

Отечественная война 1812 года на время прервала работы по благоустройству: если бы императрица-мать продолжала вкладывать огромные суммы в свою летнюю резиденцию, ее едва ли поняли бы даже доброжелатели. Но как только война окончилась, можно было снова заняться Павловском. Безвременная смерть Андрея Воронихина заставила искать нового зодчего.

Она вспомнила: когда-то Воронихин представил ей юного Карло Росси, говорил, что юношу ждет блестящее будущее. Почему бы не попробовать? Первой работой Росси в Павловске была пристройка к Розовому павильону Большого зала для приема Александра, вернувшегося из Парижа после победы над Наполеоном. Мария Федоровна пришла в восторг. Росси стал ее любимым архитектором. Он строил в Павловске, перестраивал Аничков и Елагин дворцы, подаренные матушке щедрым сыном Александром Павловичем (каким путем она добивалась таких подарков, явно превышающих ее потребности, расскажу далее. – И. С.). По ее заказу Росси построил Михайловский дворец для ее младшего сына (сейчас там Русский музей). Она очень неохотно отпускала своего любимца «поработать на стороне». Такой работой было, к примеру, строительство гениальных ансамблей Главного штаба и Сената и Синода. Нельзя не отдать ей должного: Росси и все, кто с ним работал, получали от нее деньги, награды, чины. После ее смерти положение великого зодчего резко изменилось к худшему.

Любопытно, что ходили слухи – и Мария Федоровна о них наверняка знала, – будто отцом архитектора был не кто иной, как Павел Петрович (в то время еще великий князь). Матерью же – знаменитая балерина Гертруда Росси, которая потом вышла замуж за придворного балетмейстера Ле Пика. Семья поселилась в Павловске. Талантливого мальчика заметил Винченцо Бренна, любимый архитектор Павла, взялся обучить премудростям зодчества, постоянно приглашал помогать при выполнении многочисленных заказов великого князя, а потом и императора. Такое вот странное скрещение судеб…

Частыми гостями вдовствующей императрицы были Василий Андреевич Жуковский, Иван Андреевич Крылов, Иван Иванович Дмитриев, Александр Николаевич Оленин, Николай Иванович Гнедич, Николай Михайлович Карамзин. Она сумела очаровать их, окружив трогательной заботой. Только Карамзин знал, что скрывается за приветливой улыбкой Марии Федоровны. А в жизни Жуковского она сыграла роль поистине замечательную. Прочитав его «Певца во стане русских воинов», она пришла в восхищение, повелела за свой счет выпустить роскошное издание патриотической песни, а автора пригласила в Павловск. Если бы не это приглашение, у поэта не было бы никаких шансов попасть ко двору (сам он никогда не стал бы этого добиваться). Он не смог бы стать учителем и другом невестки Марии Федоровны, будущей императрицы Александры Федоровны; воспитателем ее сына, будущего царя-освободителя. Если бы этого не случилось, возможно, история России была бы несколько иной (высокие идеалы, внушенные воспитаннику Жуковским, стали одним из стимулов реформаторской деятельности Александра II).

Жуковский был благодарен Марии Федоровне и любил Павловск, особенно романтический парк, так созвучный его душе. Элегию «Славянка» он посвятил хозяйке Павловска:

Я на брегу один… окрестность вся молчит…
Как привидение, в тумане предо мною
Семья младых берез недвижимо стоит
Над усыпленною водою.
Вхожу с волнением под их священный кров;
Мой слух в сей тишине приветный голос слышит;
Как бы зефирное там веет меж листов,
Как бы невидимое дышит;
Как бы сокрытая под юных древ корой,
С сей очарованной мешаясь тишиною,
Душа незримая подъемлет голос свой
С моей беседовать душою…
Смотрю… и, мнится, все, что было жертвой лет,
Опять в видении прекрасном воскресает;
И все, что жизнь сулит, и все, чего в ней нет,
С надеждой к сердцу прилетает.

«Славянка» произвела такое впечатление, что молодежь в учебных заведениях заучивала ее как образец стиха, доведенного до совершенства. И Пушкин заучивал. Ученик, победивший учителя.

К своей элегии Василий Андреевич написал объяснение,

которое дает яркую картину Павловска, воплотившего все лучшее, что было в душе Марии Федоровны. «Славянка – река в Павловске. Здесь описываются некоторые виды ее берегов и, в особенности, два памятника, произведения знаменитого Мартоса. Первый из них воздвигнут государынею вдовствующею императрицею в честь покойного императора Павла. В уединенном храме, окруженном густым лесом, стоит пирамида: на ней медальон с изображением Павла; перед ним гробовая урна, к которой преклоняется величественная женщина в короне и порфире царской; на пьедестале изображено в барельефе семейство царское: государь Александр представлен сидящим; голова его склонилась на правую руку, а левая рука опирается на щит, на коем изображен двуглавый орел; в облаках видны две тени: одна летит на небеса, другая летит с небес навстречу первой.

Спустясь к реке Славянке, сливающейся перед самым дворцом в небольшое озеро, находишь молодую березовую рощу: эта роща и называется семейственною, ибо в ней каждое дерево означает какое-нибудь радостное происшествие в высоком семействе царском.

Далее, на самом берегу Славянки, под тенью дерев, воздвигнут прекрасный памятник великой княгине Александре Павловне. Художник умел в одно время изобразить и прелестный характер, и безвременный конец ее: вы видите молодую женщину, существо более небесное, нежели земное; она готова покинуть мир сей, она еще не улетела, но душа ее смиренно покорилась призывающему ее гласу…»

Василий Андреевич умолчал еще об одном памятнике. Наверное потому, что он стоит не на берегу Славянки, а замыкает перспективу одной из двенадцати дорожек. Это памятник родителям работы того же Мартоса. В конце 1780-х годов ежегодные потери близких преследовали Марию Федоровну: сначала умерла сестра Фредерика, потом отец, следом за ним мать, вскоре не стало сестры Елизаветы и брата Карла. Ее мир («мирок», как снисходительно именовала Павловск Екатерина II) был бы неполным, если бы в нем не нашлось места, где можно предаться грусти о покинувших ее близких. Задумала поставить памятник, еще будучи великой княгиней. Осуществила мечту уже вдовствующей императрицей. Три барельефа на античные сюжеты украшают постамент из серого мрамора. Они символизируют бессмертие душ умерших. Профили родителей в медальоне. И скорбная женская фигура в царском венце, изображающая Марию Федоровну, пришедшую поклониться памяти незабвенных родных.

В последний раз она была в Павловске в середине сентября 1828 года. Внесла множество поправок в план развития на 1829 год, предложила несколько перестроек и новых сооружений. Планам этим не суждено было сбыться: 24 октября Мария Федоровна скончалась.

Прошло без малого 100 лет, и в павильоне, построенном Росси недалеко от дворца и особенно любимом когда-то вдовствующей императрицей, появился памятник: на высоком постаменте из полированного красного гранита сидит величественная, благообразная женщина, жена императора, мать двух императоров. Лицо ее спокойно, взгляд умиротворен: она сделала все, что могла. И именно так, как хотела.

В первые годы отношения Марии Федоровны и Павла Петровича были безоблачны. В январе 1788 года, через 12 лет после свадьбы, Павел собирался на южный фронт (шла война против Турции) и занялся распоряжениями насчет своих семейных и государственных дел на случай, если погибнет. Отрывок из духовного завещания великого князя доказывает, как ценил он в то время свою супругу:

…Должен тебе отворить сердце мое. Тебе самой известно, сколь я тебя любил и привязан был. Твоя чистейшая душа перед Богом и человеки стоила не только сего, но и почтения от меня и от всех. Ты мне была первою отрадою и подавала лучшие советы. Сим признанием должен перед всем светом о твоем благоразумии. Привязанность к детям залогом привязанности и любви ко мне была. Одним словом, не могу довольно благодарности тебе за все сие сказать, равномерно и за терпение твое, с которым сносила состояние свое, ради меня и по человечеству случающиеся в жизни нашей скуки и прискорбия, о которых прошу у тебя прощения…

Поездка Павла в южную армию не состоялась – Екатерина не отпустила цесаревича на театр военных действий ввиду нездоровья Марии Федоровны, которая была в то время беременна. Но, прочитав это завещание, великая княгиня еще раз уверилась в преданной любви супруга.

Вскоре началась короткая война со Швецией, на которую Екатерина все-таки отпустила сына. С дороги Мария Федоровна получила письмо от любящего мужа и счастливого (уже – или пока – в шестой раз!) отца: «Мое дорогое сердце, мой друг, я ничего не могу сказать вам, вы видели мои горькие слезы; всю мою жизнь я такой в отношении к вам. Пока я жив, я не забуду того, чем обязан вам». Казалось, семейной идиллии не будет конца. Но вскоре великая княгиня узнала, что с той же почтой Екатерина Ивановна Нелидова получила письмо, в котором Павел

заверял, что если ему придется пасть на поле сражения, последняя его мысль будет о ней… Так начался новый, неожиданный этап супружеской жизни Марии Федоровны.

Все авторы, писавшие об этом времени, пересказывают трогательную историю: Мария Федоровна пришла к свекрови и, захлебываясь слезами, рассказала, что Павел ее больше не любит, что предпочел Нелидову. Екатерина утерла невестке слезы, подвела ее к зеркалу и сказала: «Посмотри на себя, какая ты красавица, и вспомни petite monster (маленькую уродку. – И. С.)». Безупречная супруга, да еще и страдалица. Образ, который вполне устраивал и саму Марию Федоровну, и обоих ее сыновей-императоров. Но кое-кто из придворных, слышавших этот разговор, добавлял: свекровь, утешая невестку, посоветовала отомстить неверному супругу той же монетой. На Екатерину похоже. К тому же отношения с сыном испортились к этому времени настолько, что любой способ досадить Павлу казался вполне приемлемым.

Нужно ли было Марии Федоровне разрешение свекрови? Едва ли, если поверить, что у нее уже был фаворит, ее статс-секретарь Муханов. Человек это был весьма достойный, всего тремя годами младше великой княгини. К тому же всегда находился под рукой. И все-таки, получив неожиданный совет, великая княгиня почувствовала себя спокойнее: теперь знала – если роман откроется, защита всемогущей свекрови ей обеспечена.

Коль уж речь зашла о Сергее Ильиче Муханове, прослужившем при Марии Федоровне до воцарения Павла, потом попавшем в опалу, а после смерти царственного соперника вернувшемся к исполнению своих обязанностей, небезынтересно вспомнить, что, со слов отца, писала его дочь, Мария Сергеевна: «Жизнь ее с супругом была самая несчастная, но она любила его до конца… это было скорее по правилам нравственности, нежели по естественному чувству: трудно любить того, кто нас не любит». Замечание весьма проницательного человека. Стоит вспомнить, в каких правилах воспитывалась юная София Доротея, от рождения предназначенная в жены кому-то из европейских владык. Это мог быть правитель одного из карликовых немецких княжеств, но все равно – не простой смертный. Ей с детства внушили: муж – единственный мужчина в ее жизни, только его она должна почитать и любить, выполнять все его прихоти. Волею судьбы и императрицы Екатерины этим единственным оказался наследник российского престола. И она его с готовностью полюбила (или ей показалось, что полюбила).

И вот через два года после памятного разговора со свекровью Мария Федоровна влюбилась. Похоже – в первый раз. Похоже –

по-настоящему. Совсем недавно она так яростно осуждала «развратную старуху»! Теперь ее избранник, красавец гоф-фурьер Данила Бабкин, был на 13 лет моложе своей возлюбленной: ей – 36, ему – 23. Невестка определенно пошла по стопам свекрови. Но очень скоро она остановится. Или научится надежно хранить свои тайны. Кто знает… От любимого она родила сначала дочь Анну, которая станет королевой Нидерландов, потом сына Николая. Он в 1825 году станет российским императором.

Этот малыш вызвал восторг Екатерины: «Мамаша родила огромнейшего мальчика. Голос у него бас… длиною он аршин без двух вершков (62 сантиметра. – И. С.), а руки немного поменьше моих. В жизнь мою в первый раз вижу такого рыцаря», – писала она Гримму. Интересно, знала ли она, кто отец ребенка? Думается, если знала, то ее это не особенно огорчало.

А вот Павел знал. Он писал близкому своему другу Федору Васильевичу Растопчину:

…Сегодня для меня священный день памяти в Бозе почившей цесаревны Натальи Алексеевны, чей светлый образ никогда не изгладится из моей памяти до моего смертного часа. Вам, как одному из немногих, которым я абсолютно доверяю, с горечью признаюсь, что официальное отношение ко мне цесаревича Александра угнетает. Не внушили ли ему пошлую басню о происхождении его отца мои многочисленные враги? Тем более грустно, что Александр, Константин и Александра – мои кровные дети. Прочие же?… Бог весть!… Мудрено, покончив с женщиной все общее в жизни, иметь от нее детей. В горячности моей я начертал манифест о признании сына моего Николая незаконным, но Безбородко (канцлер князь Александр Андреевич Безбородко. – И. С.) умолил меня не оглашать его. Но все же Николая я мыслю отправить в Вюртемберг, к «дядям», с глаз моих: гоф-фурьерский ублюдок не должен быть в роли российского великого князя – завидная судьба! Но Безбородко и Обольянинов (генерал-прокурор Петр Хрисанфович Обольянинов. – И. С.) правы: ничто нельзя изменить в тайной жизни царей, раз так предположил Всевышний. Дражайший граф, письмо это должно остаться между нами. Натура требует исповеди, и от этого становится легче жить и царствовать.

Пребываю к Вам благосклонный Павел.

Если бы не это письмо, я бы, честно говоря, никогда не поверила, что Мария Федоровна могла изменить законному супругу: такая она правильная, такая добродетельная жена, мать и, что уж совершенно бесспорно, – лучшая на свете вдова. Но если допустить, что ее самый любимый ребенок, Николай, – незаконнорожденный, можно легко понять, ради чего, вернее,

ради кого она играла эту роль непогрешимой вдовы. И перед кем играла! Поначалу (пока не сменились поколения при дворе) – перед людьми, на глазах которых муж унижал ее; многие из них помнили его приказание свите: «Уважение – к Нелидовой, презрение – к великой княгине». Ну, а уж как он оскорблял жену, когда фавориткой стала Лопухина, ни забыть, ни простить просто невозможно. Думается, она и не простила. А уж не забыла – наверняка. Но ни у кого не должно было возникнуть ни малейшего сомнения в ее безусловной верности мужу, а значит – в безусловной законности происхождения ее любимца. Ради этого она была готова на все. А пришлось всего-навсего играть роль безутешной вдовы. Долго? Почти 30 лет? Какая мелочь! Ведь от ее успешной игры зависела судьба сына. Кстати, и судьба трона. И – судьба России. Но последнее ее занимало куда меньше.

Она – не Екатерина. Ее отношение к России – не любовь, а сознание необходимости выполнять долг, возложенный на нее судьбой. Сердцем она всегда оставалась там, на родине, уютной, понятной, предсказуемой.

Первые 20 лет, пока ждала смерти Екатерины, переносить разлуку помогала вожделенная цель: трон российских государей, который (она, как и Павел, была в этом уверена) отняла у ее мужа властолюбивая свекровь. Они оба идеализировали Петра III, не желая допустить даже мысли, что, будь он жив, едва ли назначил бы сына от постылой жены своим наследником; забывая, что тот хотел развестись с Екатериной и жениться на Елизавете Романовне Воронцовой и что от любимой женщины у него скорее всего были бы дети, которым и завещал бы трон. Они прекрасно знали, что верховная власть в России переходит к следующему монарху по завещанию или – чаще всего – к тому, кто имеет силу властвовать. Закона о престолонаследии не существовало. Его разрабатывали они, Павел Петрович и Мария Федоровна, тайком, еще за 8 лет до смерти Екатерины. Но пока этот закон – лишь бумажка. Она станет законом только после того, как ее подпишет первое лицо государства. Павел, став императором, подпишет.

И тем самым, на мой взгляд, подпишет приговор династии. Наверное, сторонникам правового государства это утверждение покажется крамольным. И, наверное, они будут правы: управление государством должно подчиняться строгим, внятным законам. Но, к сожалению, наша история убеждает: неизбежность передачи власти законному наследнику, даже если у него полностью отсутствуют качества, необходимые для руководства страной, приводит к ослаблению власти, ее деградации, а в итоге к событиям 1917 года. Екатерина утверждала: «Революции вспыхивают в России, когда народ опасается безвластия, а не

когда страдает от деспотизма». Она оказалась права. К сожалению…

Закон, разработанный Павлом Петровичем и Марией Федоровной, гласил: корону наследует старший сын, за ним – его старший сын, а если такового не окажется, младший брат. От интеллектуальных, волевых и нравственных качеств наследника ничего не зависит. Но пока – все в руках царствующей императрицы. Уж они-то, авторы первого в Российской империи закона о престолонаследии, не могли не понимать, что своей надеждой заполучить когда-нибудь вожделенный трон обязаны только Екатерине, сразу после коронации официально назначившей сына своим наследником. Но ненависть к великой государыне была уже так сильна, что они не могли признаться даже себе, что чем-то обязаны ей. У них уже не оставалось сил ждать.

Тем не менее супруга наследника вынуждена была делать вид, что всем довольна, и улыбаться ненавистной свекрови (Екатерина если и не простила Елизавете, отнявшей у нее сына, то поняла; Мария Федоровна и не поняла, и не простила). Она пишет матушке жалостливые письма о распутстве двора, о меняющихся фаворитах стареющей императрицы. Пишет молоком: упаси Бог, узнает Екатерина! С некоторых пор приходится терпеть еще и наглую фаворитку недавно такого надежного, верного, такого любящего Павла. Ту самую Нелидову, которую в день похорон Натальи Алексеевны привезла во дворец Екатерина.

Отступление о смолянке Екатерине Ивановне Нелидовой

«Это одно из самых прекрасных и поэтичных сооружений на всем пространстве государства Российского! Оно производит во всякое время и в любую погоду сказочное впечатление, но сказочность эта приобретает особо волнующий характер, когда в ясные летние вечера все эти здания начинают таять в алых лучах заходящего солнца, а многочисленные их купола и шпили загораются золотом крестов и теми лепными гирляндами, коими убрала голубые луковицы церквей роскошная фантазия Растрелли!» – так писал в начале XX века о Смольном соборе искусствовед и художник Александр Николаевич Бенуа.

Шедевр Растрелли, легкий, воздушный, одухотворенный, волнует, радует, вдохновляет любого человека, не лишенного чувства прекрасного. Так что нет ничего удивительного, что Екатерина II и Иван Иванович Бецкой, наделенные этим чувством сполна, именно в Смольном решили поместить свое любимое детище, Воспитательное общество благородных девиц, вошедшее в историю как Смольный институт благородных девиц и просуществовавшее с мая 1764 года до октября года 1917. Создатели этого первого в России и на долгие годы лучшего учебного заведения для девочек справедливо считали, что, постоянно имея перед глазами такую непревзойденную красоту, воспитанницы навсегда проникнутся чувством прекрасного, что разовьется у них безупречный художественный вкус, который окажет благотворное влияние на всех, с кем предстоит общаться выпускницам института, а главное – на их будущих детей. Ведь организаторы института, увлеченные идеями Просвещения, ставили перед собой задачу – ни много ни мало – создать новую породу людей, образованных, любознательных, энергичных, инициативных, честных, живущих в ладу с законом. Понимали: роль матери-воспитательницы в создании нового человека огромна.

Начали с воспитания воспитателей: вместо широко распространенного в то время в школах насилия в Смольном надлежало относиться к воспитанницам с любовью, стараться заслужить их искреннее расположение и доверие, тем самым ограждая девочек от любых вредных, развращающих посторонних влияний. На счастье, первой директрисой института стала Софья Ивановна де Лафон, добрая, умная, чуткая, что называется, педагог от Бога. Ее тактичное, неназойливое влияние помогало

раскрыться индивидуальности, таланту юных смолянок. Они не только овладевали обязательной учебной программой, но музицировали, танцевали, пели, рисовали, играли в спектаклях – занимались тем, к чему особенно лежала душа.

Екатерина часто бывала в Смольном институте, ко всем воспитанницам относилась с нежной заботой, но некоторых выделяла особо: ее всегда привлекали личности незаурядные. Накануне выпуска 1776 года государыня заказала портреты пятерых своих любимиц Дмитрию Григорьевичу Левицкому, находившемуся тогда в зените славы. Эти портреты стали шедеврами художника, а нам помогают почувствовать аромат эпохи куда более, чем многочисленные парадные портреты. Юные, счастливые, веселые, задумчивые или лукавые, скромные или кокетливые, все они – живые. Каждая – несомненная индивидуальность. Особенный, яркий след в истории суждено было оставить Катеньке Нелидовой, не самой красивой, но, пожалуй, самой одаренной. Ее выступление в комической опере Перголезе «Служанка-госпожа» вызвало фурор; о том, как волшебно она поет и танцует, говорил весь Петербург. Государыня тоже была в восторге, даже писала об успехе Катеньки самому Вольтеру. Так что неудивительно, что сразу по окончании института взяла талантливую девушку ко двору.

Род Нелидовых вел начало от выходца из Великого княжества Литовского. Дальний предок Екатерины Ивановны приехал в Россию в XIV веке и поступил на службу к московскому князю Дмитрию Донскому, участвовал в Куликовской битве, проявил себя достойно. Но воинские подвиги предков никогда не были гарантией материального благополучия потомков. Род Нелидовых обеднел настолько, что от нищеты спасало только то, что Катеньку взяли в Смольный институт. В Смольном же, во всяком случае в то время, различий между богатыми и бедными не делали. Так что униженной скованности, которой часто страдают «золушки», попавшие в привилегированное общество, у Нелидовой не было и в помине.

Подчеркнуто сентиментальная и вместе с тем приземленная добродетельность супруги не могла не наскучить склонному к мистике и рефлексии, нервическому, как в то время говорили, Павлу Петровичу. Тут-то он и взглянул по-новому на некрасивую, но такую грациозную, ироничную, все понимающую Екатерину Ивановну.

Разве возможно было вести философские беседы с вечно беременной, занятой то детьми, то садом-огородом Марией Федоровной? Да, она старалась много читать, чтобы быть «на уровне», но, как не раз замечала Екатерина II, вряд ли что-то

понимала в прочитанном. Нелидова – понимала. Беседовать с ней было наслаждением. Она изящно формулировала смелые суждения о том, что так волновало Павла Петровича, – о жизни духа, о таинственном, мистическом. После этих бесед супруга с ее хозяйственными заботами казалась такой пресной, такой ограниченной… Павел порвал интимные отношения с надоевшей женой, большую часть времени проводил в Гатчине. Там его часто навещала Нелидова. Иногда оставалась надолго.

В конце XVIII века была в моде любовь возвышенная, рыцарская, платоническая. Правда, она на удивление легко соседствовала с разнузданной чувственностью, которую Павел (на словах) возмущенно порицал. Он всегда уверял, что его отношения с Нелидовой были самыми чистыми и возвышенными, что их «соединяла дружба священная и нежная, но невинная». А как иначе мог вести себя рыцарь, оберегая честь дамы? Многие верили. Тем более что широкую известность получило письмо Екатерины Ивановны к Павлу: «Разве вы были для меня когда-нибудь мужчиной? Клянусь вам, что с тех пор как я к вам привязана, я этого никогда не замечала. Мне кажется, что вы мне – сестра». Убедительно? Несомненно. Если бы не одно обстоятельство: письмо это должно было попасть в руки Марии Федоровне.

После смерти Екатерины Ивановны ее бумаги были собраны статс-секретарем Вилламовым и представлены императору Николаю I. Государь ознакомился с ними очень внимательно и пришел к убеждению, что Нелидова, безусловно, была любовницей его отца. Кроме того, хорошо известно, какую бурю гнева вызвал у Екатерины Ивановны короткий, но вовсе не платонический роман Павла с фрейлиной Натальей Федоровной Веригиной: «Нет, ничто не могло бы меня заставить возобновить обманутую дружбу… Он обесчестил себя в моих глазах!… Я не обращаю больше никакого внимания на движение души, способной на ряд низких поступков… Я чувствую себя дальше, чем когда бы то ни было, от всего, что могло бы повести к сближению, о котором я не могу думать без ужаса и последствия которого рисуют мне картины ада… Я получаю в настоящее время ворох извинений и оправданий. Все это только усиливает мое отвращение». Это написано за несколько дней до смерти Екатерины Великой. Судьба Павла темна, если не безнадежна.

А это – через несколько дней после смерти государыни (Павел – уже император): «Чем больше я изучаю это сердце (сердце столь ненавистного еще несколько дней назад Павла. – И. С.), тем более я верю, что мы имеем полное основание надеяться, что он составит счастье всех, кого поручила ему судьба. Как мне

хотелось бы, чтобы его узнал весь мир!»

Забавная метаморфоза, если не знать, какими благодеяниями осыпал новый император брата Нелидовой Аркадия Ивановича, в одночасье сделав 23-летнего поручика полковником и адъютантом, а сразу после коронации – генерал-майором и генерал-адъютантом, получившим в придачу к чинам еще и 1000 душ крепостных. В общем, император купил у фаворитки прощение.

Вообще-то Екатерина Ивановна славилась бескорыстием. Она не только ничего не выклянчивала, как другие, но не раз отвергала подарки августейшего возлюбленного, упрекая его в неуместной расточительности. Однажды неохотно, но приняла простой фарфоровый сервиз для завтрака, а от приложения к этому дару – 1000 душ крепостных – отказалась решительно. Правда, в депеше английского посланника в Петербурге Карла Витворта (впоследствии лорда, человека, известного безукоризненной честностью) упоминается о 30 000 рублей, уплаченных тайно Е. И. Нелидовой за содействие при заключении выгодного торгового договора. Как ни печально, со временем выясняется, что даже те фаворитки, чья репутация казалась безупречной, в большинстве случаев о собственной корысти не забывали. Известно лишь одно исключение. О нем я обязательно расскажу, когда придет время.

В первый раз Мария Федоровна вынуждена была прибегнуть к помощи фаворитки, когда Павел отказался явиться на свадьбу своего старшего сына. Она умоляла его не бросать вызов Екатерине, не оскорблять новобрачных, не подвергать семью вполне вероятной опале. Он был непреклонен. И она бросилась к Нелидовой. Той понадобилось несколько минут, чтобы убедить Павла поехать на свадьбу. С тех пор так и повелось: в неразрешимых ситуациях Мария Федоровна обращалась к Екатерине Ивановне. Та всегда помогала.

После восшествия Павла на престол произошло неожиданное: супруга и фаворитка императора не просто примирились, но заключили союз. Обе они, каждая по-своему, любили Павла и пытались защитить его от него самого: жестокие причуды, нелепые распоряжения, капризы императора каждый день множили число его врагов. Обе старались успокоить государя, умерить проявления его гнева.

Сдерживать, смягчать, добиваться помилований и милостей – вот в чем состояла главная забота фаворитки в это время. Заступничество Нелидовой облегчило участь княгини Екатерины Романовны Дашковой, спасло от наказания адмирала Александра Семеновича Шишкова, да и многих других придворных,

навлекших на себя неудержимый и в большинстве случаев немотивированный гнев Павла Петровича. Она одна решалась возражать против распоряжений императора, которые могли вызвать ненависть к нему не одного, пусть и влиятельного человека, а тысяч его подданных. Только ей удалось добиться отмены распоряжения о ликвидации самой почитаемой русскими военными награды, ордена Святого Георгия, который по причинам совершенно необъяснимым решил упразднить непредсказуемый Павел Петрович.

Великая княгиня Елизавета Алексеевна писала матери: «M-lle Нелидова – единственный человек, который может сколько-нибудь повлиять на государя; да она и властвует над ним всецело. И что же, императрица делает ей величайшие низости… И это человек, который должен заменять мне мать, к которому я обязана питать, как она того требует, слепое доверие и преданность!… Однажды зимой произошла ссора между императором и императрицей. Последняя отправилась после обеда, совсем одна, в Смольный монастырь, где живет Н… во всем параде – это было в праздник, – и просила ее оказать ей милость и помирить ее с мужем!… Надо видеть в таких случаях моего мужа, в какое негодование он приходит! „Какие глупости делает мама! – он говорит часто. – Она совсем не умеет себя держать“».

Мария Федоровна понимала, что демонстративная дружба с Нелидовой делает ее жалкой, смешной в глазах семьи и придворных. Но… цель оправдывает средства. Умная, наблюдательная графиня Варвара Николаевна Головина поняла природу этой на первый взгляд противоестественной дружбы: «Этим союзом с новой подругой императрица укрепила свое влияние, и обе они стали вмешиваться во все дела, во все назначения и поддерживали друг друга. Этот союз был для всех удивителен, пока не стало ясно, что он основывается на личном интересе: без Нелидовой императрица не могла рассчитывать на какое-либо влияние на своего супруга, что и было потом доказано. Точно так же Нелидова без императрицы, в стремлении своем соблюдать приличия, не могла играть при дворе той роли, которую желала, и нуждалась в расположении Марии Федоровны, бывшем как бы щитом для ее репутации».

Но век у этого союза оказался недолог. Когда казалось, что положение Марии Федоровны и Екатерины Ивановны при дворе как никогда прочно, появилась новая фаворитка. Старая возлюбленная была отставлена от двора, супруга подвергнута невиданным унижениям.

После гибели Павла Нелидовой было позволено вернуться в

Петербург. Дружба двух женщин, так много значивших в жизни покойного, продолжалась до самой смерти вдовствующей императрицы. Екатерина Ивановна Нелидова пережила всех, с кем так прочно связала ее судьба. Жила, за неимением семьи, в Смольном институте. На лето, по приглашению Николая I, выезжала в Царское Село. Император трогательно заботился о бывшей фаворитке Павла Петровича, бывшей сопернице, а потом – ближайшей подруге матушки. Впрочем, у него на это были и особые причины. Но о них – в свое время (глава «Гений чистой красоты», Отступление о Варваре Аркадьевне Нелидовой).

Измены мужа мучают, унижают. Но их можно пережить. Беда в другом: ходят слухи, будто императрица собралась поменять наследника – сделать своим преемником Александра, отнять трон у Павла, а значит, и у нее, Марии Федоровны.

В общем, все зло от нее, от свекрови.

Она проживет в России 52 года (как и Екатерина), но русским языком (в отличие от Екатерины) так и не овладеет. Будет часто (как Екатерина) употреблять русские поговорки, но (в отличие от Екатерины) почти всегда невпопад. Екатерина была талантлива, Мария Федоровна – самоуверенна. У Екатерины – широта взглядов государственного деятеля. У Марии Федоровны – ограниченность разбогатевшей бюргерши. Но у обеих был твердый характер. Обе умели терпеть и ждать.

Двадцать лет Мария Федоровна ждала своего часа. Он наступил в ночь с 4 на 5 ноября 1796 года. Среди ночи Павел и Мария проснулись. Одновременно. Чудо! Им приснился один и тот же сон: неведомая сила поднимает их и возносит высоко в небо. После обеда в Гатчину прискакал граф Николай Зубов, брат фаворита императрицы. Павел испугался, что тот приехал его арестовать. Но Зубов сообщил: с Екатериной случился апоплексический удар. Павел Петрович с Марией Федоровной, не медля, поскакали в Петербург. В Зимнем дворце их встретили старшие сыновья. Оба, к удовольствию Павла, были в гатчинских мундирах. Всей семьей пошли в спальню умирающей императрицы…

Она еще лежала в агонии, когда сын начал разбирать ее бумаги. Свидетели вспоминали, что известный хитрец князь Безбородко, канцлер Российской империи, которому Екатерина вполне доверяла, молча указал Павлу на пакет, перевязанный лентой. Через мгновение пакет уже пылал в камине, огонь в котором разожгла еще сама Екатерина.

В пакете скорее всего было завещание в пользу любимого внука, Александра Павловича, и объяснительный манифест,

подписанный двумя свидетелями, Суворовым и Румянцевым. Косвенное тому подтверждение – судьба обоих великих полководцев: немедленная опала Суворова и скоропостижная смерть фельдмаршала Румянцева в тот самый момент, когда ему сообщили о кончине Екатерины и воцарении Павла.

Все, что произошло с момента появления в Гатчине графа Зубова, достоверно, так как подкреплено свидетельствами многих людей. А вот общий сон… Рассказ об этом сне кочует по всем историческим источникам и уже давно воспринимается как достоверный факт. Мистическая окраска придает ему особую привлекательность в глазах потомков. Но… попробуем разобраться. Шел 1796 год. Только что родился Николай, которого Павел назвал гоф-фурьерским ублюдком. Близкие отношения между супругами едва ли возможны. Почему же они проснулись рядом? Это ведь не Екатерина и Петр Федорович, которым до рождения Павла по приказу Елизаветы Петровны приходилось каждую ночь (девять мучительных лет!) спать в одной постели. Может быть, Павел и Мария решили вернуть обществу образ идеальных супругов, какими на самом деле были когда-то? Зачем? Да для того, чтобы все поняли: время распутной самовластной царицы кончилось. Теперь на троне – законная добродетель.

Кроме того, Павел – мистик. А теория должна же хотя бы иногда подкрепляться делом. Сны, галлюцинации (которым он, по собственному признанию, был подвержен) – разве это не свидетельства мистической избранности?

Но Павел еще и мистификатор. Ввести людей в заблуждение, заставить, чтобы поверили придуманным им небылицам, – одно из любимых развлечений будущего императора. Допускаю, что он с удовольствием морочил головы окружающим и рассказами о ночной прогулке по набережной Невы с призраком Петра Великого (через века с абсолютной верой в их подлинность передаются слова призрака: «Бедный, бедный Павел!»); и о явлении архангела Михаила, повелевшего построить Михайловский замок; и наконец, этим общим сном, возвещавшим о близком восхождении на трон. Правда, в последнем случае нужно было соучастие Марии Федоровны. На нее он вполне мог положиться, ведь этот розыгрыш был и в ее интересах.

Они оба были последовательными мифотворцами. Павел творил миф о себе – избраннике таинственных сил, живущем по предначертанному свыше, наделенном сверхчеловеческим даром предвидения. Этот миф время от времени просто необходимо было поддерживать рассказами об очередном озарении. Впрочем, вполне допускаю, что я не права, что пророческие видения

действительно имели место. А может быть, все дело в явной психической нестабильности сына Екатерины Великой?…

Что же касается Марии Федоровны, в том, что она всю жизнь творила миф об идеальной семье и, конечно же, об идеальной жене, матери, вдове, нет никаких сомнений. И если Павел Петрович думал о собственной репутации, то Мария Федоровна заботилась о репутации династии. И, надо признать, делала это весьма успешно. Чего стоит хотя бы ставшая знаменитой картина Г. Кюгельхена (иногда пишут Кюгельген. – И. С.) «Император Павел I с семьей». Современников она удивляла: знали, что царская семья практически распалась, что супружеская привязанность превратилась в открытую враждебность, что отношения отца со старшими сыновьями сводятся к страху, недоверию, болезненной подозрительности, и в это самое время на полотне появляется такая слащавая идиллия.

Художник добросовестно выполнил пожелание августейшей заказчицы: все изображенные на портрете исполнены покоя, доброжелательности, взаимной любви. Все сладостно красивы и очень похожи друг на друга. Все замечательно. И бесконечно далеко от правды. Хотя… Александр и Константин – рядом, плечом к плечу; Елизавета Алексеевна ласково обнимает Анну Федоровну, будто пытается защитить; Мария Федоровна (она на этом портрете хороша невероятно и выглядит моложе своих дочерей) нежно прижимает к себе маленького Николая. В общем, художник все-таки сделал попытку пусть частично, но показать правду взаимоотношений. Но это понятно лишь осведомленным. Большинство видит просто дружную, достойную, красивую семью. Что, собственно, и требовалось.

Картина сейчас занимает почетное место в экспозиции Павловского дворца-музея. Перед ней всегда много зрителей. И все восхищаются: какая прекрасная семья была у императора Павла! Официальным историографам удалось через два столетия успешно донести до наших дней миф об идеальной семье, сотворенный Марией Федоровной. А картина Кюгельхена мнение историков подтверждает. Как кадры кинохроники в наши дни для большинства надежно подтверждают подлинность событий и отношений. Хотя специалисты знают, что фальсифицировать такие кадры при современных технологиях немногим сложнее, чем высокопрофессиональному художнику придать лицам своих персонажей выражение светлой радости вместо тревоги и настороженности.

В общем, Мария Федоровна не зря старалась…

Как только Екатерина Великая испустила последний вздох, вместо привычно покорной Марии Федоровны перед

потрясенными придворными предстала незнакомая, властная женщина – императрица. Наконец-то она дождалась – заняла место свекрови! Но это ей только казалось… Занять место Екатерины Великой не мог никто.

Еще в детстве я услышала фразу, которую жизнь заставляла вспоминать очень часто и каждый раз дивиться мудрости человека, так точно определившего сущность посредственности (насколько я помню, слова эти принадлежат Гегелю): «Для камердинера нет героя; не потому, что герой – не герой, а потому, что камердинер – камердинер». Так вот, Мария Федоровна не способна была понять гениальности Екатерины. Была уверена, что ничуть не хуже справится с обязанностями государыни. Даже лучше: ведь у нее, императрицы Марии, нет пороков свекрови – одни достоинства.

По традиции их венчали на царство в Москве, в Успенском соборе Кремля. Его и ее – одновременно. Такое было впервые в истории Романовых. Это был триумф Марии Федоровны, признание ее равенства с царственным супругом. Справедливое признание: они вместе так долго ждали! Она так умело сдерживала его нетерпение, его неудержимое желание властвовать!

Он все же ухитрился испортить ей праздник. Несколько дней кряду они вдвоем проводили долгие часы в приеме поздравлений и целовании рук. Павел хорошо помнил, как мать жаловалась, что у нее в день коронации от поцелуев распухла рука. Он внимательно рассматривал руку супруги.

Ни малейших признаков опухоли! Его упреки приводили Марию Федоровну в отчаяние.

Но это было только начало. Злая насмешница судьба! Именно в день коронации, в самый счастливый день, ее мужу представили Анну Лопухину. И Павел потерял голову.

Правда, до того как Лопухина прочно займет место Марии Федоровны (это не Нелидова, достаточно деликатная, заботящаяся о своей репутации), пройдет еще довольно много времени. Императрица даже успеет родить своего последнего сына, Михаила. Марии Федоровне удалось, пусть ненадолго, но вернуть мужа к исполнению супружеских обязанностей. Общий ребенок был необходим, чтобы пресечь разговоры о сомнительном происхождении Анны и Николая. Но восстановить хотя бы видимость семейной идиллии не удалось. После рождения Михаила акушер императрицы Иосиф Моренгейм заявил, что новые роды могут быть опасны для жизни государыни. Возможно, это была интрига, в которую вовлекли врача противники Марии Федоровны. Но способ отлучить

государя от супруги оказался столь действенным, что к нему успешно будут прибегать в отношении еще двух императриц.

Мария Федоровна попыталась снова вернуть мужа, ссылаясь на новое решение врачей, но он воспротивился: он де не может взять на себя ответственность за ее жизнь. Она не отставала. Тогда он прямо заявил, что не испытывает больше никаких потребностей в интимной близости, что ни о чем подобном даже не думает, что совершенно парализован в этом отношении. Наивная Мария Федоровна передала все эти отговорки своему другу Плещееву. Впрочем, так ли уж она была наивна? Чтобы удержать супруга поближе к семье, она подложила ему в постель свою горничную, госпожу Юрьеву. Выбор, надо полагать, был удачный: даже после приезда в Петербург Анны Лопухиной, от которой он был без ума, Павел не прогнал Юрьеву, более того, имел от нее детей, заботу о которых великодушно взяла на себя Мария Федоровна.

Но все уловки были напрасны: Павел еще раз побывал в Москве, снова увидел Анну Лопухину и приказал срочно организовать ее переезд в столицу. Договариваться пришлось с мачехой Аннушки, княгиней Екатериной Николаевной Лопухиной, особой сколь корыстной, столь и наглой. Она выторговала у влюбленного императора все, что хотела: дом в Петербурге, назначение своего мужа, Петра Васильевича, на один из самых высоких постов в государстве; перевод своего любовника, офицера Московского гарнизона Федора Уварова, в столичный гвардейский полк. Такой вот «брачный контракт»…

Узнав об этом, Мария Федоровна написала новой фаворитке грозное и оскорбительное письмо, но его перехватили и передали Павлу. Его гнев был ужасен. Рассказывали, что Александру Павловичу стоило немалого труда защитить мать от побоев. Мария Федоровна униженно просила прощения и умоляла относиться к ней почтительно хотя бы на людях. Она была сломлена, и когда Лопухина появилась при дворе, стала относиться к юной фаворитке с поражавшим окружающих подобострастием. Похоже, видела в этом единственный способ хоть как-то защитить себя и детей от гнева супруга: если императору казалось, что кто-то недостаточно почтителен к фаворитке, его немедленно удаляли от двора или отправляли в ссылку. Дважды в день Павел катался с Анной в карете по городу и окрестностям. Не дай Бог, кто-нибудь бросал им вслед непочтительный взгляд. Только одна женщина позволяла себе относиться к новой пассии императора с холодным пренебрежением – жена наследника престола, великая княгиня Елизавета Алексеевна. Павел делал вид, что не замечает…

А семейство Лопухиных быстро освоилось в Петербурге. Петр Васильевич получил от «случая», в который попала его дочь, все блага, о которых не мог и мечтать: должность генерал-прокурора, роскошную квартиру на набережной Невы, великолепное имение Корсунь в Малороссии, титул светлейшего князя, портрет государя, усыпанный бриллиантами. Его расторопная супруга тут же начала продавать обещания протекции, которая, впрочем, часто оказывалась призрачной. По воспоминаниям Алексея Михайловича Тургенева, новый генерал-прокурор проявил на этом посту дух справедливости, относительного бескорыстия и умеренности при весьма ограниченных умственных способностях. Нужно отдать ему должное: он вскоре попросился в отставку, оставив по себе след, делающий ему честь: указ, запрещавший телесное наказание лиц старше 70 лет.

Что же касается самой фаворитки, то, по словам того же мемуариста, она была девушка добрая и, идя по следам своей предшественницы, проявляла большую мягкость, стараясь, как и та, взывать к великодушию и милосердию государя, плача и жалуясь, когда ей это не удавалось. Но она не вносила в эту роль ни возвышенности мысли, ни благородства чувств, свойственных Екатерине Ивановне Нелидовой. «Она пожирала императора своими черными глазами, которые вместе с юной свежестью составляли единственную ее прелесть. Маленькая, пухленькая, она не обладала ни грацией, ни умом (которыми в избытке обладала Нелидова. И. С.)».

На счастье придворных, Анна Петровна была хоть и капризна, но беззлобна, не мстительна, никакой склонности к интригам не имела. В политику не вмешивалась. Впрочем, как язвительно замечали современники, вряд ли она вообще знала о существовании политики. Зато в других отношениях фаворитка господствовала при дворе. Любая ее прихоть становилась законом. Но капризничать она была способна только по мелочам. К примеру, Аннушка обожала вальс, а Павел его запретил как танец фривольный и неприличный. Стоило фаворитке попросить, и вальс был разрешен. То же и с русскими платьями. Их ввела при дворе Екатерина, запретив французские (не исключено, что сделала это в пику невестке, привезшей из Парижа несчетное количество самых модных туалетов). Вступив на престол, Павел, не любивший все французское, но еще больше ненавидевший все, что любила покойная матушка, русские платья запретил и обязал дам одеваться по французской моде. Анне Петровне больше нравились русские платья, и они немедленно были возвращены. Она обожала яркий малиновый цвет, что давало основание современникам, а еще больше современницам, упрекать ее в

вульгарности вкуса. Тем не менее Павел повелел покрасить в этот цвет мундиры гвардейских офицеров, как еще недавно переодел придворных певчих в зеленое (этот цвет предпочитала Нелидова). В общем, мелочи. Вполне безвредные. Даже весьма экстравагантное решение царя поместить слово «Благодать» на знамена полков, флаги кораблей и шапки гренадеров особого вреда никому не приносило. А вызвано это решение было тем, что в переводе с древнееврейского имя Анна значит «благодать». Появление Анны Лопухиной мистически настроенный император счел счастливым предначертанием свыше.

Характер отношений Павла с новой фавориткой был очевиден, но он, как и в случае с Нелидовой, зачем-то старался убедить окружающих, что отношения эти невинны и рыцарственны. В подтверждение тому решил выдать фаворитку замуж, начал подыскивать жениха. Тут-то Анна Петровна, смущаясь, призналась, что отдала свое сердце молодому князю Павлу Гавриловичу Гагарину, который служит в Италии под начальством Суворова. Государь проявил невиданное благородство: Гагарин был вызван в Петербург и стал мужем фаворитки. Впрочем, на отношения императора и Анны Петровны (теперь – княгини Гагариной) это никак не повлияло. Правда, говорили, что у новоиспеченной княгини появилась опасная соперница, французская актриса госпожа Шевалье, которая привлекла внимание Павла Петровича тем, что, исполняя роль Федры, оделась в ярко-малиновое платье.

В общем, все было достаточно нелепо и смешно. Но Марии Федоровне не до смеха. Она писала одному из немногих друзей:

Не может моя душа не страдать от той ужасной жизни, которую я веду вечно одна в своей комнате… я надеюсь не изменить покорности, терпению и сдержанности, к которым я себя приучила. Как бы ни было тяжело и жестоко быть униженной… я сохраню свои принципы.

О мадам Шевалье она, похоже, ничего не знала, а вот о желании мужа связать себя с любимой Аннушкой законными узами слышала чуть ли не ежедневно. Но для этого с ней, Марией Федоровной, нужно развестись, заточить ее в монастырь, а еще лучше – убить… Кто защитит, кто поможет?

Если Павел действительно намеревался арестовать и заточить в крепость жену и старших сыновей, заговорщики могли стать спасителями. Но зачем ей спасение, которое лишает ее короны?! Ведь только ради нее, ради власти она двадцать лет терпела свекровь и почти четыре года терпит ставшего неузнаваемым, невменяемым мужа…

Разумеется, заговорщики в последнюю очередь заботились об

участи отвергнутой императрицы. Павел подписал себе приговор, отняв у дворянства льготы, дарованные Екатериной Великой, насаждая в армии ненавистные прусские порядки. Но вне зависимости от причин, которые побудили заговорщиков к действиям, именно они, убийцы Павла, определили судьбу Марии Федоровны на будущие 28 лет.

Последние часы перед смертью Павел провел не с женой – с любовницей. В ее присутствии и, скорее всего, по ее просьбе написал последнее в жизни письмо, которое как нельзя лучше характеризует его ум и особенно сердце. Письмо было адресовано князю Ливену, военному министру, которого царь решил сместить, назначив на этот пост мужа фаворитки, ничтожного молодого человека без какого бы то ни было военного образования и опыта. Вот в каких выражениях государь сообщал о своем решении: «Ваше нездоровье продолжается слишком долго, и так как ваши дела не могут прийти в порядок от ваших мушек (Ливена лечили шпанскими мушками. – И. С.), то вы должны передать портфель военного министра князю Гагарину». Марии Федоровне показали это письмо. Она была удручена бессердечностью покойного мужа, извинялась, просила сына быть милостивым к незаслуженно обиженному министру.

Когда внимательно читаешь довольно многочисленные мемуары, в которых упоминается Мария Федоровна, порой начинает казаться, что авторы рассказывают о разных людях, не просто мало похожих, но во всем противоположных друг другу. Недаром следователи и оперативники, опрашивающие свидетелей какого-то происшествия, утверждают, что каждый свидетель видит свое, чаще всего противное тому, что видит его сосед. Так что свидетельствам очевидцев следует доверять с осторожностью.

Вот несколько воспоминаний о том, какую семейную обстановку создавала Мария Федоровна в разные периоды своей жизни. Французский дипломат граф Людовик Филипп де Сегюр, гостивший в великокняжеском семействе в 1785 году, в восторге:

Никогда ни одно частное семейство не встречало так непринужденно, любовно и просто гостей: на обедах, балах, спектаклях, празднествах – на всем лежал отпечаток приличия и благородства, лучшего тона и самого изысканного вкуса.

Совсем другие впечатления у герцогини Саксен-Кобургской:

Мы были очень любезно приняты, но здесь я очутилась в атмосфере, совсем не похожей на петербургскую. Вместо непринужденности, царствующей при дворе императрицы Екатерины, здесь все связано, формально и безмолвно… Принужденность и молчание: все по старинной прусской моде.

Адмирал Александр Семенович Шишков, близкий ко двору (уже в те времена, когда Павел был императором), вспоминал:

Забавы наши в Павловске были единообразны и скучны. После обеда, обыкновенно степенными и мерными шагами, ходили мы прогуливаться по саду. После прогулок, отдохнув несколько, ежедневно собирались мы на беседу, весьма утомительную. Там государь с великими князьями и княжнами садились рядом и провожали время в сухих разговорах; а мы сидели вокруг комнаты, на стульях, как бы прикованные к ним истуканы, потому что ни разговаривать между собой, ни вставать с них не смели.

А вот как вспоминал о своих посещениях двора вдовствующей императрицы человек, тоже весьма достойный, писатель и издатель «Русского вестника» Сергей Николаевич Глинка (о его прославленном брате Федоре речь впереди. – И. С.):

Гостеприимство, вытесняемое новым образом жизни из светских обществ, процветает здесь в полном блеске своем. Добрая государыня является здесь повсюду ласковою, радушною хозяйкою. Сделали шаг в сад – и вы у нее в гостях! В разных беседках и домиках всякий день приготавливаются разные завтраки; всякий, кто бы он ни был, может прийти пить самые густые сливки и есть лучшее масло и вкусный сыр… Обладательница сих мест любит, чтоб веселились окружающие ее. И как не веселиться им! Здесь никто не обижен, никто не утеснен. Сады здешние имеют то преимущество перед прочими, что в них приятность соединена с пользою. Зная, что труды награждаются щедро, рабочие стекаются сюда со всех мест… А сколько здесь раненых солдат – две тысячи! Этого не довольно; государыня берет еще третью тысячу на особое свое попечение; они все сыты, одеты, обласканы и получают хорошее жалование. С каким простосердечным восторгом говорят они о милостях и щедротах ее. Все эти инвалиды называют государыню матушкою…

Отступление о Михайловском замке

Недавно в центре двора Михайловского замка установили скульптуру: император Павел, сидящий на троне. Автор ее – Владимир Горевой. В последние годы в городе не появлялось произведений столь совершенных и выразительных. Благородная изысканность формы, свойственная мастеру, сочетается с редкой в наше время глубиной проникновения в характер персонажа, более того – с философским осмыслением истории.

Скульптура стоит на одной оси с памятником Петру. Павел как бы смотрит вслед огромному всаднику в римской тоге, с лавровым венком на голове. Взгляд полон неизбывной горечи: ему не догнать великого предка. Никогда.

У этого памятника Петру странная судьба. Он мог бы стать первым памятником в Петербурге, первым конным памятником в России, более того, первым прижизненным памятником императору. Автор его – известный скульптор Бартоломео-Карло Растрелли. Он приехал в Россию по личному приглашению государя и привез с собой сына, который станет одним из величайших русских зодчих и построит (среди прочих шедевров) Зимний дворец, где пройдет большая часть жизни всех героинь этой книги.

Памятник заказал Растрелли-старшему сам император: «Сделай мне сидящий на коне патрет! Мы из Италии 300 штук скульптур в Россию притащили, а твоя среди них первой быть должна!» При жизни Петра памятник не был завершен, зато скульптор, когда лепил голову императора, смог воспользоваться его посмертной маской. Отлит памятник был уже в царствование Елизаветы Петровны, а потом 53 года (ровно столько, сколько продолжалась земная жизнь Петра Великого!) пролежал на берегу Невы под навесом у Исаакиевского моста. Павел, всегда подчеркивавший свое восхищение прославленным предком, повелел поставить памятник на плацу перед своим любимым детищем, Михайловским замком. На постаменте приказал написать: «Прадеду правнук». Это был своего рода вызов покойной матушке: ты – всего лишь вторая, а я – прямой потомок, родная кровь.

С Петром, Екатериной и Михайловским замком связана еще одна история, свидетельствующая о характере и приоритетах императора Павла. История эта началась давно, еще при жизни основателя северной столицы. Дело в том, что Петр Алексеевич родился 30 мая 1672 года (12 июня по новому стилю), в день памяти святого Исаакия Далматского. Первый российский

император пожелал иметь в городе на Неве храм во имя своего небесного покровителя. За 3 месяца чертежный амбар рядом с Адмиралтейством перестроили, превратили в церковь. В ней венчался Петр с Екатериной Алексеевной, в ней присягали на верность царю и Отечеству молодые офицеры, которым предстояло прославить российский флот. В 1717 году, после побед в Северной войне, на левом берегу Невы был заложен новый Исаакиевский храм, каменный. Он во многом напоминал Петропавловский собор. Сходство подчеркивали одинаковые часы-куранты на колокольнях. Часы эти Петр самолично купил в Голландии. Пожелал, чтобы бой курантов с левого и правого берегов Невы, сливаясь воедино, был слышен всему городу.

Строили на века. Но судьба распорядилась по-своему… Наводнения подмывали грунт, фундамент оседал (гранитных набережных тогда не было). Потом в церковный шпиль ударила молния. Начался пожар. На месте сгоревшего храма в 1782 году Екатерина и поставила памятник своему великому предшественнику, ставший одним из главных символов Петербурга. На скале-постаменте приказала написать: «Петру Первому – Екатерина Вторая». Эта надпись особенно раздражала Павла и Марию Федоровну: матушка будто разом вычеркнула из истории всех государей, правивших страной после Петра. Будто только она – его наследница. А она, именно таковой себя и ощущая (думается, по праву), почитала долгом воздвигнуть достойный храм во имя Исаакия Далматского. Место выбрала вблизи Медного всадника.

Составить проект поручила блистательному Антонио Ринальди. Проект Ринальди сохранился. В нем гармоничное сочетание величия и изящества. Екатерина проект утвердила, в средствах архитектора не ограничивала. Но будто злой рок тяготел над храмом. Ринальди успел возвести только стройные стены первого этажа, отделанные мрамором (как зодчий умел работать с этим благородным материалом, можно представить, глядя на Мраморный дворец, который он построил по заказу Екатерины для Григория Орлова). Неожиданно умирает Екатерина…

Павел Петрович тоже чтит память Петра, и ему как будто бы незачем уничтожать начатое матерью. Но собственная резиденция значит для него куда больше, чем выполнение прихоти давно почившего императора и совсем недавно покинувшей этот мир матушки. Весь мрамор, заготовленный для верхней части собора, Павел приказывает отправить на строительство своего замка, собор – достроить. Быстро и дешево.

Придворный архитектор Винченцо Бренна приказ выполнил.

Надстроил мраморную церковь кирпичом, обезобразив начатое Ринальди. На это немедленно откликнулся известный своими проказами, стихами и остротами автор популярных в те годы комедий Александр Данилович Копьев:

Се памятник двух царств
Обоим столь приличный:
Основа его мраморна,
А верх его кирпичный.

Павел был оскорблен. По его приказу Копьева в тот же день забрили в солдаты. Сразу после воцарения Александр Павлович вернет незадачливого поэта в Петербург, среди тысяч таких же несчастных, пострадавших от гнева Павла. При Александре I начнут возводить новый Исаакиевский собор, при Николае I продолжат, а завершат строительство только через 40 лет, при Александре II. Но это уже другая история.

А пока вернемся к Михайловскому замку. Если верить легенде, мысль о его постройке была внушена Павлу Петровичу не кем-нибудь, а самим архангелом Михаилом. Однажды солдату, стоявшему в карауле при Летнем дворце, явился в сиянии прекрасный юноша и сказал оторопевшему часовому, что он, архангел Михаил, приказывает идти к императору и передать, чтобы на месте этого старого дворца был построен храм во имя архистратига Михаила. Летний дворец Елизаветы Петровны был местом примечательным: именно здесь родился Павел, именно здесь у Екатерины отобрали новорожденного сына, а ее оставили одну, не подав даже стакана воды: выживет – выживет, нет – на нет и суда нет.

Солдату попасть к императору не было никакой возможности, поэтому он доложил о чудном видении по начальству. Когда весть дошла наконец до Павла, тот ответил: «Мне уже известно желание архангела Михаила; воля его будет исполнена».

Ответ находчивый. А то ведь невольно возникает вопрос: с чего бы это архангелу сообщать о своем повелении через какого-то безвестного солдата, когда можно сказать прямо императору?

Проект замка разработал сотоварищ Павла по масонской ложе, Василий Баженов, но эскизный план был намечен самим Павлом Петровичем. Руководить работами он поручил Винченцо Бренне. В день закладки замка на место, где недавно стоял Летний дворец, приехала царская чета в сопровождении придворных и иностранных посланников. Государь был встречен всем столичным духовенством. Подошли к мраморному монолиту, на котором было высечено: «В лето 1797, месяца

февраля в 26 день, в начале царствования государя императора и всея России самодержца Павла Первого, положено основание зданию Михайловского замка его императорским величеством и супругою его государынею императрицею Мариею Федоровною». По обеим сторонам камня стояли столы, на которых на серебряных блюдах лежали серебряные лопатки с именами их величеств, известка, яшмовые камни в форме кирпичей с вензелями императора и его супруги, серебряный молоток, золотые и серебряные монеты, которые вместе с закладными камнями предстояло положить в основание замка. Императрице известь подавал сам архитектор Бренна.

Во внешних почестях Марии Федоровне отказано не было, она была рядом с мужем во время события, которое так много для него значило: замок должен был воплотить его представления о величественном, прекрасном, нерушимом. Казалось, общее дело, общая мечта снова сблизила их, объединила. Но как только церемония была окончена, Павел отправился к фаворитке. Можно представить, что пережила Мария Федоровна, когда император приказал архитектору покрасить стены замка в красный цвет, а для образца при составлении краски использовать перчатку фаворитки.

Императрице в новом замке были предназначены достойные покои. Но могло ли это радовать, если она знала, что из спальни мужа потайная винтовая лестница ведет в комнату фаворитки? В комнате этой сейчас кабинет одного из научных сотрудников музея, блестящего знатока Павловской эпохи. Мне как-то случилось на некоторое время остаться в этой комнате в одиночестве. Впечатление, надо сказать, незабываемое: какие-то странные шорохи, звуки осторожных шагов по лестнице. Вдруг шаги замерли, будто кто-то остановился перед дверью. Чего он ждет? На цыпочках, не издав ни звука, подхожу к двери, распахиваю – никого… Когда рассказала хозяину кабинета, он ничуть не удивился: «Говорят, тень Павла Петровича так и не покинула своего любимого замка…»

А строили замок с лихорадочной поспешностью. Требование императора работать как можно быстрее не могло вызвать даже робких возражений: во-первых, потому, что за любое возражение можно было жестоко поплатиться; во-вторых, веление архангела Михаила надо выполнять неукоснительно, какие уж тут споры. И выполняли. С должным рвением. От двух с половиной до шести тысяч рабочих трудились день и ночь.

К концу 1800 года строительство вчерне было закончено. На 8 ноября назначили одновременное освящение замка, его церкви и памятника Петру. Государь и великие князья ехали от Зимнего

дворца верхом, императрица, великие княжны и первые чины двора – в роскошных церемониальных каретах. На всем пути к новой резиденции были выстроены войска, колокольный звон всех столичных храмов сопровождал торжественную кавалькаду.

Надпись на фризе главного входа: «Дому твоему подобает святыня Господня на долготу дней», казалось, гарантирует долгую и счастливую жизнь в новом дворце. Кто мог знать, что жить хозяину замка оставалось чуть более четырех месяцев (а с момента окончательного переселения в замок – всего месяц и 12 дней).

Переселение это состоялось 1 февраля 1801 года. Но дворец еще не был готов к приему людей: стены не успели просохнуть. Их наскоро украсили деревянными панелями, скрывшими на короткое время следы сырости, но она не замедлила выступить из щелей. Живопись, сделанная по свежей штукатурке, сразу начала стираться. Едкий запах, исходивший от стен, по которым текли негашеная известь, масла и лаки, мешал дышать. Во время бала, устроенного по поводу переселения в новую резиденцию, густой пар, наполнявший комнаты, не давал людям узнавать друг друга, несмотря на обилие свечей. Локоны дам размокали, повисали неопрятными прядями; пудра и румяна, расползаясь по лицам, уродовали придворных красавиц. Все, кому пришлось поселиться в замке, были в отчаянии: прихоть императора ставила под угрозу их здоровье. Но никто, а уж тем более Мария Федоровна, с которой супруг обходился со все нарастающей грубостью, не смели сказать и слова, вынуждены были улыбаться, будто бы разделяя радость Павла Петровича.

А он и в самом деле был счастлив: могучие стены замка, окружающие его рвы с водой, многочисленный гарнизон, охраняющий все подходы к дворцу, наконец-то надежно защищают жизнь императора (он ведь слышал нестихающий ропот: «Император сошел с ума!», «Это не может продолжаться!»). Уверовав в свою недоступность для злоумышленников, Павел вел себя все более вызывающе, провоцируя заговорщиков. Чего стоила одна только история с Евгением Вюртембергским, племянником Марии Федоровны (пройдут годы, и он станет отважным офицером, будет командовать одним из русских корпусов в кампании 1812-1814 годов). Павел пригласил 13-летнего мальчика погостить у тетки в России. Он любил такого рода любезности чередовать с неприятностями, постоянно доставляемыми императрице. Юный немецкий принц настолько пришелся российскому императору по душе, что он выразил намерение женить его на своей дочери Екатерине, усыновить и сделать наследником престола, отстранив не только законного

наследника, Александра Павловича, но и всех своих сыновей. В заметке, написанной через несколько лет, принц Евгений обнаруживает свою уверенность в реальности этого намерения Павла Петровича и утверждает, что тот собирался заточить в монастырь свою жену и детей, за исключением Екатерины, а может быть, и обрекал Марию Федоровну на смерть от руки палача. Княгиня Гагарина и Кутайсов якобы слышали, как Павел сказал: «Еще немного, и я вынужден буду приказать отрубить некогда дорогие мне головы!» Можно вообразить, какие чувства вызывали эти слухи у членов царского семейства и как потворствовали заговорщикам.

В мрачном дворце, где балы и праздники следовали один за другим, Евгений Вюртембергский видел лишь тревожные взгляды и искаженные ужасом лица. Павел сеял вокруг себя страх, смятение и ожидание чего-то страшного и вместе с тем желанного: у людей уже не было сил терпеть. Природа будто тоже готовилась к чему-то ужасному. Один из современников тех зловещих событий вспоминал: «Целыми неделями не показывалось солнце. Не хотелось выходить из дому. Впрочем, это было и опасно. Казалось, что сам Бог нас оставил».

Михайловский замок повторил судьбу Ропшинского дворца: стал местом злодейского убийства законного российского императора. (Сейчас речь не о том, дурны или хороши были убитые. И даже не о том, что их смерть принесла России (хотя именно это, в итоге, и есть главное). Сейчас речь о немецких принцессах – российских императрицах, которые в результате этих убийств остались вдовами. Одна из них стала Екатериной Великой. А вот как поведет себя вторая?… Об этом нам предстоит узнать много любопытного.) На второй день после гибели супруга Мария Федоровна нашла в себе силы, чтобы приказать все ценные вещи (мебель, скульптуры, картины, посуду) перевезти из Михайловского замка в Павловск; а походную кровать, на которой император проснулся, когда заговорщики стали ломиться в дверь его комнаты, поместила за ширмой рядом со своей спальней и каждый день все 28 лет вдовства (разумеется, когда жила в Павловске) начинала с визита в это помещение. Окровавленную рубашку Павла она положила в ларец, который всегда держала под рукой. Как она им пользовалась, расскажу, когда придет время.

Завершая рассказ о Михайловском замке, добавлю, что после убийства Павла Петровича ни один из Романовых не провел в его стенах ни дня.

Итак, Мария Федоровна оказалась в том же положении, в

каком была когда-то Екатерина Алексеевна: муж, намеревавшийся избавиться от опостылевшей жены, убит заговорщиками. Правда, Екатерина сама стояла во главе заговора и, хотя убивать мужа не приказывала, к такому повороту событий, несомненно, была готова. Знала ли о заговоре Мария Федоровна? Полагаю, об убийстве даже мысли не допускала. А о предстоящем отстранении царственного супруга от власти? Если и не знала наверняка, то не заподозрить просто не могла. Едва ли она могла предположить, что старшие сыновья, как агнцы, пойдут на заклание. Да и сама… Провести остаток дней в монастыре? Отказаться от власти, о которой столько мечтала, ради которой столько терпела и которой реально так и не получила? Она верила: пока не получила…

Убийство мужа ее потрясло. Сомневаться в искренности ее отчаяния нет оснований. Но… скорбь не заставила забыть о троне. Заливаясь слезами, она взывала к солдатам: «Я! Я хочу править! Я должна!» Ответом на вопли было холодное (если не брезгливое) молчание. Это Екатерина могла повести за собой войска. Это ради нее гвардейцы были готовы умереть. В Марии Федоровне не было абсолютно ничего, что восхищает, увлекает, толкает на самопожертвование. Может быть, причиной тому было отсутствие всепокоряющего обаяния, которым славилась Екатерина; может быть – чуждый русскому уху акцент. В противоположность Екатерине, русским языком она за 20 лет так и не овладела. То ли не хватило способностей, то ли желания. Но многие не без основания считали это проявлением пренебрежения к русским.

Она, позабыв об усвоенном с детства умении держаться с достоинством, билась в истерике, кричала, требовала, чтобы Александр добровольно отдал ей, матери, вожделенную власть. Ей напоминали: «Учреждение об императорской фамилии» гласит: «Корону наследует старший сын, а если такового не окажется, младший брат». И никаких женщин на троне! Она ведь сама вместе с Павлом в свое время составила этот документ. Он обеспечивал законность престолонаследия и казался таким справедливым! Тогда она и подумать не могла, что муж охладеет к ней и их закон, их общее детище, которым они так гордились, обернется против нее же.

Кстати, строгий и внятный порядок, установленный этим законом, будет безотказно действовать до конца царствования Романовых. Насколько мне известно, даже недоброжелатели Павла Петровича всегда оценивали закон о престолонаследии как деяние сугубо положительное, способствовавшее укреплению государственности. Мне же в голову пришла крамольная мысль:

именно следование этому закону привело в конце концов к крушению самодержавия и гибели династии. Раньше, в отсутствие закона, к власти приходили те, кто имел силы править: Петр I, Екатерина II. А по закону? Династия постепенно мельчала. Приход к власти Николая II, наследника абсолютно законного, но править не способного, стал началом конца.

А в ту страшную ночь никто не мог вразумить обезумевшую женщину, только что ставшую вдовой, пока не прозвучали слова: «Эта страна устала от власти толстой старой немки. Оставьте ей возможность насладиться молодым русским царем!» Все замолчали, не могли оторвать глаз от той, что осмелилась такое сказать. Ее тонкое, нежное лицо было бледно, огромные голубые глаза полны холодной решимости, голос, который Екатерина Великая называла чарующим, звучал неожиданно резко.

Мария Федоровна была обескуражена и как-то разом успокоилась. Такого она не могла ожидать даже от едва скрывавшей свою неприязнь к свекрови жены Александра (уже императора!) великой княгини Елизаветы Алексеевны (уже – невозможно поверить! – императрицы). Елизавете эти слова дорого обойдутся. Двум этим женщинам, матери и жене императора Александра I, предстоит прожить рядом без малого четверть века. И все эти годы свекровь будет неутомимо преследовать невестку, а невестка тихо, но упорно сопротивляться.

Может быть, уже в ту ночь, когда окончательно рухнула надежда стать самодержицей, императрица (с этой ночи – вдовствующая императрица) решила, что реальную власть она из рук не выпустит. Она будет властвовать над сыном-императором, а значит, и над всей державой. Было ясно одно: нужно вырвать Александра из-под влияния жены. Как? Здесь хороши любые средства. И она эти средства найдет.

Мария Федоровна невзлюбила невестку еще до того, как увидела. Екатерина выбрала невесту для своего любимца Александра, не спросив согласия родителей! Уже этого было достаточно для неприязни. Павел пытался вразумить жену: девочка-то ни в чем не виновата. Марию Федоровну это раздражало еще больше: противная девчонка, прикинулась ангелом, очаровала всех, даже Павла! Но ее-то, Марию Федоровну, не обманешь. А они еще увидят, какая змея скрывается под этим ангельским личиком…

В журнале «Русский архив» за 1909 год есть любопытное наблюдение:

Нам случилось видеть в Гатчинском дворце статуи герцога и герцогини Вюртембергских (родителей Марии Федоровны. – И. С.).

Они производят впечатление, далеко не похожее на то, которое испытываешь, глядя на портреты родителей Елизаветы Алексеевны. Там — что-то тупое, тут — выражение ума и даровитости.

Так что корни неприязни много глубже внешних обстоятельств и обид.

Мы уже достаточно узнали о Марии Федоровне, по крайней мере, о двух ее ипостасях: супруги наследника престола (и невестки Екатерины) и императрицы. Впрочем, по-настоящему она проявит себя только в роли вдовствующей императрицы, императрицы-матери. Раньше не могла: сначала боялась свекрови, потом мужа. Но пока нам придется оставить Марию Федоровну, чтобы познакомиться со следующей немецкой принцессой, супругой старшего внука Екатерины Великой, Александра Павловича, в ту роковую ночь 1 марта 1801 года ставшей российской императрицей.

«Елисавету втайне пел…»

Личико у нее, и правда, было ангельское. Но это не единственное и даже не главное достоинство, которое привлекло внимание Екатерины Великой к маленькой Баден-Дурлахской принцессе Луизе.

Екатерина давно поняла: Павел, взойдя на трон, разрушит все, что она с таким трудом создавала. Так уже было, когда Елизавету Петровну, пусть ненадолго, сменил Петр Федорович. Он даже за полгода царствования сумел уничтожить многое, чем дорожила Елизавета. Павел умнее, энергичнее, значит, и разрушить сумеет больше. Этого нельзя допустить.

Пройдет более чем полвека, и история повторится – с правнуком Екатерины, Александром II. После смерти первенца, Николая, его наследником станет следующий сын, будущий Александр III. Царь-освободитель знал: Александр Александрович сделает все, чтобы либеральные реформы отца были как можно скорее забыты. Но что ему оставалось? Он – смирился. Екатерина смириться не могла – просто не умела. Она решила действовать: передать власть любимому внуку, которого называла «отрадой нашего сердца».

Сколько в нем чистоты и вместе с тем глубины! Как последователен он в исполнении правил и сколь беспримерно его

желание во всем поступать хорошо!… Когда он танцует или сидит на лошади, то… напоминает Аполлона Бельведерского… Он столь же величествен, а это немало для четырнадцатилетнего юноши.

Но неженатый монарх – нонсенс. Значит, мальчика нужно женить – окружающие начнут воспринимать его как главу собственной семьи, взрослого мужчину. Конечно, женить Сашеньку рановато. А как быть? Интересы государства требуют… Она вполне откровенно пишет Гримму:

Соломон сказал: «Всему свое время». Сперва мы женим Александра, а там со временем и коронуем его со всеми царями, и будут при том такия торжества и всевозможные народные празднества. Все будет блестяще, величественно, великолепно. О, как он сам будет счастлив и как с ним будут счастливы!

Она снова решила искать невесту среди немецких принцесс. Кто из многочисленных немецких герцогов, князей, маркграфов не будет счастлив породниться с Екатериной Великой?! Выбор был огромный. И тут императрице доложили: великий Гете в восторге от Баденских принцесс (одиннадцатилетней Луизы Августы и девятилетней Фредерики Доротеи): красивы, добры, грациозны, умны, не по годам образованны. Великая, она доверяла мнению великих. К тому же симпатизировала матушке принцесс, маркграфине Баден-Дурлахской Амалии (урожденной принцессе Гессен-Дармштадтской). Та когда-то вместе с двумя сестрами приезжала в Петербург на смотрины. Амалия больше всех полюбилась Екатерине. Но Павел выбрал Вильгельмину. Царица тогда была опечалена, но Амалии, скорее всего, повезло. Конечно, маркграфиня маленького Баден-Дурлахского княжества не то, что царица огромной, необозримой, сказочно богатой России. Но Амалия завистлива не была, к власти не стремилась – и искренне радовалась за свою куда более амбициозную сестру. Чем кончилось «русское счастье» принцессы Вильгельмины (в православии – Натальи Алексеевны), мы знаем.

А Амалия в своем браке была счастлива. Карл Людвиг, за которого она вышла замуж, был добропорядочен, благороден, блестяще образован, к тому же настроен весьма либерально. Маркграфине, открытой, доброжелательной, больше всего на свете нравилось устраивать личную жизнь своих многочисленных родственников и друзей. Недаром ее прозвали «европейской свахой».

О том, что представляло собой в то время Баденское княжество, сохранились любопытные путевые заметки:

Я бывал в Бадене много раз, изъездил его вдоль и поперек и должен признать, что это, пожалуй, самая прекрасная, самая

плодородная и самая счастливая из всех немецких земель. Здоровый, деятельный, просвещенный народ и мудрое правление состязаются здесь с благословеннейшей природой. Между князем и народом я нашел согласие, среди народа – простодушие, а в высших классах – образование, которое я, судя по газетам, встретить не ожидал. Кто же не позавидует князю, управляющему такой землей? Хотя Баден — небольшая частица Немецкого союза, но по своему внутреннему содержанию он стоит впереди всех.

Известно, что в детстве складывается характер человека, формируются его нравственные качества. Екатерина II поступила мудро, выбрав для наследника российского престола невесту, выросшую в пусть маленькой, но прекрасной, свободной (по меркам конца XVIII века) стране; в любящей, просвещенной семье. Такая царица хороша для России.

А как ей самой будет в России?… Об отношениях в семье рассказ впереди. Но, читая о судьбе третьей невесты, выбранной Екатериной Великой для своих потомков, не следует забывать, как мучительно переживала эта девочка, ничего не знавшая о насилии, то, с чем на новой родине приходилось сталкиваться постоянно: телесные наказания, торговля людьми, безнаказанные унижения слабых. Она не сумела к этому привыкнуть, не утратила способности сострадать, пыталась бороться, пыталась помочь. Но… русская царица была безвластна. Могла ли она быть счастлива?

Матушка и бабушка принцесс бывали в России и сохранили самые восторженные воспоминания об этой стране. Они были искренне рады перспективам, открывающимся перед одной из девочек. И не только потому, что ей предстояло стать женой наследника российского престола. Екатерина в свое время очаровала их обеих. Они были уверены: под ее присмотром с их обожаемым ребенком ничего плохого случиться не может. Тем более что, по слухам, жених, Александр Павлович, был удивительно похож на свою бабушку.

Кроме того, приглашая на смотрины в Петербург старших дочерей маркграфини Амалии (внук должен был сам выбрать себе невесту), Екатерина обещала устроить судьбу и второй девочки. Надо сказать, что Фредерике Доротее повезет больше, чем избраннице цесаревича: она выйдет замуж за короля Швеции и будет вполне счастлива в браке. А маленькая Луиза, которая слышала о России только самое доброе, когда ее усадили в карету и сказали, куда везут, неожиданно забилась в рыданиях. Будто предчувствовала…

Но когда тебе всего 13 лет, когда впечатления, одно поразительнее другого, так быстро сменяют друг друга, о

предчувствиях скоро забываешь. 31 октября 1792 года две женщины готовились к встрече. Одна, Екатерина Великая, уведомляла Гримма:

Сегодня вечером ждем двух Баденских принцесс… Вы, конечно, знаете, что у нас не женят так рано, и это сделано про запас для будущего, а покамест они привыкнут к нам и познакомятся с нашими свычаями и обычаями. Наш же малый об этом не помышляет, обретаясь в невинности сердечной; а я поступаю с ним по-дьявольски, потому что ввожу его во искушение.

В тот же день тринадцатилетняя принцесса писала:

Наступали часы, важнейшие в моей жизни, и я волновалась. Когда при въезде в город раздались слова: «Вот и Петербург!», мы с сестрой невольно и бессознательно подали одна другой руки и, пользуясь темнотой, пожимали их взаимно, пока не доехали до Шепелевского дворца: это было безгласное изъявление того, что в нас происходило. Я бегом пошла по большой, ярко освещенной лестнице, оставив за собой внизу графиню Шувалову и Стрекалова (они были тяжелы на ходу)… Проследуя не останавливаясь, все покои, прихожу в спальную комнату с мебелью, обшитой темно-красным атласом. Вижу в ней двух женщин и мужчину и быстрее молнии соображаю: «А в Петербурге у императрицы; явно, что она меня принимает, стало быть, она тут». И я подошла поцеловать руку той, которая показалась мне более схожей с теми портретами, которые мне были известны… Императрица сказала, что очень рада со мною познакомиться… Поговорив немного, она ушла, а я, пока не легла спать, чувствовала себя окруженной каким-то волшебством.

Эти женщины, повелительница великой державы и девочка-подросток, сразу полюбили друг друга. Старшая осыпала малышку подарками, очаровывала лаской. Младшая покоряла непосредственностью, искренностью, восхищением без малейшего подобострастия. На следующий день девочкам делали придворные прически, примеряли русские платья – перед женихом они должны были предстать в достойном виде.

2 ноября состоялась первая встреча. Девочки робели, Александр по-мальчишески дичился. И все-таки было очевидно: он предпочел Луизу. Из Фредерики какая невеста – совсем ребенок. Екатерина с волнением наблюдала за женихом и невестой. Она так хотела счастья своему любимцу. И этой девочке, которая с первого взгляда покорила ее сердце. Она знала: их рано женить. Слишком рано! Старалась утешить себя: интересы державы требуют! Сомневалась: сумеют ли полюбить друг друга?

Ходили слухи, будто бабушка, понимая, что внук не готов

стать мужем, прислала к нему опытную придворную даму, которая должна была научить юношу премудростям любви. И якобы с задачей блестяще справилась. Неудивительно, что стеснительная, робкая девочка-жена не вызывала у получившего урок мальчика-мужа мужских чувств. Не исключено, что именно это стало причиной непонимания, обид, измен. А пока Екатерина была счастлива, когда замечала: девочка все больше нравится Александру.

Прошло несколько дней, и они уже обменивались записками. Великий князь писал: «Любите ли Вы меня хоть немного?» Луиза поначалу отвечала сдержанно: «Да, конечно». Он снова писал: «Мой милый друг, я буду Вас любить всю жизнь». Она отвечала: «Мой дорогой друг, я буду Вас любить всю жизнь». Однажды, оставшись с невестой наедине, Александр решился поцеловать ее и получил ответный поцелуй. Вечером она писала матушке: «И с тех пор я думаю, что он всегда будет меня целовать… Как странно мне кажется целовать мужчину, ведь он не мой отец и не мой дядя. И так странно, что он не царапает меня, как папа. Своей бородой».Через несколько дней она написала ему записку: «Я тоже люблю Вас всем сердцем и буду любить Вас всю жизнь. Ваша преданная и покорнейшая суженая. Луиза».

Ей недолго уже было оставаться Луизой – она готовилась принять новую веру и получить новое имя. Казалось, она была рождена для этой веры, так радостно, всей душой воспринимала она догматы православия. На торжество миропомазания Луизы, нареченной в православии Елизаветой Алексеевной, в Большой церкви Зимнего дворца собрался весь двор. После привычной строгой аскетичности лютеранских соборов православный храм поразил ее великолепием. Но ни золото иконостаса, ни блеск драгоценностей на шеях, на руках, в изысканных прическах дам; ни золотое шитье парадных камзолов вельмож не отвлекали ее внимания от главного: она истово готовилась к некоему духовному перевоплощению, которое (она верила) сделает ее счастливой и способной приносить счастье другим.

Ее звонкий, прерывающийся от волнения голос звучал под сводами дворцового храма чисто и искренно: «Верую во единаго Бога Отца, Вседержителя, Творца небу и земли, видимым же всем и невидимым. И во единого Господа Иисуса Христа, Сына Божия, Единородного, Иже от Отца рожденного прежде всех век; Света от Света, Бога истинна от Бога истинна…» Она говорила так убежденно и так безошибочно по-русски, что многие не могли сдержать слез умиления. Особенно растрогана была императрица: будто это она, маленькая Фике, с волнением и надеждой читала Символ веры на языке, который стал ей родным; будто и не было

49 лет, прошедших с той счастливой минуты. Она чувствовала, как много общего у нее с этой хрупкой девочкой, и всем сердцем желала ей счастья.

А общее еще только начало открываться. И главным было отношение к языку новой Родины. Только две из немецких принцесс, ставших российскими императрицами, овладели русским языком в совершенстве: Екатерина Алексеевна и Елизавета Алексеевна. Может быть, были способнее других. Но дело не только в этом. Они так полюбили Россию, так глубоко почувствовали себя русскими, что язык (душа народа) стал им внятен и близок.

Елизавета с такой же страстной увлеченностью, как когда-то Екатерина, будет изучать русскую историю, обычаи народа, среди которого ей предстоит жить до конца дней. Екатерина откроет для нее свою библиотеку и будет с радостным волнением следить за тем, что выбирает для чтения юная великая княгиня. Ей будет казаться: наконец-то она не ошиблась, наконец-то сделала правильный выбор (обе жены Павла русской историей не интересовались, что вызывало у свекрови горькую озабоченность).

Пройдут годы, и Елизавета Алексеевна (уже императрица) станет другом выдающегося историографа Николая Михайловича Карамзина, он будет восхищаться ее знаниями, ее умом, но больше всего тем, как она сумела понять душу русского народа.

Отступление о старшем друге

Они познакомятся в 1816 году. Она пригласит его читать вслух и обсуждать его «Историю государства Российского». Вот как описывал Карамзин знакомство с государыней: «Вчера, в 7 часов вечера, приехал я с Уваровым к императрице Елизавете Алексеевне. Мы нашли ее совершенно одну в большом кабинете. Она еще хороша лицом, миловидна, стройна, имеет серебряный голос и взор прелестный. Читали долго, но в глубоком молчании, следственно холодно. К сожалению, уткнув глаза в книгу, я не мог часто взглядывать на императрицу; а на нее приятно смотреть. В ее глазах есть нечто красноречивое. Она казалась довольною. После мы говорили с час, ловко и свободно, о войне Французской, о пожаре Московском и проч. В начале одиннадцатого она изъявила мне благодарность, мы расстались, и я вышел с приятным воспоминанием.

Надобно было видеть эту интересную женщину одну, в прекрасном белом платье, среди большой, слабо освещенной комнаты; в ней было что-то магическое и воздушное».

Им было легко и интересно вдвоем: общие литературные и художественные интересы, общее пристрастие к философии, даже любимые исторические персонажи одни и те же. Они говорили и не могли наговориться. Но если в окружении Николая Михайловича было достаточно людей, его понимавших, то для Елизаветы Алексеевны это знакомство стало редким подарком судьбы. Раньше впечатлениями о прочитанном, о происшедшем она делилась только с матерью. Радовалась, когда их впечатления совпадали. Но пока дойдет письмо, пока получишь ответ… А теперь рядом появился друг, который все понимает.

Карамзин вспоминал: …Я имел счастье беседовать с ней еженедельно, иногда часа по два и более, с глазу на глаз; иногда мы читали вместе, иногда даже спорили, и всегда я выходил из ее кабинета с приятным чувством. Государь сказал мне, что и она не скучала в его отсутствие беседами историографа. К ней написал я, может быть, последние стихи в моей жизни, в которых сказал:

> Здесь все мечты и сон; но будет пробужденье!
> Тебя узнал я здесь в приятном сновиденье:
> Узнаю наяву!.

Чем ближе они узнавали друг друга, тем теплее, доверительнее становились их отношения. Карамзин был

единственным, кому Елизавета читала свой дневник, который вела со дня приезда в Россию. Бывали моменты, когда она не решалась читать вслух отрывки слишком интимного свойства. Но она не хотела утаивать от него даже самое сокровенное – передавала ему тетрадь, и он молча читал то, что она не могла произнести вслух.

Он знал о ней все, от души ей сочувствовал, пытался развеселить, вызвать у нее улыбку. Шутливо писал, как будет наблюдать за ней с небес: «Там летают, куда хотят: ссылаюсь не предания всех народов. Могу… заглянуть опять в Царское Село. Буду видеть, хоть и невидим; буду Вас слушать, хотя и бессловесен… А почем знать, может быть, и шепну Вам что-нибудь на ухо, хотя теперь и не люблю наушничества: шепну нескромную весть ангельскую, чтобы Вы лишний раз улыбнулись, как ангел, и на земле?»

Не удастся… Он, хотя по сравнению с нею и старик, переживет ее. Правда, всего на 18 дней…

Но и до этой дружбы, и до смерти было еще очень далеко. Ее 34-летняя жизнь в России только начиналась. На следующий день после миропомазания было обручение. Особую торжественность ему придавало то, что кольца молодым надевала сама Екатерина Великая.

Жизнь превратилась в непрерывный праздник. Все было так мило, трогательно, романтично! Правда, родители жениха в развлечениях императорского двора почему-то не участвовали. Ее это смущало: может быть, это она виновата? Может быть, чем-то не угодила? Для придворных же отсутствие на праздниках великокняжеской четы было, вообще-то, делом привычным, но и они недоумевали: здесь ведь случай особый – готовится свадьба их первенца, а они… Игнорируют? На такой открытый демарш вряд ли осмелились бы. Скорее сама императрица не считает нужным приглашать на торжества сына и невестку.

И придворные делают вывод: Павла Петровича можно списать со счетов. О намерении Екатерины сделать наследником старшего внука предполагают все, многие – знают наверняка. А вот Елизавета Алексеевна о своей перспективе преградить свекрови дорогу к трону даже не подозревает. Она выросла в семье, где невозможно было соперничество между родителями и детьми. Только любовь. Она не знала, что такое лицемерие. Родители мужа… Она их видела так редко. Улыбка на приветливом, доброжелательном лице свекрови казалась такой искренней. Маленькой Луизе придется многое пережить, чтобы понять, где лицо, а где маска…

Но пока жизнь ей улыбалась. Ею восхищались, ей даже посвящали стихи. Известный придворный поэт Гаврила Державин, не упускавший случая сделать приятное императрице, откликнулся на свадьбу ее внука стихотворением «Амур и Психея».

Амуру вздумалось Психею,
Резвяся, поймать,
Опутаться цветами с нею
И узел завязать.
Прекрасна пленница краснеет
И рвется от него,
А он как будто бы робеет
От случая сего…
Приятность, младость к ним стремятся
И им служить хотят;
Но узники не суетятся,
Как вкопаны стоят…
Так будь, чета, век нераздельна,
Согласием дыша,
Та цепь тверда, где сопряженна
С любовию душа.

Иначе как Амуром и Психеей юную пару при дворе не называли. Одни считают, что началось с этого стихотворения (поэт точно подметил характер нарождающихся отношений: «пленница», «робеет», «как вкопаны стоят»). Другие полагают, что первой назвала их Амуром и Психеей Екатерина. Услужливый поэт лишь подхватил.

Если вдуматься, второе больше похоже на правду. Державин вряд ли решился бы. Образованный человек, опытный царедворец… Это сейчас немногие знают античный миф об Амуре и Психее. В лучшем случае слышали только о романтической любви двух прекрасных юных существ. В те давние времена античную мифологию знали изрядно, и образ Психеи в просвещенном сознании был прочно связан с образом жестокой, мстительной свекрови.

Так что называть Елизавету Психеей – значило пророчествовать. Державин провидцем не был. Не Пушкин. Хотя и заметил, и, наверное, благословил.

Итак, скорее – Екатерина. Только ли она отдавала дань красоте Елизаветы, ее чистой душе (Психея в греческой мифологии – олицетворение человеческой души)? Или, зная цену Марии Федоровне, еще и предостерегала? От чего? Чтобы было

понятно, позволю себе хотя бы вкратце напомнить содержание мифа, как оно было изложено Апулеем в «Метаморфозах, или Золотом осле».

Юная царевна Психея была так прекрасна, что люди стали воздавать ей почести наравне с богиней Венерой. Охваченная завистью Венера приказала своему сыну, богу любви Амуру, вызвать в душе девушки любовь к ничтожнейшему из людей. Но Амур, очарованный Психеей, упросил зефиров перенести красавицу в свои чертоги, куда являлся к ней только во тьме. Психея не догадывалась, кто стал ее возлюбленным. Однажды, когда Амур спал, она зажгла светильник и склонилась над юношей, чтобы разглядеть его лицо. Пораженная, она узнала сына Венеры. Рука ее дрогнула, и капля горячего масла упала из светильника на плечо спящего. Амур проснулся и, разгневанный, покинул царевну. Долго блуждала по земле в поисках любимого опечаленная Психея, и повсюду Венера преследовала ее своей ненавистью. Наконец ревнивая богиня послала царевну к владычице подземного царства Прозерпине за волшебным ящиком, в котором якобы хранилась красота, и строго запретила заглядывать в ящик. Но любопытная не устояла, подняла крышку. Из ящика вырвались ядовитые испарения. Вдохнув их, Психея погрузилась в глубокий сон. Слетевший на землю Амур поцелуем пробудил девушку и умолил Юпитера даровать Психее бессмертие. Вознесенная Меркурием на Олимп, она стала супругой Амура.

Здесь важны не детали. Важны линии отношений: Венера – Амур – Психея; Мария Федоровна – Александр – Елизавета. В главном они удивительно схожи.

Но пока Елизавета, несомненно, знавшая миф во всех подробностях, не задумывается о предостережении. Жених так хорош собой! А императрица! Как удивительно сочетаются в ней величие и простота, как она заботлива. А как умна! Она никогда не разочаруется в Екатерине Великой. Через много лет, уже будучи императрицей, напишет:

Признаюсь. Я всегда люблю возвращаться к царствованию императрицы Екатерины, и хотя застала его всего четыре года, будучи в том возрасте, когда мало размышляют, эта эпоха осталась для меня образцом, формой, которая невольно служила для меня мерилом. Было у нее много слабостей, были, вероятно, недостатки, но никто не постиг, как она, искусства царствовать.

И Екатерина до конца дней любила жену своего старшего внука, разжигая тем самым все большую зависть и ненависть

Марии Федоровны. Как та ни обожала Павловск (напомню – подарок Екатерины), все-таки не могла скрыть раздражения: ей императрица подарила земли на достаточном отдалении от своего обожаемого Царского Села, а для молодоженов приказала строить дворец вблизи своего, Екатерининского, потому что хотела всегда видеть их рядом.

Отступление об Александровском дворце

Поручение построить дворец для семьи юного великого князя прославленный архитектор Джакомо Кваренги получил еще за год до свадьбы Александра и Елизаветы. По единодушному впечатлению современников, посетивших дворец вслед за его владельцами в июне 1796 года (незадолго до смерти Екатерины II), в этом сооружении зодчий из Бергамо превзошел самого себя.

Четверть века спустя сын архитектора вспоминал: «Элегантное здание, которое доминирует над новым красивым садом, окружающим действительно очаровательную виллу в Царском Селе, было спроектировано и выстроено моим отцом по приказанию Екатерины II для летней резиденции тогда молодого великого князя Александра, ныне благополучно царствующего.

Как того требовали условия и высокое положение августейшего лица, которому предназначался новый дворец, архитектор придал его формам величайшую простоту, соединив в то же время полезное с приятным для глаз. Эти нежные линии, эти гармоничные пропорции, эта умеренность орнамента наблюдается также и во внутренних частях без нанесения ущерба удобству жилища при стремлении к великолепию и элегантности».

А еще через сто с лишним лет известный историк искусств Игорь Грабарь писал: «В Петербурге и его окрестностях есть дворцы и больше, и царственней этого, но прекраснее по архитектуре нет. Чего стоит одна эта мощная двойная колоннада, соединяющая боковые крылья дворца! По живописному размаху этой композиции, по угаданности впечатления и изысканности деталей – это один из мировых шедевров архитектуры и едва ли не лучшая жемчужина во всем творчестве великого мастера».

Минуло еще три четверти века, не раз менялись вкусы, эстетические предпочтения. Но совершенство не подвластно влиянию времени – красота дворца восхищает и сегодня.

Если под вечер, дождавшись, когда стихнут наконец голоса туристов, посидеть на скамейке перед дивной колоннадой, соединяющей, стягивающей крылья дворца, легко представить выходящую в сад юную прекрасную пару, Амура и Психею… Впрочем, их счастье было недолговечно, а, вступив на престол, Александр предпочитал жить в бабушкином, Екатерининском дворце.

Зато Александровский дворец обожали и Николай I, и Александр III, а особенно – Николай II. Он писал в дневнике: «Словами не описать, что за блаженство жить вдвоем в таком

хорошем месте». В соответствии со вкусами семейства последнего императора были переделаны интерьеры дворца. На месте легких, высоких, огромных залов, задуманных Кваренги, появились маленькие комнатки, отвечавшие бюргерским представлениям императрицы Александры Федоровны о комфорте. Правда, по возможности, элементы прежнего декоративного убранства не уничтожали, а лишь закрывали.

Последний английский посол при российском императорском дворе Джордж Бьюкенен вспоминал, что царская семья с каждым годом все реже выезжала в столицу, «только в тех случаях, когда государственные дела или религиозные церемонии требовали их присутствия… В уединении Царского императорская семья вела простую домашнюю жизнь, которая исключала для посторонних возможность проникнуть в счастливый семейный круг».

А между тем с великолепного гобелена, висящего в Угловой гостиной, подаренного в 1902 году президентом Франции Лубе, на Александру Федоровну с пророческой улыбкой уже смотрела Мария-Антуанетта, окруженная своими несчастными детьми…

Отсюда семью последнего монарха увезут в Екатеринбург, на смерть. А ведь Великая Екатерина, когда дарила внуку и его прелестной жене этот дворец, мечтала, что здесь они будут счастливы, что под высокими сводами будут звучать детские голоса… Ее правнуков, будущих российских государей. Не случилось. Ни счастья. Ни детских голосов…

Вскоре после свадьбы произошло такое, что навсегда могло испортить отношения между императрицей и ее невесткой: в юную великую княгиню влюбился последний фаворит Екатерины, Платон Зубов. Чувств своих он не скрывал, а может быть, и не умел скрыть. Елизавета же видела в его подчеркнутом внимании лишь проявление дружеской симпатии. Причины для этой симпатии были: они вдвоем часто и подолгу музицировали. Когда ей открыли глаза на истинный характер отношения к ней князя Платона, она была шокирована.

Александр писал своему другу, дипломату графу Виктору Павловичу Кочубею (после воцарения Александра он станет министром внутренних дел и канцлером Российской империи): «Вот уже год и несколько месяцев граф Зубов влюблен в мою жену. Посудите, в каком затруднительном положении находится моя жена, и воистину ведет себя как истинный ангел… Ладить с ним – значит как бы оправдывать его любовь; проявить холодность – значит рассердить императрицу, которая ничего не знает…».

Как и положено, Екатерина узнала об увлечении Зубова последней. На него она быстро нашла управу. А на Елизавету не

рассердилась, не стала мстить. Посочувствовала. Знала, как нелегко той придется с ее красотой и ее доверчивостью при российском дворе. И конечно же, оказалась права.

При том что императрица, несомненно, хотела счастья Александру и Елизавете, она допустила ошибку, которая помогла разрушить их хрупкий союз: ошиблась в выборе людей, которым доверила опекать Елизавету. Хотела как лучше… Александр жаловался графу Кочубею: «Мы довольно счастливы с моей женой, когда мы одни, если при нас нет графини Шуваловой, которая, кажется, приставлена к моей жене…»

Графиня Шувалова, та самая, что встречала Баденских принцесс на российской границе, – первый русский человек, которого Луиза узнала. Потом увидела: Екатерина Великая той доверяет. Значит, должна доверять и она. А напрасно. Воспитатель великого князя Александр Яковлевич Протасов вспоминал:

Графиня Шувалова без притвору, какова она есть, женщина пронырливая, имеющая некоторую остроту, но без рассуждения… нравоучение ея в том состояло, чтобы великой княгине делать всякие угождения, замечать перед женой всякие мужнины ошибки, за всякое слово с ним спорить, а в больших сборищах показать его ревнивым и охуждать данное ему воспитание. Сперва, прежде и после сговора, много Шувалова ласкалась к великому князю, а некоторое большей ея дочери на непорочность его покушение, против которого добродетель его устояла, сделала его матери и дочери ненавистным… Великий князь начал употреблять вино по вкусу, но не имел сведения о количестве… Графиня Шувалова все способы употребляет развратить супругов, твердя обыкновенно, что нет вещи вечной и что сама любовь не может быть навсегда.

Явились две партии, Шуваловой и Головиной, зачали великого князя ласкать и повреждать нравы рассказыванием соблазнительных историй, пошел разврат…

Единственной, кто мог исправить положение, была Екатерина. Но она то ли не замечала происходящего, то ли не придавала значения. Да и легко ли было заметить, если Елизавета вела себя безупречно. Только в письмах матери проскальзывали сомнения:

Вы спрашиваете, нравится ли мне по-настоящему великий князь. Да, он мне нравится. Когда-то (это письмо четырнадцатилетняя девочка написала в январе 1 793 года, всего через два с небольшим месяца после знакомства с женихом. – И. С.) он мне нравился до безумия, но сейчас, когда я начинаю короче узнавать его (не то, чтобы он терял что-нибудь от знакомства, совсем напротив), но когда узнают друг друга лучше, замечают

ничтожные мелочи, воистину мелочи, о которых можно говорить сообразно вкусам, и есть у него кое-что из этих мелочей, которые мне не по вкусу и которые ослабили мое чрезмерное чувство любви. Эти мелочи не в его характере, я уверена, что с этой стороны он безупречен, но в его манерах, в чем-то внешнем…

Наверное, смущало всего лишь мальчишество. Пока – смущало. Вскоре, когда рядом появятся взрослые, галантные мужчины, которые будут вести себя как рыцари, мальчишество начнет раздражать. Как-то один из благородных рыцарей, Адам Чарторийский (о нем речь впереди), то ли в порыве откровенности, то ли желая помочь Александру, сказал: «Богинь не целуют. Им поклоняются!» Внук Екатерины был слишком самоуверен и слишком молод, чтобы разглядеть богиню в своей юной жене. Если бы разглядел, их жизнь, а может быть, и жизнь России была бы иной.

Граф Федор Растопчин, человек весьма проницательный, пророчески заметил: «Как бы этот брак не принес несчастья великому князю. Он так молод. А жена его так прекрасна…» Если бы бабушка была способна критически относиться к поведению внука, она могла бы дать ему совет, как обращаться с женой. Уж она-то знала, что нужно женщине. Но Великая Екатерина была ослеплена любовью к внуку.

ЕЙ казалось, что он – идеальный муж, Елизавета – идеальная жена. Она так и уйдет из жизни, уверенная, что ее обожаемый мальчик и так полюбившаяся ей девочка будут счастливы…

Графиня Варвара Головина вспоминала: «После обедни императрица довольно долго оставалась в тронной зале. Госпожа Лебрен только что окончила портрет в весь рост великой княгини Елисаветы, который она в тот день представила императрице…» Госпожа Лебрен, которую упоминает Головина, – французская художница Мари Луиз Элизабет Виже-Лебрен, дочь и ученица знаменитого живописца Шарля Лебрена, основателя Королевской академии живописи и скульптуры, придворного художника Людовика XIV. Прославил Элизабет портрет королевы Марии-Антуанетты. Она стала своим человеком при дворе Людовика. Неудивительно, что события Великой французской революции заставили ее покинуть Францию. После скитаний по Европе в 1795 году она приехала в Петербург. Екатерина охотно принимала беглецов из революционной Франции. Художница сразу стала популярна при русском дворе.

В своем весьма любопытном сочинении «Иностранцы в России» Николай Врангель рассказывает:

В Петербурге, столь падком на знаменитостей, Виже сразу имела успех, в один месяц своего пребывания заработала она 15

тысяч. Двор и его приближенные наперерыв позировали художнице, желая иметь писанные ею портреты. На другой день после своего приезда Виже-Лебрен уже имела аудиенцию у императрицы Екатерины, которая любезно отнеслась к новоприбывшей.

Сама Лебрен вспоминала:

Едва кончила я портреты молодых великих княжон, как императрица заказала мне портрет великой княгини Елизаветы, недавно вышедшей замуж за Александра Павловича… Написала великую княгиню во весь рост в царском одеянии, устраивающей цветы в корзине.

Шелк, бархат, мех, золотое шитье, изящная жардиньерка, живые цветы, звезда и лента ордена Святой Великомученицы Екатерины Большого креста, бюст Екатерины Великой на втором плане – все написано великолепно. И лицо, нежное, почти детское, в ореоле золотистых волос, в венке из роз – живое. Только, хотела того или не хотела художница, это лицо чуждо окружающей роскоши, тоненькой фигурке тяжел царский наряд…

Пройдет время, и Елизавета Алексеевна сама закажет свой портрет Виже-Лебрен. Захочет сделать подарок матушке, маркграфине Амалии. Портрет окажется так удачен, что его оставят в Зимнем дворце (он и сейчас в Эрмитаже). Художнице придется написать копию. Ей удастся передать не только красоту Елизаветы – удастся заглянуть в ее душу. Глядя на этот портрет, понимаешь, как верно определила сущность натуры Елизаветы супруга французского дипломата, графиня Шуазель-Гуфье:

Полный ума и чувства взгляд, грустная улыбка и кроткий звук голоса проникали прямо в душу; что-то ангельское проглядывало во всем ее существе и говорило, что она была создана не для этого мира, а вся принадлежала небу.

Но вернемся к воспоминаниям Варвары Головиной:

Ее величество велела поместить его (первый портрет. – И. С.) в тронной зале; она долго рассматривала, изучала во всех подробностях и высказывала о нем свое мнение в беседе с лицами, приглашенными в тот день к ея столу.

Может быть, не стоило бы цитировать эти воспоминания (Екатерина заказывала портреты своей любимицы не только модной художнице Виже-Лебрен, но и другим, в том числе прославленному Владимиру Боровиковскому), но то, о чем пишет графиня Головина, имеет особый смысл: она вспоминает один из последних дней жизни Екатерины Великой…

Когда Екатерина умирала, Елизавета Алексеевна стояла в уголке и тихо, обреченно плакала. Она видела все. И все понимала. Она никогда не забудет сияющих торжеством лиц свекрови и свекра. Раньше к отцу Александра она относилась с

подобающим почтением, даже с симпатией. В ту жуткую ночь, когда на ее глазах умирала великая императрица, все, кто еще вчера пресмыкались перед нею, добивались ее расположения, боялись ее, клялись ей в верности, вдруг, пусть ненадолго, показали свое истинное лицо. И Павел Петрович тоже показал. С тех пор ее отношение к нему изменилось резко и непоправимо.

Рядом с Елизаветой в ту ночь горько рыдала жена второго, тоже любимого, внука Екатерины, Константина Павловича, великая княгиня Анна Федоровна (урожденная принцесса Саксен-Кобургская Юлия Генриетта Ульрика, родная сестра будущего короля Бельгии Леопольда). Мария Федоровна наблюдала. Этих искренних слез она не простит обеим невесткам.

Отступление о Константине и Анне

В своих автобиографических записках король Бельгии Леопольд, в молодые годы долго находившийся в русской службе, свидетельствует, что его сестра не разошлась бы со своим супругом, человеком пылким, порою необузданным, но добросердечным и просвещенным, если бы его мать не ставила себе задачей ссорить сыновей с их женами, дабы сохранить над ними свою исключительную власть.

Об Анне Федоровне в России знают немногие и немного. А между тем и ее личные качества, и судьба заслуживают самого пристального внимания. Она ведь могла (должна была!) стать следующей после Елизаветы Алексеевны российской императрицей. Если бы все совершалось в соответствии с законом, если бы Константин Павлович не отказался от трона, вернее, если бы любящая матушка, Мария Федоровна, умело не создала условий для этого отказа. И Анна Федоровна невольно помогла нелюбимой свекрови в ее рассчитанной на много лет вперед интриге. В интриге, которая привела к восстанию декабристов и к воцарению Николая Павловича. Но до этих событий еще очень далеко. Начнем с того, как принцесса Юлия попала в Россию. Все было точно так же, как с Луизой Баден-Дурлахской, которая к тому времени уже стала Елизаветой Алексеевной.

Екатерина решила, что пришла пора женить и второго внука (Константин был двумя годами моложе Александра). Подыскивая невесту, императрица, как уже было заведено, приглашала принцесс на смотрины. Для этого за годы ее царствования в Петербурге побывало одиннадцать принцесс, последние три – хорошенькие и умненькие дочери наследного принца (позднее – владетельного герцога) Саксен-Заафельд-Кобургского. Из них бабушка и предложила Константину Павловичу выбрать невесту.

Надо сказать, что Кобургские принцессы были куда родовитее других немецких принцесс, вышедших замуж в Россию. Они принадлежали к одной из древнейших и знатнейших династий Германии, восходящей к Витекинду, одному из предводителей саксов, на исходе VIII века мужественно и упорно сопротивлявшемуся императору Карлу Великому. Владения Кобургской ветви Саксонского дома были во времена сватовства царевича Константина незначительны, но вскоре представители этой династии заняли три королевских престола: бельгийский, португальский и английский. Так что выбор Екатерины был не случаен.

Герцогиня Кобургская, сопровождавшая дочерей к русскому двору, писала мужу: «Она приняла нас чрезвычайно милостиво и любезно, осмотрела каждую из наших девиц проницательным взглядом и остановила его на младшей, Юлии». Стоит ли удивляться, что Константин выбрал именно младшую, веселую, остроумную, грациозную. Так же, как недавно Александр, он был с невестой робок и стеснителен. Так же, как недавно Луиза, Юлия была потрясена блеском и великолепием Зимнего дворца. Потом было миропомазание, и Юлия стала Анной Федоровной, потом – обручение.

Герцогиня Кобургская подробно писала мужу обо всем, что касалось будущего их дочери: «Константин пришел ко мне делать формальное предложение. Он вошел в комнату бледный, опустив глаза, и дрожащим голосом сказал: „Сударыня, я пришел просить у вас руки вашей дочери“. Я было приготовила на этот случай прекрасную речь, но вместо того зарыдала. Он вместе со мною прослезился и прижал к губам мою руку. Когда я опомнилась, я стала говорить, что его попечению поручаю счастье моей дочери, что чувствительность ее души поможет ему дать ей необыкновенное счастье, но прибавит ей и страданья в несчастье. (Герцогиня оказалась права: чувствительная душа – не то качество, которое помогает выжить при царском дворе. – И. С.)… Послали за Юлией. Она вошла в комнату бледная. Он молча поцеловал у нее руку; она тихо плакала: я никогда не видела ее такою хорошенькой, как в эту минуту. „Не правда ли, вы со временем меня полюбите?“ – сказал Константин. Юлия взглянула на него так выразительно-нежно и сказала: „Да, я буду любить вас всем сердцем“».

Как все похоже, и поведение женихов, и чувства невест… А будущее? Разное. Но надежда обрести любовь на всю жизнь обманет обеих. Они станут близкими подругами, и пока Анна Федоровна, доведенная до отчаяния, не покинет Россию, будут во всем поддерживать друг друга.

Анна прожила в России всего шесть лет, она не успела (или не захотела, или не смогла) стать русской. Потому и решилась уехать: отношения с мужем разладились окончательно, больше в чужой стране ее ничто не удерживало. Но до последнего дня (а она переживет всех, с кем была связана ее жизнь в Петербурге, умрет в Эльфенау, близ Берна, весной 1860 года) ее будет интересовать все, что происходит в России. Горько оплачет и Александра, с которым до конца его дней сохранит добрые отношения, и любимую подругу юности Елизавету. И православию не изменит. В ее доме в Женеве будет домовая православная церковь, а в России ее имя четверть века будут

поминать за каждым богослужением.

У Елизаветы не раз бывали минуты отчаяния, когда ей хотелось только одного: уехать, чтобы никогда не видеть ни Александра, ни его матушки. Но у нее была не только семья, у нее была Россия. Почему Анна решилась уехать от Константина (официально они разведутся только в 1820 году)? Отношения расстроились, это было очевидно. А дальше – домыслы, сплетни, наговоры. Будто бы Константин издевался над женой, мучил ее и морально, и физически. Будто был настоящим монстром. Каких только преступлений ему не приписывали! Но попробуй проверь…

До недавнего времени историки с уверенностью утверждали: именно Константин подослал убийц к возлюбленному Елизаветы Алексеевны Алексею Охотникову. Правда, мотивы выдвигали разные. Одни говорили: сам был влюблен в жену брата, мстил за то, что она отвергла его ухаживания. Другие утверждали: чтобы не позорила семью. Но недавно, когда были найдены фрагменты дневника Елизаветы Алексеевны, появилась другая версия: Охотников умер от чахотки. Никто его не убивал. И уж совсем чудовищное обвинение: будто по приказу Константина отравили обеих малышек, дочерей Елизаветы.

Слухов много. Один страшнее другого: изнасиловал, убил… Может быть, так и было. Но вот что удивительно: любые грехи членов царской фамилии всегда тщательно замалчивали. Историографы (по крайней мере, многие из них) у нас испокон века покорны власти, всегда готовы черное назвать белым. Почему же в случае с Константином все по-другому? Кому было выгодно представить его злодеем?

Мне кажется, такой человек был. И этим человеком, как это ни чудовищно звучит, была его мать, Мария Федоровна. Пока у Александра не родится сын, наследником-цесаревичем будет провозглашен Константин. В строгом соответствии с законом. Время шло, сына не было. Александр не скрывал своей усталости от власти. Константин вот-вот мог взойти на трон. Казалось бы, ничего страшного. Управляет одним сыном, будет управлять и другим. Но Константин – не Александр, им не покомандуешь. Но даже не это главное: подрос Николай, любимец. Его не коснулось развращающее воспитание Екатерины. В нем все – от нее, от матери. И он, только он должен стать следующим императором. В этом цель и смысл ее жизни. Александр пока не помеха: Николаю нужно еще возмужать. А вот Константин… Его необходимо заранее убрать с дороги. Как? Очень просто: скомпрометировать. Тем более что поводов он дает достаточно. Только и остается, что не замалчивать, а разжигать слухи, привлекать внимание к

любому неблаговидному поступку. Нелады с женой? Анна капризничает, грозит уехать? Задержать ее не трудно. Но пусть едет. Пусть вся Европа (имеются в виду, конечно, царствующие фамилии) узнает, каков предполагаемый наследник российского престола. Пусть задумаются, не опасно ли иметь во главе могущественной России невоздержанного сумасброда. И Анну отпускают из России. Правда, она ведет себя не так, как ожидала свекровь: в тайны своей семейной жизни никого не посвящает. Тем не менее если умная, добропорядочная жена покидает мужа, появляются основания задуматься о его нравственных качествах.

Вообще, Константин Павлович – персона загадочная.

Вернемся к письмам герцогини Кобургской к супругу: «Сейчас только вышли от меня оба великих князя. Что они за милые молодые люди! Как счастлив Александр счастьем брата… Безгранична и доверенность младшего брата к старшему, и по летам, и по мысли. Нечасто можно встретить такую сердечную нежность, какова между этими братьями… Юлия будет очень счастлива в этом семействе…»

«Привязанность братьев друг к другу замечательна. Константин говорит мне: „Не знаю, может ли брат обойтись без меня, а я жить не могу без Александра“. Вчера Александр спрашивал меня, довольна ли я его братом: „Он немного легкомыслен, но так добр!“ Они, кажется, дополняют друг друга своим различием в характерах. Чего нельзя ожидать со временем от этих молодых людей! Императрица следит за ними с восторгом. Оба они чрезвычайно привязаны к дому и оба, особливо младший, ненавидят придворных. В разговоре со мной Константин с необыкновенным одушевлением высказывал презрение свое к людям, которые гонятся за милостями высочайших особ, и выражал свое опасение, как бы брат его не подчинился влиянию этих людей. Будберг улыбнулся и сказал: „Они достанут и вас, Ваше Высочество“… Тут начались уверения, что этого никогда не будет… Когда со стороны Будберга было еще несколько замечаний, великий князь прибавил: „Правда, что я молод и неопытен; но найдется же честный человек, кто мне приготовит оружие“… За столом паж хотел служить ему, но великий князь сказал с величайшей учтивостью: „Прошу вас, сударь, не беспокоиться: мне неприятно думать, что дворянин, который будет мне после товарищем, стоит у меня за столом. Не правда ли, мы будем служить вместе?“ На лице молодого пажа, казалось, можно было прочесть: вся жизнь моя готова вам на службу… Я могу спокойно оставить здесь Юлию. Здесь об ней позаботятся, как лучше желать нельзя». И заботились. Но – недолго. Пока жива была Екатерина…

Почему впечатления умной, знающей жизнь женщины оказались обманчивы? Трудно поверить, что 16-летний юнец сознательно и умело вводил ее в заблуждение. В нем, несомненно, были заложены прекрасные качества. Почему развились не они, а другие? Теперь вряд ли удастся это понять. При всем сочувствии к Анне Федоровне все-таки трудно поверить слухам, что Константин был таким уж чудовищем. Потому что кроме слухов есть свидетельства совсем иного рода. Константина любил и, что еще важнее, – уважал сам Александр Васильевич Суворов. За редкую отвагу, за заботливое отношение к солдатам. Михаил Андреевич Милорадович, один из самых ярких полководцев того времени, высоко оценивал и храбрость великого князя, и его благородство по отношению к противнику. А солдаты? Вряд ли они вышли бы на Сенатскую площадь ради никому не понятной конституции. Они подставляли головы под пули ради своего любимого командира, у которого, как им объяснили, брат, не нюхавший пороха, хочет отнять корону.

Константин определенно был человеком трудным. Но что развело его с Анной, мы, наверное, никогда не узнаем. Король Леопольд написал, что Мария Федоровна ссорила своих сыновей с их женами, чтобы сохранить над сыновьями свою исключительную власть. Как ссорила? Об этом в записках деликатного бельгийского монарха – ни слова. Что она делала, чтобы разлучить Александра и Елизавету, в общих чертах известно (об этом чуть дальше). Какие средства нашла для борьбы с Анной, вряд ли уже удастся узнать. Но в том, что нашла, сомневаться не приходится.

После смерти Екатерины «хозяйкой в доме» остается Мария Федоровна. Наконец-то она все может устроить по-своему! Елизавета пишет матери:

Как тяжело начинается новый порядок жизни! Вы не можете себе представить, какая сделалась ужасная пустота, до какой степени все (кроме их величеств) поддались унынию и горести. Меня оскорбило то, что государь почти не выражал скорби по кончине матери.

Невестки вынуждены подчиняться строгому регламенту, принятому при дворе Марии Федоровны:

Надо вечно сгибаться под гнетом… по мнению императрицы, было бы преступлением дать нам хотя бы один день подышать свободно. Ей нужно, чтобы здесь всегда был «дух двора»… сегодня после спектакля в парке будет празднество. Все это прекрасно, великолепно, но скучно до смерти.

Кроме того, Елизавету лишили единственной возможности быть откровенной: ее переписку с матерью было приказано

перлюстрировать. Пришлось писать невидимыми чернилами. Но и это не остановило любопытную Марию Федоровну. Она как раз предпринимала усилия, чтобы выдать свою дочь Александру за молодого шведского короля Густава IV (на этот раз в полном согласии со свекровью). Будучи дамой самоуверенной, считала, что добилась успеха, более того, что король в восторге от оказанной ему чести. И вдруг становится известно, что шведской королевой станет младшая сестра Елизаветы, Фредерика Баденская. Мария Федоровна была не в состоянии понять, что король просто влюбился в красавицу Фредерику (кстати, этот брак будет на редкость счастливым). Она обвиняет Елизавету в том, что именно та тайно подготовила помолвку своей сестры, исступленно кричит невестке: «Вы ведете себя недостойно по отношению ко мне. Вы предоставляете мне узнать из газет про обиду, которую наносят моей бедной Александрине! Это положительно низко!… Вы знали об этом и не предупредили меня!» Слова невестки, что она ничего заранее не знала о помолвке, вызывают только новую вспышку гнева. Свекровь так и не поверит Елизавете. И не простит. Попрекать будет постоянно: «Вы загордились и не хотите целовать у меня руку, потому что ваша сестра стала королевой!» Что было возразить на такое вздорное обвинение? Приходилось терпеть.

Хотя ходили слухи, что Елизавета действительно виновата, но не в тайных интригах. Просто, потрясенный необыкновенной красотой супруги великого князя Александра, Густав влюбился, как мальчишка. Чувство это было абсолютно безнадежным. Пытаясь утешить человека, который был ей симпатичен, Елизавета показала ему портрет Фредерики. Она была очень похожа на старшую сестру…

Как ни странно, именно это, самое мрачное по внешним обстоятельствам, время стало самым счастливым в отношениях между Елизаветой и Александром. В мае 1798 года Елизавета родила дочь. Назвали девочку Марией. В честь бабушки. Александр настоял? Или юная мать попыталась наладить отношения со свекровью?

О том, что случилось вскоре, рассказала графиня Варвара Головина:

В Павловске императрица приказала Елисавете прислать ребенка ей, хотя девочке было всего три месяца, а от дома великого князя до дворца было довольно далеко. Пришлось повиноваться, и потом, когда девочку привезли обратно, великая княгиня узнала от дам, сопровождавших ребенка, что Мария Федоровна носила его к государю. Нисколько не подозревая грозы, собравшейся над ее головой, Елисавета была благодарна

государыне, считая это просто желанием приучить государя к внучке. Она жестоко ошиблась и скоро убедилась в этом…

Граф Ростопчин и Кушелев находились рядом с кабинетом государя, когда мимо них прошла императрица с маленькой великой княжной на руках. Она сказала им: «Не правда ли, какой прелестный ребенок?» — и прошла в кабинет государя.

Через четверть часа она вышла оттуда скорым шагом, а затем Кутайсов от имени государя позвал Ростопчина в кабинет, говоря ему по-русски: «Господи, и зачем только эта несчастная женщина ходит расстраивать его своими сплетнями!» Ростопчин вошел к государю и застал его в состоянии полного бешенства: «Идите, сударь, и немедленно напишите приказ о ссылке Чарторийского в Сибирский полк. Жена сейчас раскрыла мне глаза на мнимого ребенка моего сына!»… Императрица обратила внимание императора на то, что великая княжна была темноволосой, в то время как Александр и Елисавета были блондинами.

Темноволосым был Адам Чарторийский, за что и поплатился. Правда, Федор Васильевич Ростопчин, человек не робкого десятка, отказался писать приказ, защищая честь великой княгини. Благодаря заступничеству графа Чарторийский оказался не в Сибири, а при дворе короля Сардинии в качестве российского посланника.

Отступление о мнимом возлюбленном

Слухи о том, что у великой княгини роман с лучшим другом мужа, были весьма упорны и не смолкали несколько лет. Ничего удивительного: ни он, ни она не скрывали, что их связывают особые отношения. Он поклонялся ей. Она им восхищалась. И не считала нужным это скрывать. Ведь ничего преступного в ее восхищении не было. С ним было так интересно разговаривать! Он так много знал! Столько успел повидать! Жил в Германии, в Англии, во Франции, сражался под знаменами Костюшко, был знаком с Вилландом, Гердером, с самим Гете. А как он умел рассказывать!

Они проводили вместе много времени. Александр ничего против не имел, у него и в мыслях не было ревновать жену. Зато окружение… Грязные слухи ползли по дворцу. Мария Федоровна ими воспользовалась. Знала: заронить подозрение в голову Павла ничего не стоит. И он накажет тех, кого посчитает виновными. Потом одумается, но дело будет уже сделано. И она не просчиталась: Адам Чарторийский был выслан из Петербурга.

Братья Чарторийские, Адам и Константин, появились при русском дворе года за полтора до кончины Екатерины II. Они находились в русской столице фактически в качестве почетных заложников. После раздела Польши многие польские аристократы стали непримиримыми врагами российской царицы. Среди самых влиятельных – князь Чарторийский. Вот и «пригласила» Екатерина в Петербург любимых его сыновей: в такой ситуации князь наверняка не решится на действия, враждебные России. Кроме того, убежденная в своих талантах воспитательницы, она надеялась превратить молодых князей из врагов в друзей империи.

Государыня не препятствовала сближению старшего из братьев, Адама, со своим внуком. Более того, общение с умным, блестяще воспитанным и образованным польским аристократом казалось ей полезным для еще не вполне сложившегося характера Александра. Если бы знала, какие разговоры ведет ее мальчик со старшим другом, может быть, и воспрепятствовала бы зарождающейся дружбе. Дело в том, что князь Адам был убежденным вольнолюбцем. Его враждебное отношение к политике Екатерины относительно Польши вполне понятно. Но он (разумеется, только в мыслях и на словах) посягал на самодержавие как таковое, делился с великим князем своими планами свержения деспотизма, уничтожения рабства, введения конституционного правления. В душе Александра, мечтательного

вольнодумца (и будущего самодержавного монарха), взволнованные, красивые слова вызывали восторг: как удивительно совпадают их мысли!

Упрекать пана Адама, что он «совращал» будущего российского императора с истинного пути, едва ли справедливо. Александр первым поделился с князем сокровенными мыслями: «Великий князь сказал мне, что он нисколько не разделяет воззрений и правил Кабинета двора; что он далеко не одобряет политики и образа действий своей бабки; что он порицает ее принципы; что все его желания были на стороне Польши и имели предметом успех ее славной борьбы; что он оплакивал ее падение; что Костюшко в его глазах был человеком великим по своим добродетелям и потому, что он защищал дело человечества и справедливости. Он сознался мне, что ненавидит деспотизм повсюду, во всех его проявлениях; что он любит свободу, на которую имеют право все люди, что он с живым участием следил за французской революцией…

Прохаживаясь вдоль и поперек по саду (Таврическому. – И. С.), мы несколько раз встречали великую княгиню, прогуливавшуюся отдельно. Великий князь сказал мне, что его супруга – поверенная всех его мыслей, что она одна знает и разделяет его чувства, но что, за исключением ее, я – первое и единственное лицо, с которым… он решил говорить о них, что он не может поверить их решительно никому, ибо никто в России еще не способен разделить их или даже понять…

Этот разговор был пересыпан, как легко себе представить, излияниями дружбы с его стороны, с моей – выражениями удивления и благодарности и уверениями в преданности… Я расстался с ним, признаюсь в том, вне себя, глубоко взволнованный, не знаю, сон ли это или действительность…»

Впрочем, не исключаю, что Екатерина знала об этих крамольных беседах, но понимала: человек мыслящий и не лишенный способности чувствовать должен переболеть свободомыслием. Важно, чтобы это случилось вовремя. Верила: как только внук придет к власти, «республиканский дух» мгновенно развеется. Она ведь сама в молодые годы была заражена этим духом, ей даже удалось удивить мир, сделаться в глазах Европы и собственной страны революционеркой, изложив свои либеральные идеи в официальном документе. Но как только от теории нужно было переходить к практике, она отступила. Вынуждена была отступить. Почему? Да потому, что в годы ее увлечения либеральными идеями никто в России еще не способен был разделить их или даже понять. Так что Екатерина не особенно беспокоилась: раз внук понимает бесплодность своих

свободолюбивых мечтаний, значит, со временем ими переболеет.

А вот Елизавета и представить не могла, как скоро ее муж откажется от вольнолюбивых мыслей. Высылку Чарторийского она пережила очень болезненно и никогда не простила Марии Федоровне ее интригу. Но вовсе не потому, что лишилась возлюбленного. Возлюбленным он не был. Моя уверенность основана на безоговорочном утверждении лучшего знатока той эпохи, великого князя Николая Михайловича, да и на собственных выводах. Ее характер, ее тогдашние отношения с мужем делают, на мой взгляд, измену просто невозможной. По крайней мере, измену физическую. Кроме того, она доказала, что если хочет что-то скрыть, то это ей блестяще удается: о ее мнимом романе с князем Адамом при дворе шептались все, а вот о настоящем романе (о нем речь впереди) знали только те, кого она сама посвятила в свою тайну. А тогда Мария Федоровна и Павел Петрович лишили ее друга, единомышленника: он так ее понимал, с ним единственным можно было быть откровенной.

Став императором, Александр незамедлительно вернул Чарторийского в Петербург. Казалось, наступило время свершений: то, о чем они так взволнованно говорили, о чем так долго мечтали, никто не мешал осуществить. В это время Елизавета писала: «Как ни горестно мне думать о горестных обстоятельствах смерти императора, я дышу свободно вместе со всей Россией».

Первым шагом к свободе стало учреждение полуофициального Негласного комитета. В его состав вошли друзья и единомышленники: Виктор Кочубей, Павел Строганов, Николай Новосильцев, Адам Чарторийский. Елизавета присутствовала на заседаниях и наравне с мужчинами участвовала в обсуждении всех вопросов, касающихся реформ, конституции, свободы. Но все они, вольнодумцы и республиканцы, как только им пришлось заняться реальной политикой, стали неожиданно осторожны. Ничего удивительного: они наконец поняли, как мало знают страну, положение народа, особенно крестьян. Прежде чем их освобождать, нужно было во всем разобраться. Даже сам Фредерик Сезар (Цезарь) Лагарп, учивший Александра вольномыслию, находил, что небезопасно освобождать крестьян при чудовищно низком уровне их просвещения. Надо их сначала образовать и перевоспитать, а уже потом освобождать.

Обычно по случаю коронации новый монарх одарял сановников крепостными крестьянами. Александр таких подарков не сделал, чем вызвал откровенное недовольство. Одному из недовольных молодой император твердо заявил: «Большая часть

крестьян в России – рабы: считаю лишним распространяться об унижении человечества и о несчастии подобного состояния. Я дал обет не увеличивать числа их и потому взял за правило не раздавать крестьян в собственность».

Елизавета была счастлива. Ей казалось: еще немного – и ее вторая родина станет такой же свободной, как Баденское княжество. Ее муж, ее император уже сделал так много! Уже в марте он приказал освободить из Петропавловской крепости заключенных Тайной экспедиции, помиловал Александра Радищева и еще примерно 12 тысяч человек, жестоко наказанных Павлом по пустячным поводам; издал указ «О свободном пропуске едущих в Россию и отъезжающих из нее».

В первый год царствования Александр Павлович отменил запрет на ввоз в Россию книг и нот. Издал указы «О восстановлении жалованной грамоты дворянству», «Об уничтожении Тайной экспедиции» и «Об уничтожении публичных виселиц». Освободил от телесных наказаний священников и диаконов. Запретил публикацию объявлений о продаже крестьян без земли. Создал Комиссию о составлении законов, запретил пытки. Издал закон «О вольных землепашцах», разрешавший помещикам отпускать крестьян на волю с земельными участками за выкуп – 47 153 семьи получили свободу. Елизавета верила: это только начало. Скоро их общие юношеские мечты станут реальностью. Но… «дней Александровых прекрасные начала» скоро получили совсем иное продолжение…

На третьем году царствования Александр вернул ко двору генерала Аракчеева, «без лести преданного» сначала Павлу Петровичу, а теперь – и его сыну. Елизавета Аракчеева презирала, не понимала, что может быть общего у ее утонченного супруга с этим грубым, жестоким мужланом. Но мнение жены уже ничего не значило для Александра: их отношения окончательно испортились.

Ее активное участие в политике закончилось. Теперь она была просто свидетельницей того, что происходило с Россией. Делала для страны, что могла (о ее помощи армии и пострадавшим от войны 1812 года речь впереди). Когда Аракчеев начнет организовывать военные поселения, она попытается выступить против, вразумить Александра. Ведь военные поселения образуют в итоге особую касту, которая, не имея с народом почти ничего общего, может сделаться орудием его жестокого угнетения. Она будет подыскивать самые убедительные слова, взывать к состраданию. И неожиданно откроется страшное: Аракчеев – всего лишь старательный исполнитель, автор – император. Более того, окажется, что Аракчеев на коленях умолял

царя отказаться от распространения поселений. Александр остался непреклонен: военные поселения «будут во что бы то ни стало, хотя бы пришлось уложить трупами дорогу от Петербурга до Чудова». Это больше ста километров…

Елизавета была потрясена. Ей казалось, она знает своего мужа. Да, он лукав, но ведь добр, благороден… Но военные поселения – это уже после возвращения из заграничного похода, после победы над Наполеоном. Причиной первого их конфликта на политической почве стал не кто иной, как Адам Чарторийский. Вернув князя Адама в Петербург, Александр сразу назначил его министром иностранных дел. Елизавета была против: сложные отношения с Польшей не дают возможности быть уверенными, что польский патриот будет безоговорочно стоять на страже интересов России. Удивительно, но она более русская, чем Александр. Он окружает себя теми, кто, как ему кажется, предан лично ему (как часто это повторялось и до, и после!). Она хочет видеть во власти тех, кто предан России.

Тем не менее Чарторийский останется на своем посту до 1806 года. Уже после кончины и Александра I, и Елизаветы, в царствование Николая I, во время польского восстания 1830-1831 годов он станет главой польского национального правительства. После того как восстание будет подавлено, резиденция Чарторийского переместится в Париж, в отель «Ламбер», который на долгие годы станет центром польской националистической эмиграции. Но до всего этого еще далеко…

А пока, после того как Павел несколько остыл и усомнился в обвинениях, выдвинутых супругой (он-то ее хорошо знал!), он спросил графиню Шарлотту Карловну Ливен, может ли у родителей-блондинов появиться темноволосый ребенок. Мудрая фрейлина успокоила монарха: «Господь всемогущ».

Как просто было бы сейчас доказать отцовство Александра, в котором он, кстати, и не сомневался. Сомневалась ли на самом деле Мария Федоровна или ей во что бы то ни стало нужно было заронить недоверие к жене в душу старшего сына? Она знала Александра: он от природы был подозрителен.

Через 10 лет после смерти малышки (она не прожила и года) Мария Федоровна разоткровенничалась со своим секретарем Григорием Вилламовым. Вот что он записал в дневник 26 сентября 1810 года:

Она призналась, несмотря на мое сопротивление и нежелание слышать ничего плохого об императрице Елисавете, что двое детей императрицы Елисаветы были не от императора (ко второму ребенку мы еще вернемся. – И. С.); что касается первого,

были еще сомнения, и она не хотела этому верить, несмотря на черные волосы девочки, привлекшие внимание покойного императора…

Вот так. Оказывается, это не она натолкнула Павла на мысль о неверности невестки, а он сам усомнился в возможности появления черноволосого ребенка у родителей-блондинов. Павел оправдаться не может: уже 9 лет, как его нет на свете. Но мы-то читали записки графини Головиной. Она ссылается на троих свидетелей. Двое из них непосредственно слышали слова Павла о том, что это жена открыла ему глаза.

Мария Федоровна знала, что Вилламов ведет дневник, знала, что записывает туда каждое ее слово. Для потомков. Вот и заботилась о том, чтобы не омрачить свой светлый образ. А что Головина, прекрасно осведомленная обо всех подробностях придворной жизни, тоже ведет дневник, вдовствующая императрица не догадывалась.

Когда Машенька (мать называла ее Мышонком) неожиданно умерла, Елизавета была в отчаянии. Свекор искренне сочувствовал. Свекровь не скрывала равнодушия. Александр переживал, но находил утешение в романах с многочисленными светскими красавицами. Он легко пленял их сердца. Среди его возлюбленных были дамы весьма достойные: княгиня Багратион, Юлия Зичи, мадам Велио. Княгиня Зинаида Александровна Волконская (урожденная княжна Белосельская-Белозерская), одна из самых блестящих, самых талантливых женщин своего времени, любила его всю жизнь. Он расстался с нею так же легко, как расставался с пустыми кокетками. Казалось, он старается доказать, что неотразим. Кому доказывал? Думается, себе. Усомниться в своей мужской привлекательности его заставила неприступная красавица, которую он не сумел завоевать, – его собственная законная жена. Ее девичья влюбленность в юного великого князя быстро сменилась чувством дружеским, нежным, но лишенным страсти и того любовного преклонения, без которого нет счастливого брака. Его сердце было уязвлено навсегда. И чем больше он искал утешения на стороне, тем холоднее, насмешливее становилась Елизавета. Хотя, судя по тому, как будут развиваться события дальше, она мечтала вернуть прошлое. Но, гордая, таила эту мечту.

Последнюю надежду на семейное счастье разрушило увлечение Александра светской кокеткой Марией Антоновной Нарышкиной (урожденной польской княжной Святополк-Четвертинской). Она появилась при дворе после смерти отца. Ее красота равнялась знатности ее рода, шедшего по прямой линии от Святополка Окаянного. Происхождением своим она очень

гордилась и вела себя крайне независимо.

Наблюдательная Виже-Лебрен писала о Нарышкиной:

Она была восхитительно красива, танцевала с совершенным изяществом и вскоре покорила Александра… Черты ее лица были правильны, совершенно греческие, тонкая и гибкая фигура приковывала к себе все взгляды, однако, с моей точки зрения, ей недоставало того очарования, которым обладала Елизавета…

По мнению двух фрейлин, хорошо знавших отношения при дворе, Елизавета, стоило ей захотеть, легко смогла бы вернуть любовь мужа. В записках графини Роксаны Скарлатовны Эдлинг, известной своим пристрастием к Александру Павловичу, есть такие слова:

…будь поменьше гордости, побольше мягкости и простоты, и государыня легко бы взяла верх над своей соперницей, но, привыкнув к обожанию, императрица не могла примириться с мыслью, что ей нужно изыскивать средства, чтобы угодить супругу.

Того же мнения и графиня София Шуазель-Гуфье, искренне привязанная к Елизавете Алексеевне:

Быть может, также гордость более постоянного сердца, оскорбленного в самых своих нежных привязанностях, не позволила Елизавете воспользоваться для привлечения охладевшего супруга всеми средствами, которые мог подсказать ей холодный разум.

Кто знает, может быть, и сам Александр надеялся, что жена попытается отвоевать его у соперницы, забудет о гордости. Но от гордости, если она есть, отказаться невозможно. Легче отступить с видом холодной независимости. А уж что там на сердце, никому не дано узнать.

Мария Антоновна Святополк-Четвертинская стала не просто фавориткой – фактически второй женой императора Александра. Для приличия ее выдали замуж за Дмитрия Львовича Нарышкина, которого вскоре стали называть главой «ордена рогоносцев»: все знали об отношениях его жены и государя. Этот роман продолжался 15 лет.

И снова странное скрещение судеб. Когда-то Павел I, хотя никогда не был душевно близок со старшим сыном, пытался, правда, безуспешно, вовлечь Александра в свои развлечения с Анной Лопухиной (Гагариной). После смерти Павла ее супруг, князь Гагарин, вместо того чтобы стать военным министром, как того уже добилась Анна при последнем свидании с августейшим любовником, вынужден был вместе с супругой отправиться посланником в Сардинию.

Вернувшись в Петербург, Анна Петровна познакомилась с любовницей Александра. Они быстро нашли общий язык: обе

были молоды, хороши собой и абсолютно лишены предрассудков. Эта-то дружба и сгубила бывшую фаворитку Павла. Она влюбилась в брата Нарышкиной, Бориса Антоновича Святополк-Четвертинского, забеременела и умерла при родах. Князю Гагарину досталось богатство, заработанное его женой в период фавора. Он был человеком циничным и на памятнике жене написал те же слова, что Мария Федоровна – на памятнике мужу (только, разумеется, в женском роде): «Супруге-благодетельнице».

В отличие от других, мимолетных, возлюбленных Александра Павловича, Нарышкина вела себя с его женой беспардонно: с невинной улыбкой сообщала императрице о своей очередной беременности. Елизавета Алексеевна жаловалась матери: «Какую голову нужно иметь, чтобы говорить мне об этом. Должна же она понимать, что мне известно, каким образом она забеременела».

Нарышкина родила императору троих детей. Впрочем, кто был их отцом, она и сама толком не знала. Две ее дочери умерли в младенчестве, третья, Софья, которую Александр горячо любил, – накануне восемнадцатилетия. Для него это был страшный удар. Поддержала его, как всегда, Елизавета. Сочувствие ее было неподдельно. А тем временем Мария Антоновна развлекалась с женихом только что умершей дочери, графом Андреем Петровичем Шуваловым.

Мария Антоновна вовсе не благоговела перед императором – жила, как хотела. Он долго прощал ее измены. Порвал с ней окончательно, только застав в постели в объятиях своего генерал-адъютанта Ожаровского. Сегодня уже мало кто знает, что звание это было почетнейшим, император жаловал его крайне редко, оно было несомненным свидетельством царской милости. Из 62 военачальников, награжденных за боевые действия в 1812-1815 годах редкой и почетной наградой – золотым оружием «За храбрость», только 13 человек были пожалованы званием генерал-адъютанта, те, кому особенно благоволил государь. Тем больнее для него было предательство. Но соперника он не наказал, зато с изменницей наконец расстался.

В придворных кругах считали, что этой связи, причинившей столько горя Елизавете Алексеевне, активно содействовала жена брата Марии Федоровны Мария Чарторийская. А уж кому хотела угодить пани Мария, ясно без объяснений. Хотя Мария Федоровна будто бы и сочувствовала невестке:

Она сама виновата. Она могла бы устранить эту связь и даже сейчас еще могла бы вернуть своего мужа, если бы захотела примениться к нему, а она сердилась на него, когда он приближался, чтобы поцеловать или приласкать ее… Конечно, она очень умна, но недостаток ее в том, что она очень непостоянна и

холодна, как лед.

Слова эти со свойственной ему точностью записал Григорий Вилламов.

Не менее тщательно описывал он и все благодеяния императрицы-матери. Мария Федоровна действительно славилась благотворительностью. (Замечу для тех, кого раздражает все больше входящее в речевую практику неуместное использование искажающей смысл возвратной частицы «ся», что в данном случае возвратная форма глагола – не описка автора и не попытка следовать новым грамматическим течениям. Здесь возвратная форма глагола более чем уместна – «славилась» в исконном смысле означает «славила себя». Именно так и было.) О любой своей благотворительной акции вдовствующая императрица старалась оповестить публику с помощью всех существовавших тогда способов информации.

Но объективно в деле благотворительности Мария Федоровна действительно не знала себе равных. Когда Центральный Государственный исторический архив России находился еще в здании Сената и Синода, я видела в старинных шкафах впечатляющее количество документов фондов Ведомства учреждений императрицы Марии: 129 561 единица хранения! Самый большой – «Фонд IV отделения Собственной Е. И. В. канцелярии для управления учебными и благотворительными заведениями, находившимися ранее (1796-1828) в ведении императрицы Марии Федоровны», был образован после ее смерти и просуществовал до 1917 года. Документы подтверждают, что на деньги, завещанные Марией Федоровной, фонд до самой революции 1917 года содержал более 500 благотворительных и воспитательных заведений. Училище для глухонемых в Павловске, школа для слепых в Гатчине, больница на Литейном проспекте в Петербурге, с недавнего времени снова носящая имя своей основательницы, существуют до сих пор. Так что честь ей и хвала.

Правда, было одно любопытное обстоятельство: у сына своего, императора Александра Павловича, матушка ежегодно требовала на личные нужды миллион рублей. Это больше, чем составлял в начале XIX века бюджет столицы Российской империи. Такая сумма, по традиции, полагалась только царствующей императрице. Но попробовал бы Александр отказать матушке!

Миллиона с лихвой хватало и на содержание роскошного двора в Павловске, и на широкую благотворительность. Эти подробности, конечно же, не были известны тем, кому помогала вдовствующая императрица. Да и неважно им было, откуда

благодетельница берет деньги. Но люди, близкие ко двору, знали об источнике благодеяний. И это мешало им искренне восхищаться щедростью Марии Федоровны. Понятно, что сказать об этом вслух было невозможно. Но Николай Михайлович Карамзин все-таки сказал, правда, в завуалированной форме: написал стихотворение, посвященное Елизавете Алексеевне.

Корона на главе, а в сердце добродетель;
Пленяет ум душой, умом душе мила;
В благотворителях ей только Бог свидетель;
Хвалима… но пред ней безмолвствует хвала.

Ее добрым делам, и правда, только Бог был свидетелем. Для нее, человека истинно православного, благотворительность напоказ была невозможна. Она отдавала не лишнее, а последнее, не чужое – свое. К делу благотворительности свекровь и невестка подходили с позиций принципиально разных, и это еще больше разделяло их, отдаляло друг от друга.

Когда началась война с Наполеоном, Елизавета отдала на нужды армии все свои драгоценности, все личные сбережения. Помогала увечным, семьям, потерявшим на войне кормильцев. В ЦГИА хранится и фонд канцелярии императрицы Елизаветы Алексеевны. По сравнению с фондом свекрови – крошечный: всего 51 единица хранения. Но это – не солидные, скрупулезные финансовые отчеты, как в фонде Марии Федоровны. Это личные просьбы о помощи, обращенные к женщине, на которую – последняя надежда: письма пострадавших во время войны 1812 года, во время наводнения 1824 года.

Фрейлина Софья Александровна Саблукова (в замужестве княгиня Мадатова), находившаяся при Елизавете Алексеевне последние 8 лет ее жизни, вспоминала:

Государыня отличалась замечательной самоотверженностью. Так, например, она постоянно отказывалась брать миллион дохода, который получают императрицы, довольствуясь 200 тысячами. Все 25 лет император уговаривал ее брать эти деньги, но она всегда отвечала, что Россия имеет много других расходов, и брала на туалет, приличный ее сану, всего 15 тысяч в год. Все остальное издерживалось ею исключительно на дела благотворительности в России и на учреждение воспитательных заведений, как-то: Дома трудолюбия (ныне Елизаветинский институт), Патриотического института, основанного для сирот воинов, убитых в Отечественную кампанию 1812 года.

«Императрица предстала передо мной как ангел-хранитель России… Ее чувства и мнения приобрели силу и жар в горниле

благородных идей. Я была взволнована чем-то необъяснимым, шедшим не от величия, а от гармонии ее души», – вспоминала не склонная к лестным отзывам о современниках мадам де Сталь.

Биограф Елизаветы, великий князь Николай Михайлович (об этом незаурядном человеке я обязательно расскажу, когда придет время), имел доступ ко всем документам, какие сохранились с Александровских времен. Вот что он писал о том, какую роль играла тихая императрица во время Отечественной войны: «… дотоле забытая всеми, Елизавета Алексеевна явилась ангелом-хранителем всех страждущих, и имя ее стало сразу известно в России, где в самых разнообразных закоулках вспоминали о ней с благоговением. Елизавета показала, что могла стоять на высоте своего положения».

Действительно, о глубоком и искреннем – не показном – патриотизме царицы, о ее помощи раненым, потерявшим кормильцев, осиротевшим, лишенным крова в тяжкие для России годы узнала вся страна.

Кто из русских может забыть кроткую Елизавету, венценосную супругу Александра Благословенного? Кто из русских может вспоминать о ней без умиления и чувства душевной, искренней признательности? Эта добродетельная государыня, мать сирот и несчастных, употреблявшая все дни незабвенной жизни своей на утешение страждущих и находившая сладкую, единственную награду в тихом, ангельском сердце своем, – была для России как некий дар всевышней благодати.

Когда в 1995 году, через много лет после встречи с Семеном Степановичем Гейченко, я прочитала в «Российском архиве» «Заметки и дневники» современника Елизаветы Алексеевны Леонтия Васильевича Дубельта (отрывок из этих заметок я только что процитировала), мне многое стало ясно.

Вот, оказывается, что на самом деле значат слова:

И неподкупный голос мой
Был эхо русского народа.

Я-то продолжала считать эти строки констатацией факта даже после того, как, читая и перечитывая многие Пушкинские стихи, убедилась: то, что сказал мне Гейченко, – правда, Пушкин – действительно выразитель мыслей и чувств русского народа. Потом поняла: да, это так, но он выражает чувства народа не вообще, а по отношению к Елизавете. И я самоуверенно решила: он преувеличивает. Едва ли народ знал свою тихую императрицу. Оказалось, знал.

Отступление о том, что сказал С. С. Гейченко

В начале книги я уже упоминала о встрече с Семеном Степановичем Гейченко. Но в надежде заинтриговать читателей умолчала о том, что же такое невероятное он мне сказал и чему я, при всем уважении к нему, поначалу не поверила.

Попробую пересказать наш разговор подробно, насколько сохранила его память. Итак, я останавливаю директора Пушкинского заповедника вопросом, который могла бы и не задавать (везде есть указатели): «Как пройти на аллею Керн?» Он иронически прищуривается: «Что, нравится дама?» Меня ирония не настораживает, восторженно лепечу: «Еще бы! „Как мимолетное виденье, как гений чистой красоты…“ Помните?»

Думаю, именно это наглое «Помните?» (ему, знающему наизусть все написанное Пушкиным, уж поэтические-то произведения – наверняка, смеет задавать такой вопрос какая-то глупая восторженная девчонка!) настолько его ошеломило и насмешило, что он решил предложить назойливой барышне тему для размышлений.

«А при чем тут Керн?» – спросил лукаво. И уже не обращая внимания на мое: «Ну как же?! Это же о ней! Это же всем известно!», – сказал: «Гений чистой красоты – это не Анна Петровна Керн. Это Елизавета Алексеевна». «Ксаверьевна?» – продемонстрировала я абсолютное невежество, имея в виду Воронцову, единственную Елизавету, которая, как мне казалось, вызывала интерес Пушкина.

«Все-то вы меня пытаетесь уличить в незнании фактов пушкинской биографии, – засмеялся он, – именно Алексеевна, императрица». Моих знаний истории хватило, чтобы догадаться: речь – о жене Александра I. Но сдаваться я не желала: «Так он же ее не знал. Он попал ко двору уже при Николае I».

Ну, милая барышня, правильно говорят, что полузнание хуже полного незнания. А это, по-вашему, о ком?

В начале жизни школу помню я:
Там нас, детей беспечных было много;
Неровная и резвая семья;
Смиренная, одетая убого,
Но видом величавая жена
Над школою надзор хранила строго.

Я подхватила:

Толпою нашею окружена,
Приятным, сладким голосом, бывало,
С младенцами беседует она.

Он улыбнулся (в первый раз вполне одобрительно): «Выходит, знаете? Зачем же спорили?» «Но этого не может быть: смиренная, одетая убого… Какая же это царица!» «А вот тут разбирайтесь сами. Ликбез я устраивать не буду». И продолжил:

Ее чела я помню покрывало
И очи, светлые, как небеса.
Но я вникал в ее беседы мало.
Меня смущала строгая краса
Ее чела, спокойных уст и взоров,
И полные святыни словеса.
Дичась ее советов и укоров,

А про себя превратно толковал
Приятный смысл правдивых разговоров…

После отповеди о ликбезе я не решилась задавать много вопросов, только об одном не могла не спросить: «Но как же все-таки с Анной Петровной Керн? Неужели все заблуждаются?» — «Все? Тут уместнее сказать „большинство“. А вы что же думаете, большинство всегда право? Помните, у Пушкина: „Мой совет: играйте!“ Так вот, мой вам совет: читайте!»

Самолюбие мое было уязвлено, и я принялась читать и перечитывать прочитанное раньше, но теперь – с открытыми глазами. Начала с «Воспоминаний» Керн:

Я должна была уехать в Ригу вместе с сестрой Анной Николаевной Вульф. Он пришел утром и на прощанье принес мне экземпляр 2-й главы «Онегина» в неразрезанных листках, между которых я нашла вчетверо сложенный почтовый лист бумаги со стихами: «Я помню чудное мгновенье» и проч., и проч.

Когда я собиралась спрятать в шкатулку поэтический подарок, он долго на меня смотрел, потом судорожно выхватил и не хотел возвращать; насилу выпросила я их опять; что у него про мелькнуло тогда в голове, не знаю. Стихи эти я сообщила тогда барону Дельвигу, который поместил их в «Северных цветах».

Прочитала и была потрясена собственной близорукостью.

Она же сама признает, что он не хотел отдавать ей это стихотворение – «насилу выпросила». Почему все-таки отдал? Да просто не мог оскорбить женщину, с которой только вчера был близок, признанием, что сердце его занято не ею. К тому же, не дай Бог, поймет, к кому обращены стихи. Он не мог позволить, чтобы на его великую любовь пала хоть тень подозрения. Кроме того, совершенно ясно, почему именно тогда «и вот опять явилась ты». Он только что вернулся из южной ссылки. Михайловское не так уж далеко от Петербурга. Может быть, до него дошли какие-то разговоры о ней. Может быть (не смею не то что утверждать, но даже предполагаю с осторожностью), он получил какую-то весточку от нее самой. Кто знает…

Они были знакомы очень давно. Он увидел ее в день открытия лицея. И потом она бывала там часто («над школою надзор хранила строго»). Лицеисты ее боготворили. У Пушкина это чувство – тайная любовь к недоступной («Где я любил, где мне любить нельзя») – осталось навсегда.

Как она относилась к Пушкину-поэту, – известно: с восхищением читала все его стихи. А как – к человеку, к мужчине? Этого нам не дано узнать: самое интересное, самое сокровенное бумаге доверяют крайне редко. Но даже если она упоминала о нем в дневнике, дневник этот давно сожгли те, кто боялись: ее свидетельства, ее характеристики способны рассказать о царском семействе такое, чего не должны знать ни современники, ни потомки. Больше всего пугало, что уж кому-кому, а ей-то поверят: слишком много знала, слишком была умна, честна, бескомпромиссна.

Близкие друзья знали об отношении Пушкина к императрице. Не случайно Дельвиг опубликовал «Я помню чудное мгновенье» только после ее смерти. Знал, как трепетно охранял Пушкин тайну своего сердца. Женщину, которую боготворил, он скрывал под разными именами: Лейла, Эльвина, Елена. Но стихи, обращенные к ней, легко отличить от всех других. В них не влюбленность. В них великая любовь и тоска о невозможном. Помните? «Богинь не целуют, им поклоняются». В отличие от императора Александра Павловича, великий поэт России это понимал. И поклонялся.

На лире скромной, благородной
Земных богов я не хвалил
И силе в гордости свободной
Кадилом лести не кадил.
Свободу лишь учился славить,
Стихами жертвуя лишь ей,

Я не рожден царей забавить
Стыдливой музою моей.
Но, признаюсь, под Геликоном,
Где Касталийский ток шумел,
Я, вдохновенный Аполлоном,
Елисавету втайне пел.
Небесного земной свидетель,
Воспламененною душой
Я пел на троне добродетель
С ее приветною красой.
Любовь и тайная свобода
Внушили сердцу гимн простой,
И неподкупный голос мой
Был эхо русского народа.

Об истории публикации этого стихотворения я еще расскажу. Здесь он единственный раз не скрывает ее имени, поэтому, изучив внимательно лексику этого стихотворения, проще определить, какие еще строки посвящены ей. Здесь: «небесного земной свидетель». В других стихах: «твои небесные черты», «красу невинности небесной», и еще, и еще. Конечно, дело не только в лексике, дело в особом, возвышенном строе. Те, кого Бог одарил абсолютным чувством языка (свойством, сходным с абсолютным музыкальным слухом), легко отличат стихи, обращенные к ней.

«Читайте!» – беру я на себя смелость повторить совет Гейченко. Читайте Пушкина – вас ждут удивительные открытия. Я же не стану больше заниматься не своим делом. Пушкинисты, надеюсь, уделят наконец внимание не только «донжуанскому списку» поэта, но и его Беатриче, его возвышенной любви-благоговению. Позволю себе поделиться только еще одним соображением, которое возникло, когда пыталась понять, вернее почувствовать, что значила для Пушкина Елизавета Алексеевна.

Принято считать, что поэт потому не любил бывать при дворе (уже во время царствования Николая Павловича), что его унижал камер-юнкерский мундир, раздражало подчеркнутое внимание монарха к Наталье Николаевне. Спорить с этим бесполезно: лежит на поверхности. А что, если были причины более глубокие? Он ведь знал, как жилось в царской семье Елизавете Алексеевне. Он хорошо и давно знал людей, «чья злоба убила друга моего» (не прямо, конечно, но постепенно, отравляя жизнь день за днем).

Когда-то, в ранней юности, он, как и все его сверстники, обожал Александра I. Царская семья казалась идеальной:

Прекрасная! Пускай восторгом насладится
В твоих объятиях российский полубог.
Что с участью твоей сравнится?
Весь мир у ног его – здесь у твоих он ног.

Это написано в 1816 году, вскоре после возвращения царя-победителя из Европы. В конце мая того же года по совету Карамзина Мария Федоровна посылает в лицей Георгия Александровича Нелединского-Мелецкого, которому поручено заказать лицеисту Пушкину стихи в честь принца Оранского. Через два часа стихотворение готово.

Шестого июня вдовствующая императрица устраивает в Павловске праздник для новобрачных, своей дочери Анны Павловны и принца Оранского. На праздник приглашены лицеисты. После представления – бал и ужин, во время которого хор поет немного измененное стихотворение Пушкина. В знак особого расположения Мария Федоровна преподносит юному поэту золотые часы с цепочкой. Он принимает подарок с благодарностью.

Но проходит всего два месяца, и Пушкин «нарочно, о каблук» разбивает часы, подаренные вдовствующей императрицей. Почему? Для тех, кто понимает, что значила для Пушкина Елизавета Алексеевна, ответ очевиден: он узнал, как относятся к ней император и его матушка. С тех пор его отношение к ним обоим резко меняется. Он не может защитить Елизавету Алексеевну. Но он может сказать, что думает о ее муже, который посмел пренебречь прекраснейшей из женщин. А поскольку он – Пушкин, язвительные стихи мгновенно запоминаются:

Ура! в Россию скачет
Кочующий деспот.
Спаситель громко плачет,
А с ним и весь народ.
Или вот это:
Воспитанный под барабаном,
Наш царь лихим был капитаном:
Под Австерлицем он бежал,
В двенадцатом году дрожал,
Зато был фрунтовый профессор!
Но фрунт герою надоел –
Теперь коллежский он асессор
По части иностранных дел!

И вот уже развенчан «вождь побед» (так сам Пушкин в юности восторженно называл Александра). Насмешки император не прощает. Словом ответить не может. Отвечает «делом» – ссылкой.

По счастью, Мария Федоровна не подозревает об отношении Пушкина к Елизавете (слухов-то нет: о неземной любви сплетничать неинтересно). Если бы знала, непременно придумала бы, как обернуть это против невестки.

Годы совместной жизни их не примирили. Если раньше хотя бы иногда истинное лицо Марии Федоровны проглядывало из-под маски, с годами маска так приросла к лицу, что отличить мнимое, так тщательно за долгие годы выпестованное, от подлинного было уже невозможно. На людях она всегда была доброжелательна, заботлива, благонравна. И нередко в глазах тех, кто мало знал обеих императриц, определено выигрывала в сравнении со сдержанной, немногословной, но ироничной невесткой. А вот того, что эти женщины – антиподы, не заметить было невозможно.

Между тем сходство Елизаветы с Екатериной Великой (не внешнее – внутреннее, глубинное) становилось все очевиднее. Екатерина ведь тоже долгие годы носила маску – иначе не выжила бы и уж наверняка не стала бы тем, кем стала. Но с годами она делалась все естественнее: императрице уже не нужно было скрывать свое подлинное лицо. Кому-то не нравится? Что ж, это его проблемы. Елизавета тоже не была исключением, ей тоже приходилось носить маску, скрывать свои чувства, отношения, обиды. Возможно, ей было даже труднее, чем другим императрицам: была от природы слишком искренна, открыта, откровенна. Но – и талантлива. Так что поначалу маска милой, безропотной супруги наследника престола казалась занятной игрой. Потом надоела. Потом сделалась отвратительна. И она все чаще позволяла себе оставаться самой собой. Сначала с людьми близкими. И они были еще больше очарованы. Со временем – вообще отбросила маску. Как когда-то Екатерина. Но та отвоевала себе право быть собой, у этой завоеваний не было – была только внутренняя свобода.

Вот эта внутренняя свобода и роднила этих, столь непохожих друг на друга женщин. Они обе не столько под давлением обстоятельств, сколько по велению сердца занялись изучением русского языка, сумели почувствовать его богатство, его неповторимую прелесть, и – только двое из немецких принцесс, ставших русскими царицами, – овладели им в совершенстве. А уж углубляться в изучение истории России, ее обычаев вообще не было необходимости – только собственное желание. Природа этого желания проста – любовь. Они обе полюбили Россию.

Глубоко и навсегда. В Москве в Историческом музее хранится кружка Елизаветы Алексеевны с надписью: «Я русская и с русскими почию». Но Елизавета, в отличие от Екатерины, не переставала любить и Германию. Уже после победы над Наполеоном она навестила свое родовое гнездо, Баден-Баден. Писала оттуда: «Я нахожусь в одном из прекраснейших мест на земле. Единственный его недостаток то, что этот прекрасный уголок находится не в России».

Летопись Цистерцианского монастыря в Лихтентале под Баден-Баденом сохранила подробности того визита Елизаветы на родину:

В шюне 1814 года под звон колоколов и грохот орудий в Баден-Баден въехали императрица России Елизавета, сестры великого герцога Карла и их мать маркграфиня Амалия… Их приветствовала нескончаемыми криками «Виват!» собравшаяся толпа горожан от школьников до стариков. Двенадцать молодых девушек тут же окружили княжескую карету; две из них передали Ее императорскому величеству нижеследующие строфы, которые она благосклонно приняла.

Тебя приветствует Отчизна,
И мы приветствуем Тебя,
Взошедшая на трон великая княгиня!
Твой облик в глубинах сердца сохраняя,
Тебя прислал Великий из великих,
С Невы, сестры морей, далеких берегов…
Что поднести Тебе? Пусть будет дар не нов,
Подарок малый любовью возвратится:
Наш дар любви – венок цветов с родных лугов,
И знаем мы, Твой разум светлый
К природе из дворцов сойти готов…

Стихи, надо признать, далеки от совершенства. А может быть, перевод не слишком хорош. Зато очевидно: жители Бадена понимали свою принцессу. Она писала:

…Не хватит и целого года, чтобы по-настоящему узнать все красоты этой местности. Я была рада жить в старом замке (сейчас этот замок официально именуется Новым, хотя строили его не так уж недавно: с XV по XVII век. – И. С.), все этажи которого украшены семейными портретами. Замок стоит на горе, а над нашими головами, на горе еще выше, видны руины другого замка (построенного в XI веке и именуемого теперь Старым. – И. С.). Это настоящая колыбель моей семьи, окруженная скалами и древними дубами! У наших ног, в долине, как в амфитеатре,

лежит небольшой городок Баден, а мы плывем на парах его горячих источников и тех, которые создают для отдыхающего общества легкую жизнь…

Кстати, при том что нет никаких оснований усомниться в правдивости записи в летописи Цистерцианского монастыря, будто «монастырь в Лихтентале интересовал Елизавету гораздо больше, чем курортная жизнь», именно с ее приезда, с лета 1814 года, Баден стал общепризнанной летней столицей Европы. Особенно его полюбили русские. Бывали здесь великие князья Николай Павлович (будущий император Николай I) и Михаил Павлович, Александр Николаевич (будущий император Александр II), великие княгини Елена Павловна и Ольга Николаевна. Райским местом считали Баден последний канцлер Российской империи Горчаков и (позднее) великий князь Николай Михайлович.

Из писателей первым в Бадене побывал Жуковский, за ним – те, кто, в отличие от Пушкина, имел право уезжать из России: Тургенев, Гончаров, Достоевский, Лев Толстой, Гоголь, Вяземский, Владимир Соллогуб.

Любили отдыхать в Бадене прославленные генералы Отечественной войны: Барклай-де-Толли, Милорадович, Теттенборн. Забавно, что сюда же приезжали генералы, которые воевали против русских в коалиционных войнах. И те, кто только что были злейшими врагами, наслаждались ничем не омраченной жизнью курортного городка. Встречались на Лихтентальской аллее, в игорном доме, жили в одном отеле.

Русские аристократы – Гагарины, Голицыны, Муравьевы, Львовы, Лобановы-Ростовские, Долгоруковы – покупали и строили здесь роскошные виллы. С легкой руки Елизаветы Алексеевны Баден-Баден все более становился русским городом. Ежедневная газета «Бадеблатт» писала:

Летом в Бадене русские играют важную роль, и им надо отдать должное: большинство из них отличают изящные манеры и благородный характер. Ни одна нация не может сравниться с ними касательно вежливости, хорошего вкуса, элегантности и либеральных взглядов. Видя и слыша их, отбрасываешь привычные предрассудки. Нам хотят представить этот народ варварами, ставшими такими под гнетом тиранов. Баден реабилитирует русских и поет славу царю России.

Елизавета газеты читала. По поводу «либеральных взглядов», «варваров» и «гнета тиранов» она знала куда больше, чем журналисты «Бадеблатт», поэтому улыбалась с горькой иронией. А вот то, что Баден поет славу русскому царю, ее искренне радовало.

Сейчас Новый замок, принадлежавший когда-то семье Елизаветы Алексеевны, по-прежнему возвышается над городом. Могучие стены, как и два века назад, увиты зеленым и красным плющом. Заглянуть за них можно только сквозь кованую, крепко запертую решетку ворот. Ничего не поделаешь – частное владение. Говорят, Новый замок недавно купили. Говорят (почему-то таинственно переходя на шепот), – русские…

А вот в маленьком городке Дурлахе, поблизости от Карлсруэ, столицы княжества, где в 1779 году появилась на свет самая загадочная из российских императриц, сохранился лишь маленький фрагмент дворца, где ее семья подолгу жила в летние месяцы. Зато парк уцелел. За ним любовно ухаживают, стараются сохранить все, как было когда-то: та же старинная скульптура – юная грациозная девушка, будто смущенная собственной неотразимой красотой; те же (или такие же) плакучие ивы, платаны, кусты камелий, розы. Море роз. От девственно-белых до кроваво-красных.

Сюда, в парк своего детства Елизавета привезла русскую березку. Посадила своими руками. Прошло без малого 200 лет. А дерево живет… Именно здесь, в Дурлахском парке, посетила меня дерзновенная мысль (дерзновенная хотя бы потому, что не согласуется с объективными законами истории): пока на русском троне или рядом с русскими царями были царицы-немки, приехавшие в нашу страну не по своей воле, не нашедшие здесь счастья, но, несмотря на это, сумевшие искренне полюбить Россию, отношения между русским и немецким народами были вполне добрососедские. Эти женщины стали своего рода оберегами. Заранее принимаю упреки в идеализме, но… как только рядом с русским царем оказалась немецкая принцесса, не способная ни понять, ни полюбить Россию, возомнившая себя хозяйкой этой огромной, «дикой» страны, так начался новый, страшный этап отношений между нашими государствами. Возможно, все это мистика. Но погружение в Александровскую эпоху, эпоху мистицизма, способствует рождению не самых разумных, не самых выверенных мыслей.

Как бы то ни было, но именно любовь к России объединяла одну из самых прославленных женщин в мировой истории, самодержицу Всероссийскую Екатерину Великую, и тихую супругу ее внука, чье имя известно сегодня лишь тем, кто всерьез интересуется прошлым своего Отечества.

Но если между ними так много общего, то почему же такие разные места занимали эти женщины в русской истории? Ответ прост: между ними была разница в самом, пожалуй, существенном – в отношении к власти.

Екатерина хотела и могла властвовать. Точнее, не могла не властвовать. (Вспомните, что она писала своему другу, английскому посланнику Уильямсу: «Я буду царствовать или погибну!»)

Елизавета Алексеевна к власти не стремилась. Никогда. Предвижу возражения: да кто бы ей дал властвовать! Кто она такая? Всего лишь супруга законного императора, фигура скорее декоративная. У нее просто не было даже малого шанса царствовать самодержавно.

На самом деле такой шанс был, причем не один, а три (что подтверждено документально). Причем в двух последних случаях предложения отдать власть Елизавете Алексеевне исходили из противоположных, непримиримо враждебных лагерей. В очень узком придворном кругу уже после смерти Елизаветы ходили разговоры еще об одной попытке (первой по времени) сделать ее самодержицей всероссийской. Но это, скорее всего, легенда, хотя в основе ее – реальные события, отношения, люди.

Отступление о любви и смерти

На Лазаревском кладбище, старейшем кладбище Александро-Невской лавры, среди могил прославленных наших соотечественников – Ломоносова, Старова, Захарова, Воронихина, Кваренги, Росси, Шубина, Антропова, Боровиковского – есть памятник: на скале перед урной плачущая женщина, рядом – разбитое молнией дерево. На урне надпись: «Здесь погребено тело Кавалергардского полку Штаб-ротмистра Алексея Яковлевича Охотникова, скончавшегося генваря 30 дня 1807 года на 26 году от своего рождения». Невольно вспоминается Александр Дмитриевич Ланской, возлюбленный Екатерины Великой, ушедший из жизни столь же безвременно. (Может быть, 26 лет – роковой рубеж для тех, кого любили русские императрицы?)

Вскоре после замужества Елизавета написала об Александре: «Счастье жизни моей в его руках. Если он перестанет меня любить, я буду навсегда несчастна. Перенесу все, все, только не это». Разлюбил. Несчастной стала. Но – перенесла. И полюбила другого. Полюбила с той нежностью и страстью, в которых отказывала ей Мария Федоровна, называя холодной, как лед.

Ее любовь к красавцу-кавалергарду Алексею Охотникову у одних вызывает осуждение: не подобает российской императрице изменять венценосному супругу, да еще с кем – с человеком вовсе не родовитым и никакими особыми талантами и заслугами не отмеченным! Другие безоговорочно оправдывают молодую женщину, обманутую и униженную мужем, нуждающуюся в любви и утешении. Как бы ни оценивать сам факт внебрачной связи, нужно признать, что это одна из самых трогательных историй любви, какие дошли до нас через два столетия. Романтическая влюбленность совсем не в духе того времени, а нынешнего уж и подавно.

Два года – только взгляды. Наконец – первое объяснение. И близость. И беременность. И признание мужу. И решение уйти от него. И просьбы Александра остаться. И рождение дочери (назвала, по настоянию Охотникова, Елизаветой). Александр отнесся к девочке с удивительной нежностью. Малышка прожила всего два года. Когда после ее смерти император признался Марии Федоровне, что он не отец ребенка, она недоумевала: «Мой сын неправдоподобно великодушен!»

Похоронили девочку рядом с первой дочкой Елизаветы, Машенькой, в алтаре Благовещенской церкви Александро-Невской лавры. В той самой церкви, куда, по велению Петра I, 30

августа 1724 года были перенесены останки Александра Невского; где надпись на одной из надгробных плит гласит: «Здесь лежит Суворов».

А за год до смерти Лизаньки умер Алексей Охотников. Она похоронила его в нескольких шагах от церкви. Поставила памятник, о котором я уже рассказывала. На могилах детей Елизавета бывала очень часто. Потом, как вспоминала графиня Головина, подходила к какой-то могиле, срывала растущие на ней анютины глазки и брала их с собой на память. Головина, без сомнения, знала, кто лежит в этой «какой-то» могиле. Но не проговорилась. Вообще слухов о романе императрицы практически не было. Знали только близкие друзья, а они умели молчать. Даже вездесущая Мария Федоровна узнала обо всем от сына уже после смерти Охотникова. Правда, через несколько лет узнает еще одна женщина и напишет об этом в своем дневнике. А поскольку женщина будет императрицей (очередной), дневник после ее смерти будет прочитан и вызовет смятение в семье последнего российского императора. Об этом я обязательно расскажу, когда придет время.

А совсем недавно историки Е. Лямина и О. Эдельман, изучая в Государственном архиве РФ фонд Елизаветы Алексеевны, обнаружили два документа, не попадавшиеся на глаза ни одному исследователю. Это два фрагмента дневника императрицы, один – с февраля по август 1803 года, другой – с декабря 1803 по февраль 1804 года. Каким чудом уцелели эти пожелтевшие от времени листочки бумаги, плотно исписанные мелким изящным почерком? Писала Елизавета в основном по-французски, с вкраплениями русских и немецких слов. Расшифровать записи было нелегко, но результат того стоил.

Если раньше об истории этой любви можно было судить только по сведениям интерпретаторов, далеко не всегда не то что доброжелательных, но и просто объективных, то теперь о чувствах и событиях рассказывает сама героиня романа. Трудно поверить, что пишет женщина, которая уже почти 10 лет замужем, которая успела испытать и измены, и отчаяние, и боль непонимания. Кажется, пишет юная, робкая, чистая девочка, которая с трогательной наивностью повествует о развитии чувства, в котором с трепетом признается даже себе самой.

Вот несколько коротеньких отрывков, по которым можно судить и о характере, и о душевном целомудрии Елизаветы (имя Охотникова она зашифровывает, называет его Vosdi): «Вечер в Собрании… входит Vosdi… обвел в высшей степени равнодушным взглядом весь ряд дам, в котором сидела и я, но, кажется, меня не заметил, а если и заметил, это для меня вовсе не лестно, раз я

произвела на него так мало впечатления, и все-таки я чувствовала некоторую радость оттого, что видела его, а он при этом не догадывается, что я его вижу. К тому времени, когда я во второй раз на него поглядела, он уже заметил меня, ибо наши глаза встретились… Император пожелал, чтобы танцевали экосезы. Я танцевала с господином Уваровым, Vosdi занял место напротив нас и оставался там от начала до конца в продолжение всего тура экосеза; я была ни жива ни мертва, я так смутилась от счастья… мне было очень неловко танцевать на глазах у Vosdi, это было впервые и столь открыто… Я вернулась к себе в странном состоянии… была счастлива, что видела его, и в то же время недовольна… В карауле (кавалергарды несли караульную службу в Зимнем дворце. – И. С) милый взгляд, проходя, я смешалась, его голос взволновал меня до глубины души… думала только о нем; весь день провела в мечтаниях о любви, утром не выходила вовсе, чтобы не встречать тех, кого невозможно выносить… Не выходила, грусть, мучительные раздумья, отнюдь не о Vosdi… Несколько отвлеклась от Vosdi за моими домашними огорчениями… По дороге в церковь очаровательный взгляд, говорящий как никогда, глаза сияли, в них выражалось беспокойство остаться незамеченным… взгляд, внесший бурю, смятение в мое сердце. Этот язык глаз был столь ясен, что он не мог не думать того, о чем глаза говорили… Несмотря на яркий свет, проходя перед ним, бросила беглый взгляд… Из окна моего кабинета видела, как проехала его коляска, он глянул вверх, я отпрянула… В четверг утром жестокий удар: я узнала, что он страдает грудью (так в то время было принято говорить о больных туберкулезом. – И. С.)… Мои слезы, мое отчаяние… До последнего моего часа я буду хранить тебя в сердце».

Уже после смерти Елизаветы Алексеевны, когда ее бумаги были прочитаны теми, для кого вовсе не предназначались, прошел слух, будто Охотников, вступая в связь с императрицей, имел преступное намерение, следуя примеру Григория Орлова, свергнуть законного государя и возвести на трон свою возлюбленную. И при этом ни в коем случае не повторить ошибку Орлова, допустившего, чтобы посаженная им на престол Екатерина отказалась узаконить их отношения и сделать его императором.

Но характер Алексея Охотникова, его положение в обществе (он не Орлов и не Пален) делают, на мой взгляд, слух о его намерении произвести дворцовый переворот абсолютно недостоверным. Другое дело, что для рождения слуха нужен какой-то, не обязательно событийный, а может быть, и чисто психологический повод. Таким поводом вполне могла быть

убежденность определенного круга людей в том, что Елизавета Алексеевна способна была править государством. Уж никак не хуже, чем ее супруг, «властитель слабый и лукавый».

Первое достоверно известное предложение передать власть в стране императрице Елизавете имело место незадолго до Отечественной войны. Тогда наблюдательный взгляд пользующегося безоговорочным доверием Александра известного ученого-физика, ректора Дерптского университета Георга Паррота, разглядел в Елизавете не просто супругу императора, но женщину, способную стать правящей императрицей.

В 1810 году Парр от направил Александру «секретную записку, очень секретную». Это было время крайне напряженных отношений с Францией. Война становилась неизбежной. Она могла угрожать целостности России, крайне усложнить положение правительства. Паррот, искренний и восторженный почитатель Александра, не сомневался, что с началом боевых действий император немедленно отбудет на передовую, и предлагал на время отсутствия его в столице провозгласить Елизавету Алексеевну регентшей: «У нее высокий дух, верное видение вещей… Она может быстро и правильно ориентироваться. Она женщина безгранично уважаемая и пользующаяся большим авторитетом… Все это сделало бы успешным ее руководство гражданскими делами». Возможно, в дни войны императрица и согласилась бы временно возглавить страну, если бы такое предложение последовало от супруга. Но он тогда относился к ней крайне холодно и недоверчиво…

Второй раз (но уже не временно) ее хотели возвести на престол члены «Общества друзей Елизаветы». Его организовали гвардейские офицеры, вернувшиеся из европейского похода, одушевленные мечтой, что государь вот-вот дарует русскому народу-победителю давно желанную свободу.

Но со свободой государь не спешил. Более того, в своем «Победном манифесте» Александр провозгласил: «Крестьяне, верный наш народ, да получат мзду от Бога». А от государя? А от Отечества? Царь «щедро» простил крестьянам недоимки, которые накопились, пока они «отлынивали» от работы, проливая кровь за Родину. У молодых офицеров (в большинстве – будущих декабристов) поведение еще недавно обожаемого монарха вызывало недоумение, отчаяние, возмущение.

Декабрист Иван Якушкин вспоминал, как в 1814 году, когда гвардия вернулась в Петербург из европейского похода, он наблюдал торжественный въезд Александра в столицу:

Наконец показался император, предводительствующий

гвардейской дивизией, на славном рыжем кош, с обнаженной шпагой, которую уже он готов был опустить перед императрицей… Мы им любовались. Но в самую эту минуту почти перед его лошадью перебежал через дорогу мужик. Император дал шпоры своей лошади и бросился на бегущего с обнаженной шпагой. Полиция приняла мужика в палки. Мы не верили собственным глазам и отвернулись, стыдясь за любимого царя. Это было мое первое разочарование на его счет.

Можно понять разочарование молодого офицера, прошедшего под водительством Александра с боями пол-Европы. Ему не могло быть не стыдно за «вождя побед». А каково было Елизавете Алексеевне? Ведь эту позорную выходку Александр позволил себе на ее глазах…

Возникновение тайных обществ: «Зеленой лампы», «соревнователей», истинных и верных сынов Отечества (Союза спасения), Ланкастерского, масонской ложи «Избранный Михаил» – нормальная реакция боевых офицеров на поведение своего вчерашнего кумира. «Общество Елизаветы» – одно из многих. Но у него конкретный идеал – императрица. Не случайно Петр Вяземский, близкий к членам общества, писал: «Она заживо сделалась поэтическим и таинственным преданием».

Они знали ее, восхищались ею, верили, она – не Александр – не изменила и не изменит юношеским мечтам о свободе. Они собирались у нее, говорили о высоком, прекрасном и справедливом, разрабатывали принципы будущей российской конституции. Она была чрезвычайно популярна в гвардии. «Видеть ее было счастьем, служить ей – высшим блаженством», – говорили гвардейские офицеры. В конце концов, уверившись, что Александр не намерен давать народу свободу, они решили произвести переворот в пользу Елизаветы.

Русская гвардия не раз доказывала: она это умеет. Еще живы были в памяти дворцовые перевороты, приведшие на трон Елизавету Петровну и Екатерину Алексеевну, да и самого Александра Павловича.

Сообщить Елизавете о своем решении члены общества поручили Федору Николаевичу Глинке.

Отступление о Федоре Глинке, великодушном гражданине

Не слышно шуму городского,
В заневских башнях тишина!
И на плече у часового
Горит полночная луна!…
Сосватал я себе неволю,
Мой жребий – слезы и тоска!
Но я молчу – такую долю
Взяла сама моя рука…

Песню эту поют и сегодня. А вот кто автор? Где и по какому случаю написана? На эти вопросы едва ли многие знают ответы. А 200 лет назад имя Федора Николаевича Глинки знала вся просвещенная Россия. Его «Письмами русского офицера» зачитывались. Сейчас они кажутся слишком пафосными и сентиментальными. Тогда же сотни юных сердец зажгли они любовью к Отечеству.

«Письма» – эмоциональная летопись военных походов русской армии 1805-1806 годов, дополненная позднее описанием событий Отечественной войны; живое свидетельство боевого офицера, участника всех главных сражений с Наполеоном, бесстрашного воина и безупречного патриота. Боевые заслуги Федора Глинки были отмечены несколькими орденами и личным золотым оружием. Но главное, отважного офицера заметил и сделал своим адъютантом любимец русской армии генерал Михаил Андреевич Милорадович. При Бородине Кутузов доверил Милорадовичу командовать правым крылом русской армии. Глинка вспоминал: «Он разъезжал на поле смерти как в своем домашнем парке: заставлял лошадь делать лансады, спокойно набивал себе трубку, еще спокойней раскуривал ее и дружески разговаривал с солдатами: „Стой, ребята, не шевелись! Дерись, где стоишь! В этом сражении трусу нет места!“ Твердая уверенность вождя в победе мгновенно сообщалась войску». К этому не лишним будет добавить, что адъютант всегда, и во время великого сражения тоже, был лишь чуть позади своего генерала – всего на полкорпуса коня. Смелость для этого нужна была незаурядная.

После победы император назначает Милорадовича на один из самых высоких постов в государстве – пост столичного военного

генерал-губернатора. О том, чтобы расстаться с Глинкой, не может быть и речи, и генерал приглашает боевого товарища на должность офицера по особым поручениям. Служба открывала перед Федором Николаевичем невиданные ранее возможности помочь страждущим и обиженным. Он составляет для себя памятку: «Порицать: 1) Аракчеева, 2) военные поселения, 3) рабство и палки, 4) леность вельмож, 5) слепую доверенность к правителям канцелярий, 6) жестокость и неосмотрительность уголовной палаты…» На службе ему удавалось узнавать о многих вопиющих беззакониях. Невинные люди, арестованные по ложному подозрению или оговору, нередко после тюремных мытарств оказывались в Сибири. Допросы чинили чиновники, которые зачастую были пьяны и, по словам Глинки, имели «полное расположение к грабежу». Пресекать злоупотребления Глинке и его друзьям удавалось далеко не всегда, но все же их стараниями «многие взяточники обличены, люди бескорыстные восхвалены, многие невинно утесненные получили защиту; многие выпущены из тюрем…»

О делах Глинки было достаточно широко известно, и современники называли его «истинным другом человечества», «витязем добра и чести», «защитником страждущих». Пушкин сказал о нем: «великодушный гражданин».

Кстати, Глинка предпринял попытку привлечь Пушкина к «Обществу Елизаветы». Почему эта попытка не увенчалась успехом, остается только гадать. Может быть, Пушкин опасался, что, общаясь с пылкими поклонниками императрицы, не сумеет скрыть свои чувства? А вот опубликовать свое стихотворение в журнале Глинки «Соревнователь Просвещения и Благотворения» Пушкин не только не отказался, но единственный раз позволил напечатать его под подлинным названием: «Ответ на вызов написать стихи в честь Ее императорского Величества государыни Елизаветы Алексеевны». Потом это стихотворение публиковалось только под названием «К Н. Я. Плюсковой» (любимой фрейлине Елизаветы. – И. С.) или по первой строке: «На лире скромной, благородной».

После того как на совещании Союза благоденствия все согласились с предложением Пестеля бороться не за конституционную монархию, а за республику, Глинка стал отходить от своих вчерашних единомышленников: ему, человеку религиозному, верному догматам христианства, была чужда идея вооруженного заговора, пришедшая на смену тактике мирной просветительной агитации. Так что в восстании декабристов он участия не принял, но уже в конце декабря был арестован. Потом его освободили. Потом арестовали снова. В Петропавловской

крепости он и написал «Песнь узника», с которой начинался рассказ о преданном поклоннике Елизаветы Алексеевны Федоре Николаевиче Глинке. Но у песни был еще и конец. Вот он:

О, русский царь, в твоей короне
Есть без цены драгой алмаз.
Он значит – милость! Будь на троне
И, наш отец, помилуй нас!

Милость была оказана. Поэт получил наказание самое мягкое – ссылку в Петрозаводск. Он доживет до 94 лет, надолго пережив и обожаемую императрицу, и всех друзей и врагов, и милостивого монарха, которому, если бы осуществился задуманный Глинкой дворцовый переворот в пользу Елизаветы Алексеевны, никогда бы не видать короны.

Вот такому человеку поручили будущие заговорщики сообщить императрице о своих планах. Были уверены, разговор будет откровенным: Глинка боготворил Елизавету, она относилась к нему с доверием и уважением. Одни надеялись: императрица согласится. Ради России. Ради народа. Ведь как только она станет самодержавной монархиней, сразу даст народу конституцию, освободит несчастных рабов. Другие сомневались: испугается, сообщит о заговоре своему венценосному супругу. А она – рассмеялась. Как же мало нужно ее знать, чтобы представить, что она пойдет на такое! Государь сам способен справиться со своими обязанностями. А она… Она обещает сделать все, чтобы убедить его в необходимости даровать народу свободу и конституцию.

Это были не пустые слова, не вежливость утешительницы. Как раз в это время ее отношения с Александром стали налаживаться, и она вполне искренне надеялась, что ей удастся вернуть его к идеалам их юности. Ведь он не мог забыть, как они когда-то вместе мечтали о том, о чем сейчас ее просили будущие мятежники.

Она надеялась. И уже начала. Но не успела…

В начале двадцатых годов, после окончательного разрыва с Марией Антоновной Нарышкиной, Александр словно прозрел. Проводя больше времени с Елизаветой Алексеевной, он понял, какое сокровище потерял. Да, она ему изменила. Но не он ли сам толкнул ее к измене? Это он погубил ее жизнь. Их жизнь. Он наконец понял, насколько необычно ее отношение к нему: незаслуженно оскорбленная, униженная, брошенная ради пустой, легкомысленной кокетки, она ни разу не упрекнула его, всегда приходила ему на помощь в трудные минуты, всегда оставалась верным другом, быть может, единственным… И это вовсе не тупая

безропотность, которая часто встречается у русских жен, независимо от того, к какому сословию они принадлежат. Нет, она женщина независимая, гордая. Ни ради того, чтобы сохранить высокое положение, ни ради того, чтобы соблюсти приличия, терпеть она бы не стала. Значит, любила? А он…

И Александр делает все, чтобы искупить вину. Она во всем идет ему навстречу. Между ними возникает безмерная душевная близость, какой обоим так недоставало всю жизнь. Фрейлина Софья Мадатова вспоминала:

Около 1824 года здоровье императрицы заметно ухудшилось; она стала часто прихварывать. Тогда император приказывал обыкновенно вносить в ее комнату свой рабочий стол и просиживал с ней часов по пять в день.

Во время пребывания в Царском Селе государь с государыней обыкновенно обедали вдвоем на колоннаде Камероновой галереи, прислуживавший им гоф-фурьер являлся только по звонку… Император Александр говаривал, что, не имея времени много читать по причине государственных дел, он обязан императрице сведениями обо всем, что выходило в свет любопытного: супруга рассказывала ему о прочитанном во время обеда. Она обладала удивительным даром слова. Это лето было одним из самых счастливых в ее жизни. Но, видно, такова была ее участь: счастье всегда выпадало ей ненадолго.

Начало 1825 года было омрачено резким ухудшением ее здоровья. Возможно, оно было спровоцировано двумя событиями: страшным наводнением 1824 года и сообщением о том, что тайное общество готовит убийство государя. Она не могла этого допустить.

Когда-то она писала матери: «Как только я чувствую, что ему грозит опасность, я вновь приникаю к нему со всем жаром, на который способно мое сердце». На этот раз опасность была реальной как никогда. Она должна была что-то сделать! Но что? Помогло, как это нередко бывает, несчастье: здоровье ее стремительно ухудшалось, она держалась мужественно, но таяла на глазах. Врачи настоятельно рекомендовали провести предстоящие осень и зиму в теплых краях: в Италии, Франции, на юге России. И она решила воспользоваться своей болезнью. Знала: одну Александр ее не отпустит. Вот и решила увезти его подальше от заговорщиков, спрятать, спасти.

Пределы России отказалась покидать категорически. Но почему решено было поехать в известный не самым мягким климатом Таганрог, так и осталось загадкой. Была ли это карающая рука судьбы или они оба считали, что именно там им будет проще осуществить задуманное – уйти в частную жизнь? У

обоих этих предположений были и до сих пор остаются сторонники.

1 сентября из Петербурга уехал император, через два дня – императрица. Знали ли они, что покидают столицу навсегда? Большинство документов, относящихся к последним годам царствования Александра, были уничтожены его братом и матерью, а вот письма и записки, которые он каждый день писал жене в дороге и уже добравшись до Таганрога, чудом сохранились. Они полны такой нежности, такой теплоты… Будто торопился, будто боялся не успеть.

Их жизнь в маленьком заштатном городке была настоящей идиллией. Говорили – и не могли наговориться, держались за руки, подолгу гуляли вдвоем. И никакого придворного этикета. Окружающие, люди близкие, преданные, были тактичны, старались не мешать. Им казалось, что перед ними молодожены. Ничто не предвещало беды.

И вдруг – неожиданная болезнь Александра (поехал верхом в Георгиевский монастырь под Севастополем, было тепло, шинель не надел; вдруг подул резкий штормовой ветер – император простудился). Утром 11 ноября он приказал позвать к себе Елизавету, и они в последний раз провели вдвоем, без свидетелей, несколько часов. О чем они говорили, никто не знает. Но именно в этот день императрица написала матери туманное, полное пессимизма письмо:

Где убежище в этой жизни? Когда вы думаете, что все устроили к лучшему и можете вкусить этого лучшего, является неожиданное испытание, которое отнимает у вас возможность насладиться тем лучшим, что окружает нас. Это не ропот — Бог читает в моем сердце, – это лишь наблюдение, до меня тысячу раз сделанное и теперь в тысячный раз подтверждаемое событиями моей жизни.

Как истолковать эти горькие слова? Просто сетовала на болезнь, которая так некстати нарушила идиллию? Но в тот день, 11 ноября, болезнь казалась легким, временным недомоганием. В этом единодушны все, кто в разное время писал воспоминания о таганрогских событиях. Пли именно в этом разговоре он поделился с ней желанием уйти из привычного мира, попросил у нее помощи? Достоверно известно лишь то, что именно в этот день она прекращает делать записи в дневнике, в котором раньше детально описывала все подробности его болезни.

По воспоминаниям свидетелей, она была рядом с ним в последние минуты его жизни. Держала его руку. Когда все было кончено, закрыла ему глаза, опустилась на колени и долго молилась… В этом показания свидетелей не расходятся. Зато во

всем остальном (от описания хода болезни, ее симптомов до результатов вскрытия) расхождений, противоречий, недомолвок столько, что они дают основания для споров – то затихающих, то снова возникающих. Действительно ли Александр Павлович скончался 19 ноября 1825 года в Таганроге? Его ли забальзамированное тело везли через всю Россию и 13 марта 1826 года похоронили в Петропавловском соборе в Петербурге? Или похоронили вместо него кого-то другого, а он вовсе не умер, но, тяготясь державой, ушел с посохом в неведомую даль, чтобы спустя много лет появиться в Сибири под именем старца Федора Кузьмича?

Серьезные историки, сторонники обеих версий, написали немало статей и книг (Н. К. Шильдер, В. В. Барятинский, Н. М. Романов), привели в подтверждение своего мнения огромное количество доводов, в большинстве весьма убедительных. Но к общему решению так и не пришли. Не раз уже в конце XIX и в XX веке говорили о том, что точку в споре может поставить изучение останков, лежащих в гробнице в Петропавловском соборе. Но решение об эксгумации так и не было принято. Зато появился слух, что могилу якобы вскрывали, гроб открывали – он оказался пустым. Очередной слух, ни одним очевидцем не подтвержденный. Более того, возник еще один слух: будто Елизавета Алексеевна тоже не умерла, вместо нее тоже похоронили другую, а она ушла в Сырков монастырь Новгородской губернии, где провела затворницей в молчании 20 лет под именем Веры Молчальницы. Хотя свидетелей ее смерти более чем достаточно, и вряд ли возможно было их всех уговорить скрыть ее уход, подмену тела… Да и зачем? Кто помешал бы безутешной вдове императора, не таясь, уйти в монастырь?

К слову, личность Веры Молчальницы была установлена: звали ее Верой Александровной Буткевич. Аристократка, оставшаяся без средств к существованию и без всякой надежды на поддержку, ушла в монастырь примерно в то время, когда скончалась Елизавета Алексеевна. Но если бы даже не стало известно, кто скрывается под именем Веры Молчальницы, тайный уход Елизаветы в монастырь представляется абсолютно невозможным.

Александр – другое дело. В России прецедента отречения не было, да он был и не нужен. Более того, для династии он был опасен. Александру просто не позволили бы публично отречься и уйти в частную жизнь. А он о такой жизни мечтал. И в юности, и в последние годы. Его злополучная последняя поездка из Таганрога в Крым как раз и была связана с этой мечтой: он купил у графа

Кушелева-Безбородко Ореанду, изумительной красоты место на берегу моря, недалеко от Ялты. Сказал: «Я скоро переселюсь в Крым. Буду жить частным человеком. Я отслужил 25 лет, и солдату в этот срок дают отставку». Возможно, он решился.

Но мне все же кажется, что эта покупка – еще одно свидетельство, что Александр действительно скончался в Таганроге. Слишком расходится его «превращение» в Федора Кузьмича с тем, о чем он мечтал, к чему определенно готовился. Разумеется, он мог передумать, мог решить воспользоваться болезнью. Но без помощников в таком случае не обойтись. Кто-то ведь должен был найти труп, который можно было выдать за тело Александра, да и близкие должны были вести себя так, чтобы у окружающих не возникло сомнения в его смерти. Такие люди рядом были. Это ближайший друг императора генерал-адъютант Петр Михайлович Волконский, лейб-медик баронет Виллие и доктор Тарасов. Но что они могли без Елизаветы Алексеевны? Кто бы ни лежал в гробу, только ее искренняя скорбь могла убедить: государь умер. Смогла бы она так сыграть? Не сомневаюсь. Ведь она и в самом деле навсегда прощалась со своим любимым. А вот могла ли согласиться участвовать в такой мистической драме? Мне кажется, это противоречило ее характеру – она не любила, да и не умела лгать. Но вместе с тем разве могла она отказать ему в просьбе, в том, что было для него так важно?… Нет ответа.

Она оставалась в Таганроге, а в это время в столице происходили события, которые могли изменить будущее России. И ей в этих событиях отводилась не последняя роль. В канун восстания 14 декабря 1825 года группа декабристов снова высказалась за возведение на престол Елизаветы Алексеевны. В их числе был Владимир Иванович Штейнгель, герой Отечественной войны, автор появившихся в печати вскоре после победы «Записок касательно составления и самого похода Санкт-Петербургского ополчения против врагов Отечества в 1812 и 1813 годах с кратким обозрением всех происшествий, во время бедствия и спасения нашего Отечества случившихся». Любопытно, что будущий декабрист представлял царя как главного вдохновителя освободительной войны. Александр поспешил отблагодарить автора – наградил драгоценным перстнем.

Но время шло, а положение народа, который не щадил жизни в боях за свободу Отечества, не менялось. Зато резко изменилось отношение к императору многих офицеров, прошедших войну. Один из них пытался открыть глаза Александру: «Народ, освещенный заревом Москвы, – это уже не тот народ, которого курляндский конюх Бирон таскал за волосы в течение десяти лет». Но император упорно не делал ничего, чтобы облегчить

положение крестьян, вчерашних воинов, героев, спасителей Отечества.

Чем восторженнее было отношение к государю сразу после победы, тем острее, болезненнее становилось разочарование. Так случилось и со Штейнгелем. В ночь перед восстанием 14 декабря он даже составил специальный приказ войскам:

Храбрые воины! Император Александр I скончался, оставив Россию в бедственном положении. В завещании своем наследие престола он предоставил великому князю Николаю Павловичу. Но великий князь отказался, объявив себя к тому неготовым, и первым присягнул императору Константину I. Ныне же получено известие, что и цесаревич решительно отказывается. Итак, они не хотят, они не умеют быть отцами народа, но мы не совсем осиротели: нам осталась мать в Елизавете. Виват Елизавета II и Отечество!

В показаниях следственной комиссии Штейнгель объясняет, почему декабристы были готовы возвести на трон Елизавету: «В народе на государыню смотрели как на страдательное лицо из всей царской фамилии, всегда брали в ней особое участие, и потому смело можно сказать, все сердца на ее стороне». Самое поразительное (или закономерное?), что в то самое время, когда Штейнгель писал свой приказ восставшим войскам, на семейном совете кто-то из членов царской фамилии тоже предложил провозгласить Елизавету самодержавной императрицей. О гневе Марии Федоровны потом не один год с ужасом вспоминали те, кто был в тот декабрьский день в Зимнем дворце. Ее-то не предложил никто…

А виновница очередного приступа ярости свекрови ничего об этом не знала. Она оставалась в Таганроге. А чтобы добраться из Петербурга в Таганрог, даже фельдъегерю, которому не приходилось тратить время на ожидание лошадей, нужно было не меньше недели. Но вести из столицы, хоть и с опозданием, все-таки доходили. Елизавета была ошеломлена поведением Николая: он же прекрасно знал об отречении Константина, зачем устроил эту трагикомедию с присягой старшему брату, потом – с переприсягой?! Во всем происходящем она винила себя: не сумела родить наследника и тем самым, пусть и невольно, вызвала кризис власти. Она хорошо знала и свекровь, и ее любимца Николая и понимала: добром интрига вокруг престолонаследия не кончится. И все-таки расстрел восставших ее потряс: «Боже! Что за начало царствования, когда первый шаг – стрелять картечью в подданных!» Но действий декабристов тоже не одобряла, считала их безумцами. Была уверена: будь жив Александр, ничего подобного не случилось бы.

О казни пятерых она узнать не успеет… А вот узнала ли она о более чем странном поведении вдовствующей императрицы у гроба сына, неизвестно. Если узнала, то, наверное, поняла (ведь она умела, как никто, разбираться в тайных мотивах слов и поступков свекрови), в чем смысл неуместно и громко повторяемых Марией Федоровной восклицаний: «Oui, s'est топ с her fils, топ cher Alexandre!» («Да, это мой дорогой сын, мой Александр!»). Эти возгласы слышали многие. Недоумевали: зачем матери при виде тела сына понадобилось повторять такие слова? Может быть, и в самом деле – подмена, может быть, матушка так неуклюже пытается успокоить общественное мнение (мол, кто-кто, а мать не перепутает сына ни с кем другим, так что не следует сомневаться: император Александр мертв)? Во всяком случае, сторонники версии подмены тела толкуют странные слова Марии Федоровны именно так.

А Елизавета вскоре после 19 ноября писала матери:

Я не способна передать то, что испытываю. Это беспрерывная скорбь, чувство печали, которые, я иногда опасаюсь этого, убьют во мне религию… Если бы я еще не получала от него столько ласк, столько проявлений нежности почти вплоть до последнего мгновения! И кроме того, пришлось видеть, как угасало это ангельское существо, сохранявшее способность любить, уже утратив способность сознания. Что мне делать со своей волей, которая была всецело предана ему, со своей жизнью, которую я любила посвящать ему!

Я ничего более не вижу перед собой. Я останусь здесь, пока он будет находиться здесь; когда он отправится, я тоже отправлюсь; я не знаю, когда, куда пойду я.

В этом отрывке из письма так много загадок. «Когда он отправится, я тоже отправлюсь…» А между тем гроб с телом покойного императора отбыл из Таганрога еще 29 декабря, а она оставалась там до 21 апреля. Сторонники версии подмены тела находят в этом поддержку своим предположениям: он, настоящий, живой, тайно был еще в Таганроге, а за чужим телом зачем же ей уезжать? Те, кто уверен, что 19 ноября она на самом деле закрыла глаза Александру, тоже ссылаются на это письмо: в нем такая боль, такая тоска! Она не могла бы так писать, если бы он был жив.

Но есть еще и третья версия. Вернее, странный слух. Будто бы Елизавете Алексеевне удалось забеременеть. И после смерти мужа (в смерти в таком случае сомневаться трудно: едва ли он ушел бы, бросив жену в таком положении) она не хотела пускаться в трудную дорогу, боясь потерять ребенка. Подтверждений этому нет. Если только не считать

подтверждением, во всяком случае, подтверждением того, что слух этот дошел до Петербурга, неожиданную и ничем на первый взгляд не мотивированную поездку Марии Федоровны навстречу невестке.

Мария Федоровна не любила ездить, да еще поспешая, да еще без многолюдного сопровождения. Представить, что ей так не терпелось увидеть невестку, зная их отношения, невозможно. Хотела узнать подробности смерти или ухода сына? Но ведь спокойно ждала полгода, неужели не могла подождать еще несколько дней, пока Елизавета доедет до Петербурга? А вот если прослышала о беременности, – совсем другое дело. Ребенок – законный наследник. И на пути у Николаши к трону – новое препятствие. Нет! Никаких детей! Николай, только Николай должен стать императором. И он им станет!

По поводу встречи свекрови и невестки тоже есть две версии. По одной – была договоренность о встрече. Может быть, Елизавета хотела рассказать свекрови что-то такое, чего не доверишь бумаге, но боялась, что доехать до Петербурга не сможет – была уже очень слаба. Может быть, Мария Федоровна хотела предупредить невестку о чем-то очень важном: вдруг та, паче чаяния, не умрет в дороге, доедет до Петербурга и расскажет там что-то, о чем никому не положено знать. По другой версии, Мария Федоровна приехала в Белев неожиданно. Правда, в одном все свидетели единодушны: она не застала Елизавету Алексеевну в живых. Остывающее тело лежало на той самой походной кровати, на которой скончался Александр. Все единодушны и в том, что, увидев мертвую невестку, свекровь собрала бывшие при покойной бумаги и торопливо уехала.

Может быть, только ради этого она и приезжала? Бумаги Елизаветы ни в коем случае не должны были попасть в чужие руки: слишком много она знала, слишком была умна и откровенна. Эту догадку подтверждает тот факт, что Елизавету еще не успеют похоронить, а новый император, Николай I, вдвоем с матушкой будут лихорадочно читать ее бумаги и бросать их в камин – жечь, жечь, жечь. Чтобы и следа не осталось!

Жила она не так, как положено царице: слишком часто забывала об этикете, позволяла себе поступать, как хотела, а не так, как положено. В общем, если пользоваться любимым определением Марии Федоровны, делала все так, как делать «не годится». А вот умерла как-то уж очень кстати, очень вовремя… Был странный слух, будто похоронили Елизавету Алексеевну в платье, которое свекровь заказала для похорон почти за полгода до смерти невестки. Невестка должна была умереть – поступить так, чтобы заслужить наконец одобрение свекрови: «Годится!».

Под небом голубым страны своей родной
Она томилась, увядала…
Увяла наконец, и верно надо мной
Младая тень уже летала;
Но недоступная черта над нами есть.
Напрасно чувство возбуждал я:
Из равнодушных уст я слышал смерти весть,
И равнодушно ей внимал я.
Так вот кого любил я пламенной душой
С таким тяжелым напряженьем,
С такою нежною, томительной тоской,
С таким безумством и мученьем!
Где муки, где любовь? Увы! В душе моей
Для бедной, легковерной тени,
Для сладкой памяти невозвратимых дней
Не нахожу ни слез, ни пени.

Принято считать, что это стихотворение Пушкин написал на смерть Амалии Ризнич – кишиневского увлечения поэта. Для такой трактовки есть основания, но чисто внешние, формальные. В дневнике за июль 1826 года записано: «Услышал о смерти Ризнич. 25». И дальше: «Услышал о смерти Р., П., М., К., Б., 24».

Декабристы Кондратий Рылеев, Павел Пестель, Сергей Муравьев-Апостол, Петр Каховский и Михаил Бестужев-Рюмин были казнены в Петербурге 13 июля 1826 года. Между казнью и похоронами Елизаветы Алексеевны – всего два дня. До Михайловского весть о казни дошла на 11 день (24-го). Скорее всего, и о похоронах тоже. Почему же не записал об этом в дневник? А зачем? Зачем записывать то, о чем и так никогда не забудешь?

Убеждена: это стихотворение – на смерть Елизаветы. При чем здесь Ризнич? Да, увлечение было сильным, да, была страсть. Но здесь – о чувстве глубоком, мучительном, пронесенном через годы. Предвижу возражения: а как же «под небом голубым страны своей родной»? Это уж точно про Ризнич, а не про смерть в случайном, чужом для Елизаветы Белеве. Отвечу: стихи крайне редко бывают буквальной констатацией факта. Поэзия – это сопряжение идей далековатых, как еще в XVII веке заметил Буало, а по-русски озвучил Ломоносов. А то, что не находил слез… Наверное оттого, что горе было безмерно – ноша не по силам. Ее смерть, смерть декабристов, жуткая участь тех, кто приговорен к каторге. И невозможность помочь. И (не смею утверждать, но и исключить не могу) – ощущение, что она ко всему этому

причастна. Не виновна, нет, но все же… И на мужа повлиять не сумела, и от престола отказалась (Пушкин наверняка знал о предложении, сделанном Елизавете Алексеевне Глинкой), и законного наследника не родила – могла, но не сумела предотвратить… Собственное равнодушие его ужасает. Психиатры называют это парадоксальной реакцией: так душа ищет защиты от страдания.

Я перечитала то, что он писал в те же дни, в конце июля 1825 года. И нашла подтверждение: именно в это время он переводит «Orlando Furioso» Ариосто. Не начало, а тот кусок, где герой теряет любимую:

Готов он в горести безгласной
Лишиться чувств, оставить свет.
Ах, верьте мне, что муки нет,
Подобной муке сей ужасной.
На грудь опершись бородой,
Склонив чело, убитый, бледный,
Найти не может рыцарь бедный
Ни вопля, ни слезы одной.

Он вернется в Петербург, где многое будет напоминать о ней. Во всяком случае, бывая у Карамзиных, он каждый раз будет видеть ее портрет. Но стихов, посвященных ей, больше писать не станет.

И вот – 1830 год. Он счастлив. Он скоро женится. По любви. И вдруг – крик отчаянной, неизбывной тоски:

О, если правда, что в ночи,
Когда покоятся живые,
И с неба лунные лучи
Скользят на камни гробовые,
О, если правда, что тогда
Пустеют тихие могилы –
Я тень зову, я жду Лейлы:
Ко мне, мой друг, сюда, сюда!
Явись, возлюбленная тень,
Как ты была перед разлукой,
Бледна, хладна, как зимний день,
Искажена последней мукой.
Приди, как дальняя звезда,
Как легкий звук иль дуновенье.
Иль как ужасное виденье,
Мне все равно, сюда! сюда!…

Зову тебя не для того,
Чтоб укорять людей, чья злоба
Убила друга моего,
Иль чтоб изведать тайны гроба,
Не для того, что иногда
Сомненьем мучусь… но тоскуя
Хочу сказать, что все люблю я,
Что все я твой: сюда, сюда!

При жизни Пушкина это стихотворение не было напечатано. Привык скрывать свое чувство, оберегать Ее имя от нескромных взглядов, домыслов, слов? Опасался сплетен: мол, о ком это страдает счастливый жених? Не хотел огорчать невесту, уверенную, что она – единственная любимая? Возможно. А может быть, все проще: его душа в последний раз говорила с ее душой. Свидетели здесь не нужны.

От «воска» до «чугуна» Часть II

Вернемся теперь к тому моменту, когда Мария Федоровна стала вдовствующей императрицей при царствующем сыне (такое было впервые в истории России). Французский посол Савари докладывал Талейрану:

Придворный церемониал и этикет соблюдается императрицей-матерью. Во время публичных церемоний она опирается на руку императора; императрица Елизавета идет позади и одна. Я видел войска под ружьем и царя верхом, ожидавших прибытия его матери. За любое назначение, за каждую милость являются благодарить ее и поцеловать ей руку, хотя бы она не принимала в этом никакого участия; ни о чем подобном не докладывают императрице Елизавете – это не принято. Петербургская знать считает своим долгом показываться на приемах императрицы-матери по крайней мере раз в две недели. Елизавета почти, там не бывает, а император обедает три раза в неделю и нередко остается ночевать.

Когда-то молодую Марию Федоровну шокировало и возмущало, что ее свекровь, которая, когда считала нужным, умела выглядеть величественно, как никто другой (невестка отдавала ей в этом должное), часто позволяла себе вести себя так, будто она ровня придворным, собиравшимся у нее запросто на

малые приемы. В мечтах о будущем она не допускала такого: уж она-то всегда будет вести себя так, как положено монархине, ни на минуту не забывать о величии! О внутреннем величии не помышляла. Видела только внешние его проявления.

Сразу после коронации долго не находившая удовлетворения жажда именно внешнего, показного величия выливалась в странные нововведения. Так, по настоянию Марии Федоровны (Павел Петрович иногда все-таки продолжал потворствовать ее желаниям), императорскую корону, которая раньше спокойно хранилась в Зимнем дворце, стали перевозить вслед за государем. Как только он приезжал в Павловск, корона возлагалась в тронном зале на раззолоченное высокое подножие с бархатной подушкой и накрывалась хрустальным футляром, закрывавшимся на замок. При короне день и ночь стоял часовой.

Теперь корона, увы, в Зимнем дворце, у сына, но он не препятствует желанию матери затмевать роскошью балы и приемы, которые устраивают (по необходимости) одинаково не любящие светской суеты Александр и Елизавета. А уж о превосходстве шикарных туалетов свекрови над скромными нарядами царствующей императрицы и говорить не приходится. Она будто бы наверстывает то, что было упущено в молодости, когда Екатерина запретила носить французские платья, и «скромнице» Марии Федоровне пришлось отказаться от 200 (!) ящиков самых модных нарядов, вывезенных ею из Франции.

Она все время старается в полной мере (и даже порой до смешного чрезмерно) пользоваться внешними приметами своего положения: если император выезжает в коляске, запряженной парой лошадей, то она – в карете, запряженной шестеркой, в сопровождении гусар и пажей.

О некоторых подробностях жизни Марии Федоровны вспоминал бывший ее камер-паж Петр Михайлович Дараган:

Мария Федоровна любила служение камер-пажей; она к нему привыкла. Отправлялся ли дворец в Москву, выезжала ли императрица на неделю в Петергоф или на один день в Ораниенбаум или на несколько часов на маневры – всюду следовали за нею камер-пажи.

В 1817 году Мария Федоровна сохраняла еще следы прежней красоты. Тонкие нежные черты лица, правильный нос и приветливая улыбка являли в ней мать Александра. Она была, так же, как и он, немного близорука, хотя редко употребляла лорнетку. Довольно полная, она любила и привыкла крепко шнуроваться, отчего движения ее и походка были не совсем развязны (в то время это слово означало «свободны». – И. С.). Ток со страусовым пером на голове, короткое платье-декольте с

высокой короткой талией и буфчатыми рукавчиками; на голой шее ожерелье, у левого плеча, на черном банте, белый мальтийский крестик; белые длинные лайковые перчатки выше локтя и башмаки с высокими каблуками – составляли ежедневное одеяние императрицы, исключая торжественных случаев (именно такой выглядит она на известном портрете Джорджа Доу. Только преданный камер-паж упустил одну существенную черту облика императрицы-матери: сжатые в ниточку губы и непреклонный взгляд. – И. С.).

Она говорила скоро и не совсем внятно, немного картавя. Надобно было иметь большое внимание и привычку, чтобы понимать каждое слово; но она никогда не сердилась, если камер-паж не сразу понимал ее приказание.

Каждый день за обедом, семейным или с гостями, камер-пажи служили у стола царской фамилии. Особенное внимание и сноровка нужны были при услужении Марии Федоровне. Камер-паж должен был ловко и в меру придвинуть стул, на который она садилась; потом с правой стороны подать золотую тарелку, на которую императрица клала свои перчатки и веер. Не поворачивая головы, она протягивала назад через плечо руку с тремя соединенными пальцами, в которые надобно было вложить булавку; этою булавкою императрица прикалывала себе на грудь салфетку. Пред особами императорской фамилии, за которыми служили камер-пажи, стояли всегда золотые тарелки, которые не менялись в продолжение всего обеда. Каждый раз, когда подносилось новое блюдо, камер-паж должен был ловко и без стука поставить на эту тарелку фарфоровую, которую с оставленным на ней прибором он принимал, и на золотой тарелке подносил чистый прибор взамен принятого. По окончании обеда таким же образом подносились на золотой тарелке перчатки, веер и прочее, переданное в начале обеда.

Если раньше центром всего был Павел Петрович, то теперь – она, Мария Федоровна. Часто казалось, что она радуется этому куда больше, чем подобает вдове. Но осудить ее трудно: последние годы супружеской жизни были унизительны, а последние месяцы – просто страшны. Кроме того, есть свидетельства, что в первое время вдовства она искренне страдала. 26 марта 1801 года она писала Сергею Ивановичу Плещееву, с которым всегда была вполне откровенна:

Сердце мое увяло, душа моя отягощена, но я не ропщу на определение Промысла; я лобызаю руку, меня поражающую. Оплакиваю мужа моего и дитя, но чувствую всю обширность моих обязанностей: они огромны, но небо подаст мне силы, чтобы их исполнить. Я здорова, но слаба, неузнаваема. Скорбь в сердце моем;

она такого рода, что время не уничтожит ее. Добрый сын поступает относительно меня как ангел…

О том, как поступает с этим ангелом она, его матушка, я очень скоро расскажу.

В письме даже очень близкому, доверенному человеку можно слукавить, хотя бы и невольно. Но вот воспоминания Николая Александровича Саблукова:

Ночь за ночью я, как сторож, обходил цветники и царские сады около дворца. В них были разбросаны разные памятники, воздвигнутые в воспоминание супружеской жизни покойного императора, и бедная императрица, одетая в глубокий траур и двигаясь унылым шагом, имела обыкновение посвящать свои бессонные ночи посещению этих пунктов. Как привидение, бродила она при свете луны между мраморными памятниками, в тени плакучих ив и вечнозеленых кустов. Легко было видеть по ее движениям, до какой степени расстроены ее нервы, ибо малейший шум пугал ее и обращал ее в бегство. Поэтому мой караул в первые недели пребывания императрицы в Павловске сделался для меня священною обязанностью.

Мария Федоровна славилась своим умением страдать напоказ. Достаточно вспомнить, как она, прощаясь с детьми перед тем как отправиться в увеселительное путешествие по Европе, трижды падала в обморок и была отведена в карету в бесчувственном состоянии. Эта мелодраматическая сцена не вызвала сострадания. Неуместное театральное представление, разыгранное великой княгиней, заставило свидетелей отворачиваться, кого с иронической улыбкой, кого с брезгливостью. Дети были испуганы, а их бабушка возмущена до крайности и вынуждена была предупредить от повторения неумеренной и неуместной чувствительности: «Я буду просить вас быть сдержанною в проявлении великой радости, которую доставит вам свидание с вашими детьми; не испугайте их выражением слишком восторженной радости; пусть моя любезная дочь обнимет их с умеренностью, а главное, пусть не падает в обморок… Я заблаговременно предостерегаю вас на этот счет, дабы вы могли подумать об этом, и это послужит к вашему обоюдному удовольствию».

Но то, о чем вспоминал Саблуков, не было рассчитано на публику. Значит, она на самом деле страдала. Но причиной тому была не только смерть Павла. Вслед за ним умерла в родах старшая, любимая дочь, Александра Павловна, супруга австрийского эрцгерцога Иосифа. Говорили, что на русско-австрийской границе встретились два курьера: один вез Александре в Будапешт весть о кончине отца, другой – Павлу в

Петербург о смерти дочери.

Но от горя (что смерть Александры была для матери настоящим горем, сомневаться не приходится) она оправилась довольно быстро: долг призывал ее к действиям, к исполнению материнских обязанностей. В год кончины Павла младшим ее сыновьям было четыре и два года, из трех младших дочерей самой маленькой было шесть лет, второй – тринадцать, третьей – пятнадцать. В их воспитание наконец-то не будет вмешиваться никто. Она воспитает их сама, так, как считает нужным. Это – первая задача.

Старшие дети, к ее величайшей обиде, сохранили самую добрую память о своей державной бабке. Младшие не успели попасть под влияние Екатерины Великой, так что можно хотя бы им передать свою ненависть к свекрови. И это ей в полной мере удается. Барон Модест Корф, лицейский однокашник Пушкина, служил государственным секретарем, и ему часто приходилось бывать в рабочем кабинете Николая I. Он оставил подробное описание этого кабинета:

На поперечной стене… грудной портрет Петра Великого, а под ним и вокруг него, на уступах двух каминов и на письменных столах, также множество портретов, больших и миниатюрных, бюстов и бюстиков членов нашего, прусского и нидерландского царственных домов, живых и умерших. Одного только нет… изображения Екатерины II. Известно, что император Николай… никогда не принадлежал к числу ее почитателей и нисколько не таил неприязни к ее памяти.

Еще бы! Он ведь достойный воспитанник своей матушки, которую Екатерина называла «мадам второй сорт». Правда, скорее всего он не знал об этом «почетном звании», а то мог бы задуматься и прийти к не самым приятным для матушки выводам. Но, так или иначе, с первой задачей Мария Федоровна справилась.

Оставалась вторая, не менее важная, – власть. Не только показная, – реальная. К государственным делам ее не допускали никогда. Ни Екатерина, ни Павел. Сначала потому, что сам не был к ним допущен. Потом – потому, что лучше, чем кто бы то ни было, знал неумеренные амбиции супруги. По существу, именно она решила главную государственную задачу, стоявшую перед империей: родила будущих монархов, сняв проблему, которая преследовала Романовых весь XVIII век, проблему законного наследования престола. Ну а если поверить, что отцом будущего императора Николая I был гоф-фурьер Данила Бабкин, то роль Марии Федоровны в истории России становится беспрецедентной. Это означает, что с воцарением Николая (официально –

Павловича) род Романовых на русском троне пресекся навсегда, и он, и последовавшие за ним три императора – династия Марии Федоровны. Бабкины! Можно представить, как был бы шокирован Николай Павлович… А что было бы с Александрой Федоровной, если бы узнала, что ее безупречная свекровь…

Но пока Николай еще ребенок. На троне – Александр, сын Павла, законный наследник. Но… он наверняка знал о заговоре. Может быть, действительно не допускал, что на его отца поднимут руку, надеялся ограничиться домашним арестом и отречением. Но случилось то, что случилось.

Мария Федоровна присвоила себе право управлять сыном-императором. Она его не обвиняла – она намекала, что он – пусть и косвенно – виновен в смерти отца. Делала это с изощренной жестокостью. Я уже упоминала, что окровавленную рубашку мужа она держала в специальном ларце, который всегда был у нее под рукой. Так вот, когда ей нужно было что-то получить от сына, она приглашала его к себе, ставила на стол ларец и обращалась к императору с очередной просьбой. Надо ли удивляться, что отказа она не знала. Елизавета Алексеевна вспоминала: «Он был положительно уничтожен смертью отца и обстоятельствами, ее сопровождавшими. Его чувствительная душа осталась растерзанной всем этим навеки».

Зачем матери нужно было мучить сына намеками? Ответ прост: она хотела властвовать. А слабую, растерзанную душу легче подчинить. И подчинила. Еще недавно ее безапелляционные приговоры – «Это годится!», «Это не годится!» – значили что-то только для домочадцев и прислуги. Теперь от вердиктов императрицы-матери подчас зависела судьба России. Сегодня мало кто знает, что война с Наполеоном и восстание декабристов – в большой степени плоды интриг Марии Федоровны. Когда Павел задумал совместный с Наполеоном поход на Индию, она не смела возражать, хотя «выскочку-корсиканца» ненавидела страстно: он был опасен для ее родины, Германии. Но Павла уже нет, а Наполеон, удрученный бесплодием по-прежнему любимой Жозефины, вынужден искать молодую, здоровую жену – ему нужен наследник. Выбор французского императора падает на русскую принцессу Екатерину Павловну, самую умную, красивую и честолюбивую из пяти сестер российского государя.

Источники, близкие к Марии Федоровне, утверждают, что Екатерина отвергла предложение с гневом, заявив: «Я лучше выйду за последнего истопника из дворца». Мария Федоровна не могла допустить брак дочери с «корсиканским чудовищем». А раз Екатерина сама против, значит, матушка думает о счастье дочери и своей властью только подтверждает ее волю. Но если вернуться

немного назад, станет ясно, что счастье дочери очень мало значило для ее властной и амбициозной родительницы. Дело в том, что Екатерина Павловна была влюблена в генерала Петра Багратиона, героя первых сражений против Наполеона. Мария Федоровна сделала все, чтобы влюбленные расстались. Оба очень тяжело пережили разлуку. И вот снова на сцене заботливая мамаша…

По поводу сватовства Наполеона есть совсем другие свидетельства. Будто Александр готов был согласиться на брак сестры: союз с Францией выгоден России. Французский посол в Петербурге Коленкур утверждал, что Александр I показывал ему письмо английского короля Георга III. Обеспокоенный перспективой укрепления франко-русского союза, тот обещал признать нейтралитет Балтийского моря, возвратить захваченные русские фрегаты и выплатить солидную сумму, если Александр откажется от намерения выдать сестру за Наполеона. При этом царь с улыбкой сказал Коленкуру, что с этого момента Екатерину можно считать француженкой.

Сама Екатерина Павловна была в восторге: «Напрасны сожаления, что Россия лишится меня. Я буду залогом вечного мира для своего Отечества, выйдя замуж за величайшего человека, который когда-либо существовал!» И, наверное, была права: семейный союз вполне мог стать прочным залогом мира. Косвенным подтверждением этому служит запись в бумагах русского пристава, графа де Бальмена, находившегося при Бонапарте на острове Святой Елены: «Наполеон убежден, что сидел бы еще на престоле, если бы женился на русской великой княжне». Помешала этому браку, который мог бы предотвратить войну, принесшую неисчислимые жертвы, Мария Федоровна. Через некоторое время Наполеон попросил руки младшей сестры Александра, Анны Павловны. Но это был скорее повод для окончательного разрыва с русским царем – сватовство было абсолютно бесперспективным: Наполеону срочно нужен был наследник, а Анна сама ребенок, ей всего 13 лет. Так что в этом случае «боевых» действий со стороны Марии Федоровны не понадобилось. А вот того, что она не согласилась на его брак с Екатериной Павловной, Наполеон не простил: «Император Александр не имеет более привязанности ко мне, – жаловался он приближенным в 1811 году, – он окружен людьми злонамеренными, которые постарались внушить ему недоверие и подозрительность ко мне. Я никогда и не думал начинать с ним войну, в которой мог потерпеть только урон». Таким злонамеренным человеком французский император не без оснований считал Марию Федоровну. Он называл ее своим

злейшим врагом. Через год после этих слов уязвленный Наполеон вторгся в Россию. Мария Федоровна со свойственным ей энтузиазмом принялась помогать раненым, увечным и семьям погибших…

Самым большим счастьем для нее в тяжелые для России дни было то, что младшие сыновья еще не достигли возраста, когда долг повелевает каждому мужчине взять в руки оружие. Она продолжала усиленно заниматься образованием и воспитанием мальчиков. Эти усилия не были особенно успешными. Николай Павлович, став императором, будет горько сожалеть, что не получил знаний, необходимых для выполнения возложенной на него миссии. Это самокритичное признание делает ему честь. А вот матушка его полагала, что сын получил отменное образование. Она более пеклась о воспитании нравственном. О его результатах всякий, кто возьмет на себя труд внимательно изучить николаевскую эпоху, легко составит собственное мнение.

Весной 1815 года до Петербурга дошла весть о бегстве Наполеона с острова Эльба и его высадке на французском берегу. Война в Европе возобновилась. Теперь Марии Федоровне пришлось отпустить в действующую армию всех четверых сыновей. Она истово молится о своих детях: «Удостой, Боже великий, возвратить мне Николая и Михаила купно с императором – непорочными и добродетельными, с теми же самыми правилами, с которыми я проводила их, и я вседневно буду благословлять Тебя». Заметим: в армию отправились четверо, матушка молится за троих. Константина почему-то не упоминает… Ей снова повезло (или Всевышний услышал): к тому моменту, когда под Ватерлоо судьба Наполеона была решена окончательно, ее младшие сыновья еще не успели добраться до поля сражения. Она вздохнула с облегчением: жизни ее мальчиков больше ничто не угрожает. Зато под угрозой их нравственность: они едут в Париж, где их ждет столько соблазнов. Она не забыла, как развлекалась когда-то в этом городе с покойной Марией-Антуанеттой.

Она пишет генерал-лейтенанту Петру Петровичу Коновницыну, которому приказано состоять при Николае и Михаиле, длинные, подробные письма, полные опасений и наставлений:

Обращаюсь с полным доверием к отеческому вашему о их благе попечению, которое в сей столице роскоши и преврата нужнее нежели где-либо, и от которого я ожидаю успокоения материнского сердца. Я, конечно, немало не сомневаюсь, что внушенные им правила нравственности, благочестия и добродетели предохранят их от действительных погрешений, но

пылкое воображение юношей в таком месте, где почти на каждом шагу представляются картины порока и легкомыслия, легко принимает впечатления, помрачающие природную чистоту мыслей и непорочность понятий, тщательно поныне сохраненную; разврат является в столь забавном и приятном виде, что молодые люди, увлекаемые наружностью, привыкают смотреть на него с меньшим отвращением… прошу я вас убедительно предохранить их вашим отеческим попечением, обращая также внимание на выбор спектаклей, которые они посещать будут и которые нередко вливают, неприметным и тем более опасным образом, яд в юные сердца.

…Я с удовольствием усмотрела отъезд любезнейших сыновей моих великих князей из Парижа, где время их пребывания, будучи большей частию занято предметами, до военной службы касающимися, слишком мало позволяло им помышлять об усовершенствовании познаний. Всякий молодой человек имеет нужду отделять некоторое время для собственных своих мыслей и приумножения своих сведений и утверждения в приобретенных познаниях и правилах, ибо, по сохраняемому мною всегда в памяти замечанию, тот, кто вперед не двигается в учении, отступает назад.

Никаких шагов «по пути разврата» юные великие князья в Париже не сделали, а если и сделали, то сведения об этом до матушки не дошли. Огорчало только одно: всем наукам сыновья предпочитали военные строевые игры. Мария Федоровна надеялась, что удачная женитьба сможет разбудить в них другие интересы.

Первое требование к будущей жене Николая – безупречная родословная. Что она должна быть немкой, сомнению не подлежит. Самая высокородная из немецких принцесс живет в Потсдаме, это дочь прусской королевы Луизы, у которой был пылкий, хотя и платонический, роман с Александром I, внучка Фридриха Великого. Но Фридрих когда-то заявил: «Выдавать немецких принцесс замуж в Россию нужно, даже необходимо, но сие не должно касаться моих сестер, дочерей и внучек». Его решения были непререкаемы. Но это – при жизни. Марии Федоровне удалось преодолеть запрет владыки Пруссии и устроить брак его внучки, Фредерики-Луизы-Шарлоты-Вильгельмины, со своим любимым сыном Николаем. Это оказалось не так уж сложно: стоило намекнуть Фридриху Вильгельму III, отцу принцессы, что его дочь ждет российская корона. Ну а то, что есть законный наследник, цесаревич Константин, никого не должно волновать: уж эту-то преграду она, Мария Федоровна, преодолеть сумеет. И сумела.

Яков Иванович Санглен, чиновник департамента полиции, по долгу службы обязанный все замечать и запоминать, оказался в Зимнем дворце на следующий день после убийства императора Павла. Вот что случилось ему увидеть и услышать: Среди людей, всецело отдавшихся восторгам достигнутой победы, один великий князь Константин казался заплаканным… В нескольких шагах от него офицеры громко и весело разговаривали: можно будет одеваться как угодно, носить фраки и круглые шляпы, как прежде! (Павел категорически запретил и фраки, и круглые шляпы, что вызвало возмущение модников. – И. С.) В другой группе Николай Зубов, разговаривая с князем Яшвилем, обсуждал события истекшей ночи: «Жаркое было дело!» Константин лорнировал тех и других и в момент, когда все стихло, произнес, как будто про себя, но так, чтобы его все слышали: «Я велел бы их всех повесить».

Несколько дней спустя он сказал Саблукову: «Мой друг, после всего, что произошло, мой брат может царствовать, если ему угодно, но если когда-нибудь престол должен будет перейти ко мне, я, конечно, от него откажусь». Мария Федоровна не могла об этом не знать, учитывая, что сказано это было преданному ей Саблукову. Скорее всего, верила в искренность Константина. Но знала: Константин очень похож на отца, так же импульсивен и непредсказуем. Он вполне способен отказаться от своих слов. Значит, его нужно устранить. Нет, не насильственно, избави Бог! Все должно быть добровольно и выглядеть прилично. Просто нужно создать ситуацию…

Отпущенная в Европу супруга Константина Анна Федоровна не оправдала надежд свекрови: не стала распространяться о невыносимом характере покинутого мужа, хотя сам факт ее бегства из России свидетельствовал о многом.

Репутация цесаревича в глазах европейских монархов была, конечно, испорчена, но недостаточно для того, чтобы с ним решительно отказались иметь дело. Нужно было действовать.

И тут Константин Павлович сам помог матушке: он влюбился. Влюбился страстно, самозабвенно, навсегда. И это бы не такая большая беда, хотя цесаревич – человек женатый (разводу препятствовала все та же Мария Федоровна, считая, что он ляжет несмываемым пятном на безупречную репутацию царского семейства), если бы предметом его страсти была женщина достойная (в глазах императрицы-матери достойная значит одно: высокородная). А тут – простая польская дворянка Иоанна Грудзинская! Константин всегда был так эксцентричен! Матушка запретила ему даже помышлять о браке. Но, подумав, поняла: этот брак как раз и приведет его к добровольному отречению:

морганатический брак – серьезное препятствие на пути к российской короне. Не лучше ли миром: тебе – твоя любимая полька, мне – право на престол для моего любимого Николая. Разумеется, переговоры на столь щекотливую тему велись в глубокой тайне. И Константин подписал отречение. О том, как восприняли это Николай и его супруга, и о том, что из этого вышло, расскажу в следующей главе, посвященной Александре Федоровне.

Затевая династический брак любимого сына с самой высокородной из немецких принцесс, Мария Федоровна преследовала исключительно интересы государственные (как она их понимала). Но неожиданно оказалось, что она нашла для сына не только выгодную партию – нашла любимую, «второе я» будущего железного императора Николая Павловича. И сама искренне полюбила новую невестку. Окружающие поражались: она, муштровавшая своих дочерей, как фельдфебель нерадивых солдат, не прощавшая им малейшего проявления независимости, самого ничтожного отступления от этикета, с женой Николая была неизменно нежна и неправдоподобно терпима.

Через 10 месяцев после свадьбы Шарлотта родила сына (об этом подробный рассказ впереди, пока – о роли Марии Федоровны). Свекровь счастлива: Александр и Константин законных детей не имеют, а у Николая – сын! Тут бы и объявить подданным, что теперь именно Николай Павлович – законный наследник престола. Существует мнение, что объявлять об этом не хотел Александр. Якобы он, нерешительный, подозрительный, осторожный, опасался, что у Николая не хватит терпения ждать, что он способен повторить то, что сделали с их отцом и дедом. Хотя Николай и уверял брата, да и потом неоднократно повторял, что царствовать он не хочет, Александр этому будто бы не верил. Но чем внимательнее изучаешь документы последних лет царствования Александра I, тем меньше доверяешь этому широко распространенному предположению.

Причина того, что отречение Константина и назначение наследником Николая держались в такой глубокой тайне, в другом: в опасениях Марии Федоровны, что гвардия, которая терпеть не может ее ненаглядного Николашу, не допустит его воцарения. А как гвардия умеет расправляться с неугодными правителями, вдовствующая императрица помнила очень хорошо. Значит, гвардию (и страну) нужно держать в неведении, а уж потом поставить перед фактом – не дать подготовиться. Убедить Александра поступить именно так, как она требует, не составило труда. Безотказный способ убеждения был апробирован давно.

(О том, как после смерти Александра Павловича его младший

брат растерялся, а точнее, испугался угроз генерала Милорадовича и присягнул Константину; как младший сын Марии Федоровны Михаил Павлович, загоняя лошадей, носился между Петербургом и Варшавой, уговаривая польского наместника цесаревича Константина приехать в столицу и лично подтвердить свой отказ от престола; как Константин упорно отвергал корону, но отказывался ехать в Петербург, чтобы подтвердить права Николая; как был извлечен на свет Божий указ Александра I о переходе прав на престолонаследие от Константина к Николаю; как придворные присягнули Николаю; как отнеслась армия к приказу о новой присяге; как вывели на Сенатскую площадь гвардейские полки те, кого назовут декабристами (кстати, утверждали, что первой это слово произнесла Мария Федоровна – внесла свой вклад в обогащение лексики языка, который так и не стал для нее своим); как вывел им навстречу Николай Павлович верные престолу полки и чем все это закончилось, рассказывать не буду. Об этом написано, наверное, больше, чем о чем бы то ни было в отечественной истории. Посмотрим, какую роль сыграла в этих событиях наша героиня.)

Мария Федоровна в очередной раз добилась своего. Это была самая большая ее победа: Николай, ее Николай – на троне! Ну а то, что на Сенатской площади погибло более тысячи подданных ее сына, что пятерых повесили, сотни сослали на каторгу, тысячи – на Кавказ, под пули горцев… Что ж, победы редко бывают бескровными. Она, разумеется, сожалела о жертвах: «Государь был вынужден приказать сделать несколько пушечных залпов… Я думала, что умру при мысли о жертвах, которые должны были пасть…» Впрочем, не умерла. Благополучно прожила еще три года, окруженная любовью и заботой членов дружной семьи Николая Павловича. В отличие от других немецких принцесс, заброшенных судьбой в холодную Россию и с трудом привыкавших к нашей погоде, а то и становившихся ее жертвами, Мария Федоровна к петербургскому климату приноровилась легко. Может быть, потому, что прислушалась к совету Ивана Ивановича Бецкого и каждое утро выливала на себя ведро холодной воды. Екатерина, как он ее ни умолял, на такое испытание не решалась. Мария Федоровна перестала обливаться за год до смерти. Объяснила: «Не годится выпрашивать у Бога лишние дни»…

«Гений чистой красоты»

После смерти «чугунной императрицы» полноправной хозяйкой Зимнего дворца стала Александра Федоровна. Подчеркиваю: хозяйкой Зимнего дворца, но не России. Даже Екатерина Великая не называла себя хозяйкой России, хотя на самом деле была ею. Лишь одна из немецких принцесс, о которой речь впереди, посмеет провозгласить себя хозяйкой земли русской. У Александры Федоровны таких амбиций никогда не было. Власти она не жаждала вовсе – может быть, только власти над мужем. Но не как над императором, а как над мужчиной, как над отцом своих детей. И пока эта власть (абсолютная!) у нее была.

Смерть свекрови дала свободу, которой ей недоставало все 11 лет, прожитых рядом с Марией Федоровной. Впрочем, жесткое соблюдение правил придворного этикета, которого неотступно требовала свекровь, тяготило только поначалу. Потом сделалось привычным. Так что смерть императрицы-матери была для Александры скорее потерей, чем освобождением. Она понимала, что своей безоблачной жизнью во многом обязана свекрови. Видела: стоило той кого-нибудь невзлюбить – и жизнь попавшего в немилость превращалась в ад. Ей же повезло невероятно: Мария Федоровна ее полюбила. Правда, трудно сказать, полюбила как

личность, или – как дело своих рук, которое, разумеется, не может быть никаким иным, кроме как безупречным. Ведь старшим ее сыновьям жен выбирала Екатерина, так что для Марии Федоровны они заведомо были неприемлемы. А эту, самую высокородную, выбрала она сама. А она не ошибается!

Вот как вспоминала Александра Федоровна свою встречу со свекровью: «Я много плакала при мысли, что мне придется встретиться с вдовствующей государыней, рассказы о которой меня напугали». При европейских дворах репутация у Марии Федоровны была вполне определенная, так что молодой принцессе было чего опасаться. Но все кончилось как нельзя лучше: «…Я очутилась в объятиях моей будущей свекрови, которая отнеслась ко мне так нежно и ласково, что сразу завоевала мое сердце».

Мне ее описывали как особу весьма требовательную по отношению к дочерям, которые и пошевелиться в ее присутствии будто бы не смели, но ко мне императрица Мария Федоровна относилась иначе, по-видимому, мой характер понравился ей. Я держала себя вполне естественно, была весела, откровенна, жива и резва, как подобает молодой девушке, тогда как великие княжны держали себя чопорно в ее присутствии и даже в обществе. Все в них было строго соразмерено, их манера держать себя в обществе, разговаривать, кланяться, и это, я полагаю, было гораздо совершеннее моих тогдашних манер.

Надо полагать, юная принцесса путает причину и следствие. Дело в том, что русские царевны вовсе не были по натуре ни чопорны, ни скучны (их дальнейшая жизнь – самостоятельная, не под крылом у родительницы – это безусловно подтверждает). Просто их с детства воспитывала (муштровала) матушка, и они научились вести себя так, как она того требовала. Прекрасно знали: противоречить ей не стоит – дорого обойдется. У Александры была совсем другая мать – полная противоположность свекрови. Королева Луиза умерла, когда дочери было всего 11 лет. Возможно, Мария Федоровна хотела заменить покойную. Возможно, у нее это получилось. Во всяком случае, Александра будет называть ее не иначе, как maman.

Maman очень забавлялась, глядя, как я похищаю вишни, чего не простила бы прежде своим дочерям, но меня она баловала снисходительностью. Старушка Ливен даже заметила мне как-то: «Вы – любимица вдовствующей государыни!» (поскольку графиня Шарлотта Карловна Ливен была воспитательницей русских великих княжон, в правдивости ее слов можно не сомневаться. – И. С.). Вообще замечали, что императрица никогда прежде не была столь ласкова и снисходительна к своим дочерям, как теперь ко

мне. Однако не следует думать, что она мне от времени до времени не делала выговоров, а иногда не давала мне советов, которые для меня оказывались чрезвычайно полезны.

Начиная свои воспоминания, которые я только что цитировала, Александра Федоровна написала: «Я не говорю о моих впечатлениях, о грусти, испытанной мною, когда я покинула пределы моего первого отечества: это входит в область моего частного дневника, а настоящее должно представить собою нечто вроде мемуаров».

«Нечто вроде мемуаров», в отличие от частного дневника, предназначено не только для себя – свекровь наверняка окажется среди тех, кто прочитает воспоминания невестки. И невестка, когда пишет, об этом не забывает. Что ж… Очень разумно. К комплиментам Мария Федоровна не останется равнодушна.

И все же Александра не может удержаться от пусть и завуалированных, но достаточно серьезных упреков в адрес свекрови. Ей ли, приехавшей когда-то в чужую страну, упорно сопротивлявшейся принятию новой веры, не понимать, что испытывает ее юная невестка. Но она торопится. На знакомство с догматами православной церкви, на зазубривание Символа веры по-русски (как иначе можно назвать заучивание молитвы на совершенно незнакомом языке!) она отводит будущей невестке всего 6 дней. Да, она целовала очаровательную принцессу. Да, прощала ей шалости, каких не прощала дочерям. Да, дарила подарки. Но была совершенно равнодушна к главному: к душевным переживаниям юного человека, делающего один из важнейших шагов в своей жизни. Александра Федоровна вспоминала: «…Я была одета вся в белом, с маленьким крестом на шее, я имела вид жертвы. Такое впечатление произвела я на всю нашу прусскую свиту, которая с состраданием и со слезами на глазах взирала на участие бедной принцессы Шарлотты в церковном обряде, естественно, странном в глазах протестантов». Ни слова прямого упрека.

Но и через 24 года Александра Федоровна не забыла о том, что ей пришлось когда-то пережить. Когда в Россию приедет невеста ее старшего сына, она сделает все, чтобы облегчить юной Дармштадтской принцессе Максимилиане Вильгельмине Августе Софии Марии переход в новую веру. Вот что она сама писала об этом:

Конфирмация моей невестки, цесаревны, совершалась при совершенно иных условиях: она нашла здесь прекрасного священника, который объяснил ей слово за словом все догматы и обряды нашей церкви, к которым она к тому же успела привыкнуть в двухмесячное пребывание в России.

Заметим, Александра Федоровна не пишет, что именно она нашла для невестки прекрасного священника; именно она потребовала не спешить с конфирмацией, дать девушке привыкнуть к новой жизни. Марию Федоровну в свое время такие «мелочи» не заботили. Так что все, кто утверждает, что Александра была чуть ли не копией свекрови, глубоко заблуждаются. По внешним признакам – да. По сути – они антиподы. Добавлю, что, скорее всего, благодаря тому, что Александра Федоровна так деликатно подготовила невестку к переходу в новую веру, будущая императрица Мария Александровна стала человеком искренне и глубоко верующим и всю жизнь делала очень много для русской православной церкви.

Но вернусь к событиям, с которых начиналась жизнь принцессы Шарлотты в Петербурге.

Приближалось 1 июля – день нашей свадьбы. Мой жених становился все нежнее и с нетерпением ожидал дня, когда назовет меня своей женой и поселится в Аничковом дворце. Накануне 1 июля, который был к тому же и днем моего рождения, я получила прелестные подарки, жемчуг, бриллианты; меня все это занимало, так как я не носила ни одного бриллианта в Берлине, где отец воспитал нас с редкой простотой… Мне надели на голову корону и, кроме того, бесчисленное множество крупных коронных украшений, под тяжестью которых я была еле жива. Посреди всех этих уборов приколола к поясу одну белую розу.

Как тут не вспомнить: однажды Елизавета Алексеевна тоже приколола к поясу живой цветок. Свекровь сорвала его и бросила на землю. На свадьбе Николая и Александры Мария Федоровна умилялась…

Для Александры начиналась новая жизнь: «Я почувствовала себя очень, очень счастливой, когда руки наши наконец соединились; с полным доверием отдавала я свою жизнь в руки моего Николая, и он никогда не обманул этой надежды!»

У немецкого художника Франца Крюгера, который долго работал при русском дворе, есть чудная акварель: двое всадников, стройный молодой мужчина, устремивший влюбленный взгляд на изящную юную женщину в маленькой шляпке, напоминающей нимб. Это Николай и Александра вскоре после свадьбы – образ незамутненного счастья. Крюгер будет писать царственную чету много раз. Его портрет Николая (уже императора), красавца с парализующим зрителя взглядом светлых, прозрачных, морозно холодных глаз, станет эталонным. А вот портрет Александры Федоровны, сделанный незадолго до смерти Николая, свидетельствует: время оказалось к ней беспощадно. Нежная девичья красота ушла, зато как ярко проявился характер: ум,

воля, терпение, смирение… Не раз рисовал Крюгер и царских детей, чаще всего – старшего. Этого необычайно красивого мальчика окружала такая забота и любовь, какой до него не знал ни один наследник престола. Он станет первым российским императором, который взойдет на трон без каких бы то ни было проблем – абсолютно спокойно и законно.

О появлении на свет этого желанного ребенка вспоминала его мать:

…Я должна была прекратить верховые поездки, так как однажды за обедней, когда я старалась выстоять всю службу не присаживаясь, я упала тут же на месте без чувств. Николай унес меня на руках… Этот случай, в первую минуту напугавший присутствующих, был предвестником моей беременности, которой я сама едва верила; это известие обрадовало всех! Говорят, будто на том месте, где я упала, нашли обсыпавшиеся лепестки роз, вероятно, из моего букета, и это нашим дамам показалось очень поэтичным. Начались приготовления к поездке в Москву, где двор должен был поселиться на зиму. Делалось это с целью поднять дух древней столицы, истребленной в 1812 году от пожара… По предписанию докторов пробыли мы в дороге из-за меня двенадцать дней Порядочно-таки долго! Впоследствии я слышала, будто императрица Екатерина, будучи великой княгиней, на этот путь по той же причине употребила шесть недель. Я страдала тошнотами, но… длинное это путешествие совершила весьма приятно, так как ехала с мужем, и мы немало ребячились. По приезде, проснувшись поутру, я подошла к окну, и когда увидела великолепное зрелище, открывающееся на Москву, которая расстилалась, словно панорама, у моих ног, то сердце мое забилось: я поняла Россию и стала гордиться тем, что принадлежу ей!.

Ее слова о рождающейся любви к России заставляют меня отвлечься от рассказа о появлении наследника и вспомнить человека, который сделал неоценимо много для того, чтобы эту любовь укрепить, сделать ее глубокой и не созерцательной, а действенной. Как раз в то время, когда она ждала ребенка, великая княгиня близко узнала Василия Андреевича Жуковского, с которым познакомила ее свекровь и попросила его учить невестку русскому языку. Александра Федоровна вспоминала:

… Человек он был слишком поэтичный, чтобы оказаться хорошим учителем. Вместо того чтобы корпеть над изучением грамматики, какое-нибудь отдельное слово рождало идею, идея заставляла искать поэму, а поэма служила предметом для беседы; таким образом проходили уроки. Поэтому русский язык я постигала плохо, и, несмотря на мое страстное желание изучить его, он оказывался настолько трудным, что я в продолжение

многих лет не имела духу произносить на нем цельных фраз.

Едва ли в этом можно упрекать только учителя. Ученица тоже не проявляла особого рвения к грамматике. А беседы, равно увлекательные для обоих, можно было вести и на немецком, которым оба владели в совершенстве.

Да и вообще учителем он был в самую последнюю очередь. В первую он стал другом, которому можно довериться во всем. Ей необычайно повезло: у монархов редко бывают друзья, да еще такие бескорыстные, как Жуковский. Он был одним из самых чистых, самых благородных людей своего времени. Недаром современники говорили, что характер Жуковского – национальное достояние России.

А на уроках он руководствовался горациевым правилом: сочетать приятное с полезным. Он рассказывал своей ученице о России с такой любовью, что она, если бы даже эта любовь еще не пробудилась в ее душе, не могла бы сохранить равнодушие. Она не оставалась в долгу: с такой же страстной любовью говорила о Германии. Возможно, эти ее восторженные рассказы сыграли через много лет не последнюю роль в его решении поселиться в этой стране.

Она прекрасно знала и любила немецкую поэзию. У нас время от времени выходят поэтические сборники: на одной странице – текст на языке автора, на другой – русский перевод. Придумали такие сборники Жуковский и его августейшая ученица, выпускали всего несколько экземпляров. На обложке писали не имя автора, не название, а всего два слова: «Для немногих». Она предлагала любимое стихотворение кого-то из немецких поэтов, он переводил. Так, по желанию ученицы, он перевел – открыл для русского читателя – неизвестных до той поры Шиллера, Гете, Уланда, Гебеля. Даже в те давние времена далеко не все, с восторгом читавшие блистательные переводы Жуковского, знали, кто вдохновлял его на эти труды. А уж сейчас об этом вообще едва ли кто помнит.

По свидетельству Карамзина, поэт был совершенно очарован нежной душой своей ученицы. Похоже, это была, как говорят французы, amitie-amoureuse – дружба-влюбленность – бескорыстная, бестелесная, ни на что не претендующая. Он пишет в дневнике: «Она – моя религия! Нет большей радости, чем с чистотой внимать красоте чистой души!» (в подлиннике это написано по-французски). Каждая встреча с царственной ученицей вызывала у Жуковского новый прилив «чистого восхищения красотой этой чистой души». Однажды он был растроган особенно: отдавая великой княгине молитву во время вечерни, он «вдруг увидел в ее руках другого рода молитвенник:

письма ее матери! Какая прелестная, трогательная мысль обратить в молитву, в очищение души, в покаяние – воспоминание о матери!… Вот настоящая, чистая набожность!»

Память о матери была для Александры Федоровны священна. Ее матушка, королева Луиза Прусская, была одной из самых ярких, умных, красивых женщин своего времени. Для маленькой Шарлотты – просто мамой, самой любимой на свете. Она не могла забыть нежности ее рук, мягкого света глаз, запаха волос. Как будто мама никогда не покидала ее. Особенно часто вспоминала, как они вдвоем въезжали в освобожденный от французов Берлин. Народ ликовал, приветствуя свою королеву. А она наклонилась к маленькой дочери и тихо сказала: «Запомни, Лотхен, главное, что должен правитель, это быть с людьми человеком». Шарлотта никому не рассказывала об этом неизгладимом впечатлении детства…

Вернусь к мемуарам Александры Федоровны:

…Надежда сделаться матерью всецело переполняла мое сердце. Эта минута наконец наступила! На Святой неделе, когда колокола своим перезвоном славословили праздник Воскресения, в среду, 17 апреля 1818 года, в чудный весенний день… в одиннадцать часов я услышала крик моего первого ребенка! Никс (великий князь Николай Павлович) целовал меня и плакал, и мы поблагодарили Бога вместе, не зная даже еще, послал ли Он нам сына или дочь, но тут подошла к нам тапап и сказала: «Это сын». Мы почувствовали себя еще более счастливыми при этом известии, но помнится мне, что я ощутила нечто важное и грустное при мысли, что этому маленькому существу предстоит некогда сделаться императором.

Объявить народу о появлении на свет наследника было поручено Жуковскому. И вдруг она услышала: «Будь на троне человек!» Так (матушкиными словами!) Жуковский напутствовал ее новорожденного сына. Это ее потрясло. Ее доверие к учителю стало с тех пор непоколебимым. Может быть, именно тогда она решила, что воспитателем ее сына станет Жуковский. Только Жуковский!

Они будут воспитывать будущего царя-освободителя вместе. Жуковский называл себя всего лишь проводником благородной души императрицы и ее возвышенных чувств. Но до этого еще далеко. Да и вообще это тема особого, достаточно подробного рассказа, не укладывающегося в формат этой книги. А пока мальчик получил имя Александр. В честь своего венценосного дядюшки.

Очевидно: к ее сыну перешло не только имя обожаемого ею еще с детства императора, перейдет когда-нибудь и его трон.

Странно, но это ее вовсе не радует. Тревога за будущее сына не покинет ее до конца дней. У нее было вещее сердце…

«Саша горько плакал перед троном, на котором он когда-то будет коронован. Я молила Бога, чтобы он не допустил меня дожить до этого дня». Это – из письма Александры Федоровны Василию Андреевичу Жуковскому. Она еще не императрица, Саша еще совсем мал. До его коронации она доживет, но дожить до его убийства Бог не допустит.

В день 16-летия ее сына, 17 апреля 1834 года, на Урале открыли невиданный драгоценный камень. В честь наследника престола его назвали александритом. У камня было странное свойство: менять цвет от нежно-голубого до кровавого. Никто не увидел в этом предзнаменования. Она – почувствовала. Поделилась только с Жуковским. Мужа берегла: после восстания декабристов он сам одержим страхами, о которых мало кто знает и которые может рассеять только она.

На исходе второй беременности великая княгиня испытала неожиданное потрясение. Император, отобедав в доме младшего брата, вдруг посерьезнев, сказал, что он смотрит на Николая как на своего наследника и что случится это еще при его жизни, так как он намерен отказаться от трона и закончить жизнь как частное лицо, а Константин на престол не претендует.

«Мы сидели словно окаменелые, широко раскрыв глаза, и не были в состоянии произнести ни слова, – вспоминала уже ставшая императрицей Александра Федоровна, – видя, что мы готовы разрыдаться, он постарался утешить нас и в успокоение сказал нам, что это случится не тотчас и, пожалуй, пройдет еще несколько лет прежде, нежели будет приведен в исполнение этот план; затем он оставил нас одних. Можно себе представить, в каком мы были состоянии. Никогда ничего подобного не приходило мне в голову, даже во сне. Нас точно громом поразило; будущее показалось нам мрачным и недоступным для счастья».

Смею предположить, что Александра Федоровна лукавила. Во-первых, известно, что вдовствующая императрица намекала на эту возможность ее батюшке, когда сватала Шарлотту за своего сына. Он, человек строгих правил, мог, правда, о заманчивых перспективах дочери не сказать. Во-вторых, именно к этому времени разрешенный наконец матушкой морганатический брак сделал Константина Павловича весьма маловероятным претендентом на престол. И наконец, годовалый Александр Николаевич почти наверняка – наследник. Он – единственный сын в семье, носящей фамилию Романовы. У Александра и Константина были незаконные дочери, у младшего, Михаила, в тот момент детей не было вообще.

Единственное, что действительно было неожиданно для великокняжеского семейства, это заявление Александра, что он хочет при жизни оставить престол. До этого казалось: хотя старший брат и старше Николая на 19 лет, он все еще молод, полон сил, так что ждать наследства (пугающего или желанного?) скорее всего придется непредсказуемо долго.

Как известно, об отречении Константина и утверждении нового наследника публично объявлено не было (о мотивах такой скрытности я уже писала в главе «От „воска“ до „чугуна“»). Последствия «маленькой хитрости» вдовствующей императрицы тоже известны. Но если о жертвах расправы с участниками и ни в чем не повинными свидетелями восстания 14 декабря 1825 года (я имею в виду зевак, числом около тысячи, погибших на Сенатской площади) Мария Федоровна особенно не переживала, то невестка до конца дней оставалась ей живым укором. Если, конечно, хотя бы самой себе она имела мужество признаться, как огромна ее вина в том, что произошло в роковом декабре.

В тот день из окна Зимнего дворца Александра смотрела на Сенатскую площадь, где были бунтовщики, а против них – ее муж, ее государь, отец ее детей. Рядом все время был ее мальчик, семилетний Сашенька. Она вспоминала:

Мы видели вдалеке все эти передвижения, знали, что там стрельба, что драгоценнейшая жизнь в опасности. Мы были как бы в агонии. У меня не хватало сил владеть собой: Бог дал мне их. Я воззвала к Нему. Мне все приходили на ум слова: «Услышь меня, Господи, в моей величайшей нужде!»

Она знала: ее может ждать судьба Марии-Антуанетты. Что ж, она готова. Но как защитить сына?!

«Когда 14 декабря я обняла Николая на маленькой лестнице, я почувствовала, что он вернулся ко мне совсем Другим человеком». Но и она стала другой: нервный тик с тех пор будет искажать черты ее прелестного лица. Он никогда не простит этого декабристам. Она – простит. И будет горько рыдать в день казни. И никогда не осудит Жуковского за все его попытки помочь ссыльным. И сама будет просить за них государя. Но он будет неумолим…

Я плачу о том, – писала она, – что он уже не прежний Николай. Однако прочь эти мысли. Однажды я сказала ему: «Теперь я на втором плане в твоем сердце, так как первое место в нем занимает Россия». Он ответил: «О нет, ты ошибаешься, ибо ты и я одно целое, таким образом, ничто не может измениться».

И в самом деле, что бы ни происходило вокруг или даже в их интимной жизни, он неизменно будет с ней заботлив и нежен.

Фрейлина Мария Петровна Фредерикс писала о Николае

Павловиче:

Известно, что он имел любовные связи на стороне – какой мужчина их не имеет, во-первых, а во-вторых, при царствующих особах нередко возникает интрига для удаления законной супруги; посредством докторов стараются внушить мужу, что его жена слаба, больна, надо ее беречь… и под этим предлогом приближают женщин, через которых постороннее влияние могло бы действовать. Но император Николай I не поддался интриге и, несмотря ни на что, оставался верен нравственному влиянию своей ангельской супруги, с которой находился в самых нежных отношениях.

Любопытные воспоминания на этот счет оставила Анна Федоровна Тютчева, которая близко наблюдала отношения Николая и Александры в последние годы его жизни. Дочь одного из замечательнейших русских поэтов и выдающегося дипломата Федора Ивановича Тютчева в 1853 году была назначена фрейлиной цесаревны Марии Александровны, супруги наследника престола, Александра Николаевича, будущего царя-освободителя. Поскольку отношение императорской четы к невестке было самое теплое, Николай и Александра часто бывали в ее апартаментах – и Тютчева могла их наблюдать в неофициальной обстановке. Анна Федоровна была, несомненно, умна, а потому считается свидетельницей объективной. Позволю себе пространную цитату из ее книги воспоминаний «При дворе двух императоров», чтобы потом тщательно и непредвзято разобраться в ее оценках.

Император Николай питал к своей жене, этому хрупкому, безответственному и изящному созданию, страстное и деспотическое обожание сильной натуры к существу слабому, единственным властителем и законодателем которого он себя чувствует. Для него это была прелестная птичка, которую он держал взаперти в золотой и украшенной драгоценными каменьями клетке, которую он кормил нектаром и амброзией, убаюкивал мелодиями и ароматами, но крылья которой он без сожаления обрезал бы, если бы она захотела вырваться из золоченых решеток своей клетки. Но в своей волшебной темнице птичка не вспоминала даже о своих крылышках.

Для императрицы фантастический мир, которым окружило ее поклонение всемогущего супруга, мир великолепных дворцов, роскошных садов, веселых вилл, мир зрелищ и феерических балов заполнял весь горизонт, и она не подозревала, что за этим горизонтом, за фантасмагорией бриллиантов и жемчугов, драгоценностей, цветов, шелка, кружев и блестящих безделушек существует реальный мир, существует нищая, невежественная,

наполовину варварская Россия, которая требовала бы от своей государыни сердца, активности и суровой энергии сестры милосердия, готовой прийти на помощь ее многочисленным нуждам. Александра Федоровна была добра, у нее всегда была улыбка и доброе слово для тех, кто к ней подходил, но эта улыбка и это доброе слово никогда не выходили за пределы небольшого круга тех, кого судьба к ней приблизила, Александра Федоровна не имела ни для кого ни сурового взгляда, ни недоброжелательного жеста, ни сурового осуждения. Когда она слышала о несчастии, она охотно отдавала свое золото, если только что-нибудь оставалось у ее секретаря после расплаты по громадным счетам модных магазинов, но она принадлежала к числу тех принцесс, которые способны были бы наивно спросить, почему народ не ест пирожных, если у него нет хлеба… Культ, которым император Николай, а по его примеру и вся царская семья, окружили ее, создал вокруг нее настоящий престиж. Кроткая и скромная по натуре, она все-таки была императрицей, и казалось законным окружать ее преданностью, почестями и вниманием, которые император первым спешил ей оказывать.

Характеристика на первый взгляд исчерпывающая. Но это касается лишь отношения Николая к Александре. А она? Ее Тютчева рассматривает как некий препарат на предметном стекле микроскопа. Ни слова о том, что это хрупкое существо само испытывало какие-то чувства. А ведь испытывала. И этим чувством, чувством всепоглощающим, была любовь. Просто любовь женщины к своему мужчине. А уже потом – восхищение им как императором. Так что вполне естественно, что «птичка не вспоминала даже о своих крылышках». Она и не помышляла вырваться из «своей клетки». То, что мемуаристке кажется клеткой, для нее, женщины, повторяю, беззаветно любящей, было ее домом, гнездом, построенным для нее любящим и любимым мужчиной.

А недоуменный вопрос, почему народ не ест пирожных, когда у него нет хлеба, вообще-то приписывали Марии-Антуанетте. Но даже в устах королевы эти слова звучат не слишком правдоподобно – очень похоже на вымысел революционеров, пытавшихся оправдать ее казнь. А уж Александра Федоровна… Она, наверное, не была гигантом мысли. Но не была и столь глупа и цинична, чтобы можно было предположить, будто подобный вопрос придет ей в голову.

Что же касается оторванности императрицы от реального мира, да, это замечание не лишено справедливости. Но требовать от русской царицы, к тому же супруги Николая Павловича, некоего «хождения в народ» нелепо. Реалии времени и

социальное положение «обвиняемой» подобного просто не допускают. Кстати, самой Анне Федоровне социальный статус не мешал отправиться в народ, но ведь оставалась при дворе, пока не вышла замуж. По ассоциации мне вспоминаются претензии князя Вяземского к Жуковскому: мол, слишком уж близок Василий Андреевич к царскому семейству; мол, человеку прогрессивному так вести себя негоже. А между тем Жуковский задолго до манифеста об освобождении крестьян дал свободу своим крепостным. Князь Вяземский, человек передовой, сделать этого и не подумал. Анна Федоровна Тютчева тоже была человеком весьма передовым.

Александре Федоровне вообще удивительно везло на поверхностные оценки. Не то чтобы откровенно недоброжелательные, но именно поверхностные. Может быть, причина в ней самой. Она поразительно владела собой. Всегда – обворожительная улыбка, взгляд беззаботный и счастливый. Кто посмеет усомниться!

Я проводила утро у себя или в прогулках, остальную часть дня просиживала в палатке моего мужа (на маневрах в военном лагере в Красном Селе. – И. С.)… по моим вкусам я любила простоту и была домоседкою. Но когда нужно было выезжать в свет, то я предпочитала уж скорее веселиться, нежели скучать, и находила бал веселее вечернего собрания с придворными людьми, натянутыми и церемонными. Зато многие любезно отзывались обо мне, будто вся моя жизнь прошла в танцах, хотя я предпочитала хороший летний вечер всем балам в мире, а задушевную беседу осенью, у камелька, – всем зимним нарядам.

Но иногда ей очень хотелось пошалить. В дневнике графини Дарьи Федоровны Фикельмон, внучки Кутузова, жены австрийского посланника в Петербурге графа Карла Людвига Фикельмона, с которой Александра Федоровна дружила, есть воспоминания о том, как однажды она вдвоем с императрицей на наемных санях отправилась инкогнито на маскарад:

Царица смеялась как ребенок, а мне было страшно; я боялась всяких инцидентов. Когда мы очутились в толпе, стало еще хуже – ее толкали локтями и давили не с большим уважением, чем всякую другую маску. Все это было ново для императрицы и ее забавляло. Мы атаковали многих. Мейендорф, модный красавец, который всячески добивался внимания императрицы, совсем не узнал ее и обошелся с нами очень скверно. Лобанов тотчас узнал нас обеих, но Горчаков, который провел с нами целый час и усадил нас в сани, не подозревал, кто мы такие. Меня очень забавляла крайняя растерянность начальника полиции Кокошкина – этот бедный человек очень быстро узнал императрицу и дрожал, как бы с ней

чего не случилось. Наконец в три часа утра я отвезла ее целой и невредимой во дворец…

К этому времени свекровь уже скончалась, и можно позволить себе отступить от надоевшего этикета. Отступить, правда, совершенно невинно. А потом – уехать в Петергоф, насладиться тишиной и безмятежным покоем любимого парка. Она признавалась:

После развлечений светской жизни я любила углубляться в самое себя, и в такие минуты природа оказывалась для меня столь же необходимой, как хорошая проповедь, и более всех проповедей в мире вещала мне о Боге и о чудных благодеяниях, оказываемых им своим созданиям!

Когда придворные дамы жаловались Московскому митрополиту Филарету, что Александра Федоровна танцует, вместо того чтобы думать о спасении души, он отвечал: «Я думаю, она, танцуя, попадет в рай, в то время как вы еще будете стучаться в дверь». Он был одним из немногих, кто знал ее душу.

Только ленивый не упрекнул ее в излишней расточительности. Она, в отличие от Елизаветы Алексеевны, не отказывалась от полагающихся ей средств. Многим казалось, что огромные суммы она, что называется «пускает по ветру». Но после смерти Александры Федоровны, когда знакомились с ее личными бумагами, выяснилось, что ежегодно две трети своих личных денег она тратила на пенсии и пособия немощным, одиноким, пострадавшим от стихийных бедствий, а в конце жизни – инвалидам Крымской войны. Причем неизменно оговаривала: щедрое пособие раздавать немедленно и лично каждой семье, «не говоря, от кого оно прислано».

Она благотворила с утонченной деликатностью, как человек истинно православный. Ведь в Писании сказано: «…Не творите милостыни вашей перед людьми с тем, чтобы они видели вас… не труби перед собою…». Принято считать, что Александра в делах благотворительности – не более чем преемница своей несравненной свекрови. Еще одно поверхностное суждение. Спору нет, Мария Федоровна благотворительствовала, но делала это публично, «трубила перед собой».

Любопытная подробность: Мария Федоровна ввела обычай дарить нуждающимся драгоценности «с себя». Представьте, ее императорское величество снимает с груди брошь и прикалывает ее на грудь бедной женщине. Восторг и благодарность не знают границ! Правда, отправляясь туда, где она собиралась встречаться с теми, кому предстоит быть облагодетельствованными, Мария Федоровна всегда надевала самые дешевые украшения… Невестка не подозревала об этой уловке свекрови. Увидев однажды, как

вдовствующая императрица снимает с руки браслет и дарит его бедной женщине, восхищенная Александра Федоровна последовала ее примеру. Только она снимала с себя и дарила обездоленным настоящие драгоценности. За что не раз получала выговоры: к чему такая расточительность?! Но все-таки большая часть благодеяний супруги Николая Павловича была тайной. Так что, по глубинной сути, она – наследница Елизаветы Алексеевны, которая тоже всегда творила милости втайне.

Отношения Елизаветы и Александры были непростыми. Начиналось с искренней взаимной симпатии. Вот как Александра Федоровна описывала их первую встречу:

Мой экипаж остановился у собственного садика ее величества вдовствующей государыни, которая прижала меня к своему сердцу. Император Александр поцеловал меня; я узнала тетушку Антуанетту Вюртембергскую и ее дочь Марию; тут вдруг ласковый голос произнес, обращаясь ко мне: А для меня вы не имеете и взгляда! И вот я бросилась в объятия к императрице Елизавете, которая тронула меня своим радушным приветствием, без всяких показных излишних чувств.

Из этих слов определенно ясно, что выражение чувств кем-то другим показалось принцессе Шарлотте показным и излишним. Кем – очевидно.

Она была непосредственна и доверчива. Сердечность, с которой встретили ее при русском дворе, не оставила места для опасений, с которыми она ехала в Петербург. Тем не менее молодая великая княгиня признавалась: «Вечера эти (у Марии Федоровны. – И. С.) ужасно мне наскучили, и я с трудом могла скрывать свою скуку»; «На обедах у вдовствующей государыни можно было умереть с тоски… иногда так хотелось быть независимой, то есть иметь свой собственный угол». Трудно поверить: будущая повелительница огромной империи мечтает иметь собственный угол… Естественно, эту мечту следует трактовать шире, чем просто желание иметь возможность закрыть за собой дверь и знать, что никто к тебе не войдет без спроса. Думаю, когда она писала про собственный угол, имела в виду право распоряжаться своим временем и поступать, как ей хочется, а не как желает свекровь. В Царском Селе, в гостях у Елизаветы, она чувствовала себя свободной. Никто не диктовал, что надеть, как сидеть, с кем и о чем говорить. Вдовствующая императрица была обеспокоена: Елизавета способна оказать неподобающее влияние на жену Николаши. Это – «не годится».

Александра Федоровна записала в дневнике:

Когда вернулись, Мария Федоровна встретила нас с Николаем сурово: «Следовало предварительно спросить позволения, прежде

чем сделать визит императрице Елизавете». Признаюсь, это мне показалось даже странным!

Мягко сказано – «странным». Можно представить, как бы отреагировала на подобное замечание Елизавета! Александра извлекла из этой истории урок, который на годы вперед определил ее поведение с вдовствующей и царствующей императрицами. Подчеркиваю: поведение, но не отношение. Мне кажется, истинное отношение к той и Другой, да и вообще свои истинные чувства, она научилась блестяще скрывать.

При дворе считали, что юная прусская принцесса, почувствовав неприязнь между своими новыми родственницами, расчетливо взяла сторону свекрови. Внешне это именно так и выглядело. Поэтому можно было бы обрушить на Александру множество обвинений: вместо того чтобы стать другом императрицы, которая с первого дня относилась к ней как к сестре; вместо того чтобы скрасить одиночество этой женщины, сколь прекрасной, столь и несчастной, она по собственной воле примкнула к лагерю ее противников – к лагерю сильных. Но не стоит торопиться осуждать Александру Федоровну. Да, она не Елизавета. Та готова была отстаивать свою независимость, могла пойти на конфликт с могущественной свекровью, потому что была одинока, защищала или подвергала опасности только себя. Александра с детства привыкла сообразовываться с привычками и желаниями других (если относиться к ней неприязненно, можно назвать это умением приспосабливаться). Так была воспитана. Такое поведение диктовала атмосфера прусского двора, при котором она выросла. Но важнее было другое: у нее была семья, обожаемая семья. И она защищала покой своих близких. Прекрасно понимала: стоит попасть в немилость к свекрови, и та без колебаний разрушит этот хрупкий покой.

Недоброжелатели шептались: Александра завидует Елизавете. Едва ли. Разве только внутренней свободе. Да еще тому, что августейшей невестке поклонялся сам Пушкин. В семье об этом были прекрасно осведомлены. И наверняка поняли, к кому обращены строки, которые непосвященные до сих пор принимают за публичное признание в любви к Анне Петровне Керн. Поняли, потому что ключ к разгадке был даже не зашифрован: «гений чистой красоты». За четыре года до Пушкина так написал его учитель и друг Василий Андреевич Жуковский об Александре Федоровне. Пушкин повторил эти слова. Он, как никто умевший находить свои слова, – повторил. Будто назвал адрес – семью. Думаю, сделал это для того, чтобы она, Елизавета (если из его Михайловской ссылки дойдут до нее эти стихи), поняла: это – о ней. Так что между двумя немецкими

принцессами – двумя российскими императрицами – существует связь глубинная, вечная. Она сохранится, пока существует русский язык, пока люди, на нем говорящие, помнят, что такое великая русская поэзия.

Кое-кто упрекал Александру Федоровну, будто она сочувствовала Дантесу и вовсе не жалела Пушкина; будто ревновала его к своей покойной предшественнице, а своего мужа – к жене поэта. Доля правды, которая почти всегда содержится в самой гнусной клевете, состоит в том, что императрица хорошо относилась к Дантесу, не подозревая, разумеется, что он станет убийцей Пушкина. Просто Дантес был кавалергардом, а она – шефом полка. Прекрасно знала всех офицеров. Поводов сомневаться в преданности царскому семейству красавец-француз никогда не давал. А именно преданность была для нее главным критерием оценки окружающих.

Что же касается Пушкина… Вот что он писал в дневнике:

2 *часа. Представлялся. Ждали Царицу часа три. Нас было человек 20… Я по списку был последний. Царица подошла ко мне, смеясь: «Нет, это беспримерно. Я себе голову ломала, думая, какой Пушкин будет мне представлен. Оказывается, что это вы!…» …Я ужасно люблю Царицу, несмотря на то, что ей уже 35 лет и даже 36.*

Слова вполне доброжелательные, хотя и совершенно мальчишеские. Кстати, запись относится к 1833-1835 годам. Пушкин – почти ровесник Александры Федоровны (она старше всего на год).

Ей поэт посвятил и строфу в «Евгении Онегине» (правда, черновую):

И в зале яркой и богатой,
Когда умолкший, тесный круг,
Подобна лилии крылатой,
Колеблясь, входит Лалла Рук,
И над поникшею толпою
Сияет царственной главою,
И тихо вьется и скользит
Звезда – харита меж харит.

Помня свой берлинский триумф в образе Лаллы Рук, воспетой Жуковским, Александра Федоровна нередко появлялась на маскарадах в костюме принцессы из знаменитой поэмы Томаса Мура. Триумф этот случился в Берлине в 1821 году. После третьих родов великой княгини, закончившихся трагически (ребенок родился мертвым), Николай Павлович, желая хоть как-

то утешить жену, повез ее в Берлин, к отцу. Жуковский был приглашен сопровождать свою ученицу. Это была его первая поездка за границу. При прусском дворе его приняли с таким радушием, что было очевидно: родственники наслышаны, как много значит для их Лотхен ее учитель.

Жуковский сопровождал Александру Федоровну в Веймар, к великому Гете. Как складывались отношения двух поэтов – предмет особого рассказа, а вот о впечатлении, которое произвела на Веймарского затворника жена наследника российского престола, можно судить по отрывку из письма, адресованного ее учителю:

Я желал бы, чтобы вы сохранили память обо мне и при случае рекомендовали меня благоволению и милости прекрасной принцессы, прелестный образ которой у меня ежедневно перед глазами. Олицетворение высокого дарования в соединении с небесной красотой и кротостью, она производит на меня самое благотворное влияние.

Естественно, Жуковский не мог не показать письмо великой княгине. Отзыв гения был ему приятен ничуть не меньше, чем ей. В ответном письме он объяснил, в чем видит величие своей ученицы: «Это… не что иное, как природная чистота и невинная простота ребенка».

Вторым волнующим переживанием стал пышный праздник, устроенный королем Фридрихом в честь приезда дочери и зятя. В те времена в большой моде были «живые картины». Они-то и стали кульминацией праздника. Инсценировали поэму ирландца Томаса Мура «Лалла Рук». Главную мужскую роль играл мужественный красавец, русский великий князь Николай Павлович. Роль индийской принцессы Лаллы Рук – Александра Федоровна. Увешанная с головы до ног жемчужными ожерельями и золотыми браслетами, она, по общему мнению (а воспоминания о празднике оставили многие), была неотразима. Жуковский написал об этом стихотворение «Лалла Рук», полное восторга и преклонения.

…И блистая и пленяя –
Словно ангел неземной,-
Непорочность молодая
Появилась предо мной…
…Все – и робкая стыдливость
Под сиянием венца,
И младенческая живость,
И величие лица,
И в чертах глубокость чувства

С безмятежной тишиной, –
Все в ней было без искусства
Неописанной красой!
Я смотрел – а призрак мимо
(Увлекая душу вслед)
Пролетал невозвратимо;
Я за ним – его уж нет!…
Ах! Не с нами обитает
Гений чистой красоты:
Лишь порой он навещает
Нас с небесной высоты…
Он лишь в чистые мгновенья
Бытия бывает к нам,
И приносит откровенья,
Благотворныя сердцам…

Это лишь краткий отрывок из стихотворения, которое в свое время пользовалось огромным успехом у любителей русской поэзии. Им восторгались декабристы, его обожал Рылеев. Любопытно, что их, борцов против самодержавия, нисколько не отталкивал адресат стихотворения, не составлявший тайны.

Но вернусь к отношению Александры Федоровны к Пушкину. На следующий день после гибели поэта она пишет своей подруге, графине Бобринской: «Этот только что угасший Гений, трагический конец Гения истинно русского…». Тогда же ее супруг пишет сестре, герцогине Веймарской Марии Павловне: «Здесь нет ничего такого любопытного, о чем бы я мог тебе сообщить. Событием дня является трагическая смерть пресловутого Пушкина, убитого на дуэли…». Итак, для него – пресловутый Пушкин. Для нее – истинно русский Гений. Она, ученица Жуковского, поэзию чувствует и оценивает безошибочно. Правда, в том же письме добавляет: «Бедный Жорж, как он должен был страдать, узнав, что его противник испустил дух»…

А зависть… Уверена, это всего лишь миф, потому что завидовать можно только тому, чего страстно желаешь и не можешь получить. Смыслом жизни для Александры Федоровны была счастливая семья. Больше она ни о чем не мечтала. А Елизавета была лишена и супружеской любви, и счастья материнства. Чему же тут завидовать? Жалеть, сочувствовать – да, можно. Тем более что, если судить по трагически коротким месяцам, которые судьба подарила Елизавете, чтобы она почувствовала себя матерью… Елизавета в полной мере была наделена материнскими чувствами.

Вообще-то матери в семействе Романовых не всегда были безупречны. Екатерина Великая не испытывала нежности к единственному сыну. Мария Федоровна детей муштровала, как солдат. О ее отношении к дочерям я уже писала. Но даже для своего любимца Николая она сумела выбрать воспитателя, который способствовал развитию всего дурного, что было в мальчике, и старательно истреблял все хорошее.

Александра Федоровна была замечательной матерью. С ней было легко, ей можно было доверить любую тайну. На выдумки и озорные проделки была неутомима и, что самое поразительное, умела вовлечь в веселые игры сурового отца своих детей. Особенно все любили придуманную ею увлекательную игру, в которую играть можно было только в Петергофе. Императрица делила детей на две «армии», бросала жребий, у кого из «полководцев» начальником штаба будет сам государь. По его сигналу «армии» сквозь брызги неслись от Самсона вверх по каскаду. На верхней площадке, перед входом во дворец, их ждала матушка. Тем, кто добрался первыми, вручала призы. Родители веселились не меньше детей.

Всего она родила семерых. Потом ей будут ставить кто в вину, кто в заслугу (в зависимости от отношения к Марии Федоровне), что она подражала свекрови, рожая много детей, а то и пыталась превзойти ее. Что касается подражания, думаю, об этом и мысли не было. Просто она была человеком верующим: сколько детей Бог дал, столько и в радость. К тому же по душевному складу она была идеальной матерью семейства. Любовь к детям была для нее естественным продолжением любви к мужу. Предположение же, что она хотела превзойти свекровь, вообще не выдерживает критики. Она была женщиной хрупкой, болезненной, рожала и приходила в себя после родов очень тяжело. Куда уж ей было тягаться с корпулентной, одаренной отменным здоровьем Марией Федоровной!

«Довольно весело всегда иметь в доме маленького ребенка, но я хотела бы все-таки отдохнуть в течение нескольких лет», – писала она императору Александру I в ноябре 1825 года. Она снова была беременна. Ему оставалось жить всего несколько дней. Последний шаг отделял от трона ее Никса…

Отступление о новогодних елках и о любви к театру

Сегодня трудно себе представить, что когда-то в России даже не слышали о новогодних и рождественских елках. Правда, Петр Великий повелел в Новый год украшать дома и кабаки еловыми ветками, позаимствовав этот обычай в Германии.

Но ветки – всего лишь ветки, а настоящей елкой многие поколения наших соотечественников обязаны Александре Федоровне. Это она ввела обычай праздновать Рождество (а потом и Новый год) у нарядно украшенной елочки. До ее приезда в Россию и в первые годы ее жизни в Петербурге императорская семья обычно встречала Новый год в Эрмитажном театре. Вот как, по воспоминаниям бывшего камер-пажа Дарагана, начинался один из праздников: «Вечером 1 января 1819 года для ужина императорской фамилии в этом театральном зале разбивали стеклянную палатку, которой потолок и бока представляли разнообразные узоры из плотно связанных стекляшек. Сквозь эту стеклянную ткань она освещалась снаружи, а внутри от канделябр императорского стола. На сцене за палаткой играла роговая музыка обер-егермейстера Нарышкина. Эта невидимая и необыкновенная музыка, этот стеклянный шатер, который при освещении казался сотканным из бриллиантов и драгоценных камней, невольно переносили в волшебный сказочный мир».

Любопытно, что в первый день нового года доступ в Зимний дворец был открыт для всех. Входной билет мог получить каждый, независимо от чинов и званий, правда, при условии, что будет прилично одет. Желающих встретить праздник вместе с царским семейством всегда набиралось множество. Толпа с трудом раздвигалась, чтобы дать императорской фамилии возможность пройти по всем парадным залам под звуки полонеза. В первой паре шли Александр I и Мария Федоровна (ей необходимо было продемонстрировать публике, что она, а не царствующая императрица, – хозяйка в доме); за ними – великий князь Николай Павлович с императрицей Елизаветой Алексеевной, младший брат императора Михаил Павлович с Александрой Федоровной, потом все придворные попарно. Этот церемониальный проход открывал новогодний бал, который длился всю ночь.

С началом нового царствования в праздновании Рождества и Нового года появилось новшество: в сочельник, после всенощной службы в придворной церкви императрица Александра

Федоровна устраивала елку. Она всегда старалась придумать что-то новое, чтобы развеселить и порадовать близких. Вообще-то елка была предназначена для своих детей, но она всегда приглашала всю свиту. Разумеется, с детьми. Слухи о веселых праздниках вокруг елки, о подарках, хороводах, маскарадах быстро распространились по столице, а потом и по всей России. Праздничная елка пришлась по душе всем, и очень скоро без нее зимние торжества стали казаться немыслимыми – начинание Александры Федоровны превратилось в народную традицию.

О том, как проходили рождественские и новогодние праздники, которые устраивала Александра Федоровна, вспоминала фрейлина императрицы Мария Петровна Фредерикс: «…Имели каждый свой стол с елкой, убранной разными подарками… Нас всегда собирали сперва во внутренние покои ее величества. Там около закрытых дверей концертного зала или ротонды в Зимнем дворце, в которых обыкновенно происходила елка, боролись и толкались все дети между собой, царские включительно, кто первый попадет в заветный зал. Императрица уходила вперед, чтобы осмотреть еще раз все столы, а у нас так и бились сердца радостью и любопытством ожидания. Вдруг слышался звонок, двери растворялись и мы вбегали с шумом и гамом в освещенный тысячами свечей зал. Императрица сама подводила каждого к назначенному столу и давала подарки. Можно представить, сколько радости, удовольствия и благодарности изливалось в эту минуту… Елку со всеми подарками потом мне привозили домой и я долго потешалась и угощалась с нее, эти подарки состояли из разных вещей, соответственно летам. В детстве мы получали игрушки, в юношестве книги, платья, серебро; позже бриллианты и тому подобное. У меня до сих пор хранится письменный стол с одной из царских елок…».

Письменный стол – не самый оригинальный подарок, хотя определенно, намек на то, что не стоит пренебрегать образованием. Под Рождество 1843 года Александра Федоровна порадовала великую княжну Александру Николаевну весьма оригинальным подарком: привязала к елке, предназначенной для дочери, ее жениха. Сколько смеха, сколько шуток было в тот вечер…

Только радость оказалась недолгой. Вскоре после свадьбы Александра заболела туберкулезом. Она была уже беременна. Родители до последнего дня пытались спасти дочь. Им было доступно все, на что была способна медицина того времени. Но усилия врачей, забота близких, нежность мужа оказались бессильны: Александра умерла, родив мертвого ребенка. Это

было первое и самое страшное горе счастливой семьи.

В своем кабинете в Александровском дворце, где умерла дочь, Александра Федоровна устроила молельню в ее память, а дворец навсегда закрылся для балов и других увеселений. На одном из островков, каких немало в Царском Селе, поставили скульптуру: парящую на облаках женщину с младенцем. А еще построили деревянный домик, который задумала незадолго до болезни Александра Николаевна. В семье было принято делать друг другу приятные сюрпризы. Вот и она хотела преподнести такой сюрприз родителям к годовщине свадьбы. Не успела. Они сами выполнили задуманное ею. В доме повесили ее портрет. Под ним – слова, которые она часто повторяла: «Я знаю, что самое большое удовольствие папа состоит в том, чтобы делать удовольствие мама!». Александрина была права: она неплохо знала своего батюшку.

Именно ради того, чтобы доставить удовольствие жене, он, до той поры вполне равнодушный к сценическому искусству, начал часто посещать театры. Воспоминания об одном из первых таких посещений (это был концерт знаменитой итальянской примадонны Каталани) оставила Александра Осиповна Смирнова-Россет, тогда – институтка, в будущем – фрейлина двора, друг Пушкина и Жуковского: Три звонка, и вошла государыня Мария Федоровна со своей свитой. Она была декольте, на шее у нее всегда было три нитки крупного жемчуга, она ходила на высоких каблуках, переваливалась, и была очень крепко зашнурована. Два звонка, и в залу впорхнуло прелестное существо. Эта молодая дама была одета в голубое платье, и по бокам приколоты маленькими букетиками мелкие Roses pourpees (пурпурные розы), такие же розы украшали ее маленькую головку. Она не шла, а как будто плыла по паркету. За ней почти бежал высокий веселый молодой человек, который держал в руках соболью палантину и говорил: «Charlotte, Charlotte, vous prendrez». (Шарлотта, Шарлотта, вы простудитесь.) Она поцеловала руку императрице Марии Федоровне, которая ее нежно обняла. Мы все сказали: Какая прелесть! Кто это такая? Мы будем ее обожать. Дамы сказали: Это великая княгиня Александра Федоровна и великий князь Николай Павлович.

В этих воспоминаниях девочки-подростка интересна одна деталь: Николай всегда и на всех производил впечатление человека мрачного, холодного, застегнутого на все пуговицы; а здесь: «почти бежал… веселый». Рядом со своей Шарлоттой он преображался.

Зимой супруги бывали в театрах особенно часто. Каждое воскресенье слушали оперу в Эрмитажном театре. Тогда были в

моде оперы, сегодня забытые: «Водовоз», «Прекрасная мельничиха», «Швейцарское семейство». Особенно популярна была «Пепелина» (то же, что и наша Золушка). Дамы и барышни напевали песенку из этой оперы:

Я скромна и молчалива.
Редко видит свет меня,
Но ведь это и не диво,
Все сижу я у огня.
Сие место не завидно:
Но мое все счастье тут.
Вот зачем меня, как видно,
Пепелиною зовут.

Слушая, как эту непритязательную песенку поет его молодая жена, Николай Павлович бывал растроган до слез: он знал, что она охотно предпочла бы светской жизни сельское уединение, только бы быть с ним вдвоем. Он был уверен, она вполне искренна, когда пишет: «Мне немного требовалось, чтобы быть довольной: раз я могла быть с моим мужем, мне не нужно было ни празднеств, ни развлечений, я любила жизнь тихую и уединенную… придворная жизнь была неизбежна, а мы оба ненавидели то, что называется двором…».

Многие, знавшие, какой образ жизни она ведет (балы, приемы, спектакли, праздники, посещения разного рода учений и маневров), упрекали ее в легкомыслии; а если слышали ее признания, что все это ей не по душе, – в лицемерии. Но в том-то и дело, что она вынуждена была вести не ту жизнь, какую хотела, а ту, какую была обязана по своему положению.

Но вернусь к новогодним елкам. Вслед за императорским дворцом елки появились и на новогодних публичных маскарадах. Особенно грандиозные маскарады проводили в Императорском Большом театре (на его месте сейчас здание Консерватории). Из зрительного зала убирали кресла и настилали пол на одном уровне со сценой. Получался, как бы сказали сейчас, самый большой танцпол в Петербурге. Огромную елку устанавливали в центре зала. В каждом фойе – елочки поменьше. После очередной перестройки Большого театра туда из Зимнего дворца передали стеклянную палатку, которую в народе стали называть хрустальной. Считалось, что тот, кто встретил новый год в этой палатке, будет счастлив. А еще кому-то пришла в голову мысль, что даже маленькая частица царской палатки, если ее всегда носить с собой как талисман, сделает ее обладателя счастливым. Те, кто поверил, отрывали от палатки по стеклышку, и хотя была

она весьма обширна, растащили бывшее украшение Эрмитажного театра мгновенно.

Что же касается любви императорской четы к театру, она воплотилась в одном из самых блистательных творений Карло Росси – Александринском театре. Имя свое он получил в честь Александры Федоровны. Она не пропускала ни одной премьеры, многие спектакли смотрела по нескольку раз; с артистами всегда была приветлива, когда кто-то из них попадал в трудное положение, старалась помочь. Ее супруг тоже не был равнодушен к актерам, вернее, к актрисам. Его настойчивые ухаживания за примой Александринки Варварой Асенковой получили нежелательную огласку, что имело для Вареньки печальные последствия. При дворе и в театральных кругах шептались, что император не обходил своим мимолетным вниманием многих хорошеньких и не слишком отягощенных скромностью театральных барышень. Но это всего лишь слухи. Доходили ли они до Александры Федоровны? Кто знает? Но если и доходили, она, на вид такая слабая, изнеженная, капризная, умела всегда держаться с достоинством, ничем не выдавала своей боли.

Автор нашумевшей и вызвавшей гнев Николая I книги «Россия в 1839 году» маркиз Астольф де Кюстин так описывал Александру Федоровну (напоминаю: в это время ей 40 лет, уже 6 лет как прекратились ее интимные отношения с мужем и она вынуждена с внешней невозмутимостью наблюдать за его романами):

Императрица в высшей степени изящна, и, несмотря на необычайную худобу, вся ее фигура дышит очарованием… Ее глубоко посаженные нежные голубые глаза выдают жестокие страдания, сносимые с ангельским спокойствием; ее взгляд исполнен чувства и производит впечатление тем более глубокое, что она об этом впечатлении совершенно не заботится; увядшая прежде срока, она – женщина без возраста, глядя на которую невозможно сказать, сколько ей лет, она так слаба, что, кажется, не имеет сил жить… Она даровала России слишком много кумиров, а императору слишком много детей… Все кругом видят состояние императрицы, никто о нем не говорит; император любит ее; у нее жар? она не встает с постели? Он сам ходит за ней, как сиделка, бодрствует у ее изголовья, готовит и подносит ей питье; но стоит ей встать на ноги, и он снова начинает убивать ее суетой, празднествами, путешествиями, любовью; по правде говоря, если ее здоровье очередной раз ухудшается, он отказывается от своих планов, но предосторожности, принятые заранее, внушают ему отвращение; в России все – женщины, дети, слуги, родители,

фавориты – должны до самой смерти кружиться в вихре придворной жизни с улыбкой на устах.

Коль уж маркиз завел речь о ее болезни, добавлю, что всю жизнь ее лечили от болезни легких, подозревая чахотку. Она послушно выполняла предписания врачей (правда, только в периоды особенно тяжелых обострений болезни), но, вероятно, не вполне доверяла их диагнозу. В ее завещании было указание, довольно неожиданное для человека ее круга: она просила вскрыть свое тело в интересах науки. Вскрытие показало, что ее легкие были совершенно здоровы, болезнь гнездилась в кишечнике, но его никогда не лечили…

Но вернусь к впечатлениям маркиза де Кюстина, человека наблюдательного, умного, язвительного, но не предвзятого (не примкнувшего за время пребывания в Петербурге ни к одной из придворных группировок), потому вызывающего больше доверия, чем та же Анна Федоровна Тютчева, чьи политические пристрастия иной раз накладывают отпечаток на ее оценки:

Императрица с первого же мгновения внушает почтение и доверие. Видно, что, несмотря на вынужденную сдержанность речей и придворные манеры, у нее есть душа. Она больше, чем императрица, она – женщина… Она показалась мне очень уставшей, худоба ее ужасающа. Нет человека, который не признал бы, что бурная жизнь убивает императрицу, однако веди она спокойную жизнь, она умерла бы от скуки…

Напомню, у этой усталой, измученной, больной женщины хватит жизненных сил, чтобы прожить еще 21 год.

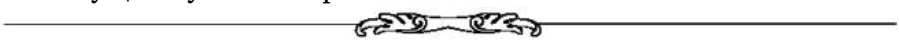
Вот как описывает французский путешественник рабочий день (именно рабочий!) этого, по мнению некоторых, «безответственного» создания:

Раннее утро ее начинается со зрелища смотров и парадов, за ними всегда следует несколько приемов. Она на четверть часа удаляется в свои внутренние покои, а потом на два часа выезжает на прогулку в карете. Вслед за прогулкой принимает ванну, а потом выезжает снова, на сей раз верхом. Возвратившись опять к себе, снова принимает визиты и, наконец, отправляется посетить какие-нибудь полезные заведения, находящиеся под ее попечительством, или навестить кого-либо из близких. Затем она сопровождает императора, который едет в военный лагерь, который всегда тут где-нибудь да сыщется. Вернувшись, они танцуют на балу. Так проходит день за днем, год за годом. И на это расходуются вместе с жизнью ее силы. Особы, которым недостает мужества или здоровья вести такую же кошмарную жизнь, не пользуются ее благосклонностью. На днях императрица сказала мне об одной женщине, изысканной, но хрупкой: «Она вечно

больна»… Императрица отнюдь не считает, что менее других обязана расплачиваться за все собственной особой.

Она не может перенести, чтобы император удалялся от нее хоть бы на миг. Государи – люди железные. Ей грозят чахотка, общее истощение, особенно опасаются врачи воздействия на нее петербургской зимы, но ничто не заставит ее провести полгода вдали от императора.

Недоброжелатель может объяснить последнее ревностью, боязнью, как бы оставленный без надзора муж не увлекся другой. На мой взгляд, она просто не могла жить вдали от него: второе «я» не существует без первого.



Отступление о пожаре в Зимнем дворце

Пожары в Петербурге со времен его основания случались часто, а некоторые становились настоящим бедствием. Сохранились описания страшных пожаров во времена Анны Иоанновны, Петра II, Екатерины. Но это тема для отдельного рассказа. Позволю себе лишь несколько упоминаний о пожарах, предшествовавших гибели Зимнего дворца.

8 августа 1825 года сгорел собор всей гвардии во имя Преображения Господня. (Все началось точно так же, как недавний пожар в Троицком соборе: огонь сначала показался в главном куполе около креста (тогда тоже ремонтировали купол). Но если в наши дни сгорел только купол, а здание удалось спасти, то почти 200 лет назад от собора остались одни стены.) В народе пошел слух: быть беде. Вскоре умер Александр I, потом началось декабрьское восстание.

Первый год царствования Николая Павловича был омрачен ужасными пожарами в окрестностях столицы. Леса горели несколько недель. Федор Глинка так описывал этот пожар:

От блеска не было ночей,
И солнце грустно, без лучей,
Как раскаленный уголь тлело!…

Летом 1832 года сгорело 102 каменных и 66 деревянных домов по берегам Литовского и Обводного каналов. Согласно летописям Петербурга, самым страшным по числу жертв был пожар, случившийся 2 февраля 1836 года во время представления в балагане Лемана, стоявшем в то время на Адмиралтейской площади. Из-за паники, возникшей при выходе, 126 из 400 зрителей не успели выбраться и погибли под рухнувшей пылающей крышей Надо отдать должное императору: он сам распоряжался спасательными работами и не покинул пожарище, пока все пострадавшие не были перенесены в Адмиралтейство, где по его указанию были отведены комнаты для оказания медицинской помощи; пока не было отыскано тело последнего погибшего.

Вечером 17 декабря 1837 года в Зимнем дворце начался небывалый пожар, длившийся более 30 часов. Попытки залить пламя водой ни к чему не привели: сухое дерево стен и перекрытий вспыхивало, как порох. Огонь, поглощая все, что могло гореть на втором и третьем этажах царской резиденции,

превратил в пепел плоды труда великих зодчих: Растрелли, Ринальди, Кваренги, Фельтена, Вален-Деламота, Росси, Монферрана. Сгорели не только огромные художественные и материальные ценности, но и исторические интерьеры, связанные со значительнейшими событиями русской жизни второй половины XVIII – первой трети XIX века.

Очевидцы рассказывали: в эту ночь зарево было так велико, что за 50-70 верст от столицы его видели путники и крестьяне окрестных деревень. Одним из тех, кто с ужасом смотрел на огненный столб, поднимавшийся над столицей, был старший сын Александры Федоровны, будущий император Александр II. Он возвращался из поездки по стране, которую, по традиции, должен был совершить каждый наследник престола.

Императору доложили о пожаре, когда он с Александрой Федоровной был в Большом театре. Давали «Баядерку», в главной роли была несравненная Тальони. Николай тут же поехал к дворцу, попросив жену оставаться на спектакле: не хотел, чтобы она видела страшную картину гибели своего любимого дворца. Добравшись до площади, он приказал разбить окна на хорах Фельдмаршальского зала, чтобы дать выход наполнявшему его густому дыму. Результат этого приказа оказался плачевным: с притоком свежего воздуха огонь еще яростнее рванулся сразу в двух направлениях: из Петровского к Гербовому залу, к галерее 1812 года и дворцовой церкви; а в другую сторону – к Невской анфиладе, к личным покоям царской семьи.

Пламя быстро распространялось по стенам, полам, потолкам и чердакам, уничтожая на своем пути все. Потушить его было невозможно. Оставалось лишь спасать то, что можно было поднять и вынести на руках. Этим занимались рота дворцовых гренадер и дежурные батальоны гвардейских полков. Особенно бережно выносили портреты героев Отечества из галереи 1812 года. Серебро из огромных дворцовых кладовых, стоившее несколько миллионов рублей, выносили матросы. Ни одна, самая мелкая, хрупкая вещица не была сломана или потеряна. Скоро на затоптанном, почерневшем от копоти снегу Дворцовой площади выросли беспорядочные груды мебели, посуды, мраморных статуй, каменных и фарфоровых ваз, хрусталя, картин великих мастеров, драпировок, сундуков, белья, одежды, книг, альбомов, туалетных и письменных принадлежностей, бронзовых часов, хрустальных люстр, золоченых канделябров. Роскошное, бесценное имущество царской резиденции перемешалось со скарбом лакеев, ламповщиков, поваров, трубочистов, обитавших в служебных помещениях дворца.

Николая особенно заботило сохранение любимых вещей

Александры Федоровны. Любопытен в этом отношении рассказ барона Э. Мирбаха: «Государь, осторожно пробираясь между раскиданными на снегу перед дворцом вещами, спросил у меня: „Не знаешь ли, где императрицыны картины?“ Я указал на три разных места, где они были положены. „Пойдем же со мною, дружок, поискать любимую картинку жены“. И вот при свете пожара мы отправились вдвоем приподнимать одну картину за другою: искомая нашлась во второй куче. „Прошу же тебя, – сказал государь, – велеть отнести эту картину в Адмиралтейство и там сдать на особое попечение Блоку (смотрителю Аничкова дворца. – И. С.)“».

Сегодня это кажется поразительным, но из всех вынесенных из дворца вещей пропал только большой серебряный кофейник, но вор был схвачен незамедлительно, стоило ему попытаться продать украденное. Все драгоценности Александры Федоровны были спасены. Не досчитались только одного маленького золотого украшения. Но когда растаял снег, его нашли на площади и вернули хозяйке. Говорили, она прослезилась. Не оттого, что дорожила возвращенной вещицей, – оттого, что убедилась в честности и благородстве столичных жителей.

(Когда говорят о России, которую мы потеряли, я вспоминаю не молочные реки и кисельные берега, а именно этот случай…)

К шести часам утра пламя охватило уже весь дворец, и борьба с ним продолжалась только с торца: с той стороны, где находился Эрмитаж. Здесь были сосредоточены все противопожарные средства. С невероятной быстротой возвели глухую стену, чтобы отгородить от пылающего дворца сокровища музея. Стену эту непрерывно поливали из брандспойтов. К рассвету хмурого декабрьского дня появилась надежда, что Эрмитаж удастся спасти.

Пожар потряс весь Петербург. Сохранилось много описаний этого ужасного события. Самое, пожалуй, красочное принадлежит перу знаменитого историка Петербурга Александра Павловича Башуцкого: «Торжественно-печальны были последние часы феникса-здания… уже безмолвно, неподвижно, но с сердцами, сжатыми тяжелою грустию, смотрели на нее бесчисленные толпы народа, наполнявшие площадь… Был момент, производивший впечатление, которое описать невозможно. Давно уже бушевал пожар, нещадно разрушая многообразные органы этого огромного тела… Вдруг над смутным шумом внутреннего уничтожения возвысился из умиравшего здания, как жалобный стон, чей-то звонкий и всем знакомый голос: древние дворцовые часы, еще не тронутые пожаром, протяжно и жалобно пробили полночь; почти при последнем ударе молота пламя внезапно покрыло их

узорчатою сетью, и через минуту они обрушились в огромный костер. Тогда уже со всех сторон великан был охвачен врагом… Три дня горело это обширное пожарище; пламя не довольствовалось, пока не сокрушило всего без изъятия… Свидетели события, казалось, не хотели верить возможности его; долго после пожара площадь с утра до вечера была наполнена толпами, в грустном раздумье безмолвно смотревшими на величественный и печальный вид гигантского остова».

Александра Федоровна, наверное, впервые в жизни, проигнорировала пожелание супруга: не нашла в себе сил остаться в театре. Когда приехала на площадь, первый вопрос был: «Не погиб ли кто-нибудь из народа?». Услышав, что не погиб, облегченно перекрестилась. За пожаром наблюдала из окон квартиры канцлера Нессельроде. Эта квартира находилась в правом (от арки) крыле Главного штаба, где размещалось министерство иностранных дел (сейчас помещение восстановлено после многих лет варварского использования, в нем разместилась новая экспозиция из собрания Эрмитажа). Императрице было страшно. Не только потому, что рушилось ее семейное гнездо, погибали дорогие ей вещи. Главным было другое: снова, как в декабре незабываемого 1825 года, она безумно боялась за мужа. Он ведь не берег себя, был совсем рядом с огнем, а то и входил в пылающее здание.

После пожара в высочайшем указе было сказано: «Пожар, истребивший часть Зимнего дворца нашего, был случаем к новым изъявлениям усердия наших верных подданных. По доходящим до нас отовсюду сведениям, люди всех состояний ревнуют каждый по мере средств своих содействовать добровольными приношениями восстановлению сего здания. Сии приношения не будут нужны; мы не принимаем их; но чувства, к ним побуждающие, чувства верноподданнической привязанности к нам и престолу, всегда при всяком более или менее важном событии обнаруживающиеся с новою силою, глубоко трогают наше сердце». Они обдумывали этот указ вдвоем. Это чувствуется в его интонации. Впрочем, принято считать, что в политике она никакого участия не принимала…

«Русский архив» рассказал о таком случае: ехали государь с государыней в санях по Дворцовой набережной (сани, замечу, открытые, охраны никакой. – И. С.). У Троицкого моста стоят двое без шапок, у одного в руках блюдо с хлебом-солью, покрытое салфеткой. Николай Павлович приказывает остановиться. «Мы, Белый Царь, посланные от гостиных дворов Москвы и Петербурга просить у тебя милости. Позволь нам выстроить для тебя дом». «Спасибо, – отвечает государь, – от души благодарю вас, Бог даст,

я сам смогу это сделать, но передайте, что вы меня порадовали, я этого не забуду». Я уже рассказывала, как Александра Федоровна помогала нуждающимся. Добавлю только, что особенно быстро и щедро откликалась она на беды погорельцев. До пожара, может быть, заставляло это делать неосознанное предчувствие, что ей придется разделить их участь. После – наверняка воспоминание о том, как сочувствовали люди ее семье.

Разумеется, после пожара царское семейство не бедствовало: жили в своем любимом Аничковом дворце. Но престиж монарха требовал как можно скорее вернуться в главную резиденцию. Еще дымились руины Зимнего, а Николай заявил во всеуслышание: «Святое Воскресение 1839 года я буду встречать в стенах возобновленного дворца!». До названного императором дня оставалось чуть больше пятнадцати месяцев. Каких средств и сил стоило выполнение монаршей воли, трудно вообразить. Современники назовут возрождение Зимнего дворца «колоссальным архитектурным подвигом».

Особое внимание Николай уделял восстановлению половины императрицы. Эта половина начиналась тремя гостиными, образующими переход от Невской анфилады к личным покоям:

Малахитовой, Розовой и Малиновой; дальше от Невы шли три столовые: Арапская, Помпейская и Большая. Дальше следовали кабинет, спальня, уборная, будуар, садик, ванная. И наконец, служебные помещения: буфет, бриллиантовая и проходная комнаты. До нас дошли практически без искажений, в том виде, какой они получили после восстановления под руководством архитектора Александра Павловича Брюллова, только Малахитовая гостиная (зал Эрмитажа № 189) и Арапская столовая (зал № 155). Арапской парадная столовая императрицы именовалась потому, что во время приемов у ее дверей стояли слуги-арапы (так в то время называли эфиопов).

Малахитовая гостиная по роскоши отделки не знала себе равных в Зимнем дворце. Восстановленная после пожара в первозданном виде, она, как в прежние времена, так и сегодня, поражает воображение. Фоном для малахитовых колонн, пилястр и каминов, подчеркивающих цвет изумительного уральского камня, служат стены, покрытые белоснежным искусственным мрамором. Бронзовые базы и капители колонн эффектно сочетаются со сплошной позолотой дверей и отделкой потолка, где плотный вызолоченный орнамент оставляет лишь немного места белому полю. «Золото, как потоки волшебного каскада, разлилось повсюду, – восклицал восхищенный увиденным Башуцкий, – то раз дробясь на мелкие струи или горя в чудных узорах». Николай любил эту гостиную. Считал, что она –

достойная оправа дивному бриллианту, его жене. Он заточил ее в золотой клетке? Что ж, может быть. Но клетка была безупречна и по вкусу, и по размеру…

Что же касается других помещений, то их отделка не сохранилась, но объемы остались прежними. И если кто-то захочет представить, в каких условиях жила любимая жена Николая I, и не поленится посмотреть замечательно точные фиксационные акварели Эдуарда Петровича Гау, Константина Андреевича Ухтомского и Людвига Осиповича Премацци, сделанные при жизни Александры Федоровны, – вполне сможет перенестись в середину XIX века.

А Пасху 1839 года Николай Павлович, как и обещал, встречал в обновленном Зимнем дворце. Слово монарха было законом.

По случаю возобновления дворца была выбита медаль. На одной ее стороне было выбито лаконичное «Благодарю», на другой: «Усердие все превозмогает». Император наградил медалью 7000 мастеровых и рабочих.

С возвращением царской семьи в восстановленную резиденцию совпало еще одно знаменательное событие. После того как наследник вернулся из поездки по России, перед его родителями встал вопрос, который приходилось решать и их предшественникам на императорском троне: и Елизавете Петровне, и Екатерине Великой, и Марии Федоровне. Пришла пора Сашеньку женить. В подходе к выбору невесты на этот раз – очевидное отступление от правил: не родители ищут сыну невесту, а он сам получает право искать и выбирать. Думаю, это решение Александры Федоровны. Она не меньше других ратовала за государственные интересы при заключении династических браков. Но для нее, больше всего на свете дорожившей семейным счастьем, было совершенно невозможно даже представить, чтобы сын женился не по велению сердца. Вероятно, она без особого труда уговорила Николая Павловича предоставить наследнику свободу выбора. Она вообще умела удивительным образом влиять на его решения: действовала, как бы бездействуя, подавая мужу свое мнение, будто его собственное. Как умела она улаживать конфликты! Скольких спасла от царского гнева! Не случайно император написал в своем завещании, что Россия никогда не узнает, чем она обязана императрице вследствие того влияния, которое она имела на него.

Александр Николаевич вместе с наставником объехал юг Европы, несколько немецких герцогств и княжеств. Излишне торжественные, церемонные встречи при микроскопических европейских дворах утомляли наследника престола огромной

державы. Ни одна из юных принцесс, смотревших на него с нескрываемой надеждой, впечатления не произвела. Его путь лежал дальше, в Голландию и Англию. Может быть, там…

О визите в Англию я расскажу в следующей главе, а пока по дороге была столица Гессенского княжества, Дармштадт. Александр Николаевич с раздражением думал о предстоящей утомительной встрече, о пустых разговорах и унылых ритуалах. Он хотел объехать Дармштадт стороной, но его уговорили заехать хотя бы ненадолго, чтобы не нанести незаслуженной обиды гессенскому двору. Вскользь добавили, что там есть принцесса, во всех отношениях достойная, – может быть, она привлечет внимание августейшего путешественника? Александр без особой охоты согласился.

Как раз в это время Жуковский писал любимой сестре своего воспитанника Марии Николаевне: «Несказанно счастливою минутою моей жизни будет та, в которую увижу его возвратившимся к вам, с душою, полною живых впечатлений и здравых ясных понятий, столь нужных ему при его назначении. Дай Бог, чтобы исполнилось и другое сердечное мое желание, – которое в то же время есть усердная молитва за него Богу, – то есть чтобы в своем путешествии нашел он для себя то чистое счастье, которым Бог благословил отца его». Бог услышал…

Не знаю, какая погода была в тот день в Дармштадте. Может быть, светило солнце, предвещая радость и любовь. У меня же создалось впечатление, что в этом городе всегда идет дождь. Трижды я была в Дармштадте, и трижды промокала до нитки. Казалось, город оплакивает трех своих принцесс, отправленных в Россию за счастьем, а нашедших в чужой холодной стране слезы, горе, смерть. А вообще это красивый город: и дворец, и ратушная площадь, и огромная колонна, увенчанная скульптурой герцога Людвига (лишь немногим уступающая Вандомской или Александровской), и парк, и особенно – театр, огромный, белоколонный, он мог бы служить украшением любой европейской столицы. В этом-то театре все и началось…

Встретили наследника российского престола в Дармштадте, как и везде, весьма торжественно. Вечером пригласили в театр на оперу. Давали «Весталку». Но Александр не слишком внимательно смотрел на сцену. Все его внимание было занято тоненькой большеглазой девушкой, принцессой Марией Гессенской, которой шел пятнадцатый год. В тот же вечер он написал письмо родителям, прося их согласия на брак.

Вот как вспоминал об этих событиях тогдашний секретарь русского посольства во Франкфурте Иван Маркелов:

В час ночи его высочество изволили призвать меня к себе. «Вот

письмо к государю, – сказал он, – которое поручаю вам вручить в собственные руки. Немедленно берите дилижанс и постарайтесь прибыть в Светлое Христово Воскресенье или накануне, в субботу. Это придется двадцать пятого числа в Благовещенье и в тот самый день, когда мой отец предполагает переехать из Аничковского дворца в Зимний, только что отделанный. Он будет весьма рад в тот же день получить от меня известие. Если его величество пожелает получить от вас какие-нибудь сведения и подробности относительно принцессы Марии, – передайте ему все то, что вам лично известно».

В то время в Германии еще не было железных дорог. Пути сообщения были отвратительны, а в России – в особенности, по случаю наступающей весны. Мне оставалось всего девять дней. Но, несмотря на все это, я имел счастье приехать в субботу 25 марта, в 7 часов утра, в Аничковский дворец и быть принятым государем.

«Вы мне приносите добрую весть, – сказал мне император Николай, – а так как сегодня Благовещение, то я вижу в этом хорошее предзнаменование».

Николай был доволен: его беспокоило увлечение сына фрейлиной Ольгой Калиновской. Александру Федоровну вообще тревожила влюбчивость сына. Правда, надеялась, что это просто поиск близкой души. Николай Павлович сказал жене, что готов дать согласие на брак. И тут случилось небывалое: Александра Федоровна восстала. Она, чьим «главным назначением, – по словам ее дочери, Ольги Николаевны, – было быть любящей женой, довольной своей второстепенной ролью»; она, готовая во всем соглашаться с мужем, никогда не употреблявшая слов «я приказываю», потому что, по ее убеждению, произносить эти слова имеет право только один человек – самодержец, была неумолима: «Этому браку не бывать!»

Причина была, на нынешний взгляд, вполне вздорная: отцом девочки был не Людвиг Дармштадтский, а его шталмейстер, барон де Граней. И это не было тайной для царствующих домов Европы. Она не могла допустить, чтобы за ее спиной шептались о незаконном происхождении будущей русской царицы. В этой ее позиции нет ничего удивительного и даже, я думаю, ничего личного. Это всего лишь плоды воспитания. Прусский король был первым и самым влиятельным среди немецких владык (было в то время на территории будущей единой Германии 38 маленьких, но весьма гордых герцогств, княжеств и ландграфств). В Берлине всегда с особой тщательностью изучали происхождение любого, кто собирался породниться с королевским семейством. Никаких бастардов! Знала бы Александра Федоровна, кто (предположительно) был отцом ее могущественного супруга…

Отступление о Марии Николаевне Романовой

Непримиримая позиция Александры Федоровны казалась странной и неожиданной многим, в том числе мужу и сыну. Ведь совсем недавно именно она уговорила дать согласие на брак своей старшей дочери, великой княжны Марии Николаевны, с совсем неподходящим женихом…

Вторая беременность Александры была очень тяжелой: тошнило, опухали ноги, она совсем не могла ходить. Но роды оказались неожиданно легкими. Некоторое время спустя она вспоминала: «Рождение маленькой Мари было встречено ее отцом не с особенной радостью: он ожидал сына; впоследствии он часто упрекал себя за это и, конечно, горячо полюбил дочь». Ее невозможно было не полюбить: озорного, неутомимого, веселого, доброжелательного ребенка называли солнечным лучиком императорской семьи. Отец обожал Мари. Даже ее шалости вызывали у него восторг: девочка так независима и изобретательна!

И когда она выросла, когда ушла покоряющая детская непосредственность, ей удалось сохранить симпатии всех, кто с ней общался: она была не по долгу, а вполне искренне добра и отзывчива. Кроме того, проста и легка в обращении, никому не демонстрировала своего высокого положения, старалась со всеми держаться на равных. Обожала розыгрыши и проказы. Однажды на маскараде старательно «завлекала» собственного отца. И – добилась успеха: Николай пригласил ее в свою карету. Только после этого она сняла маску. Император был сконфужен – дочь весело смеялась. Правда, зная ее характер, можно предположить, что она, играя, намекала отцу: не стоит вести себя слишком легкомысленно.

Когда по столице разнесся слух, что Мария Николаевна выходит замуж за герцога Максимилиана Лейхтенбергского, все были обескуражены: еще свежа память о войне 1812 года, а великую княжну выдают замуж за сына Евгения Богарне, пасынка узурпатора Наполеона! Такое родство унизительно для царской семьи! Возмущена сестра Николая, Веймарская герцогиня Мария Павловна. Удивлен согласием родителей на явный мезальянс наследник престола (потому такой неожиданностью стала для него позиция матушки по поводу его предстоящего брака с Марией Гессенской). Ропот в дипломатических кругах. Вот какое письмо получила жена вице-канцлера Нессельроде, Мария

Дмитриевна, от Софьи Петровны Свечиной, дочери статс-секретаря Екатерины II, Петра Андреевича Соймонова, жившей в Париже и игравшей заметную роль в клерикальном мире: «Когда я думаю, что это будет первая свадьба в императорском семействе, что ангела красоты и добродетели, любимую дочь императора выдают за сына частного лица, отпрыска не слишком знатного рода, возвысившегося исключительно благодаря узурпации, моя национальная гордость страдает и я тщетно пытаюсь найти оправдание этому выбору». Адресат письма не оставляет сомнений в том, что Софья Петровна уверена: ее мнение дойдет до родителей невесты и, может быть, заставит их одуматься. Ничуть не бывало.

Непонятная окружающим, даже приближенным, свадьба состоялась. Астольф де Кюстин, присутствовавший на церемонии, вспоминал: «Когда священник подвел молодоженов к их августейшим родителям, те с трогательной сердечностью расцеловали их. Мгновение спустя императрица бросилась в объятия супруга; этот порыв нежности был куда бы более уместен в дворцовой зале, нежели в храме, но в России государи везде чувствуют себя как дома, даже в доме Божьем. Вдобавок порыв императрицы был, кажется, совершенно непроизволен и потому не мог никого задеть».

Если бы автор воспоминаний знал, чего стоило Александре Федоровне устроить этот брак! Великая княжна была натурой пылкой, увлекающейся. Заявила, что любит Максимилиана и, если не разрешат выйти за него замуж, все равно сбежит с ним. Зная свою дочь, Александра Федоровна понимала: сбежит, и прекрасно представляла, какой скандал за этим последует и как отнесется к этому император. Кроме того, Мария, еще будучи подростком, категорически заявила родителям, что из России она никогда и никуда не уедет, что нигде, кроме как на Родине, жить не только не желает, но и не сможет – умрет от тоски. У матери это вызывало искреннее сочувствие. И даже восхищение. О каком западном женихе, даже самом высокородном, в таких обстоятельствах может идти речь? А герцог Лейхтенбергский готов жить в России. Так что, хотя бы в этом отношении, – вполне подходящий жених. Оставалось только уговорить на этот странный брак Николая Павловича. Александре Федоровне это удалось. К сожалению, все ее усилия оказались напрасны: семейная жизнь молодых сразу не заладилась. И мать, и дочь старались скрыть это от отца – оберегали его душевный покой.

Николай Павлович сделал любимой дочери на свадьбу роскошный подарок: Мариинский дворец, который приказал Андрею Ивановичу Штакеншнейдеру поставить против

строящегося Исаакиевского собора. Пройдут годы, и на площади между дворцом и собором встанет памятник «железному» императору, в котором трудно заподозрить нежнейшего мужа и отца. Вообще с навязанным обществу образом «жандарма Европы», туповатого любителя парадов и муштры, трудно совместить многие его вполне реальные черты: он был любящим сыном, заботливым мужем и отцом; блестящим знатоком истории, свободно говорил на трех европейских языках, прилично рисовал, музицировал и играл на сцене. Прочно забыто и то, что приобретением огромной части шедевров Эрмитажа Россия обязана вкусу и щедрости Николая Павловича. Но это так, к слову.

Вернусь к Марии Николаевне. Еще при жизни мужа у нее начался роман с Григорием Александровичем Строгановым. После смерти герцога Лейхтенбергского (он умер молодым) она тайно обвенчалась со своим возлюбленным. Был он человеком умным, благородным, блестяще образованным. Но все эти достоинства – ничто перед твердым правилом императорской семьи: ни при каких обстоятельствах не выдавать дочерей замуж за соотечественников. Если бы Николай Павлович узнал об этом, брак наверняка был бы расторгнут, Строганов – сослан в Сибирь или на Кавказ, под пули горцев; а любимой дочери вряд ли удалось бы избежать заточения в монастырь. Так что неудивительно, что известно об этом тайном браке стало только после смерти императора.

Для Александры Федоровны известие о том, что ее обманывали, стало страшным ударом: «Я думала, что со смертью императора я испытала горе в самой его горькой форме; теперь я знаю, что может быть горе еще более жестокое – это быть обманутой своими детьми». Упрек относился не только к Марии, но и к Александру, который, будучи наследником, знал об этом браке и не воспрепятствовал ему.

При жизни Александры Федоровны брак ее дочери не был признан, да Мария Николаевна и не настаивала, она была искренне огорчена реакцией матери и старалась загладить свою вину. Она вообще была человеком весьма достойным. Это признавал даже князь Петр Владимирович Долгоруков. «Как неутомимый тореадор, – писал о нем Александр Иванович Герцен, – дразнил без отдыха и пощады, точно быка, русское правительство и заставлял дрожать камарилью Зимнего дворца, чью сомнительную совесть повергали в трепет его разоблачения, его замечательная память и богатые документы…» Так вот, этот бесстрашный тореадор, постоянно разоблачавший всех Романовых, не нашел изъянов только у двух женщин из

царственного семейства: невестки Александры Федоровны, будущей императрицы Марии Александровны, и дочери Александры Федоровны, Марии Николаевны (правда, саму Александру Федоровну обвинял только в одном – в расточительности). О дочери императрицы он писал: «Великая княгиня Мария Николаевна женщина умная: лета охладили ее пылкий характер; она всегда отличалась добрейшей душой. Пользуясь особенным расположением своего грозного отца, который любил ее более всех своих детей, находясь в самых дружеских отношениях и с государем (Александром II. – И. С.), и с императрицей Марией Александровной, она многим оказала и продолжает оказывать услуги, делать добро, а зла никогда и никому в своей жизни не причинила». И это правда. Если забыть, как горько обидела она мать, свято верившую, что дети никогда ее не обманут.

В случае с невестой сына Николай Павлович оказался куда демократичней своей мягкой, добросердечной жены. Кроме того, опыт убедил его: жениться нужно только по любви. Уж если он не мог допустить брак сына с его безродной первой (или первой известной?) возлюбленной, то здесь он считал себя обязанным помочь. Был уверен: со временем ему удастся переубедить жену. А что касается мнения европейских дворов… Пусть только попробуют сказать что-нибудь оскорбительное про его невестку! Александра Федоровна продолжала сопротивляться. Последним аргументом, заставившим ее сдаться, был рассказ о происхождении супруги Петра Великого, императрицы Екатерины I. По сравнению с ним происхождение принцессы Гессен-Дармштадтской можно было считать безупречным.

Императрица была человеком на редкость совестливым. После того как мужу и сыну удалось преодолеть ее предубеждение, она винила себя в недостойной предвзятости, старалась искупить свою вину перед будущей невесткой. А девочка и не знала о баталиях, происходивших при русском дворе. Ее саму мучили и всегда будут мучить те же сомнения, что и Александру Федоровну. Но об этом чуть дальше.

Когда государыня чувствовала себя перед кем-то неправой, она всегда старалась исправить ошибку, даже если это была всего лишь маленькая оплошность, и исправить не многословными извинениями, а делом. Так и теперь. В нарушение всех традиций, впервые в истории дома Романовых, она, императрица великой державы (дело происходило в 1839 году, когда престиж России был чрезвычайно высок), сама поехала в крошечное герцогство за будущей невесткой и одарила ее нежной привязанностью и

поддержкой. А Мария Гессенская в этой поддержке нуждалась как никто из немецких принцесс, ставших российскими императрицами.

Впрочем, сама Александра Федоровна тоже нуждалась в сочувствии и поддержке. Только никому, никогда не дала повода этого понять.

Отступление о Варваре Аркадьевне Нелидовой

Александра Федоровна вспоминала, что в первое время после свадьбы Николай на публике был очень скован, как и его младший брат, Михаил: «Они усаживались в углу с вытянутыми, скучающими физиономиями, точно медведи или марабу. Правда, у моего Николая лицо было слишком серьезно для двадцати одного года, особенно когда он посещал общество или балы». Она всячески пыталась его расшевелить, заставить вести себя свободно, научиться получать удовольствие от простых, непритязательных развлечений. И расшевелила. На свою беду…

Во времена Николая Павловича в столице в большой моде были маскарады. Император был красив, строен, высок (ростом 189 сантиметров); атлетическому сложению способствовали ежедневные получасовые физические упражнения (за неимением тренажеров, государь проделывал уставные приемы тяжелой армейской винтовкой). Кроме того, был он музыкален, пластичен и отлично танцевал. Так что в его пристрастии к балам и маскарадам нет ничего удивительного. Но если его самого не узнать было невозможно, то дамы в масках часто оставались неузнанными. Каждая из масок могла взять императора под руку и ходить с ним по залам, беседуя о чем угодно. Именно здесь он мог услышать неожиданные анекдоты, смелые шутки и новости, о которых никогда не узнал бы в другой обстановке.

Однажды на маскараде он заметил юное миниатюрное создание, девушку, робко стоявшую в уголке. Император пригласил ее на котильон. Поначалу она страшно смущалась. Потом разговорилась и вдруг рассказала своему царственному партнеру… о его детстве. Он был обескуражен: откуда малышка знает в таких подробностях то, что случилось много лет назад, задолго до ее рождения? Она сняла маску, улыбнулась простодушно и при этом неожиданно лукаво: «Я – племянница Екатерины Ивановны Нелидовой, Варвара Аркадьевна. Тетушка мне очень много рассказывала о ваших детских шалостях».

Об амурных приключениях императора слухи ходили самые непривлекательные. Рассказывали, будто, заметив на улице смазливую мордашку, он приказывал привести девушку к себе (прямо как Лаврентий Павлович Берия). Потом, правда, натешившись вдоволь, устраивал судьбу своей временной избранницы. Будто бы такие женщины были в разных слоях общества: никто не смел отказать любвеобильному императору.

Блистательное художественное отражение эти слухи нашли в «Отце Сергии» Льва Николаевича Толстого. Но правда искусства и правда жизни не всегда совпадают. Да, известно несколько метресс Николая Павловича, но отношения с ними были кратковременны и особого влияния на государя они не оказывали. Можно было предположить, что обратившую на себя внимание императора юную смолянку Вареньку Нелидову ждет такая же участь. Но случилось по-другому. Почти 17 лет Аркадьевна, как шутливо и нежно называл ее Николай, была его возлюбленной и, что еще важнее, искренним, преданным другом.

В вечер их знакомства, решившего ее судьбу, Варенька оказалась на придворном маскараде по обязанности: смолянок старших классов вывозили «в маскерад» на смотрины. Смотрины прошли более чем удачно. После торжественного выпуска из института девушку пригласили ко двору. Она стала фрейлиной Александры Федоровны.

Приходя на половину супруги, Николай Павлович все чаще заходил к Вареньке, пил у нее чай, непринужденно беседовал, особенно любил слушать анекдоты, рассказывать которые она была большая мастерица. Умела его насмешить, как никто. Свидетели вспоминали, что однажды он так смеялся, что его кресло опрокинулось назад. С тех пор кресло на всякий случай приставляли к стене, чтобы развеселившийся самодержец не упал. Была Аркадьевна прекрасной наездницей и часто составляла компанию государю в его дальних прогулках. Во время зимних дворцовых забав, любимых императором, могла вслед за ним сесть в привязанные к возку салазки, чтобы где-нибудь на Каменном острове, на крутом повороте вместе опрокинуться в предусмотрительно насыпанные заранее сугробы. Им было легко и весело вдвоем. Но их отношения оставались платоническими – до той поры, когда после тяжелейших родов (это был седьмой ребенок за 15 лет брака) врачи предписали Александре Федоровне отказаться от интимной жизни. (В православной стране рождение ребенка – Божий дар. Любое действие против его появления – смертный грех.) Ей пришлось дать Николаю «вольную» – право открыто вступать в близкие отношения с другими женщинами. Ей было 34 года. Она любила и была любима. Александра повторила судьбу свекрови, которой запретили интимные отношения после десятых родов. Последнему своему ребенку она, как и свекровь, дала имя Михаил. Пройдет почти 30 лет, и ее судьбу повторит невестка, жена обожаемого старшего сына, Александра Николаевича. Она родит шестерых детей.

В 1842 году графиня Нессельроде писала сыну: «Государь с

каждым днем все больше занят Нелидовой. Ходит к ней по нескольку раз в день. Он и на балу старается все время быть близ нее. Бедная императрица все это видит и переносит с достоинством, но как она должна страдать». Конечно, она страдала. Но от чего больше, от сменяющих друг друга в постели мужа светских львиц или от его всеукрепляющейся привязанности к юной фрейлине? Надо полагать, и то и другое было ужасно. Измены тяжелы любому. Но эта женщина, еще молодая, еще прекрасная, обожаемая мужем, самая счастливая из всех немецких принцесс на русском престоле… Она, беззаветно любящая и не менее страстно любимая, и вообразить не могла, что ей суждено разделить участь свекрови и невестки. Но тем было легче: Мария Федоровна нашла утешение сначала в Бабкине, потом в интригах, в политике, в деловитой благотворительности. Елизавета – вообще случай особый. Но и у нее, как Александре Федоровне стало случайно известно уже после ее смерти (об этом чуть позднее), была тайная любовь. Для Шарлотты (так Николай Павлович продолжал называть свою жену и после ее перехода в православие. – И. С.) другой мужчина был невозможен. Она не хотела и не могла мстить мужу за измены. Да и за что мстить, он ведь не обманывал ее – она сама дала ему «вольную». Оставалось смириться и вести себя с достоинством.

Нелидовой тоже было нелегко: Николая Павловича она боготворила, была рядом с ним счастлива, но никогда не забывала, что это беззаконное счастье; что от него страдает женщина, которая ничем не заслужила измены; которую она, Варенька, всей душой уважала. В общем, о каждой из них можно сказать словами Тургенева: «Жизнь ей улыбалась. Но бывают улыбки хуже слез».

Одна из бывших смолянок, близкая ко двору, свидетельствовала: «Больших и особенно знаменательных увлечений за императором Николаем I, как известно, не водилось. Единственная серьезная вошедшая в историю связь его была с Варварой Аркадьевной Нелидовой, одной из любимых фрейлин Александры Федоровны. Но эта связь не могла быть поставлена в укор ни самому императору, ни без ума любившей его Нелидовой. В нем она оправдывалась вконец пошатнувшимся здоровьем императрицы, которую император обожал, но которую берег и нежил, как экзотический цветок… Императрице связь эта была хорошо известна… Она, если так можно выразиться, была санкционирована ею…».

В этой грустной истории все трое вели себя на редкость благородно. Александра Федоровна никогда не упрекала ни мужа, ни его возлюбленную, была с Варенькой ровна, приветлива.

Николай Павлович соблюдал все правила благопристойности, не позволял себе ничего, что служило бы намеком на особое положение Варвары Аркадьевны и могло бы задеть Александру Федоровну. Это выгодно отличало его от деда, отца и старшего брата, которые подчеркнуто третировали своих жен. Что же до самой Варвары, то она, по свидетельству Анны Федоровны Тютчевой, «тщательно скрывала милость, которую обыкновенно выставляют напоказ женщины, пользующиеся положением, подобным ее. Причиной ее падения было ни тщеславие, ни корыстолюбие, ни честолюбие. Она была увлечена чувством искренним, хотя и греховным, и никто даже из тех, кто осуждал ее, не мог отказать ей в уважении…».

Действительно, даже дочь императора Ольга Николаевна, которая не могла не сочувствовать матери, относилась к фаворитке отца с большой симпатией. В своем дневнике она писала: «Варенька Нелидова была похожа на итальянку со своими чудными темными глазами и бровями… была веселой, она умела во всем видеть смешное, легко болтала и была достаточно умна, чтобы не утомлять… она была прекрасна душой, услужлива и полна сердечной доброты…».

За 17 лет она ни разу не воспользовалась своим положением в корыстных целях: любовь к Николаю Павловичу была единственным смыслом ее существования. Анна Тютчева, присутствовавшая в Зимнем дворце в последние часы жизни «железного» императора, вспоминала: «В то время как мы шаг за шагом следили за драмой этой ночи агонии, я вдруг увидела, что в вестибюле появилась несчастная Нелидова. Трудно передать выражение ужаса и глубокого отчаяния, отразившееся в ее растерянных глазах и в красивых чертах, застывших и белых, как мрамор… Видно было, что безумие отчаяния овладело ее бедной головкой. Только теперь, при виде ее, я поняла смысл неопределенных слухов, ходивших во дворце по поводу отношений, существовавших между императором и этой красивой женщиной, отношений, которые особенно для нас, молодых девушек, были прикрыты с внешней стороны самыми строгими приличиями и полной тайной. В глазах человеческой, если не Божеской, морали эти отношения находили себе некоторое оправдание, с одной стороны, в состоянии здоровья императрицы, с другой – в глубоком, бескорыстном и искреннем чувстве Нелидовой к императору. Никогда она не пользовалась своим положением ради честолюбия или тщеславия, и скромностью своего поведения она умела затушевать ту милость, из которой другая создала бы себе печальную славу».

В эти последние роковые часы все участники драмы проявили

свои характеры. Императрица, не отходившая от постели мужа, спросила, не желает ли он проститься с некоторыми близкими людьми, назвав среди них и Вареньку. Умирающий с благодарностью пожал руку жены: «Нет, дорогая, я не должен больше ее видеть, ты ей скажешь, что прошу ее меня простить».

На другой день после смерти императора Нелидова отослала в «Инвалидный капитал» 200 тысяч рублей, которые он ей оставил («Инвалидный капитал» был основан по частной инициативе в 1813 году и служил для обеспечения пенсиями и пособиями раненых военнослужащих, вдов и детей убитых воинов. – И. С.). Она не хотела никакой «платы за любовь», хотя была бедна, едва сводила концы с концами. Александра Федоровна тоже повела себя благородно: распорядилась, чтобы Варваре Аркадьевне выделили час, когда она смогла бы находиться в траурной комнате наедине с телом Николая Павловича.

Последние годы фаворитка Николая I доживала в семье своей сестры, от имени которой и было опубликовано в газетах сообщение о смерти фрейлины двора его величества. Шел 1897 год. На троне был правнук ее возлюбленного. Но еще жив был младший сын Николая Павловича Михаил, тот самый, чье рождение в далеком 1832 году послужило причиной отдаления его родителей друг от друга и открыло путь к сближению императора с очаровательной Варенькой Нелидовой. Михаил и присутствовал на панихиде по усопшей. Единственный из семьи Романовых.

Крымская война, которую Петербург начинал с твердой уверенностью в легкой победе, стала крушением всего, во что верил, что 30 лет строил Николай I. К потрясению от неожиданных поражений и измен союзников добавилась тяжелая болезнь жены. Несколько дней жизнь ее была в опасности. Он не мог справиться с отчаянием. Анна Тютчева, находившаяся в Гатчинском дворце, где лежала больная, вспоминала: «Вид государя пронизывает сердце. За последнее время он с каждым днем делается все более и более удручен, лицо озабочено, взгляд тусклый. Его красивая и величественная фигура сгорбилась под бременем забот, тяготеющих над ним. Это дуб, сраженный вихрем, дуб, который никогда не умел гнуться и сумеет только погибнуть среди бури. Со времени болезни императрицы, при мысли о возможности ее смерти, несчастный император совершенно утратил бодрость духа. Он не спит и не ест. Он проводит ночи в комнате императрицы, и так как больную волнует мысль, что он тут и не отдыхает, он остается за

ширмами, окружающими кровать, и ходит в одних носках, чтобы его шаги не были ей слышны. Нельзя не быть глубоко тронутым при виде такой чисто человеческой нежности в этой душе, столь надменной по внешности. Господь да сжалится над ним и сохранит ему самое дорогое для него существо в ту минуту, когда у него уже все отнято».

Их младшие сыновья, Николай и Михаил, находились в это время в Севастополе, на передовой. Император попросил главнокомандующего, Александра Сергеевича Меншикова, дать им отпуск на несколько дней, если не предвидится никаких решительных действий и если их внезапный отъезд не произведет неприятного впечатления на однополчан. Он хотел поддержать больную. Надеялся, что встреча с сыновьями ее взбодрит. А уж если… то она хотя бы попрощается со своими любимыми мальчиками.

Она, конечно же, была рада взглянуть на сыновей. Но настояла на немедленном их возвращении в действующую армию: «Очень радостно увидеться, это даст нам силы для новой разлуки». Вот вам и легкомысленное, безответственное существо.

После короткой встречи с сыновьями она быстро пошла на поправку. Но радость от выздоровления была недолгой. Она начала выходить перед самым новым годом, 1855-м. А 17 февраля Николай, провожая солдат, уезжавших на фронт, простудился. Он сгорел за два дня. Это вызвало пересуды: мол, не отравился ли? Но, думаю, он просто не выдержал свалившихся на него бед, а, может быть, перед концом понял, как много непростительных ошибок совершил, в какую бездну вверг страну.

Александра Федоровна не покидала умирающего ни на минуту. Перед смертью он хотел видеть только ее: «Ты была моим ангелом-хранителем с того мгновения, как я тебя увидел, и до этой последней минуты». Держа его слабеющую руку, она прошептала: «Я хотела бы уйти с тобою. Как радостно было бы умереть вместе». Он ответил: «Не греши. Ты должна сохранить себя ради детей, отныне ты будешь для них центром». Она, как всегда, выполнила его волю – прожила еще пять лет. Переселилась из Зимнего в Аничков дворец – в «Аничков рай», как он когда-то называл их первое семейное гнездо. Там их любовь еще ничто не омрачало…

Она признавалась невестке, уже императрице, Марии Александровне: «Я горячо молилась всю свою жизнь, чтобы мы могли умереть вместе, но если один должен был пережить другого, лучше мне испытать Это горе. Что бы сталось с ним без меня?» И эту женщину смели называть слабой, капризной…

В последние годы уже не было ни балов, ни приемов (это у ее

свекрови настоящая светская жизнь началась после смерти мужа). Александра Федоровна виделась только с семьей и узким кругом близких – наконец-то только с теми, кого хотела видеть, а не с теми, кому по обязанности должна была уделять внимание. Ей подолгу приходилось жить в Ницце – врачи считали средиземноморский климат единственным, что может поддержать ее здоровье. Она старалась помогать многочисленным соотечественникам, которые тоже лечились на Лазурном берегу. До сих пор православную церковь в Ницце, построенную на деньги русских, украшает иконостас, пожертвованный Александрой Федоровной. Пребывание вдовствующей императрицы на юге Франции недешево обходилось казне, и она (та, которую так любили обвинять в расточительности!) отказалась от лечения в Ницце. Уговоры врачей, мольбы обеспокоенного ее здоровьем сына не помогли. Она решила вернуться в Петербург.

Много ездила по городу и в любимый Петергоф. С гордостью смотрела на то, что появилось в столице в годы царствования мужа. А гордиться было чем. От дивных ансамблей Росси и чуда света – Александровской колонны до громады Исаакия. Проезжая мимо собора, любимого детища Николая Павловича, поднимала глаза к барельефу на фронтоне одного из портиков: святой Исаакий благословляет византийского императора Феодосия и его супругу императрицу Флаксиллу. В уголке – Огюст де Монферран, создатель собора с макетом храма в руках. Она была благодарна архитектору: это ведь его идея – придать лицам византийской императорской четы сходство с Николаем и Александрой. Теперь они навсегда останутся вознесенными над столицей своей империи. Здесь они навсегда вместе.

Иногда заходила в собор, молилась, рассматривала мозаики, вспоминала: Николай, увидев эскизы росписи, советовался с ней, не перевести ли живопись в мозаику, она ведь простоит века. Она эту идею поддержала. Так что возрождением русского мозаичного искусства, утраченного после смерти Ломоносова, Россия обязана покойному императору, но немного – и ей, его скромной супруге, его «второму я». Всегда поминала Монферрана. Архитектор задолго до смерти просил императора похоронить его в подвале Исаакия. Государь обещал, но сам скончался за три года до Монферрана. А сын, Александр Николаевич, отказался хоронить зодчего-католика в православном храме: «Кто он такой, этот архитектор? Всего лишь исполнитель монаршей воли». Она тогда не вмешалась. И до конца дней чувствовала себя виноватой. Она вообще часто не вмешивалась: доверяла своим обожаемым мужчинам, мужу и сыну. А может быть, иногда вмешаться было

необходимо? Но – поздно. Уже ничего не исправить…

Последний ее выезд в город был на Исаакиевскую площадь. Хотела еще раз взглянуть на собор, на Мариинский дворец, на памятник мужу (работу того же Монферрана и скульптора Клодта). Будто прощалась…

«Рождена не для трона»

Мне очень трудно писать эту главу, потому что внимательное, подробное и по возможности беспристрастное изучение исторических материалов заставило меня расстаться с иллюзией, которую я пестовала многие годы. Дело в том, что самым интересным, волнующим воображение, вызывающим восхищение, удивление, сочувствие персонажем отечественной истории был для меня Александр II, царь-освободитель. Его любовь к юной Екатерине Долгоруковой казалась романтической и прекрасной. Более того, я видела в ней проявление внутренней свободы (император – не функция, он человек и имеет право на личную жизнь) и редкого благородства (не трусливая тайная связь, как у других, а открытое признание любимой женщины).

Много лет назад я написала сценарий фильма о нем и о его убийцах, вообще об истории русского террора. Назывался он «Построено на крови». Но тогда говорить об этом было слишком рано… Потом появились игровые фильмы. Оба – о романе, а вовсе не о личности императора. Потом были книги. Умная, глубокая, неравнодушная, а оттого особенно убедительная, Леонида Ляшенко; поверхностная – члена Французской академии, знаменитого французского писателя русского происхождения Анри Труайя и, наконец, как всегда блистательная – Эдварда

Радзинского.

Каждый автор уделял какое-то внимание императрице Марии Александровне, первой жене Александра Николаевича, но она была всего лишь эпизодом, фоном, а для кого-то и просто досадной помехой, мешавшей влюбленному императору соединиться со своей Катиш. Признаюсь, я относилась к ней почти так же. Но, чтобы написать о ней как фигуре вполне самостоятельной, нужно было изучить множество источников, не ограничиваясь общеизвестными воспоминаниями Анны Федоровны Тютчевой и книгой французского посла при русском дворе Мориса Палеолога. И чем больше я читала, тем горше было разочарование в моем любимом герое, тем большее уважение и сострадание вызывала его тихая, незаметная жена. И тем большее недоумение – то, как человек, чьи дела достойны восхищения и вечной благодарности, может быть в личной жизни так бессердечен и жесток. Судите сами.

В предыдущей главе я уже рассказывала, как познакомилась маленькая Гессенская принцесса со своим будущим мужем и почему Александра Федоровна была против этого союза. Что же испытывала при этом сама нежеланная невестка? Начнем с того, что решение наследник российского престола принял так скоропалительно, что потенциальная невеста о нем даже не подозревала. Она была не из той весьма распространенной породы женщин, которые, поймав на себе одобрительный взгляд мужчины, тут же начинают строить далеко идущие планы. Конечно, она не могла не заметить, что красивый русский царевич не сводит с нее глаз. Наверное, ей было приятно и немного тревожно. Но не более. Ведь ей всего 14 лет. И воспитана она в строгости. Да и придворной жизни не знала: мать, герцогиня Вильгельмина Луиза, урожденная принцесса Баденская, и официальный отец, герцог Дармштадтский Людвиг II, давно не жили вместе. Мать умерла, когда девочке было 12 лет. Людвиг поселил ее в пригородном замке Югендгейм и не уделял ей никакого внимания. Единственный добрый и любящий человек рядом с ней – гувернантка, швейцарка мадмуазель де Грансе (возможно, родственница родного отца). Но она тоже далека от придворной жизни. Так что просветить принцессу насчет матримониальных планов российского наследника было некому.

Когда он уехал (а это произошло на третий день знакомства), она, быть может, и вспоминала его, но скорее как некое сказочное, прекрасное видение, чем как человека, с которым ее свяжет судьба. А если бы знала, что этот сказочный принц, только что сообщивший родителям, что желает на ней жениться, уже

влюбился в другую… Было бы о чем призадуматься.

Отступление о невозможной любви

Итак, юная, ни о чем не подозревающая принцесса осталась в своем Дармштадте, а сказочный принц отправился в Англию. Встретили его при дворе английской королевы как везде: торжественно и гостеприимно. Только вот королева была совсем не такая, как везде: его ровесница, обворожительная, неудержимо влекущая. Княгиня Ливен писала о ней: «Красивая, элегантная, очаровательная девушка, с глубокими синими глазами, полуоткрытым ртом, белыми правильными зубами…». Она стала королевой в 19 лет. Была деятельна, прекрасно образованна, умела поддержать разговор и о литературе, и об искусстве, и о мировой политике. Родственники и приближенные деликатно намекали: пора замуж. К ней сватались, пытались завоевать ее сердце многочисленные немецкие принцы. Ни один ей не нравился.

А вот свидание с наследником российского престола взволновало. Он ведь не был совсем чужим. Когда-то его дядю, императора Александра I, избавителя Европы от Наполеона, с невиданной торжественностью принимали в Лондоне ее родители. Император стал ее крестным отцом. Ее даже назвали в честь русского самодержца (мало кто знает, что первое имя прославленной английской королевы – Александра, и уже после заметного охлаждения отношений между империями ее стали называть исключительно вторым именем – Виктория). Кроме того, они – родственники. Их бабушки, Мария Федоровна и Виктория, – родные сестры, Саксен-Кобургские принцессы.

Программа визита русского наследника была тщательно продумана и подготовлена: ужин в Букингемском дворце, оперное представление, проживание в очаровательном Виндзорском замке, банкет в Лондонской Таверне, военный парад в парке Сент-Джеймс, визит в Тауэр, посещение доков и ипподромов в Эпсоме и Эскоте, вручение диплома доктора права Оксфордского университета. Встречающая сторона, кажется, предусмотрела все. Но не могла предвидеть главного…

«Великий князь безумно нравится мне. Он естествен и весел. С ним легко… Я восхищена», – такая запись появляется в дневнике английской королевы в первый день знакомства. Через два дня, после бала в Букингемском дворце адъютант цесаревича, полковник Семен Юрьевич, который тоже ведет дневник, запишет: «Утром после бала царевич говорил только о королеве. О ее обаянии, чувстве юмора, молодости. На балу они были неизменными партнерами. Ей явно приятно его общество. Они –

идеальная пара».

Может быть, и вправду – идеальная, но, если помнить о государственных интересах обеих держав, – совершенно невозможная. В самом деле, не бросит же королева престол, чтобы уехать в Россию и жить при дворе в качестве жены наследника, а потом стать не самостоятельной монархиней, а всего лишь женой императора. А он? Разве для того его столько лет готовили к самодержавному правлению, чтобы стал в чужой стране не королем даже, а всего лишь принцем-консортом – мужем королевы. Это, конечно, почетно, но вполне бесправно. Пройдет время, и немецкий принц Альберт покинет Германию, чтобы стать мужем королевы Виктории. Или любил сильнее, или терял меньше, чем мог потерять наследник российского престола…

А пока юная королева записывает: «Я совершенно влюбилась в Великого Князя, он прелестный, очаровательный молодой человек. Когда начались танцы в красном зале, первую кадриль я танцевала с ним. Потом был вальс, я его пропустила, потом опять кадриль с господином Толстым (речь идет о графе Алексее Константиновиче Толстом, поэте, друге детства наследника. – И. С.), и снова вальс, который я просидела рядом с Великим Князем. В начале первого ночи все пошли к ужину. После ужина снова танцы. Русские танцевали мазурку, и я впервые в жизни танцевала мазурку с Великим Князем. С ним приятно и весело танцевать. Он такой невероятно сильный, так смело кружит, что я едва поспевала. Мы мчались вихрем. Маленький бал окончился около двух ночи. Никогда прежде я не была так счастлива. Всем было хорошо. Легла в четверть четвертого, до пяти не могла уснуть».

На следующий день будущая великая королева, давшая имя целой эпохе, пишет: «Великий Князь сказал мне, что чрезвычайно взволнован такой великолепной встречей и никогда ее не забудет. Добавил по-французски: „Поверьте, это не просто слова, я в самом деле так чувствую“. И повторил, что навсегда запомнит эти дни. И я их тоже никогда не забуду, я в самом деле люблю этого приветливого, славного молодого человека».

А тем временем в Петербург шли депеши, сообщавшие, что царевич не скрывает своей влюбленности в королеву; что королева призналась своей гувернантке: он первый мужчина, которого она полюбила; если он сделает предложение королеве Виктории, она без колебаний примет его; они все время проводят вместе, иногда это противоречит всем нормам этикета.

При том, что невозможность этого брака была очевидна, оба двора были не на шутку обеспокоены: мало ли что могут

натворить молодые влюбленные! Николай Павлович потребовал, чтобы сын как можно скорее покинул Лондон. Александр умолял разрешить задержаться, хотя бы на несколько дней. Безуспешно…

И наконец, – канун разлуки. Виктория пишет: «Наш последний вечер вместе. Когда отзвучал последний вальс, было двадцать минут третьего. Я с грустью простилась со всеми господами из свиты Великого Князя с чувством откровенной печали. Все они мне очень понравились… Потом я удалилась в синюю комнатку, куда лорд Пальмерстон ввел Великого Князя, чтобы он попрощался со мной. Мы остались одни. Великий Князь взял мою руку и крепко сжал в своей руке. Был бледен, и голос дрожал, когда он говорил по-французски: „У меня нет слов, чтобы выразить все свои чувства“. Добавил, как глубоко признателен за прием и надеется еще побывать в Англии. Он верит, что наша встреча будет залогом дружеских отношений между Англией и Россией. И тут он прижался к моей щеке, поцеловал меня так сердечно, и мы опять пожали друг другу руки. Я ощущала, что прощаюсь с близким родным человеком, а не с иностранцем, мне было очень грустно расставаться с ним, я даже немножко, шутя, была влюблена в него, а может быть, и действительно привязалась всем сердцем. Он такой искренний, такой по-настоящему жизнерадостный, милый, чарующий, с обаятельной улыбкой и мужественной элегантной внешностью».

В свою очередь, полковник Юрьевич записывает: «Прошлой ночью мы попрощались с английским двором. Когда цесаревич остался наедине со мной, он бросился в мои объятья, и мы оба плакали. Он сказал мне, что никогда не забудет Викторию. Прощаясь, он поцеловал королеву. „Это был самый счастливый и самый грустный момент в моей жизни“, – сказал он мне».

Эта печальная история доказывает, как непросто быть монархом. Это только кажется, что ему все доступно, что его жизнь – бесконечное торжество. На самом деле – над всеми чувствами, желаниями, мечтами превалирует (или должен превалировать) долг. Как только монарх позволяет себе отдать предпочтение чувству перед долгом, случается катастрофа. В определенном смысле это подтверждает судьба самого Александра II, который в последние годы предпочел чувство (если поверить одной из версий его гибели, о которой я расскажу чуть дальше). И уж наверняка самое яркое тому подтверждение – брак последнего российского самодержца, заключенный по любви и во многом способствовавший крушению империи.

А еще эта запретная любовь дает повод задуматься о том, как много значит в истории личность. И не только ее масштаб (что очевидно), но и самые, казалось бы, интимные события в жизни

человека, по своему положению вынужденного творить историю. Я не случайно уже не раз писала: если бы это случилось (или не случилось), наша история была бы другой. Вот и снова повод повторить эти слова: представим, что Виктория и Александр предпочли бы любовь государственным интересам. В России был бы другой император, и не случилось бы того, что случилось… И отношения с Англией наверняка были бы другими, значит, другой была бы вся мировая политика. Другой и, может быть, вполне счастливой была бы и судьба Гессен-Дармштадтской принцессы Марии. Стоило только двадцатилетним влюбленным забыть о том, что называется долгом…

Но не забыли. Александр Николаевич уехал. После его отъезда королеве Виктории остался на память альбом с портретами великого князя и подаренная им овчарка Казбек. До самой своей смерти пес оставался любимцем и баловнем королевы. Чувства российского императора оказались не такими прочными: во время восточного кризиса второй половины 1870-х годов он так отзывался о предмете своей юношеской любви: «Ах, опять эта старая английская дура!», «Ах, эта упрямая старая карга!». Политические реалии явно возобладали над памятью о давнем чувстве. Но это не помешало браку старшей дочери императора Марии Александровны, и одного из сыновей королевы Виктории, герцога Альфреда Эдинбургского. Правда, и Александр поначалу не хотел отдавать любимую дочь «в британскую даль», и Виктория не желала «родниться с семьей человека такой низкой нравственности, открыто позволившего себе фаворитку на 30 лет моложе себя». Но протесты родителей действия не возымели: молодые любили друг друга. Спустя совсем недолгое время после свадьбы Мария Александровна стала любимой невесткой королевы.

Пройдет 56 лет после этой встречи, он давно уже будет покоиться в усыпальнице Петропавловского собора, она же будет продолжать править Британской империей. И вот внучка королевы Виктории – вопреки воле бабушки, считавшей безумием выходить замуж в Россию, – станет российской императрицей. Последней. А еще через 23 года, в 1918-м, король Георг V, родной брат ее матери (кстати, внешне почти неотличимо похожий на ее мужа, русского императора Николая II), ничего не сделает, чтобы попытаться спасти своих родственников. Такое вот печальное окончание отношений между потомками очаровательных молодых людей, во имя долга отказавшихся от любви.

Вернувшись из заграничного путешествия (на обратном пути из Англии он несколько дней провел в Дармштадте), Александр

вновь, к ужасу родителей, воспылал страстью к Ольге Калиновской. Даже заявил, что готов последовать примеру дядюшки, Константина Павловича, нашедшего счастье с полькой Иоанной Грудзинской (в замужестве – княгиней Лович) и отказавшегося от трона. Николай Павлович решительно пресек продолжение этого романа, выдав Ольгу замуж за мужа ее покойной сестры, Иринея Огинского, одного из богатейших людей Польши. Вскоре у супругов родился первый сын. Став взрослым, он утверждал, что его отцом был император Александр II. Кто знает?

Александру Федоровну влюбчивость сына огорчала чрезвычайно. «Что будет с Россией, – с болью писала она в дневнике, – если человек, поставленный царствовать над ней, неспособен владеть собой, подчиняется собственным страстям и не может их контролировать?» Она очень любила сына и, наверное, поэтому так опасалась за его судьбу и за судьбу России. К сожалению, она нечасто ошибалась в своих пророчествах…

А тем временем маленькая Гессен-Дармштадгская принцесса продолжала играть в куклы и запоем читать в мрачном пригородном замке своего названного отца. Она не подозревала, что судьба ее уже решена, что она обречена стать жертвой случайных и вовсе не зависящих от нее обстоятельств: случайная, незапланированная остановка наследника в Дармштадте; невозможность (по политическим мотивам) брака Александра с английской королевой; невозможность и брака (по мотивам династическим) с бывшей возлюбленной, Ольгой Калиновской. Мария стала самым приемлемым для всех выходом из положения. Именно так смотрели на нее поначалу все. Это потом ее скромное очарование покорит не только жениха и свекровь, но и самого Николая Павловича, который будет относиться к ней едва ли не с такой же заботой и нежностью, как к обожаемой жене. Похоже, он, как и Александра Федоровна, почувствовал, какой незащищенный, застенчивый, одинокий и ранимый человек его юная невестка, и хотел, как мог, облегчить ей переход в новую жизнь. Парадоксально, но суровый, холодный Николай был с близкими мягок и добр; а его мягкий, добросердечный сын, наоборот: именно с близкими – бессердечен.

Приезд российской императрицы в Дармштадт за невестой для наследника стал сенсацией. При всех европейских дворах недоумевали: за что этой «якобы принцессе» такая честь?! А сама невеста была смущена, растрогана, благодарна, но и напугана: она к тому времени уже знала, почему Александра Федоровна поначалу была категорически против выбора сына, и полностью оправдывала такое отношение русской императрицы. Мария сама

всегда чувствовала свою ущербность, неполноценность. Ей и спустя годы будет неловко, что ее, незаконнорожденную, судьба вознесла так высоко – не по праву. Скорее всего, именно этим объяснялась ее робость, скованность, апатия, в которых ее часто упрекали.

Сначала императрица привезла принцессу Марию в Царское Село: Александра Федоровна хотела, чтобы она хоть немного освоилась, познакомилась с людьми, с которыми ей придется жить до конца дней. 7 сентября 1840 года высоконареченную невесту повезли из Царского в столицу. Остановились в путевом дворце, чтобы переодеться и сменить экипажи. Царскую невесту одели в белый шелковый сарафан с голубым шлейфом, вышитым серебром, украсили драгоценностями и темно-малиновой бархатной повязкой, обшитой бриллиантами; на голову накинули вышитую серебром вуаль. Такой роскоши Мария не только никогда не носила, но и не видела. Она была не рада великолепному наряду, а смущена и растеряна. Переодевшись, уселись в золоченые кареты и медленно, торжественно направились через весь город к Зимнему дворцу. У входа их встречали государь и наследник. Мария от волнения была бледна, не решалась поднять глаз.

В столице начались бесконечные балы и праздники в честь предстоящей помолвки. Но виновница этих торжеств часто не могла на них присутствовать. О причине рассказала Анна Федоровна Тютчева:

Много раз после долгих усилий преодолеть застенчивость и смущение она ночью в уединении своей спальни предавалась слезам и долго сдерживаемым рыданиям. Затем, чтобы устранить следы своих слез, она открывала форточку и выставляла свои покрасневшие глаза на холодный воздух зимней ночи. Вследствие такой неосторожности у нее на лице появилась сыпь, от которой чуть не навсегда пострадала изумительная белизна ее лица. Эта болезнь, затянувшаяся довольно долго, заставила ее безвыходно просидеть в своей комнате в течение нескольких недель и дала ей возможность постепенно освоиться с членами своей новой семьи и особенно привязаться к своему царственному жениху, который не только не отдалился от молодой невесты вследствие болезни, одно время угрожавшей ей потерей красоты, но, наоборот, удвоил свои заботы и проявления нежной внимательности и этим привязал к себе ее сердце, еще слишком юное, чтобы испытывать более страстные чувства. Именно после болезни у нее появилась некоторая уверенность в реальности происходящего: значит, этот прекрасный принц действительно любит ее, если его не оттолкнуло грозящее ей уродство; значит, рядом с ней будет

родная душа – главное, чего ей недоставало и о чем она едва осмеливалась мечтать.

Для Марии, человека глубокого, не способного притворяться, очень труден был переход в новую веру. Я уже рассказывала в предыдущей главе, как помогла ей в этом Александра Федоровна. Миропомазание состоялось 5 декабря. Гессенская принцесса стала православной великой княжной Марией Александровной. На следующий день с присущей петербургскому двору и так никогда и не ставшей привычной для Марии пышностью совершилось обручение. Через четыре с половиной месяца была назначена свадьба.

Одна из фрейлин принцессы, а позднее – камер-юнгфера императрицы, Александра Ивановна Яковлева-Уотермер вспоминала:

Рано утром в дежурную комнату вошел мужчина очень высокого роста, довольно полный, с маленькой головой, с гладко причесанными волосами, со звездой на груди. Его появление меня несколько озадачило, так как с этой стороны никто не имел права войти, кроме царской фамилии и доктора, а о всех остальных должен был докладывать камердинер. Я только что хотела ему это заметить и предложить обратиться к камердинеру, как он весьма вежливо поклонился и сказал; «Могу ли я вас попросить доложить принцессе, что Жуковский, ее учитель, желал бы представиться ей». Конечно, я была рада исполнить его желание и сама доложила о нем принцессе и проводила его к ней. Я была очень довольна, что мне удалось увидеть нашего знаменитого писателя.

Это Александра Федоровна попросила, чтобы он учил будущую ее преемницу русскому языку. Она по собственному опыту знала: может быть, грамматике он и не научит, ее можно изучить и без его помощи, зато почувствовать красоту языка лучше Василия Андреевича не поможет никто. И еще надеялась: как ей он когда-то помог полюбить страну, еще вчера бывшую чужой и, что греха таить, – пугающей, так и ее робкой невестке он поможет почувствовать и полюбить Россию. Так оно и случилось. Жуковский стал первым другом, обретенным принцессой Марией в Петербурге. Она никогда его не забудет. После его смерти вместе со свекровью организует переезд в Россию его вдовы и детей, будет заботиться об осиротевшей семье, а после смерти Елизаветы Алексеевны Жуковской (та приняла православие после смерти мужа, думается, не без влияния императрицы и ее невестки) возьмет на себя воспитание дочери и сына своего учителя.

Судьба дочери поэта станет причиной одной из очень серьезных размолвок Марии Александровны со своим супругом. В

том, что Александр Николаевич своего наставника обожал и очень тяжело пережил его смерть, сомневаться не приходится. В его кабинете над столом всегда висел огромный портрет Жуковского (это было отступлением от правил: должен был висеть портрет батюшки, Николая Павловича). И в любимом Царском Селе он поставил бюст учителя. И был признателен, что жена уделяет внимание детям поэта. Оба получили блестящее образование.

Павел Васильевич станет архитектором. По его проекту в Москве поставят памятник Александру II (большевики разрушат его, как только придут к власти). Александра Васильевна станет фрейлиной императрицы Марии, в нее страстно влюбится великий князь Алексей Александрович. Александр Николаевич, в то время большой приверженец «семейных ценностей», не пощадит ни сына, ни дочь любимого наставника, беременную от великого князя, вышлет ее из России. К тому же строго прикажет наследнику в будущем категорически не допускать морганатических браков, которые способны расшатать нравственные устои не только семьи, но и страны. Кто бы мог вообразить, что вскоре… Но об этом «перерождении» государя чуть дальше.

А пока ничто не предвещает беды. Великая княгиня с трепетом ждет свадьбы. Та же Александра Ивановна Уотермер оставила любознательным потомкам описание бракосочетания принцессы Марии. Привожу его с минимумом купюр. Благодаря наблюдательности и дару слова, которым владеет автор, оно дает полное и яркое представление не только об этой свадьбе: бракосочетания немецких принцесс, становившихся российскими императрицами, проходили примерно одинаково:

1841 года, 16 апреля (свадьба не случайно была назначена на это число: 17 апреля Александру Николаевичу исполнялось 23 года, этот день он хотел встретить уже женатым человеком. – И. С.) в 8 часов утра пятью пушечными выстрелами возвестили столице, что высочайшее бракосочетание имеет быть сегодня. При одевании невестой венчального туалета присутствовали статс-дамы и фрейлины. Белый сарафан ея был богато вышит серебром и разукрашен бриллиантами. Через плечо лежала красная лента; пунцовая бархатная мантия, подбитая белым атласом и обшитая горностаем, была прикреплена на плечах. На голове бриллиантовая диадема, серьги, ожерелья, браслеты – бриллиантовые.

В сопровождении своего штата великая княжна пришла в комнаты императрицы, где ей надели бриллиантовую корону. Императрица сознавала, что не драгоценные алмазы должны в этот день украшать невинное и чистое чело молодой принцессы;

она не у держалась от желания украсить голову невесты цветком, служащим эмблемою чистоты и невинности. Императрица приказала принести несколько веток живых померанцевых цветов и сама воткнула их между бриллиантами в корону; маленькую ветку приколола на груди; бледный цветок не был заметен среди регалий и драгоценных бриллиантов, но символический блеск его умилял многих.

В назначенный час вся царская фамилия вышла в зал, где ее ожидал весь придворный штат. По мере того как шествие продвигалось вперед по залам, придворные по парам примыкали к нему. В церкви уже заняли свои места приглашенные иностранные гости, посланники и представители иностранных дворов в блестящих придворных костюмах, дамы в богатых парадных придворных платьях своих дворов.

На хорах тех зал, по которым должно было пройти шествие, толпилась масса публики. Сюда стеклось все, что только имело возможность получить билет, все хотели иметь честь и счастье присутствовать при священном бракосочетании наследника всероссийского престола.

На хорах публика была в самых богатых туалетах; случилось, однако, что у одной дамы была надета черная кружевная накидка; тотчас является скороход, отыскивает даму и просит от имени гофмаршала Олсуфьева снять черную накидку. Дама, конечно, моментально исполняет желание гофмаршала, сбрасывает накидку и держит ее на руках; вторично появляется скороход, прося унести или так спрятать, чтобы вовсе не было видно ничего черного (в этой черной накидке, нарушившей светлую праздничную гамму парадных одежд, потом увидят один из зловещих знаков судьбы. – И. С.).

После венца великая княгиня вернулась в покои императрицы, куда мы поспешили, чтобы поздравить императрицу и царевну. Приняв поздравления своих приближенных, молодая сняла мантию и, полулежа на кушетке, отдыхала в ожидании часа, назначенного для парадного обеда.

Когда донесли государю, что все приглашенные к торжественному обеденному столу заняли свои места, царская фамилия двинулась к залу и заняла свои места… Провозглашение тостов за здоровье государя, государыни и новобрачных сопровождалось звуками труб, литавр и пушечными выстрелами, на хорах играла музыка и раздавалось пение. Звон колоколов не умолкал весь день.

Когда стемнело, весь город был залит огнями великолепной иллюминации. Вечером был бал… Для порядка и избежания толкотни и недоразумений всем было назначено не только зало,

где должно было ожидать появления царской фамилии, но и подъезд, с которого надо было войти во дворец. Толпа стояла стеною, двигаться во многих местах было почти невозможно. Музыка раздавалась во всех залах, по которым царская фамилия проходила несколько раз.

Перед концом бала великий князь Михаил Павлович и великая княгиня Елена Павловна (дядюшка жениха, младший брат императора Николая I, и его супруга, урожденная принцесса Вюртемберг-Штутгартская Фредерика Шарлотта Мария. – И. С.) удалились на половину цесаревича; после чего государь и государыня в сопровождении свиты проводили новобрачных на их половину; здесь они были встречены великим князем М. П. и великою княгинею Е. П., которые вместе с государем и государыней отвели новобрачных в их внутренние покои, где молодую ожидала камер-фрау для принятия драгоценностей и для исполнения обычного ночного туалета.

Все было торжественно и красиво, как в сказке о Золушке. Ничто не предвещало беды (о черной накидке вспомнят потом, когда от счастья не останется и следа).

Первый удар нанес Марии любимый и любящий свекор. Дело в том, что с ней из Дармштадта приехал брат, Александр. Он тоже был принцем Гессенским только официально. Его родным отцом, как и отцом Марии, был барон де Граней. Брат и сестра были очень близки. Александра Федоровна, поняв, что разлука с братом станет для будущей невестки невыносима, пригласила его поехать вместе с ними в Петербург. Здесь он подружился с наследником, понравился императору, и началась его быстрая и успешная карьера. Для Марии, которая с трудом привыкала к торжественной роскоши придворной жизни, боялась как-то нарушить незнакомые и непонятные правила этикета, робела и перед царственными родственниками, и перед придворными, и даже перед фрейлинами, присутствие брата было якорем спасения. Но на ее беду Александр влюбился во фрейлину, Юлию Гауке, дочь генерала, убитого во время польского восстания 1830 года. Царская семья ей покровительствовала, но, узнав, что она ждет ребенка от принца Александра, Николай Павлович разгневался и повелел принцу прекратить недостойную связь. Александр, как человек чести, отказался бросить мать своего будущего ребенка. Император не терпел ослушаний и приказал обоим покинуть страну, Юлию лишил пенсии за отца (2500 рублей), Александра – жалованья (12 000 рублей), оставив их без средств к существованию. Заступничество любимой невестки не смягчило государя. Мария была в отчаянии. Она долго и безутешно плакала, не в силах помочь брату даже материально:

своих средств у нее не было. Близко знавшие ее считали, что к ней больше не вернутся веселость и оживление, которые так радовали окружающих, когда она находилась в обществе брата.

Александру Гессенскому еще предстоит сыграть роль спасителя (пусть и невольного) императорской фамилии. Это случится через много лет после изгнания, когда императором уже давно будет Александр Николаевич. Помилованного изгнанника пригласили в Зимний дворец на торжественный обед. Он непростительно опаздывал. Царское семейство ждало, не выходило к столу. И тут чудовищной силы взрыв потряс дворец: взорвался динамит, подложенный террористом Желябовым под столовую. Погибли караульные солдаты, но никто из Романовых не пострадал. Спасибо не слишком пунктуальному принцу Александру.

Любопытно: от Александра и Юлии пошел род Маунтбеттнов. Их потомок, Филипп, стал принцем Эдинбургским, за которого вышла замуж английская королева Елизавета II.

А тогда, 19 февраля 1880 года, Мария Александровна не слышала взрыва. Она была тяжело больна (жить ей оставалось три месяца и три дня), спала под действием снотворного. Когда узнала, пришла в отчаяние: впервые при покушении на ее мужа погибли люди. Она, находившаяся на пороге смерти и знавшая об этом, первая (!) занялась судьбой пострадавших и семей погибших, послала помощь в госпитали. Когда об этом стало известно, ее примеру последовали многие. Денег было пожертвовано столько, что будущее пострадавших и их семей было обеспечено.

Но пока ничто, кроме изгнания брата, не омрачает ее жизнь. Свекровь относится к ней, как к дочери, так, как когда-то к ней самой относилась Мария Федоровна. Но отношения между этой свекровью и этой невесткой много теплее и человечнее. Александра Федоровна не мучит робкую принцессу требованиями жесткого соблюдения этикета. Многие с умилением вспоминали, какую очаровательную картину представляли собой императрица и великая княгиня, гуляющие по аллеям Царскосельского парка или попросту сидящие на траве. Они больше походили на сестер: обе в легких белых платьях, стройные, почти воздушные. У обеих на головах венки: у старшей – из васильков, у младшей – из маков и колосьев. Мужья с нежностью любовались своими женами и были счастливы их дружбой. И все же Марию не покидало внутреннее напряжение, которому во внешней жизни не было причин. Она словно провидела будущее.

С радостью встретила семья рождение первого ребенка. Назвали девочку Александрой, в честь бабушки. Это была вовсе

не дань вежливости: молодая мать хотела сделать приятное императрице. К сожалению, Сашеньке суждено было прожить всего 7 лет. Второго ребенка, сына, назвали Николаем. В честь деда. Император внука обожал. После рождения этого малыша Мария стала его кумиром. Перед смертью, прощаясь с невесткой, Николай Павлович именно ей доверил заботу о любимой жене, и она свято выполняла его волю до последнего дня жизни свекрови. А его смерть пережила очень тяжело. «Этого человека я любила больше всех после моего мужа, и который больше всех Других любил меня», – признавалась она с тоской. Это была первая смерть любимого человека в ее взрослой жизни (мать она потеряла в детстве, после этого никто из ее близких не умирал). Перед ней будто раскрылась тайна бытия. Именно после его смерти она не умозрительно, а всем сердцем поверила в то, что нужно готовиться к жизни вечной.

Анна Федоровна Тютчева познакомилась с двадцативосьмилетней великой княгиней, когда у той было уже пятеро детей, незадолго до смерти Николая I. Тютчева искренне полюбила Марию Александровну, стала ей почти подругой и даже, как ни парадоксально Это звучит, покровительствовала императрице (это напоминает отношения Екатерины Дашковой и Екатерины II, только Мария – не Екатерина, а вот Тютчева на Дашкову очень похожа). Описанию внешности и душевных свойств супруги Александра II, оставленному Тютчевой, вполне можно довериться:

… Она выглядела еще очень молодой. Она всю жизнь сохранила эту молодую наружность, так что в 40 лет ее можно было принять за женщину лет тридцати. Несмотря на высокий рост и стройность, она была такая худенькая и хрупкая, что не производила на первый взгляд впечатления belle femme; но она была необычайно изящна, тем совершенно особым изяществом, какое можно найти на старых немецких картинах, в мадоннах Альбрехта Дюрера, соединяющих некоторую строгость и сухость форм со своеобразной грацией в движении и позе, благодаря чему во всем их существе чувствуется неуловимая прелесть и как бы проблеск души сквозь оболочку тела. Ни в ком никогда не наблюдала я в большей мере, чем в цесаревне, это одухотворенное и целомудренное изящество… Черты ее не были правильны. Прекрасны были ее чудные волосы, ее нежный цвет лица, ее большие голубые, немного навыкат, глаза, смотревшие строго и проникновенно. Профиль ее не был красив, так как нос не отличался правильностью, а подбородок несколько отступал назад. Рот был тонкий, со сжатыми губами, свидетельствующий о сдержанности… едва заметная ироническая улыбка представляла

странный контраст к выражению ее глаз. Я настаиваю на всех этих подробностях потому, что я редко видела человека, лицо и наружность которого лучше выражали оттенки и контрасты его внутреннего чрезвычайно сложного «я».

Передо мной портрет великой княгини – акварель, написанная Кристиной Робертсон. Тот самый суперреализм, который точнее, чем любая фотография, передает каждую подробность, каждую мелочь, но к тому же – и отношение автора, что в этом случае немаловажно: Робертсон – глубокий и тонкий психолог. Так вот: на портрете существо неописуемой прелести, нежное, изысканное, хрупкое. Описывать не берусь. Это Анна Федоровна нашла точные слова, но ей сам Бог велел: наследственность-то какая! У меня же, когда смотрю на этот портрет, рождаются не слова, а твердое убеждение: обидеть такое создание – грех неискупимый…

Некоторые исследователи биографии Александра II полагают, что его безупречное отношение к жене при жизни отца вызвано страхом перед суровым родителем, который не допустил бы не только измен, но даже холодности к любимой невестке. Быть может, так оно и было. А может быть, при жизни Николая Павловича ни у кого не было нужды добиваться отдаления наследника от его умной жены. До той поры, пока он оставался только наследником и практически ничего не решал. Зато потом, когда он стал императором…

О том, как менялось положение и поведение его супруги, любопытные воспоминания оставил князь Владимир Петрович Мещерский:

…Гостиная императрицы была уже не та. Прежде, с начала царствования, в Петербурге говорили об этой гостиной, потому что в ней раз или два раза в неделю бывали небольшие вечера, где велись оживленные беседы о проблемах русской жизни… Но в 1864 году уже этих вечеров исчезли и следы. И все знали с грустью, что императрица старалась отстраниться от всякого прямого вмешательства в дела… Вечера бывали, но они имели характер светский и абсолютно не политический… Только по средам, когда император уезжал на охоту, императрица собирала у себя за обедом иногда людей для политической беседы…

О причинах отстранения от вмешательства в дела – у Мещерского ни слова. А вот уже упоминавшийся князь Петр Владимирович Долгоруков об этих причинах рассказал нелицеприятно:

В первые месяцы своего царствования Александр Николаевич советовался с Марией Александровной, которая даже присутствовала иногда при докладах министров. Но едва прошло

несколько месяцев, и приближенные государя, камарилья, или, выражаясь по-русски, ближняя дворня царская, стали нашептывать Александру Николаевичу, будто по России разнесся слух, что Мария Александровна им управляет. Для человека с твердым характером этот слух показался бы смешным; люди энергические любят советников и советниц… Люди энергические не только не боятся советов, но ищут их, напрашиваются на них, но для человека с характером слабым, как Александр Николаевич, для такого человека слух, будто им управляет жена, был настоящим огорчением. Царская дворня получила полный успех: государь не только перестал говорить о делах с императрицей, но еще начал с ней обходиться довольно резко и не всегда вежливо. Ныне, если императрица желает для кого-нибудь выхлопотать у государя что-нибудь, то обращается к посредству министров. Она видит, что все идет плохо, но не решается вмешиваться в дела.

Положение молодой государыни еще больше усложнили английские газеты, начавшие писать о том, что в России появилась умная, талантливая царица; предрекали: она способна стать Екатериной III. Чем были вызваны такие домыслы, сказать трудно. Может быть, те, кто знал об увлечении королевы Виктории нынешним русским государем, хотели уязвить ее. Возможно, наслышанные о характере Александра Николаевича, хотели, как и его приближенные, отдалить его от супруги, действительно наделенной умом тонким, проницательным и ироничным: отношения между Россией и Англией были к тому времени совсем не дружественными. Для Александра эти измышления были намеком на судьбу Петра III – на возможность женского дворцового переворота. Намеки эти были абсолютно неосновательны: никогда рядом с российским императором не было женщины, меньше претендовавшей на власть и меньше к власти пригодной, чем Мария Александровна.

Так образовалась первая глубокая трещина в казавшихся такими гармоничными отношениях супругов. Трещине этой уже не суждено будет затянуться. Второй конфликт произойдет из-за расхождений в подходе к воспитанию наследника. И он тоже будет весьма серьезен. Но об этом чуть дальше. А пока отношения еще таковы, что Мария Александровна получает от мужа подарок, о каком не могла даже мечтать.

Отступление о милой Ливадии

Болезнь легких, которая свела Марию Александровну в могилу, обнаружилась у нее очень рано. Кое-кто из знавших ее близко, считал, что в своей болезни она отчасти виновата сама: слишком уж легкомысленно относилась к собственному здоровью. Это при ее-то серьезности. Но большинство было уверено: всему виной петербургский климат. Уехать из Петербурга навсегда она не могла, но время от времени ездила лечиться за границу. Такие поездки всегда были мучительны: приходилось расставаться с мужем и детьми. Нужно было найти место, где бы климат (сочетание горного и морского воздуха) давал возможность поддерживать здоровье, не покидая страны. И такое место в России было: полуостров Крым.

«Под державу Российскую» Крым был присоединен в 1783 году, Россия утвердилась на берегах Черного моря. Петр Великий об этом мечтал. Екатерина Великая это сделала. Турция не могла смириться с утратой безраздельного господства на Черном море и усиленно готовилась к войне в надежде вернуть Крым. И тут австрийского императора Иосифа II и послов европейских держав Екатерина приглашает сопроводить ее в путешествии на юг России. Она хочет посмотреть сама и показать своим гостям новые земли, приобретенные в последние годы. Путешествие обещает быть занимательным…

7 января 1787 года из Царского Села отправляется поезд императрицы, состоящий из 14 карет, 124 саней с кибитками и 40 запасных саней. Карету государыни везли 30 лошадей, сама карета напоминала вагон и состояла из 8 комнат. Не только императрица, но и иностранные посланники, и свита расположились с отменным комфортом. И все же… Впереди несколько тысяч верст пути. Дороги в России известно какие. Екатерине 58 лет, здоровье уже не то. Неужели только ради того, чтобы взглянуть своими глазами на то, что так подробно и красочно описывал ей Потемкин, решилась она на такое трудное путешествие, надолго покинула столицу? Имея хоть какое-то представление о характере великой государыни, стоит поискать скрытые от посторонних глаз мотивы, заставившие ее отправиться в поездку.

Итак, Россия обустраивает юг. Турция готовится к войне. Европейские страны, особенно Австрия, колеблются: на чью сторону встать. Наверняка Екатерина хочет показать иноземным гостям, как укрепилась, усилилась ее держава, и тем самым привлечь их на свою сторону. Известно: колеблющиеся обычно

выбирают сильнейшего. Но этого мотива мало, чтобы пуститься в такую дальнюю дорогу, – иностранным гостям мог бы показать новые земли и сам светлейший князь Потемкин-Таврический.

Так что же еще? В секретном Рескрипте от октября 1786 года Екатерина все объясняет сама: «Предпринимаемое нами путешествие доставляет случай весьма благовидный к скрытию до времени прямых причин движения войск наших». Вот так! Турция готовится к войне. Мы – тоже. Но нам необходимо для этого продвинуть ближе к турецкой границе две армии. Сделать это скрытно невозможно. Значит, нужна «операция прикрытия». Екатерина придумала: такой операцией станет ее путешествие. А войска? Ничего удивительного: бесценную жизнь государыни нужно охранять. Так первая немецкая принцесса на русском престоле готовила последнюю в XVIII веке войну с Турцией, которая закончилась для России блистательно. Ясский мирный договор тому подтверждение. Крым, который Екатерина назовет драгоценнейшей жемчужиной в своей короне, стал русским. Казалось, навсегда…

Рискуя еще больше отвлечься от рассказа о подарке, полученном императрицей Марией Александровной от любимого супруга, не могу не напомнить, о чем обычно рассказывают, вспоминая это путешествие Екатерины. Конечно же, о потемкинских деревнях. Очередной миф, созданный историками. Да, кое-какие основания для этого есть: и путевые дворцы, и постоялые дворы, и новенькие крестьянские дома по пути следования государыни, и осчастливленный встречей народ с хлебом-солью – все это было. Но были еще и новые города, и вполне реальный черноморский флот, и прекрасный порт, который потом, уже во время царствования правнука Екатерины, назовут городом русской славы. Уж этого-то имени у Севастополя никто не отнимет.

А любителям рассказывать только о «потемкинских деревнях» напомню впечатления от поездки на русский юг людей, если и не абсолютно беспристрастных, то уж наверняка не склонных преувеличивать успехи России. Вот мнение австрийского императора, человека, обладавшего острым умом и серьезными военными знаниями: «Надобно сознаться, что это было такое зрелище, красивее которого трудно пожелать. Севастополь – красивейший порт, какой я когда-либо видел. Настроено уже много домов, магазинов, казарм, и если будут продолжать таким образом в следующие три года, то, конечно, этот город сделается очень цветущим. Все это очень не по шерсти французскому посланнику, и он смотрит страшно озадаченным…».

А упомянутый французский посланник, граф Людовик

Филипп де Сегюр, правительство которого вовсе не было заинтересовано в укреплении России, писал: «Мы увидели в гавани в боевом порядке грозный флот, построенный, вооруженный и совершенно снаряженный в два года. Государыню приветствовали залпом из пушек, и грохот их, казалось, возвещал Понту Эвксинскому, что есть у него повелительница и что не более как через 30 часов корабли ея смогут стать перед Константинополем, а знамена ее армии развеваться на стенах его… Нам казалось непостижимым, каким образом в 2000 верстах от столицы, в недавно приобретенном крае, Потемкин нашел возможность построить такой город, создать флот, укрепленную гавань и поселить столько жителей: это был действительно подвиг необыкновенной деятельности».

Но главной, разумеется, была оценка самой Екатерины: «Весьма мало знают цену вещам те, кои с уничижением бесславили приобретение сего края: и Херсон, и Таврида со временем не только окупятся, но надеяться можно, что, если Петербург приносит осьмую часть дохода империи, то вышеупомянутые места превзойдут плодами болотные места… С сим приобретением исчезнет страх от татар, которых Бахмут, Украина и Елисаветград поныне еще помнят; с сими мыслями и я с немалым утешением… ложусь спать сегодня, видя своими глазами, что я не причинила вреда, но величайшую пользу своей империи». Этим приобретением Россия успешно пользовалась 200 лет, дважды за эти годы защитив его от захватчиков, щедро полив кровью своих солдат. Первый раз – в Крымскую войну, второй – в Великую Отечественную.

События, о которых я рассказываю, происходили через несколько лет после Крымской войны. Страна залечивала раны. Крым возрождался, благоустраивался. Он входил в состав Российской империи уже почти 100 лет, но царской резиденции в этом благодатном краю до сих пор не было. Первым из Романовых землю в Крыму (имение Ореанда) перед самой смертью купил дядюшка Александра Николаевича, император Александр I (об этом я писала в главе «Елисавету втайне пел»). По наследству Ореанда перешла Николаю I и Александре Федоровне, а после ее кончины – второму сыну императорской четы, Константину Николаевичу.

Александр Николаевич подарил жене Ливадию, имение на Южном берегу Крыма, чуть восточнее и выше Ореанды. Ливадией владел граф Лев Северинович Потоцкий, польский аристократ, состоявший на русской дипломатической службе. После смерти Потоцкого его дочери решили продать огромное имение, содержать которое было им не по силам. Покупателем оказался

император. Лучше Южного берега Крыма для поддержания здоровья жены трудно было что-нибудь придумать.

Впервые царское семейство приехало в Ливадию в 1861 году. Это был потрясающий год. Казалось, Россия по мановению руки государя вступила в новую эру – Александр отменил крепостное право, покончил с рабством. Тогда никто и подумать не мог, как отблагодарят царя-Освободителя его подданные… И горя, которое ждет семью, никто не предвидел. Даже Мария Александровна, казалось, избавилась от своей постоянной тревоги и неуверенности. Она так гордилась своим мужем! А тут еще Ливадия! Может быть, самое благодатное место в Крыму. Правда, здесь нет скал Симеиза и Гурзуфа, горных уступов Алупки и Мисхора, таинственных бухточек Нового Света. Зато нигде нет такого покоя, как в Ливадии. Недаром греки дали ей это имя (в переводе с греческого оно означает «лужайка, луг»).

Мария Александровна была очарована. Она никогда не говорила просто «Ливадия». Всегда: «Моя милая Ливадия». Правда, постройки, оставшиеся от Потоцкого, не вполне подходили для царской резиденции. Проект полной реконструкции имения был заказан придворному архитектору Ипполиту Антоновичу Монигетти, как человеку «знающему вкус их императорских величеств». Мария Александровна тоже знала вкус зодчего, его блестящие познания в истории искусств и склонность к смелым, нетривиальным решениям, потому предоставила Монигетти полную свободу творчества. И не ошиблась. Правда, все проекты утверждала лично.

Бывавшие в те годы в Ливадии оставили восторженные отзывы о шедеврах, созданных архитектором и мастерами-садовниками. К сожалению, из построек Монигетти до наших дней сохранилось немного. Это дворцовая церковь Воздвижения Честного Креста, построенная в редком у нас стиле грузинских и византийских храмов, домик садовника, конюшня, несколько фонтанов и дивная турецкая беседка, ставшая одним из символов Ливадии. В ней Мария Александровна провела много часов, к сожалению, больше печальных, чем счастливых. Окончание всех строительных работ в новом имении совпало с трагедией в царской семье, так что императрица смогла проводить много времени в Ливадии только начиная с 1867 года.

Царская чета обычно приезжала в Крым с младшими детьми. Их приезд был бедствием для ливадийских садовников, которые искусно подбирали для парка редкие, прекрасные растения. Дело в том, что маленькие великие князья увлекались приручением горных коз, которые бесцеремонно поедали с клумб с трудом и любовью выращенные цветы. Императрице приходилось просить

прощения за шалости своих мальчиков. Извинения всегда сопровождались дорогими подарками.

Газета «Московские ведомости» сохранила для нас подробное описание распорядка жизни царской семьи: «В Ливадии придворный этикет насколько возможно устранен. Утром Царь (так, с прописной буквы, в газете. – И. С.) по обыкновению встает рано, прогуливается по парку пешком, потом занимается делами; иногда садится на лошадь и спускается к морю, к купальне.

Обыкновенно он ходит в белом кителе, императорская свита тоже. Обедают, как в деревне, в 2 часа, ужинают в 9 часов. После обеда подаются экипажи и предпринимаются поездки по ближайшим живописным местам. Государь, по обыкновению, садится с Императрицею в соломенный плетеный фаэтон. Иногда они ездят со свитою экипажей, а чаще вдвоем, как простые туристы. Местные жители не тревожат их восклицаниями и не сбегаются к их пути, благоговейно осознавая, что и царям отдых нужен.

Вечер царская семья проводит большей частью в тесном кругу приближенных. Мирный день кончается рано, и день следующий повторяет предыдущий. По воскресеньям некоторые известные лица приглашаются слушать обедню в придворной церкви. Ливадия с каждым днем становится все красивее и цветистее, не только Южный берег, но и весь юг, все Черное море смотрит на нее с любовью и надеждой».

Автору этих газетных заметок только кажется, что жизнь царской семьи была так монотонна. На самом деле в Ливадии нередко решались серьезные государственные и межгосударственные вопросы. Здесь гостили и проводили весьма полезные для России переговоры и принц Уэльский, и князь Сербский, и министр иностранных дел Турции. Не зря Александр II почти всегда приглашал с собой в Ливадию канцлера Горчакова. Здесь ему были отведены постоянные апартаменты. Едва ли многие сегодня знают, а еще меньше тех, кто поверит: канцлер, второй человек в империи после государя, не имел не только собственного дворца, но даже квартиры. Визиты князя Горчакова были отрадой для Марии Александровны. Великий дипломат был ее искренним другом, высоко ценил ее ум, нетривиальные суждения и чувство юмора. Навещали ее в Ливадии Петр Андреевич Вяземский и Иван Константинович Айвазовский. Знаменитый поэт и прославленный художник были из немногих, кого можно назвать ее ближним кругом. И это тоже – штрих к ее портрету.

Радовал и часто гостивший в новом имении прославленный герой Кавказской войны генерал-фельдмаршал князь Александр

Иванович Барятинский. Старый воин относился к императрице с трогательным поклонением. Дети его обожали: он захватывающе интересно рассказывал о войне, о пленении Шамиля.

Случались в Ливадии и неожиданные встречи. Об одной из них рассказывает Марк Твен в десятой главе «Простаков за границей». Так случилось, что первыми организованными туристами, побывавшими в Ливадии, оказались американцы. Для них было полной неожиданностью, что император сам охотно взялся показать им имение, а его младший брат без всяких церемоний пригласил путешественников на обед. Марк Твен составил адрес от имени американских граждан и торжественно вручил его императору. В этом адресе были прекрасные слова: «Америка многим обязана России, она состоит должником России во многих отношениях, и в особенности за неизменную дружбу в годины ее великих испытаний. С упованием молим Бога, чтобы эта дружба продолжалась и на будущие времена… Только безумный может предположить, что Америка когда-либо нарушит верность этой дружбе предумышленно несправедливым словом или поступком». Как искренне звучали тогда эти слова. Как искренне в них тогда верили…

Для всех гостей Ливадии Мария Александровна была радушной хозяйкой. Здесь она становилась менее скованной и замкнутой. Казалось, крымский воздух целителен не только для ее легких, но и для души. Но даже в этом благодатном месте ей сумеют отравить жизнь. Александр Николаевич купит своей любовнице небольшое имение Биюк-Сарай, где будет навещать ее ежедневно, почти не скрывая своих визитов. А летом 1879 года, когда императрица будет лечиться за границей, они вместе поселятся в ее дворце. Как будто специально для того, чтобы и этот любимый, по ее вкусу обустроенный приют стал для нее чужим.

Уже после смерти и Марии Александровны, и Александра Николаевича его любовница, а к концу жизни – законная супруга будет бесцеремонно пользоваться имением той, чью жизнь бестрепетно разрушила. Что перед ней Мария Федоровна, которая не постеснялась присвоить ношеную одежду первой жены Павла Петровича!

После убийства отца новый император, Александр III, только через три года сумел выбраться в Ливадию. О том, чем его встретил любимый дворец незабвенной, обожаемой матушки, он записал в дневнике: «…были встречены в комнатах Мама княгиней Долгорукой с детьми! Просто не верится глазам, и не знаешь, где находишься, в особенности в этой дорогой по воспоминаниям Ливадии! Где на каждом шагу вспоминаешь о

дорогой душке Мама! Положительно мысли путались, и находились мы с Минни (императрицей Марией Федоровной. – И. С.) совершенно во сне… Вообще все наше пребывание в Ливадии нельзя назвать веселым и приятным; были тяжелые минуты, были неприятные столкновения, недоразумения и щекотливые объяснения, но в конце концов устроились наилучшим образом и надеюсь, что теперь больше не будет никаких недоразумений и что все пойдет как следует».

Император слов на ветер не бросал. Все действительно пошло как следует: княгиня Юрьевская, которую Александр Александрович не желал называть этим именем, дарованным ей его влюбленным батюшкой, больше никогда не появлялась в Ливадии, продала даже находящееся поблизости Биюк-Сарайское имение. Зато Александр Александрович приезжал в Ливадию каждый год. Лучшего места для отдыха семьи он не мог себе представить. В Ливадии он и скончался 20 октября 1894 года. В паркетный пол спальни, где умирал император, по просьбе его вдовы был врезан большой кленовый крест.

Все дети Марии Александровны очень любили Крым. Старший, Николай, в Ливадии успел побывать лишь однажды, когда там еще шло строительство. А вот Севастополь и его предместья знал хорошо. Осенью 1864 года он путешествовал по Италии. Когда ехали из Турина в Геную, при выезде из последнего тоннеля открылось потрясающее всякого путешественника зрелище: под лазурным небом на фоне нежно-голубого Средиземного моря огромная долина и генуэзские силуэты, обрамленные солнечным амфитеатром. Не нашлось никого, кто бы остался равнодушен. Николай тоже был восхищен, но заметил, что такое же потрясение ожидает каждого, кто проходит через Байдарские ворота и видит внезапно открывающееся Черное море и побережье Крыма. Потом вспоминали, что сказал он это с такой тоской, будто предчувствовал, что никогда больше не увидит любимых мест.

Полюбила Ливадию и последняя российская императрица Александра Федоровна (урожденная Алиса Гессенская). Ее жизнь в России началась не с Петербурга, как у других немецких принцесс, а именно с Ливадии. Она приехала туда к постели умирающего Александра III, чтобы успеть получить его благословение на брак. По поводу смерти свекра особенно не страдала – была с ним слишком мало знакома, чтобы полюбить. Кроме того, отлично знала, что он недоволен выбором сына и, если бы не болезнь, вряд ли допустил бы эту свадьбу, от которой она сама долго отказывалась (якобы из-за нежелания переходить в новую веру) и о которой так же долго и страстно мечтала. Так

что Ливадия не была связана для нее с тяжелыми воспоминаниями. Ну, а ее муж, на глазах которого в Ливадии мучительно и мужественно умирал отец… Наверное, вспоминал. И отца, и бабушку. Может быть, и выбрал бы другое место для летней резиденции, но любое желание супруги было для него законом. В Ливадии царская чета провела много счастливых дней, не отягощенных тенями прошлого. Были, конечно, и горести, и тревоги. В 1902 году Николай II заболел тифом, опасались за его жизнь. Алике не отходила от мужа.

Лучшие врачи не только России, но и всей Европы съехались в Ливадию. Когда стало очевидно, что больной вне опасности, доктора порекомендовали ему совершать прогулки на чистом воздухе, но только по горизонтальным дорогам. Таких дорог в гористой Ливадии не было. В спешном порядке начали строить. К первому выходу Николая проложили дорожку в полверсты. Потом каждый день удлиняли ее на столько саженей, на сколько врачи позволяли императору удлинять прогулку. Довели до Ай-Тодора, поместья дядюшки Николая Александровича, великого князя Михаила Николаевича. Так появилась знаменитая ливадийская Царская тропа. На ней до сих пор стоят гранитные скамейки, установленные, чтобы ослабевший после изнурительной болезни государь мог отдохнуть. Из-за каждого поворота тропы открывается новый вид на море, на горы. Один прекрасней другого.

Весь мир знает фотографии и кинокадры, запечатлевшие Большой дворец, построенный по заказу Николая Александровича и под бдительным контролем Александры Федоровны незадолго до крушения Российской империи. Именно там, в Ливадии проходила международная конференция, получившая название Ялтинской. В бывшем императорском дворце Сталин принимал своих союзников по антигитлеровской коалиции, Рузвельта и Черчилля. По воспоминаниям очевидцев встречи, дворец гостям очень понравился…

Напомню: Ливадию Мария Александровна получила в подарок вскоре после смерти свекра и свекрови. Уход обоих она пережила очень тяжело, может быть, даже тяжелее, чем их родные дети. А вот в стране горе по поводу смерти Николая Павловича разделяли далеко не все. Будущий учитель ее старшего сына, профессор Петербургского университета по кафедре гражданского права, историк, философ и публицист Константин Дмитриевич Кавелин писал через несколько дней после смерти императора:

Калмыцкий полубог, прошедший ураганом, и бичом, и катком, и

терпугом по русскому государству в течение 30 лет, погубивший тысячи характеров и умов, это исчадие мундирного просвещения и гнуснейшей стороны русской натуры околел… Если бы настоящее не было так страшно и пасмурно, будущее так таинственно, загадочно, можно было бы сойти с ума от радости и опьянеть от счастья.

Это загадочное будущее олицетворял ее муж, новый император Александр II. Известный славянофил Алексей Степанович Хомяков, года не доживший до освободительного манифеста, обнадеживал своих единомышленников: исторический опыт России свидетельствует, что вслед за хорошим правителем у нас всегда следует дурной, за ним снова хороший и так далее. И доказывал: Петр III был плохим, Екатерина II – хорошей, Павел I – плохим, Александр I – хорошим, Николай I – плохим, значит, Александр II просто обязан быть хорошим. Хомяков, конечно, шутил. Но в каждой шутке, как известно… Нередко схему Хомякова применяют и по отношению к более давней, и совсем новой истории России.

Но что представляется в нашей истории действительно неотвратимым, так это то, что каждый новый правитель начинает с кардинальной переделки сделанного его предшественником. Александру Николаевичу предстояло действовать в этом направлении особенно решительно. И мотивы у него были весьма серьезные. Павел, к примеру, уничтожал все, сделанное Екатериной, из-за ненависти к матери, принявшей в последние годы его жизни форму явно патологическую. Александр продолжал любить отца, но понимал, что в доставшейся ему униженной, побежденной, разоренной стране все нужно менять, чтобы эту страну как минимум сохранить, а если получится, и вернуть ей былую славу и могущество. Мария Александровна, несмотря на любовь к покойному свекру, который оставил мужу такое тяжелое наследство, понимала это не хуже других.

На шестом году после вступления на трон Александр Николаевич отменил крепостное право. Причем сделал это вопреки яростным протестам большинства приближенных. 22 миллиона крестьян получили свободу (по ревизии 1858 года население России составляло 74 миллиона человек). И пусть закон от 19 февраля 1861 года упрекают в несовершенстве, и упреки эти не лишены оснований, он все равно останется «величайшим делом русской истории». Так сказал о Манифесте царя-освободителя один из лучших знатоков русского государственного права, профессор Борис Николаевич Чичерин.

Любопытно, что вскоре после этой поистине великой реформы в первом номере выходившего в Париже журнала

«Правдивый» за 1862 год появился очерк уже упоминавшегося князя Петра Долгорукова, уничижительный для царя и особенно для его окружения. О Марии Александровне автор пишет в основном с сочувствием, но находит основания и для упреков:

Императрица, женщина вполне добродетельная, одарена большой силой недвижности, но не имеет никакой энергии, ни малейшей предприимчивости. Она видит, что все идет скверно, Россию грабят, дела путают, императорскую фамилию ведут к большим бедствиям; она все видит, понимает, проливает втихомолку горькие слезы и не решается вмешаться в дела. А кто же бы имел более ее права в них вмешиваться? Ее участь соединена с участью государя; ее дети – дети государя. Если бы она стала прямо, открыто, громогласно говорить истину, обличать дураков и мерзавцев, окружающих ее мужа, кто бы мог ее заставить молчать? Мать шести великих князей, мать наследника престола, что бы с ней могли сделать? Ровно ничего. Нельзя же было бы ее ни выслать из России, ни сослать в Сибирь, ни посадить в казематы… Она не умеет пользоваться своим положением.

Отчасти князь-бунтовщик был прав. Но лишь отчасти. Он, как большинство людей, требовал от другого такой же реакции, таких же поступков, какие совершал сам. Но он – человек мощного, взрывного общественного темперамента. Она этого темперамента лишена абсолютно. И все же обвинять ее в полной безучастности к общественной жизни несправедливо. Обычно среди сторонников и помощников государя называют младшего брата, великого князя Константина Николаевича, и тетушку, великую княгиню Елену Павловну. Но верной и неизменной помощницей мужа была и Мария Александровна. Мало того, что она искренне разделяла его желание дать свободу своим подданным. Зная его характер, она постоянно, изо дня в день поддерживала его решимость, убедительно опровергала доводы противников отмены рабства. А они очень старались приводить доводы серьезные и пугающие. О ее вкладе забыли не по злонамеренности, а потому, что она об этом вкладе никогда не говорила (в отличие от Константина Николаевича и Елены Павловны), а, как известно, сам себя не похвалишь – никто не похвалит… Кроме того, вскоре после проведения главных реформ ее настолько оттеснили от императора, что о ее роли на первом, решающем этапе просто забыли. Да и Александр Николаевич не любил отдавать должное жене – ревниво помнил, что именно ее называли самым умным и благородным человеком в царской семье. Как ни странно, мужа это не радовало, а больно задевало. Зная это, «доброжелатели» всегда докладывали ему о комплиментах в адрес императрицы. Особенно раздражало

Александра, когда ею восхищались его враги. А таких примеров немало. Вот отзыв князя Петра Алексеевича Кропоткина, бывшего пажа, ставшего главой анархистов и непримиримым врагом царя:

Из всей императорской семьи наиболее симпатичной была Мария Александровна. Она отличалась искренностью и когда говорила что-либо приятное кому-то чувствовала так. На меня произвело глубокое впечатление, как она раз благодарила меня за маленькую любезность (после приема посланника Соединенных Штатов). Так не благодарит женщина, привыкшая к придворной лести.

Она не привыкла не только к придворной лести, но и к самой придворной жизни. Роскошь, торжественные, но пустые ритуалы, бесконечные балы и приемы были ей чужды, утомляли, вызывали протест, который приходилось скрывать. Оттого она еще больше замыкалась в себе, вызывая все новые упреки в холодности, высокомерии, инертности. Ее самые естественные поступки способны были вызвать раздражение и обиды всей «царской дворни» (как называл придворных князь Долгоруков).

В конце правления Николая Павловича и в начале царствования его сына вошли в моду спиритические сеансы. При дворе это увлечение охватило всех. Марии Александровне несколько раз тоже пришлось принять участие в «столоверчении» – не могла отказать настойчиво приглашавшей ее свекрови. Но спиритизм вызвал у нее такой решительный внутренний протест, что она в кои-то веки решилась: категорически отказалась от участия в сеансах. Была убеждена, что любого рода гадания, предсказания, магия несовместимы с православием. Как раз непонимание этого, приверженность к обрядовой, а не сущностной стороне православной веры принесет много бед будущей жене ее внука, последней российской императрице.

Мария Александровна была человеком глубоко, истинно верующим. Многие говорили, что она рождена не для трона, а для монастыря. Возможно, так оно и было. Во всяком случае, такое глубочайшее смирение и полное самоотречение если и встречается, то не в царских дворцах, а в монашеских кельях.

Она очень любила Москву. Ходила в старинные храмы, изучала их подробно – постигала душой. Приближенных поражали ее глубокие познания в истории России и православной церкви. Анна Тютчева вспоминала: «Я ей сказала, что, конечно, она первая из русских императриц родом из Германии, которая сделалась вполне православной не только по сердечному убеждению, но и по глубокому научному знакомству с православием. Императрица ответила мне на это, что ее тетка, императрица Елизавета Алексеевна… также была чрезвычайно

предана православной вере и написала даже рассуждение о превосходстве православной церкви над латинским и протестантским вероисповеданием, но что, к сожалению, это сочинение потеряно».

А если уж Мария Александровна сказала «потеряно», значит, так оно и есть. Она долгие годы собирала все документы, написанные Елизаветой Алексеевной или как-то связанные с ее жизнью. Когда Елизавета умерла, ее племяннице было всего два года, так что помнить тетушку она не могла. Зато из рассказов матери, родной сестры императрицы Елизаветы, возникал образ столь притягательный, что Мария всю жизнь находилась под его обаянием. Близкое знакомство с русским двором помогло племяннице многое понять в характере и поведении своей обожаемой предшественницы. Хотя понять до конца она едва ли могла: у нее была добрая, любящая свекровь, ничем не походившая на ту, что отравляла жизнь Елизаветы.

Все документы Мария Александровна доверила своему сыну Сергею, в надежде, что он их сохранит и, может быть, опубликует. Сергей Александрович, к сожалению, не унаследовавший ни характера, ни высоких моральных устоев матери, тем не менее ее обожал и постарался выполнить ее поручение. Во-первых, собственноручно переписал более тысячи (!) писем Елизаветы Алексеевны, хранившихся у немецких родственников (что для него – настоящий подвиг). Во-вторых, передал бумаги в надежные руки – своему кузену, великому князю Николаю Михайловичу.

Отступление о великом князе Николае Михайловиче

Сказать, что внук Николая I, сын младшего из его сыновей был личностью незаурядной, значит, ничего не сказать. Думается, не носи он фамилию Романов, даже в советские времена его имя занимало бы почетное место в ряду знаменитых ученых, которыми может гордиться Россия. Но… он был Романов, потому и о его вкладе в энтомологию, и о том, каким он был щедрым меценатом, и о его выдающихся исторических исследованиях долгие десятилетия молчали. А он был глубоким знатоком Александровской эпохи, не самого заурядного периода отечественной истории. За выдающиеся научные достижения он был избран членом Французской академии, став в ней единственным за всю ее историю представителем монаршего сословия Европы. Многие историки не стеснялись широко использовать работы великого князя (он был к тому же последним председателем Императорского русского исторического и географического общества, имевшим доступ ко всем секретным архивам империи), стыдливо умалчивая о происхождении уникальных материалов, которые ложились в основу их книг и статей.

Одной из самых содержательных работ великого князя было фундаментальное трехтомное исследование «Императрица Елизавета Алексеевна, супруга императора Александра I». Николай Михайлович опубликовал письма Елизаветы, которые она не реже раза в неделю писала матери в Карлсруэ с момента приезда в Россию в 1792 году до своей кончины в 1826 году, сопроводив их превосходным предисловием, подробнейшими пояснениями и портретами. Никакие тайные события и обстоятельства жизни императрицы отражения в книге не нашли. Но, оказывается, существовала секретная глава, которая должна была стать приложением к третьему тому, но так и не была опубликована. О ней стало известно случайно из трех писем, обнаруженных в архиве великого князя. Первое написано Николаем II и датировано 29 января 1909 года: «Возвращаю тебе прочтенное мною. Секретная глава меня очень заинтересовала. По-моему, долг последующих поколений по отношению к предкам заключается в том, чтобы щадить их память. На этом основании я нахожу нежелательным посылать за границу секретную главу. Достаточно будет 10 экземпляров и по-русски. Ники».

Второе письмо Николай Михайлович получил через несколько дней. Его автор – великая княгиня Елизавета Федоровна, вдова убитого террористом Каляевым московского губернатора, великого князя Сергея Александровича, того самого, что передал Николаю Михайловичу письма Елизаветы Алексеевны. Если пожеланием императора весьма либерально настроенный автор мог бы и пренебречь, то к мнению Елизаветы Федоровны невозможно было не прислушаться. И не только потому, что она была наследницей законного владельца документов. Главное, потому, что ее моральный авторитет был непререкаем.

Елизавета Федоровна писала: «Любезный Николай, мне кажется, мы не вправе выставлять на суд любопытной публики трогательное увлечение бедняжки императрицы Елизаветы Алексеевны, раскрытое благодаря любопытству двух дам, чьи имена овеяны неизменной славой в русской истории, но поступок их, о котором ты пишешь в своей брошюре, показывает их со стороны, весьма далекой от женского идеала, – почему, как только мы беремся о них судить, мы принимаем их сторону?»

Позволю себе заметить, что мне чрезвычайно лестно было узнать, что мое суждение по крайней мере об одной из этих дам (императрице Марии Федоровне) совпадает не с общепринятым мнением, а с оценкой такого достойнейшего и прекрасно осведомленного человека, как Елизавета Федоровна. И дело тут не только и не столько в авторском самолюбии, сколько в том, что многие читатели, находясь в плену официальных представлений, наверняка обвинят меня в намеренном искажении светлого образа всеобщей благодетельницы. А я всего лишь исследую и анализирую исторические свидетельства. Разные!

«Я уверена, – продолжает Елизавета Федоровна, – что Сергей не пожелал бы предать огласке эту историю. „Да ниспадет же завеса тайны на эту мимолетную слабость, на эту чистую любовь, и да предастся все это забвению!“ Вот твои слова – ты прав – не так ли? Прошу, передай это от моего имени Ники. Я понимаю, что твое авторское самолюбие пострадает, но как великодушный человек ты поступишь деликатно. Сожжем наши экземпляры и помолимся за бедную душу, которая столько страдала. Твоя преданная кузина Елизавета».

Прошло еще несколько дней, и великий князь получил письмо от Николая: «Могу всецело присоединиться к мнению Эллы (так в семье называли Елизавету Федоровну. – И. С.), с которой я говорил по этому поводу. Биография Елизаветы будет полная и весьма обстоятельная без существования тайной главы. Поэтому я нахожу желательным, чтобы ты уничтожил

существующие экземпляры и никому таковых не показывал. Возвращаю тебе прочтенную V главу без всяких изменений и буду ждать присылки следующих. Ники».

Понятно, что цензура, даже такая, семейная и продиктованная самыми благородными побуждениями, не может вызвать восторга у автора. Николай Михайлович не стал печатать секретную главу, но и уничтожить ее у него рука не поднялась. Она увидела свет через 90 лет. В 1997 году журнал Архива Президента Российской Федерации «Источник» среди других неизвестных широкой публике документов отечественной истории, извлеченных из недоступных многие годы хранилищ, напечатал рассказ, названный великим князем «Единственный роман императрицы» (речь идет о романе с Алексеем Охотниковым). Кстати, название подтверждает убеждение автора этой книги в том, что роман с Адамом Чарторийским – плод злонамеренного вымысла.

Известно, что бумаги покойной забрала из Белева Мария Федоровна. Среди этих бумаг оказался и дневник. Чудом сохранившиеся отрывки из него я приводила в «Отступлении о любви и смерти». Почему Елизавета не уничтожила компрометирующие записи? Ведь возможность была. Свидетели вспоминали, что в Таганроге она сожгла немало бумаг. Еще удивительнее, что, уезжая из Петербурга при крайне расстроенном здоровье, она оставила в Зимнем дворце шкатулку с записками Охотникова и с миниатюрными портретами его и их общей дочери Лизаньки. Может быть, хотела, чтобы судили о ней не по слухам, а по тому, какой она была на самом деле? И каждый, в меру своей способности сострадать, осудил бы или оправдал? Мы знаем: Елизавета Федоровна, Николай Михайлович, да и Николай II – не только оправдали, но искренне посочувствовали. А те дамы, о которых с такой неприязнью писала Елизавета Федоровна?

Имя первой очевидно: Мария Федоровна. Мы достоверно знаем: именно она взяла бумаги покойной невестки и передала их любимому сыну, Николаю Павловичу. Они вместе не только жгли, но и читали эти бумаги. Знаем и другое: именно она с лицемерным сочувствием поведала о романе Елизаветы своему секретарю. Сначала она рассказала о якобы существовавшей связи ее невестки с Адамом Чарторийским, «затем призналась, что Елисавета была в интимной связи с офицером из кавалергардов Охотниковым. Что этот человек, по слухам очень красивый, умер во время родов императрицы и что именно из-за этого ей было так плохо… Она положительно отозвалась о характере и умственных способностях императрицы Елисаветы, о ее

привлекательности, о ее манерах, о ее красоте… Когда я сказал, что Елисавета выглядит девственной, она согласилась со мной, однако обвинила ее во лжи… Что касается первой интриги, я слышал о ней, но считал это неправдой. Но ни о второй истории, ни об Охотникове я понятия не имел». Зачем она все это рассказала? Похоже, очень хотела испортить репутацию невестки.

Имя второй из двух дам, по мнению Елизаветы Федоровны, весьма далеких от женского идеала, – Александра Федоровна. Для меня это было неожиданностью, притом крайне неприятной. Мне супруга Николая I казалась человеком тонким, благородным и уж вовсе не ханжой. Но именно из ее дневника стало доподлинно известно об отношениях Елизаветы Алексеевны и Алексея Яковлевича Охотникова, именно она переписала интимные записки Охотникова, предназначенные для единственного человека, его любимой, в свой дневник и тем самым сделала их общедоступными. Да еще и осудила влюбленных.

Вот только две записи из дневника супруги императора Николая I (в подлиннике многие фразы по-французски, привожу все их по-русски. – И. С.): «А. Н. Голицын доставил вчера Н. пакет писем, которые были обнаружены в бумагах императрицы Елисаветы».

«Если бы я сама не читала это, возможно, у меня оставались бы какие-то сомнения. Но вчера ночью я прочитала эти письма, написанные Охотниковым, офицером-кавалергардом, своей возлюбленной, императрице Елисавете, в которых он называет ее „моя женушка“, „мой друг, моя жена, мой Бог, моя Елиза, я обожаю тебя“ и т. д. Из них видно, что каждую ночь, когда не светила луна, он взбирался в окно на Каменном острове или же в Таврическом дворце и они проводили вместе 2-3 часа. С письмами находился его портрет, и все это хранилось в тайнике, в том самом шкафу, где лежали портрет и памятные вещи ее маленькой Елизы, – вероятно, как знак того, что он был отцом этого ребенка. Мне кровь бросилась в голову от стыда, что подобное могло происходить в нашей семье, и, оглядываясь при этом на себя, я молила Бога, чтобы он уберег меня от такого…

„Не беспокойся, часовой меня не видел, однако я поломал цветы перед твоим окном“, затем идут чудовищные любовные заверения: „Если я тебя чем-то обидел, прости – когда страсть увлекает тебя целиком, мечтаешь, что женщина уступила бы нашим желаниям, отдала все, что для нее более ценно, чем сама жизнь“. Чувствуется, что он испытывал настоящую страсть; он любил женщину, а не императрицу; он обращается к ней на „ты“, называет ее своей женой, потому что уже привык к этому и не может смотреть на нее иначе. Он говорит о назначенном

свидании, мечтает, чтобы ночь была безлунной, так как только в темноте он может отважиться взбираться по стене. Однажды он заболел и был вне себя, что не придет к ней. По-видимому, передавала письма и была посредницей некая М. (теперь известно: этой М. была княгиня Наталья Федоровна Голицына. – И. С.). Когда императрица еще носила свою Елизу, он умер в страшных мучениях; она узнала об этом, и в то время по ней действительно было видно, как тяжело она страдает и скорбит, о чем рассказывала мне императрица-мать».

Хочется верить, что Александра Федоровна писала все это не для того, чтобы придать гласности чужую тайну. Похоже, она действительно была ошеломлена. К тому же запись эта сделана в то время, когда ее семейная жизнь с Николаем Павловичем была еще безоблачна, и ей просто трудно было представить, что отношения между супругами могут быть совсем другими.

Что же касается историка Николая Михайловича Романова, то он рассказал потомкам не только о самой загадочной из российских императриц, но и создал убедительную и многоплановую картину Александровской эпохи. Его иногда укоряют, что героиню свою слишком он любил, что не всегда был беспристрастен. На мой взгляд, это – достоинство: можно ли писать о человеке, к которому ты равнодушен? Да и зачем?

Императрица Мария Александровна скончалась почти за 30 лет до того, как осуществилась ее мечта: появилась книга о ее обожаемой тетушке.

Когда случилась революция, Николаю Михайловичу не было еще и 60. Для ученого – возраст продуктивный. Он мог бы сделать еще очень много. Не при новой власти, конечно. Мог бы бежать за границу, но жизни без России не представлял, как и любимая героиня его исторических исследований. Потому и остался. Бояться не видел причин: никогда не сделал ничего во зло своему народу. Но ни научные заслуги, ни репутация вольнодумца, enfant terrible семейства Романовых, не спасли Николая Михайловича от большевиков. В январе 1919 года его вместе с родным братом Георгием Михайловичем, двоюродными братьями Павлом Александровичем (младшим сыном Марии Александровны) и Дмитрием Константиновичем (братом, к счастью, уже покойного великого князя Константина Константиновича, известного поэта К. Р.) расстреляли и закопали на территории Петропавловской крепости. Где, так и остается неизвестным.

Зато известно: до последней минуты он не расставался со своим любимым персидским котом – единственным оставшимся у него близким существом. В юности Николай Михайлович

влюбился в свою кузину, принцессу Викторию Баденскую. По законам православия, брак между столь близкими родственниками был невозможен. Великий князь так и остался одиноким: ни жены, ни детей.

И еще известно: узнав о его аресте, Алексей Максимович Горький, которого за последние годы только ленивый не попрекнул сотрудничеством с большевиками (причем все дружно делали вид, что не ведают, сколько жизней он спас благодаря этим связям), бросился к Ленину, умолял пощадить выдающегося историка. «Мы не нуждаемся в историках», – строго ответил вождь революции. И ведь был прав: те, кто в очередной раз переписывал наше прошлое, – не историки. Они называются как-то иначе…

Жестокая судьба все-таки пощадила императрицу Марию. Ей выпало похоронить только двоих своих детей. Ни до неожиданно ранней смерти Александра (император Александр III скончался от болезни почек, ему было всего 49 лет), ни до убийства Сергея (его взорвал террорист Каляев), ни до гибели Павла дожить ей было не суждено. До убийства мужа, несмотря ни на что, любимого, – тоже.

Мистицизм был ей чужд, но совершенно игнорировать приметы и предчувствия она не могла. Я уже писала о черной накидке в день свадьбы. Но сама она этой накидки не видела – ей рассказали. А вот то, что случилось на коронации, она видела своими глазами… Это было в ее любимой Москве. В день восшествия на престол с колокольни Ивана Великого неожиданно упал колокол. Погибли двое прохожих. Она была в ужасе: царствование начинается с невинной крови. Какое жуткое предзнаменование! Правда, кто-то тут же вспомнил, что в последний раз колокол падал, когда Наполеон вынужден был покинуть Москву. Так что, похоже, примета вовсе не плохая. Мария Александровна появилась в Успенском соборе в платье из расшитой серебром парчи с длинным треном. Высокая, стройная, с тонкой талией, которая, казалось, вот-вот переломится, она казалась совсем юной (а было ей к тому времени уже 32 года). Двигалась, опустив глаза, медленно, будто плыла, не касаясь земли. Присутствовавшие на коронации вспоминали, что выражение ее лица было исполнено такой благоговейной чистоты и сосредоточенности, что у многих невольно наворачивались слезы умиления. И еще многие заметили, что ее облик странно, даже трагически контрастировал с пышностью и блеском окружающей обстановки.

После того как митрополит облачил Александра в мантию,

возложил регалии и передал новому государю корону, которую тот сам надел на себя, император подозвал супругу. Она встала перед ним на колени. Он возложил на нее маленькую корону. И вдруг… корона упала и покатилась к ногам Александра. Марии стало страшно: «Наверное, мне не придется долго царствовать…» – эти слова слышали все, кто стоял поблизости. Потом их не раз вспоминали и истолковывали падение короны как дурную примету, которая не могла не сбыться. Хотя все объяснялось просто: статс-дама, графиня Клеопатра Петровна Клейнмихель, плохо прикрепила корону к волосам императрицы.

Отступление о том, кто должен был стать императором Николаем II

Я уже упоминала и о противоречиях, возникших между Марией Александровной и ее супругом по поводу воспитания наследника, и о трагедии, обрушившейся на императорскую семью в 1865 году. Начну с первого. Поначалу, еще при жизни Николая I, воспитателями цесаревича были назначены генералы Николай Васильевич Зиновьев и Григорий Федорович Гогель, люди честные, но приверженцы давно устаревших взглядов на роль будущего государя, они пытались воспитать скорее самодержца XVIII века, чем императора, которому предстояло править страной на рубеже века двадцатого. Марию Александровну это очень беспокоило, и сразу после смерти свекра она определила для наблюдения за учением старшего сына Владимира Павловича Титова, известного не только честностью, но незаурядным умом и блестящей образованностью. Он прекрасно сознавал свою ответственность перед историей, ведь ему предстояло воспитать человека, от которого во многом будет зависеть будущее великой страны. В учителя наследнику он подобрал людей сведущих и способных. На свою беду, эти его назначения утверждала сама Мария Александровна и мужу о них не докладывала. Не потому, что пренебрегала его мнением, просто считала, что он и так слишком занят государственными делами. Но «доброжелатели» не замедлили донести государю, что его супруга окружает наследника «красными» учителями. Александр Николаевич был разгневан: «Видно, вы распоряжаетесь воспитанием моих детей без моего согласия!». Императрица проявила редкое упорство: Титов умен и благороден, его влияние на цесаревича самое положительное.

Но тут Титов выступил с инициативой: цесаревич должен прослушать курс в университете, в наши дни это необходимо.

О реакции двора на это предложение писал князь Долгоруков: «Вся царская дворня возопила: „Титов – якобинец!“, и в течение нескольких месяцев зимы 1857-1858 года, если бы царской дворне предложили вопрос: „Кто хуже, Титов или Робеспьер?“, она бы тотчас воскликнула: „Разумеется, Титов“. Люди с умом и со здравым рассудком (имеется в виду императрица и те, кто разделял ее взгляды. – И. С.) тщетно указывали на примеры европейских принцев, которые слушают курсы наук в университетах, но в Зимнем дворце этого и понять не могли. Ведь и то правда: европейские принцы предназначены

быть истинными монархами, то есть монархами конституционными, а Николай Александрович предназначается быть самодержцем, сиречь миропомазанным фельдфебелем! На что ему университет? Преображенский манеж гораздо ближе к цели!»

В противовес этому мнению приведу случай, происшедший во время визита наследника в Италию. Дело было в Милане. Принц Гумберт Сардинский тепло принимал русского царевича. Николай Александрович, который с самых ранних лет интересовался вопросами государственного управления, попросил принца рассказать об организации судов в его стране. Гумберт засмеялся: «Вы спрашиваете о вещах, о которых я не имею никакого понятия. Это у вас владыки должны знать закон и учреждения. У нас, при парламентском режиме, это дело палат, а не наше». Так может быть, князь Долгоруков не вполне прав, отдавая предпочтение западному способу обучения принцев крови?…

А тогда, когда Александр узнал, каких учителей императрица выбрала для наследника (она руководствовалась только профессиональными качествами педагогов, не принимая во внимание их политические пристрастия), он приказал немедленно устранить от сына некоторых из назначенных Титовым преподавателей. Титов был оскорблен и подал прошение об отставке. Императрица больше не сопротивлялась, только плакала втихомолку. Правда, ей удалось пригласить учителем французского языка к сыну англиканского пастора Курьяра. Он учил французскому языку королеву Викторию (как было известно императору Александру, справился с этой задачей блестяще) и после окончания ее воспитания был свободен.

Его просвещенное влияние на царевича радовало и обнадеживало императрицу. А вскоре назначенный главным воспитателем граф Сергей Григорьевич Строганов добился замены генералов, явно тормозивших образование будущего императора. На их место был поставлен полковник Оттон Бурхардович Рихтер, человек честнейших правил и благороднейшего характера. Отношения с учителями были у матери ученика самые доброжелательные.

Константин Дмитриевич Кавелин, профессор Петербургского университета кафедры гражданского права, преподававший наследнику русскую историю и гражданское право и уволенный по приказу императора за излишне либеральные взгляды, вспоминая о своих беседах с государыней по вопросам воспитания ее старшего сына, писал, что «эта женщина разбирается в них лучше педагога».

Не случайно, если что-то беспокоило учителей в характере или взглядах юноши, они рассказывали об этом Марии Александровне, а она беседовала с сыном, деликатно, неназойливо помогала ему разобраться в своих заблуждениях или давала возможность доказать свою правоту. Все ее дети (хотя и не все выросли людьми безупречными) боготворили мать не только по долгу, но и потому, что она, в отличие от большинства взрослых, склонных навязывать детям свою волю, относилась к ним не только с неизменной любовью, но и с уважением.

А старшим своим мальчиком она смело могла гордиться. Он очень рано осознал свое предназначение. После смерти деда, когда отцу пришлось все время отдавать государственным делам, Николай Александрович сокрушался, что еще слишком мал, чтобы стать поддержкой отцу: «Папа теперь так занят, что он болен от усталости. Когда дедушка был жив, он ему помогал, а Папа помогать некому».

Чем старше он становился, тем очевиднее походил на мать, и не только внешне. Когда с ним говорили о ком-то, с кем ему только предстояло познакомиться, первым его вопросом было: «Хороший ли он человек? Какие у него душевные качества?». Когда ему как-то заметили, что на этот вопрос трудно ответить, что очень легко ошибиться, он сказал: «Однако единственно этот вопрос меня интересует; к чему человеку быть образованным, умным, ловким, ежели у него нехорошая душа?». Марию Александровну тоже больше всего интересовало, какая у человека душа.

Что же касается интеллекта будущего монарха, то профессор Борис Николаевич Чичерин, один из умнейших людей своего времени, притом вовсе не склонный к лести сильным мира сего, замечал: «Он всех нас превосходит. Ежели он обладал бы вдобавок нашим опытом и начитанностью, он был бы гением». Но опыт и начитанность с годами придут. В этом никто не сомневался. Правда, старый граф Строганов, попечитель цесаревича, поражаясь его красноречию, силе его аргументов в спорах, памяти и культуре, делился с императрицей: «Такое необычайное развитие меня беспокоит. Это не свойственно такому молодому человеку. Такая умственная деятельность мне даже кажется болезненной».

На самом деле к цесаревичу подкрадывалась совсем другая болезнь.

Когда ему было 17 лет, он упал с лошади и повредил позвоночник. По другой версии, несколькими годами раньше во время детской драки с двоюродным братом ударился спиной об угол мраморного стола. Несколько раз у него появлялись боли в

спине, но спартанское воспитание исключало жалобы – мужчина должен терпеть боль. Он и терпел, но начал худеть, сутулиться. Окружающие не обратили на это особого внимания. Потом корили себя, каялись. Но было уже поздно.

Во время традиционного для наследников российского престола путешествия по Европе у него случился приступ страшных болей в спине. Произошло это во Флоренции. Он так мечтал увидеть своими глазами творения несравненного Микеланджело! А пришлось полтора месяца пролежать в постели. Ходить он уже не мог. Врачи (своих придворных медиков прислал даже король Франции Наполеон III) единодушно утверждали, что болезнь не представляет опасности для жизни, это всего лишь тяжелый приступ ревматизма. Его перевезли в Ниццу. Здешний климат считали целебным.

Утешительный диагноз был роковой ошибкой. Неправильное лечение лишь усугубляло болезнь. Вскрытие покажет: у цесаревича было общее воспаление спинного и головного мозга, вызванное нарывом в мышцах позвоночника.

Уходил он мучительно, но с верой и тихим мужеством. «Этот молодой человек – святой», – повторял не отходивший от умирающего священник Прилежаев. Незадолго до смерти Николаю приснился сон: фрегат «Александр Невский», стоявший в это время в бухте Вильфранш, везет его в дальнее путешествие. Несколько недель спустя именно «Александр Невский» повезет его тело в Петербург… Вся Ницца будет провожать наследника российского престола в последний путь. На месте виллы Бермон, где скончался Николай, построят часовню. До сих пор каждый год 12 апреля в день его смерти здесь служат торжественную панихиду. В шумной, вечно праздничной Ницце эта часовня, стоящий поодаль православный Свято-Николаевский собор, построенный на деньги Николая II, и окружающий их дивный, благоухающий южными цветами парк, – островок тишины и печали.

После смерти своего ученика Борис Николаевич Чичерин с горечью писал: «В этой ранней могиле были похоронены лучшие мои мечты и надежды, связанные с благоденствием и славой отечества. Россия рисковала иметь образованного государя с возвышенными стремлениями, способного понять ее потребности… Провидение решило иначе».

Да, вместо этого светлого, богато, быть может, даже чрезмерно одаренного юноши (недаром его называли гениальным), который должен был наследовать трон отца и стать императором Николаем II, через 29 лет корону наденет его племянник и полный тезка: Николай Александрович Романов. Он

и войдет в историю как Николай II, последний российский император. Как здесь снова не повторить: если бы на престол взошел тот, кто должен был на него взойти, участь нашей страны была бы другой. Но судьба почему-то почти всегда безжалостна к России…

До похорон сына Мария Александровна держалась. Потом ушла в себя, в свою боль. В эту бездну немого отчаяния она допускала только детей и бывшую невесту Николая, датскую принцессу Дагмар, ставшую в православии великой княгиней Марией Федоровной и женой нового наследника престола, Александра Александровича. К невестке она относилась с нежностью и сочувствием. Понимала, на какой трудный шаг та решилась, выйдя замуж за брата любимого жениха. Свекровь старалась сделать все, чтобы молодые были счастливы, и когда видела, что они все больше и больше привязываются друг к другу, хотя бы на время оттаивала душой.

Но мысли об умершем сыне преследовали ее как наваждение. Постоянно упрекала себя: не досмотрела, не заметила первых симптомов страшной болезни, не помогла. С ужасом вспоминала случай, показавшийся в свое время даже забавным. Никсу было всего пять лет, когда однажды он сказал своему брату Владимиру, что тот когда-нибудь станет императором. Мария Александровна возразила: на престол может взойти только старший сын. Таков закон. Но малыш не согласился: «Ведь имя Владимир означает „владетель мира“. К тому же дедушка стал царем, а он ведь тоже был третьим сыном, как и Владимир». И добавил, что он умрет, тогда царем будет Саша, а когда умрет Саша, царем станет Владимир. Теперь, когда вспоминала, сердце обливалось кровью. Сын предвидел свою смерть. И пусть она не верила в предвидения, но ей казалось, что он – мог. Потому что был одарен свыше, наделен чем-то особенным, может быть, несовместимым с земной жизнью.

Днем от горьких мыслей отвлекали заботы о благотворительных учреждениях. Она патронировала 5 больниц, 12 богаделен, 36 приютов, 2 института, 38 гимназий, 156 низших училищ и 5 частных благотворительных обществ. На них тратила большую часть своих средств. Сейчас трудно подсчитать, сколько людей лично ей были обязаны благоденствием. Всех, кто обращался к ней со своими бедами, встречала с искренним сочувствием, старалась помочь. Федор Иванович Тютчев писал о ней:

Кто б ни был ты, но встретясь с ней

Душою чистой иль греховной,
Ты вдруг почувствуешь живей,
Что есть мир лучший, мир духовный.

Днем у нее еще хватало сил, чтобы улыбаться своим подопечным, вникать в их горести. Но наступал вечер, она оставалась одна в своем изысканном, выдержанном в малиновых и бело-золотых тонах будуаре, где когда-то они с Александром провели столько счастливых дней; или в Золотой гостиной, где раньше принимала друзей и куда ее мальчик заходил перед сном, чтобы пожелать доброй ночи. Это было невыносимо. Роскошь апартаментов угнетала: она так не соответствовала непрекращающейся душевной боли. А потом стало еще хуже. Сверху до нее стали доноситься детские голоса, топот маленьких ножек… Это ее муж поселил прямо над нею свою любовницу с детьми. Другого места в огромном дворце он почему-то не нашел.

Отступление о той, которая хотела стать Екатериной III

Александр Николаевич тоже тяжело пережил смерть наследника. Он потерял не только сына, он потерял того, кому рассчитывал доверить продолжение своего главного дела – реформирование всей российской жизни. И вот эта надежда рухнула. Он знал: новый наследник престола, его второй сын, Александр, придерживается совсем иных убеждений и постарается сохранить все как есть, более того – там, где возможно, вернуться к старому. Царь охладел к реформам. Зато – воспылал любовью.

О романе императора написано много, в большинстве случаев с восторгом. Я расскажу о нем предельно кратко, но постараюсь проанализировать, что стояло за этим романом и чем он был чреват для России и для династии.

Итак, вскоре после смерти сына император встречает семнадцатилетнюю воспитанницу Смольного института Катеньку Долгорукову. Собственно, слово «встречает» едва ли можно здесь употребить. Дело в том, что познакомила девушку с царем известная сводня Варвара Шебеко, которая, по слухам, «поставляла» хорошеньких воспитанниц Смольного института не только императору. Пикантность ситуации состоит еще и в том, что Шебеко была приятельницей матери своей протеже, обедневшей и потому жаждущей пристроить дочь так, чтобы ей была обеспечена безбедная жизнь. Надо отдать должное предприимчивым дамам, их расчеты оправдались. Материальное положение Екатерины Михайловны и ее семейства устроилось замечательно. И о будущем ее после своей смерти император позаботился. Вот текст завещания, написанного уже после женитьбы: «Ценные бумаги, перечень которых прилагается и которые министр императорского двора, действующий от моего имени, положил в Государственный Банк 5 сентября 1880 года, на сумму три миллиона триста две тысячи девятьсот семьдесят рублей, являются собственностью моей жены, Ее Светлости княгини Екатерины Михайловны Юрьевской, урожденной княгини Долгорукой, а также ее детей. Только ей я предоставляю право распоряжаться этим капиталом в течение моей жизни и после моей смерти. Александр». Злые языки говорили, что это лишь небольшая часть капитала Екатерины Михайловны. В иностранных банках якобы хранились миллионы, полученные ею в качестве «благодарности» за помощь в приобретении концессий

на строительство железных дорог. В этом «бизнесе» якобы более чем успешно участвовал неразлучный триумвират: Екатерина Михайловна, ее младшая сестра Мария Михайловна и Варвара Шебеко. К слову, с этой троицей связана история, заставляющая усомниться в небесной чистоте и невинности юной Катеньки Долгоруковой. Когда напуганные нескрываемым презрением светского общества родные увезли Екатерину в Неаполь, услужливая Шебеко тут же предложила государю замену, и не кого-нибудь, а Машеньку Долгорукову. Надо отдать должное императору, он милостиво побеседовал с будущей родственницей и отпустил ее, одарив внушительной толщины кошельком. Екатерина Михайловна о проделке Шебеко и сестрички знала, но это не нарушило их нежных отношений.

Но все это будет через годы, а в году 1865-м 18-летняя институтка мгновенно покорила сердце 47-летнего государя, но сама долго уклонялась от близости. Может быть, предполагала, что Шебеко привела ее на встречу с императором, чтобы тот мог погулять с ней по Летнему саду? Всякое, конечно, бывает… После покушения Каракозова Катенька сдается: представив, что могла его потерять, осознает, как он ей дорог. А дальше начинаются странности, даже не странности, а некие несообразности, позволяющие заподозрить юную красотку в замыслах небескорыстных: почему-то сразу же становится широко известным, где и когда она стала любовницей государя и какие слова он ей сказал, хотя, казалось бы, это касается только их двоих и должно оставаться тайной. Я сказал он ей вот что: «Сегодня я, увы, не свободен, но при первой же возможности я женюсь на тебе, отселе я считаю тебя своей женой перед Богом, и я никогда тебя не покину».

Она поверила и 15 лет упорно ждала выполнения обещанного, то есть смерти Марии Александровны, которая была единственной помехой счастью. Не просто ждала, но эту смерть, как могла, приближала. Она ведь прекрасно знала о том, как императрица ранима и как горда, и вынуждала Александра Николаевича наносить жене все новые раны.

Рожать первого сына пришла в Зимний дворец. Кричала. Скрыть рождение ребенка было невозможно. И добилась своего: ее сын родился в царском дворце. В этом она видела символический смысл. Здесь, в Зимнем дворце, она будет рожать всех своих детей, чтобы события эти не остались незамеченными. Тайна императора была известна всем, но открыто о ней не говорили, из уважения к государыне.

Екатерина Михайловна неотступно сопровождала императора во всех поездках и хотя держалась поодаль, но всегда ухитрялась

как бы невзначай попасть на глаза кому-нибудь из членов семьи или придворных. Великая княжна Мария, любимица отца, часто сопровождала его на маневры. Ее пытались отговаривать, понимая, что встреча с любовницей и ее детьми, которые всюду следуют за императором, неизбежна и будет очень тяжела для девочки. Екатерина Михайловна не преминула попасться на глаза великой княжне. Та была в отчаянии. В Царском Селе Александр Николаевич ежедневно катался с троими младшими детьми. И ежедневно, как только они возвращались с прогулки, встречался с фавориткой. Однажды она случайно (?) приехала раньше срока, когда отец прощался с дочерью и сыновьями. Дети увидели ее. Возвращаясь домой, к матери, они были не в силах даже посмотреть друг на друга.

Александр Николаевич попытался доказать, что монарх – тоже человек, имеющий право на личное счастье. В то время это был поступок смелый и достойный уважения. Тем более что он наверняка любил Екатерину Михайловну искренне и самозабвенно (в искренности, а главное, в бескорыстности ее чувств я, основываясь на фактах, сильно сомневаюсь). Скорее всего он, который говорил, что террористы охотятся за ним, как за диким зверем, стал дичью, на которую с большим успехом, чем террористы, охотилась молодая женщина и те, кто за нею стоял и ее использовал.

Осуждать за любовь я не хочу и не имею права. В ханжестве меня тоже вряд ли стоит упрекать: даже Екатерину II, дружно обвиненную и современниками, и потомками за частую смену фаворитов, я не вижу оснований осуждать. Ведь, меняя фаворитов, она никому не причиняла боли, не мучила, не унижала ничьего достоинства. Александр Николаевич проделывал это с удивительной жестокостью и бесчеловечностью. Чего стоит топот детских ножек над головой брошенной жены!

Иногда пишут, что Мария Александровна говорила, будто развитие романа ее мужа с княжной Долгоруковой странно и неразрывно связано с покушениями на него. Даже будто бы однажды сказала: «Террористы словно хотят отомстить за меня». Сомневаюсь. Думать могла. Но говорить… Она никогда не касалась этой темы. Более того, своей самой близкой подруге, Нэнси Мальцевой, однажды рассказала, как одна из придворных дам по секрету и, судя по всему, с единственным намерением предостеречь, поведала Александре Федоровне о начинавшемся романе ее супруга с Варенькой Нелидовой. К этому добавила: если бы кто-нибудь решился на подобный разговор с ней, она с этим человеком прекратила бы всякое общение. Это было предупреждение. И оно было понято.

А вот то, что придворные связывали роман с покушениями, известно. И слова о мести террористов вполне могли быть произнесены кем-то из тех, кто уверовал в эту связь. И хотя связь эта совершенно недоказуема, трудно ее не заметить.

В самом деле: в конце 1865 года серьезность увлечения императора становится очевидной – 4 апреля 1866 года покушение Каракозова – в июле того же года княжна Долгорукова становится любовницей Александра. В конце 1866 года маркиза де Черче-Маджиоре, жена брата княжны Екатерины, увозит девушку в Неаполь (переждать, пока улягутся страсти) – в начале мая император вызывает свою возлюбленную в Париж, куда собирается, чтобы посетить Всемирную выставку. В Париже они проводят вдвоем все свободное время. «Каждый вечер приходила она в Елисейский дворец, проникая туда через калитку на углу улицы Габриэль и авеню Мариньи», – с умилением свидетельствует автор книги «Роман императора» французский посол в России Морис Палеолог. 25 мая 1867 года, сразу за счастливыми встречами в Елисейском дворце и в отеле на Вандомской площади, где император поселил Екатерину, следует покушение Березовского. После этого покушения влюбленные больше не расстаются. В конце 1870-х годов Екатерина чувствует себя не фавориткой, а второй женой императора, уже не таясь, располагается она вместе с детьми в Зимнем дворце. 2 апреля 1879 года, вскоре после обретения ею нового статуса, следует покушение Соловьева. Так же бесцеремонно вторая семья императора обосновывается в Ливадии. И, как бы в ответ, – 19 ноября 1879 года взрыв царского поезда под Москвой. Уверенная, что Мария Александровна доживает последние дни, Долгорукова готовится к долгожданной свадьбе – и тут, 12 февраля 1880-го покушение Халтурина (взрыв царской столовой). После бракосочетания, последовавшего 6 июля 1880 года, в нарушение всех нравственных законов, всего через 45 дней после смерти императрицы, молодожены готовятся к коронации Екатерины Михайловны (уже не Долгоруковой, а светлейшей княгини Юрьевской). 1 марта 1881 года Александр II погибает от рук террористов.

Коль скоро зашла речь о «политической составляющей» этих отношений, то напомню: вторая половина царствования Александра II свидетельствует о его постепенном отходе от реформ. Мне всегда казалось, что причиной тому смерть старшего сына и уверенность, что новый наследник по пути отца не пойдет. Так стоит ли преодолевать немыслимые трудности, постоянное сопротивление, чтобы результаты этого труда были неизбежно уничтожены? Но если поверить Морису Палеологу,

который уверяет, что Екатерина Михайловна была фактической соправительницей государя (что охотно подтверждала сама княгиня Юрьевская, писавшая, что «он просил ее читать вслух все бумаги, присылаемые из различных министерств, и особенно записи дипломатического ведомства»), то получается, что отход от реформ связан с влиянием возлюбленной. Но как это увязать с распространенными утверждениями, будто княгиня Юрьевская была настроена весьма либерально и способствовала созданию документа, который император подписал перед роковой поездкой в манеж и который принято называть конституцией?

Когда император объявил своему другу детства, министру двора графу Александру Владимировичу Адлербергу о намерении жениться на Екатерине Михайловне, тот решил, что у него помутился разум. Он пробовал отговорить государя, тот направил его к Долгоруковой. Вот как Адлерберг рассказывал об этой встрече: «Я умолял ее во имя любви к государю спасти его от этого рокового решения, которое уронит его в глазах народа и возмутит все преданные ему до сих пор сердца, не говоря уже о более пагубных последствиях. Я вскоре понял, что с тем же успехом мог бы обращаться к бревну, что эта женщина менее всего способна на благородную и великодушную жертву. Она повторяла неизменно одну и ту же фразу на все лады: „Государь будет счастлив и спокоен, только когда обвенчается со мной…“

Во время нашего разговора дверь приоткрылась, и государь робко спросил, может ли он войти. „Нет, пока нельзя!“ – вскричала она таким тоном, какого я никогда не позволяю даже со своим лакеем».

Женитьба Александра Николаевича, подготовку к которой он тщательно скрывал от семьи, вызвала шок. Узнав о случившемся, Мария, к тому времени уже герцогиня Эдинбургская, написала отцу: «Молю Бога, чтобы я и мои младшие братья, наиболее близкие к матери в последние годы, сумели однажды простить Вас». Младшие братья, Сергей и Павел, были так подавлены горем, пережили такой нервный стресс, что им пришлось долго лечиться. Не исключено, что пережитое повлияло на психику Сергея Александровича непоправимо.

За те без малого 8 месяцев, что Екатерина Михайловна была законной, хотя и морганатической, супругой императора, она достаточно ярко проявила свой характер. Труднее всех приходилось великому князю Алексею Александровичу. Еще не зажила рана, нанесенная отцом, когда он запретил ему жениться на любимой Сашеньке Жуковской. Он так и остался холостым и потому жил в Зимнем дворце вместе с отцом. Старшие братья жили в собственных дворцах и были избавлены от необходимости

ежедневно лицезреть новоявленную мачеху. Ему же приходилось составлять компанию новой семье отца. Екатерина Михайловна казалась ему глупой и бестактной. Впрочем, как еще он мог воспринимать женщину, долгие годы отравлявшую жизнь его обожаемой матушки? Возможно, он был необъективен. Но как даже самый доброжелательный человек мог бы оценить заданный с наивным видом вопрос, касающийся великих княгинь: «В чем они могут меня упрекнуть, я ведь теперь замужем?» Он ответил, стиснув зубы: «Очевидно, они не могут забыть вашего прошлого».

Кажется, Мария Александровна, безропотно терпевшая соперницу при жизни, сойдя в могилу, не давала ей покоя. Слишком многие любили покойную императрицу, слишком многие не могли простить Юрьевской, которая оскорбляла ее при жизни и продолжала оскорблять после смерти. Мстили обидчице, как могли: презрением или брезгливой вежливостью. За это Александр Николаевич пригрозил ссылкой супруге наследника, Марии Федоровне, к которой, вообще-то, относился прекрасно. Он позволял своей любимой Катиш все. Не остановил, не пристыдил ее даже тогда, когда в спальне, где умерла Мария Александровна, устраивала веселые игры с детьми. Дети прыгали по кровати, на которой еще недавно лежала умирающая. Слуги, видевшие это, не могли сдержать слез. Новая хозяйка делала вид, что не замечает.

Но статуса законной жены ей было мало. Она хотела быть императрицей. Известно, что уже была заказана мантия и шифры для фрейлин Екатерины III. Для детей от первого брака венчание на царство матери незаконных детей императора было чревато весьма серьезными последствиями: оно открывало Георгию Александровичу, пока – Юрьевскому, а не Романову, возможность претендовать на отцовский трон. Княгиня Юрьевская уже заявляла: «Для России будет большим счастьем иметь, как в былые времена, русскую императрицу». Ей вторил, как это ни странно, Михаил Тариэлович Лорис-Меликов, который был достаточно умен, чтобы предвидеть последствия происходившего: «Когда русский народ узнает этого сына вашего величества, он восторженно скажет: „Вот этот поистине наш!“». Да и сам Александр однажды прилюдно заявил: «Это настоящий русский, в нем, по крайней мере, течет русская кровь». Думаю, это было не слишком осмотрительно. Это могло не понравиться очень многим, а уж наследнику престола – наверняка. А за ним стояли мощные силы… Я не рискую обвинять в гибели царя-Освободителя кого-нибудь, кроме террористов. Тем не менее бесспорно, что попытки предотвратить покушение были необъяснимо вялыми, а охраняли монарха из рук вон плохо.

Может быть, именно от террористов ждали выхода из тупика, в который попала власть. Во всяком случае, для Александра Александровича гибель отца была на удивление своевременной.

Единственным человеком, кто мог спасти Александра Николаевича, была его любимая Катя. Влюбленный император не раз говорил ей, что был бы счастлив отказаться от короны и удалиться с ней в частную жизнь. Если бы любила, как он, – согласилась бы. И он остался бы жив. Но разве ради тихой жизни со стареющим мужем она так старалась, отказывалась от светских развлечений, так долго терпела и ждала? Нет. У нее 15 лет была цель: она хотела стать царицей.

Через несколько дней после убийства императора его вдову посетила фрейлина великой княгини Марии Николаевны и близкий друг покойной императрицы, Александра Андреевна Толстая (двоюродная тетка Льва Николаевича Толстого). Вот что она рассказала об этой встрече: «Знаете, графиня, – начала Долгорукова без всяких предисловий, – я хочу умереть». – «Отчего же, сударыня? – спросила я и, улыбнувшись, добавила: – Умирают не тогда, когда хотят. На все воля Божья». – «Не знаю, за что Бог наслал на меня такое несчастье, ведь я никому не причинила зла».

С тех пор, как в его жизни появилась «никому не причинившая зла» княжна Долгорукова, Александр Николаевич был холоден с женой, едва скрывал раздражение. Он, которого называли гуманнейшим и сострадательнейшим государем в мире! И ведь не зря называли. Но его гуманность и сострадательность не относилась к одному человеку на свете – к его несчастной жене, когда-то столь любимой.

Невольно вспоминается его отец, которого никому не пришло бы в голову назвать ни гуманным, ни сострадательным. Он, уже получивший «вольную» от жены, уже не делавший особой тайны из своих увлечений, был с женой по-прежнему заботлив и нежен, старался ее порадовать. Вот о каком случае рассказывает Александра Уотермарк:

…Государь беспрерывно дарил ее (Александру Федоровну. – И. С.) какой-нибудь новой затеей. Однажды императрица каталась утром с одной из своих фрейлин. Ее привезли к довольно большому озеру, живописно обставленному большими березами, между которыми виднелись четыре новых домика колонистов. Объехав озеро, взорам императрицы представился прелестный сельский домик. На дорогу навстречу императрице вышел почтенный, заслуженный унтер. Императрица вышла из экипажа и вошла в дом. Комнаты были прелестно отделаны: деревянная мебель в русском стиле, стены точеные, вдоль них широкая скамейка, перед

ней в красном углу длинный стол, в стеклянных шкапах простенькая посуда. Из окон был виден изящный цветник, в котором проведенная из озера вода струилась по камням в виде водопада. На дворе имелся еще небольшой домик для сторожа. Императрица осталась очень довольна и мысленно благодарила своего любезного супруга за прелестный сюрприз. На прощанье она пообещала сторожу скоро приехать с гостями к нему на чай. Усаживаясь в экипаж, она спросила, семейный ли он? Сторож тотчас представил императрице двух своих дочерей. Императрица благосклонно протянула сторожу и его дочерям руку для поцелуя.

Сторож благоговейно поцеловал руку императрицы и в ту же минуту снял седую бороду и усы, и императрица узнала своего баловника-супруга и двух своих дочерей, переодетых в крестьянские платья…

Эту забавную и трогательную историю Мария Александровна, конечно, знала, но ни о чем подобном и помыслить не могла. Единственный знак внимания, какой она получала от мужа в последние годы, – протокольный поцелуй в лоб перед сном. Ей было невыносимо горько. Но она с поистине царским достоинством ни словом не обмолвилась о Долгоруковой, ни разу не проронила ни упрека, ни обвинения. Тайну своих страданий и унижений она унесла с собой в могилу.

Когда при Александре III зашла речь о канонизации человека, которого многие почитали святым, он, не принимавший до этого участия в разговоре, вдруг тихо сказал: «Если бы речь зашла о канонизации моей матери, я был бы счастлив. Потому что я знаю, что она была святая».

После ее смерти нашли адресованное мужу письмо. Она благодарила за счастье прожитой рядом с ним жизни. Может быть, это письмо тронуло его сердце. Или, освободившись и узаконив наконец отношения с любимой, он вдруг почувствовал, что это вовсе не то, о чем стоило так долго мечтать; что новая жена, получившая почти все, чего так упорно добивалась, не сделает его счастливым? Или понял, что зверь наконец загнан: на улице его терроризируют «бомбисты», дома – женщина, которую он любил? Кто знает? Но почему-то кажется, что ни женитьба, ни предполагаемая коронация Екатерины Михайловны ему были вовсе не нужны. Он просто уступал ее давлению. Считал, что обязан исполнить долг.

Одна из фрейлин рассказывала, что за несколько дней до убийства государя она зашла в кабинет Марии Александровны и увидела его сидящим за ее рабочим столом. Он горько рыдал…

Отступление о памяти и памятнике

Мне казалось, что о Марии Александровне знают и помнят еще меньше, чем о других российских императрицах. И вдруг – ей ставят памятник! В красивейшем месте, на берегу реки Кии в Кемеровской области. С давних времен стояло здесь село Кийское. Полтора века назад стало оно городом, а имени не было…

В 1891 году, во время традиционной для наследников российского престола поездки по России заехал сюда великий князь Николай Александрович, который вскоре станет императором Николаем II. Событие для этих мест неслыханное. Вспоминали, что накануне приезда цесаревича местные купцы соревновались за честь поучаствовать в организации приема высокого гостя. А среди тех, кто хотел перевезти Николая через реку, был даже организован конкурс гребцов. К участию допускались только «непьющие, опрятные и росту особого».

В память о встрече горожане попросили наследника подарить городу свое имя. Он отказался и предложил увековечить имя своей бабушки, покойной императрицы Марии Александровны. Согласились сразу, даже смущены были, что сами не додумались: ее здесь вспоминали с благодарностью – по ее распоряжению была построена женская гимназия, изменившая жизнь многих жительниц города (она сохранилась и поныне: сейчас в ней школа № 3).

И город назвали Мариинском. Стал он единственным в России, в годы роковых перемен сохранившим свое старинное имя, связанное с домом Романовых. Забыла, наверное, новая власть тихую императрицу, вот и не переименовали город. А теперь жители (сами, без указаний сверху!) решили почтить память забытой государыни, поставить ей памятник. Стоил он около двух миллионов рублей, деньги для провинции немалые. Собирали их среди горожан, просить у начальства не хотели. Давали, кто сколько мог. Никто не отказывал.

Теперь она, бронзовая, сидит на скамейке в городе, носящем ее имя, и кормит голубей. Жители города называют ее ласково: Машенька.

Ей бы, наверное, понравилось…

«Хозяйка земли русской»

Преемницей Марии Александровны на русском троне стала датская принцесса Мария София Фредерика Дагмар, в православии Мария Федоровна. Впервые за почти полтора века – не немка. Более того, яростная германофобка. Причина антинемецких настроений юной принцессы вполне понятна: ее любимая Дания потерпела сокрушительное поражение в войне с Германией, потеряла южные провинции Шлезвиг, Гольштейн, Люнебург. Было подписано унизительное для датчан перемирие, но угроза со стороны Пруссии оставалась реальной. Единственной защитницей могла стать Россия. Вот почему король Христиан IX мечтал выдать дочь за русского наследника.

Принцесса прекрасно понимала свой долг перед страной и была готова исполнить его. Но когда встретилась с женихом, оказалось, что государственные интересы удивительным образом совпали с чувствами: молодые люди полюбили друг друга. Нежно и трепетно. Потом последовала неожиданная смерть жениха, отчаяние, которое разделял с ней младший брат покойного, их сближение (сначала сближали только воспоминания).

Потом оказалось, что цесаревич Александр, так непохожий на старшего брата, тоже очень мил, прибавьте к этому притягательность русской короны, по-прежнему остававшийся

необходимым для Дании союз с Россией и самое нежное отношение к малышке Дагмар русской императорской четы… В общем, датская принцесса стала сначала женой наследника, а потом и русской императрицей.

Поскольку тема этой книги – немецкие принцессы на русском троне, а Дагмар – датчанка, подробно писать о ней не буду. Скажу лишь о ее отношениях с немецкими принцессами, о судьбах которых я пытаюсь рассказать. Дагмар была невесткой одной (Марии Александровны) и свекровью другой (Александры Федоровны). В жизни обеих она сыграла роль немалую. Невесткой была замечательной, на доброту свекрови отвечала преданной заботой.

Была единственной, кто решался укорять Александра Николаевича за жестокое отношение к больной жене. Какой она была свекровью, расскажу чуть дальше.

Родители ее звали Минни (малютка), так же продолжали называть и в России. Была она очень хороша собой, женственна, непосредственна, весела, элегантна и на редкость обаятельна. Феликс Юсупов вспоминал: «Несмотря на маленький рост, в ее манерах было столько величия, что там, куда она входила, не было видно никого другого». Муж ее обожал. Она была его первой женщиной, он – ее первым мужчиной. Впервые в истории императорской семьи ни разу за 28 лет брака ни у него, ни у нее не было романов на стороне. Александр не желал расставаться с женой ни на минуту. Когда она ненадолго уезжала с детьми в Данию, страдал; каждый день писал ей подробные письма, хотя его едва ли можно было назвать большим мастером эпистолярного жанра. По всем вопросам управления страной советовался с ней неизменно. Советы ее чаще всего бывали блистательны. Если бы им следовал и ее сын…

Она обладала редким даром предвидения. Но в даре этом не было ничего мистического, только глубокий анализ и на его основе – безошибочные выводы. Она предскажет войну с Германией; будет постоянно обращать внимание сына на странные связи кайзера Вильгельма с русскими революционерами, которые «с помощью сумасшедшего немца Вилли» вернутся на родину и дестабилизируют обстановку в России. Но предостережет и самого кайзера: его власть падет – революция в Германии при такой политике неизбежна. Уже во время предсказанной ею войны будет умолять сына не брать на себя командование армией, трезво понимая: ее сын – не полководец. И, как известно, во всем окажется права. Она восхищалась начинаниями Столыпина, но была уверена, что его дело обречено, что и сам Петр Аркадьевич – не жилец. И это ее

предвидение оправдалось. Сбылось и последнее ее пророчество, о будущем семьи Романовых: «Нам предстоит пережить ужасные, неописуемые времена»…

О ее уме и такте говорили с восторгом, о благотворительной деятельности, которая перешла к ней от безнадежно больной свекрови, – с благодарностью. Она возглавила «Отдел институтов императрицы Марии», «Общество Красного креста» (основанное в России Марией Александровной), «Женское патриотическое общество», «Общество спасения на водах», «Общество покровительства животным»; ведала многочисленными воспитательными домами, приютами, богадельнями. Ее энергии хватало на все. А еще она удивительно умела ладить со всеми. Кроме двоих: Екатерины Михайловны Долгоруковой и супруги своего старшего сына, Алике Гессенской, в православии Александры Федоровны.

В Екатерине Михайловне ей претило все, но больше всего – бестактность фаворитки по отношению к Марии Александровне. Долгорукову считала плохо воспитанной, вульгарной и невыносимо назойливой. Хотя не она, а влюбленный император настойчиво навязывал наследнику и его супруге общение со своей второй семьей. Тем не менее Минни терпела, была с любовницей свекра холодна, но вежлива.

После того как Долгорукова стала законной супругой императора, ситуация изменилась: «Положение наследника становилось просто невыносимым, и он всерьез подумывал о том, чтобы удалиться „куда угодно“, – как он выразился, – лишь бы не иметь ничего общего с этой кабалой», – вспоминала Александра Андреевна Толстая. Но Минни-то удаляться от трона не собиралась. Уступить блестящее будущее своего мужа и детей сыну отвратительной самозванки? Не дождетесь! Она вспоминала о том времени:

Так или иначе, я переносила ежедневные унижения, пока они касались лично меня, но, как только речь зашла о моих детях, я поняла, что это выше моих сил. У меня их крали, как бы между прочим, пытаясь сблизить их с ужасными маленькими незаконнорожденными отпрысками. И тогда я поднялась, как настоящая львица, защищающая своих детенышей. Между мной и государем разыгрались тяжелые сцены, вызванные моим отказом отдавать ему детей помимо тех часов, когда они, по обыкновению, приходили к дедушке поздороваться. Однажды в воскресенье, перед обедней, в присутствии всего общества он жестоко упрекнул меня, но все же победа оказалась на моей стороне. Совместные прогулки с новой семьей прекратились, и княгиня крайне раздраженно заметила мне, что не понимает, почему я отношусь к ее детям как

к зачумленным.

Надо отдать должное Марии Федоровне: когда ее муж занял престол и все опасения по поводу претензий узаконенного сына императора и Долгоруковой остались позади, она стала относиться к детям свекра вполне лояльно. Узнав о болезни Георгия, поехала навестить его в Ниццу. Была с юношей заботлива, щедра. Но с его матерью встретиться не пожелала. Впрочем, Юрьевская такое пренебрежение вполне заслужила. После гибели отца Александр III назначил его второй жене огромную ренту из казны, оставил за ней апартаменты в Зимнем дворце, не считая множества других привилегий. Но ей все было мало. Она требовала особого отношения к себе, публичного почитания. Закатывала безобразные сцены. «Она была так груба, – рассказывала Мария Федоровна, – что даже я позволила сказать ей несколько нелицеприятных слов, чтобы напомнить, сколько мы перестрадали из-за нее». Когда безутешная вдова заявила, что собирается давать в Петербурге балы, император наконец не сдержался: «На вашем месте я бы заперся в монастыре». Она поняла: его терпению пришел конец. Уехала с детьми в Ниццу. Навсегда. В России больше не появлялась. Умерла она в 1922 году в возрасте 75 лет.

Если неприязнь Марии Федоровны к Долгоруковой вполне объяснима, то невестку она невзлюбила еще до того, как та успела в чем-нибудь перед ней провиниться. Правда, Алике не замедлит это сделать и будет постоянно, упорно противостоять свекрови во всем. Тогда неприязнь, бывшая поначалу чисто интуитивной, превратится в ненависть. Взаимную. И в борьбу за Николая II. К сожалению, побеждать в этой борьбе будет чаще всего жена. Матери же останется невыносимая тревога о будущем. И семьи, и России.

Минни винила себя в том, что не сумела воспрепятствовать женитьбе сына на «этой немке». Иначе она невестку не называла. Ну, еще иногда «гессенской мухой». Что тоже не слишком доброжелательно. Кстати, причина априорной неприязни, скорее всего, в том и состоит, что Алиса – немка. Наличие у нее некоторой доли английской крови дела не меняло. Винила себя вдовствующая императрица, конечно, незаслуженно. Она допустила этот брак только потому, что была поглощена заботой об умирающем муже. Александр III не подозревал, что болен неизлечимо, но она – знала. И скрывала. Держалась с редким мужеством, улыбалась сквозь слезы. До женитьбы ли сына? А женить его было необходимо: вот-вот станет императором. Неженатый государь по тем временам – нонсенс.

На примете у родителей была вполне достойная невеста:

принцесса Елена, дочь герцога Орлеанского, – Александр III стремился к союзу с Францией. И Вильгельм II откровенно намекал, что был бы рад выдать за Николая свою сестру Маргариту. Но русская императорская чета не хотела укреплять отношения с немецкими дворами – германофобию жены Александр Александрович разделял полностью. И вдруг…

У прославленной английской королевы Виктории, той самой, что в юности была влюблена в наследника российского престола (деда нынешнего наследника), была дочь Алике. Заботливая матушка удачно выдала ее замуж за герцога Гессен-Дармштадтского, Людвига IV. Алике была болезненно склонна к мистицизму и передала эту черту младшей дочери вместе с именем: малышку тоже назвали Алике. Аликс-старшая умерла совсем молодой. Двух ее дочек взяла на воспитание бабушка. Воспитание они, естественно, получили отменное. И хотя Алике была шестью годами младше Эллы, сестры были очень дружны. Обе – красавицы. Только у старшей – всегда нежная улыбка. У младшей – строго поджатые губы. Старшая будто соткана из света. Младшая словно олицетворяет тьму. Но это не мешало им любить друг друга. Каждый раз, когда им приходилось разлучаться, обе страдали. В этом, как ни странно, одна из причин, приведших Алике в Россию.

Однажды, во время визита в Дармштадт к своим (общим с Романовыми) немецким родственникам, Элла познакомилась с одним из сыновей Александра II, великим князем Сергеем Александровичем (тем самым, которому императрица Мария Александровна поручила опубликовать письма Елизаветы Алексеевны). Молодые люди понравились друг другу. Королеве Виктории перспектива такого брака пришлась по душе. Видно, не забыла свою юность, прекрасного русского царевича, первую влюбленность и прощальный поцелуй. То, что было потом, – не в счет.

С восторгом отнеслась к браку своего младшего брата с Эллой и невестка Виктории, Мария Александровна, принцесса Уэльская. С неменьшим восторгом встретили невесту Сергея и в Петербурге. О своем первом впечатлении от принцессы, ставшей в православии Елизаветой Федоровной, записал в дневнике великий князь Константин Константинович (известный поэт К. Р.):

Она показалась рядом с императрицей, и всех нас словно солнцем ослепило. Давно я не видывал подобной красоты. Она шла скромно, застенчиво, как сон, как мечта…

Элла так женственна. Я не налюбуюсь ее красотой. В ней, несмотря на всю ее кротость и застенчивость, чувствуется

некоторая самоуверенность, сознание своей силы… Мы начинаем, кажется, с нею сближаться, она теперь менее со мной стесняется. Не вижу, чтобы Сергей очень много сидел с ней; но у них прелестные отношения.

Со временем Елизавета и Константин станут близкими друзьями. Ему повезет: он умрет в 1915 году, не доживет до октября 1917. Она – доживет. И станет одной из жертв. Ее сбросят в шахту в городке Алапаевске вместе с его сыновьями: Иоанном, Игорем и Константином. С ними погибнут великий князь Сергей Михайлович, князь Владимир Палей, монахиня Варвара Яковлева и служащий молодых великих князей Федор Ремез. Застрелили одного князя Сергея Михайловича – он сопротивлялся убийцам. Остальных бросали в шахту живыми, вниз головой. Еще трое суток из-под земли раздавались стоны, пение псалмов и молитв. Следователи армии Колчака, извлекавшие трупы из шахты, были потрясены: умирающая Елизавета Федоровна нашла в себе силы перевязать разбитую голову Иоанна Константиновича своим платком. Может быть, вспоминала пророческие строчки колыбельной, которую К. Р. написал своему старшему сыну:

Сколько участья во взоре
Этих печальных очей!
Словно им ведомо горе
Будущей жизни твоей.

За 30 лет до их гибели он будто предвидел…

Стихи, которые он посвящал Елизавете, всегда полны и восхищения и печали:

Какой-то кротости и грусти сокровенной
В твоих очах таится глубина;
Как ангел, ты тиха, чиста и совершенна;
Как женщина, стыдлива и нежна.
Пусть на земле ничто средь зол и скорби многой
Твою не запятнает чистоту,
И всякий, увидав тебя, прославит Бога,
Создавшего такую красоту!

Добавлю, к слову, что посвящать стихи ее младшей сестре, которая станет императрицей Александрой Федоровной, никому из поэтов не придет в голову. Что же касается печали в стихах К. Р., для нее, судя по всему, были серьезные основания. Брак Эллы был несчастен: юной принцессе никто не сказал, что у ее

очаровательного жениха не вполне обычные сексуальные пристрастия, так что супружеских отношений между новобрачными фактически не было. Но дружба была. И Сергей Александрович охотно помогал жене осуществить заветный план: выдать свою младшую сестру за наследника российского престола.

Они впервые встретились в 1884 году. Николаю – 16 лет, Алисе (Алике) – 12. Он не обращает на девочку никакого внимания. Она не сводит с него глаз, и Мария Федоровна это с неудовольствием замечает. Девочка ей неприятна. Через пять лет Алике снова в России, довольно долго гостит в Петергофе. Впечатление императрицы о подросшей девице прежнее: довольно красива, чертами похожа на Эллу, но абсолютно лишена притягательного обаяния старшей сестры, холодна, замкнута. О такой невестке не может быть и речи. Но старшая сестра не отказывается от своих планов: ей очень хочется, чтобы Алике была рядом, и она дарит Николаю фотографии сестры, при случае рассказывает о ней – не дает забыть. Но Николай влюблен в обворожительную Матильду Кшесинскую, приму петербургского балета, ему не до Алике. Эллу это не смущает: мужчина должен пройти через увлечения и ошибки юности. К женитьбе это не имеет никакого отношения.

Через год Алике снова в России. На этот раз – в Москве, в гостях у Эллы. Москва ее покоряет. Петербург – европейский город, Москва – средоточие всего русского, загадочного, могучего. Вернувшись в Лондон, она приглашает к себе священника русской посольской церкви, расспрашивает его о догматах православия, об особенностях обрядов. Более того, она начинает изучать русский язык (которым, кстати, так никогда и не овладеет, сможет по-русски только отдавать приказания прислуге и кое-как объясняться со священниками). Но тогда ее стремление изучить язык произвело впечатление. Невиданно! Все немецкие принцессы, выходившие замуж в Россию, начинали учить язык не раньше, чем официально становились невестами. Алике предложения не получала. Только надеялась.

Надеялась и Элла. Пользуясь расположением императрицы, она прямо заговорила о желанном браке. Мария Федоровна ответила вполне определенно: «Ники слишком молод для брака. Он вскоре должен отправиться в кругосветное путешествие, кроме того, ему предстоит пройти несколько ступеней военной службы. Алике и Ники симпатичны друг Другу? Очень мило, но что тут серьезного? Обычные детские чувства между кузенами». Императрице казалось, что на притязаниях Гессен-Дармштадтской принцессы поставлена точка. Не тут-то было.

Став российской императрицей, принцесса еще припомнит свекрови нежелание видеть ее своей невесткой.

В 1893 году, когда болезнь императора делает женитьбу наследника необходимой, Николай неожиданно для матери заявляет:

Моя мечта – когда-нибудь жениться на Алике Г. Я давно ее люблю… Я долго противился моему чувству, стараясь обмануть себя невозможностью осуществления моей заветной мечты… единственное препятствие между нею и мною – это вопрос религии!… Я почти уверен, что наши чувства взаимны.

То, что «вопрос религии» препятствует браку, странно: Алике с таким интересом изучала православие, так восхищалась православным богослужением – и вдруг…

Перемена веры была травмой для большинства немецких принцесс, вынужденных переходить в православие. Но в тех случаях это было понятно: они ничего не знали о новой вере, неизвестность пугала. Здесь неизвестности не было. В чем же дело? В неустойчивой психике? Или в желании «набить себе цену», когда долгожданное предложение руки и сердца наконец получено; показать, что брак невозможен не потому, что этого не хочет злодейка-свекровь, а исключительно из-за преданности невестки своей вере? Думается, имело место и то и другое. Во всяком случае, родителей жениха, которым было и без того невыносимо тяжело (Александр III доживал последние недели), Алиса заставила пережить много тревожных минут.

Любопытны воспоминания известного дипломата Владимира Николаевича Ламсдорфа, занимавшего с 1900 по 1906 год пост министра иностранных дел России. Они заставляют усомниться в этом «давно ее люблю»:

…Рассказывают, будто бы та из сестер (Кшесинских. – И. С.), которой покровительствует наследник-цесаревич, упрекала его, что он отправляется к своей «подлой Алиске» и что будто бы императорское высочество применил тот же самый изящный эпитет, протестуя против намерения женить его. Во время своего первого появления при нашем дворе она даже показалась… уродливой. В те времена наследник-цесаревич избегал встречаться с ней, государыне она тоже не нравилась; в очертании ее рта находили какие-то признаки цельного, но неприятного характера… Теперь уверяют, будто наследник влюблен в нее целых пять лет, будто он все эти годы постоянно носил с собой ее портрет и т. д. и т. п. Все это не соответствует действительности.

Но, в конце концов, не так уж и важно, давно ли Николай полюбил Алике. Не особенно существен и его роман с Матильдой Кшесинской: странно было бы, если бы молодой, здоровый

человек хранил девственность, ожидая, пока подрастет его юная невеста. Важно другое: они станут идеальной супружеской парой, любящей и преданной друг другу до последнего вздоха. Так что можно предположить, что наследник сделал правильный выбор. Да, это было бы именно так, если бы речь шла о частном лице, Николае Александровиче Романове. К сожалению, частным лицом он не был. А для российского императора выбор в супруги принцессы Алисы Гессенской стал роковым.

Я имею в виду не ее характер, вздорный, авторитарный; не ее склонность к мистицизму, не ее постоянные попытки навязать окружающим, и в первую очередь мужу, свою волю. Я имею в виду только одно: она была носительницей гена гемофилии. Женщины этой страшной болезнью не болеют, передают ее по наследству. Заболевают только мальчики. Правда, не все. От гемофилии умер дядя Алике, герцог Олбэнский Леопольд, младший из четырех сыновей королевы Виктории. Только две из пяти ее дочерей (Алиса и Беатрис) стали носительницами гена гемофилии. Один из сыновей Алисы, Фридрих, брат будущей Александры Федоровны, умер от гемофилии, когда ему едва исполнилось три года. Дочь Алисы, Аликс-младшая, и дочь Беатрис, Ирена, вышли замуж за представителей королевских домов России и Испании, и их сыновья, наследники двух тронов, родились больными гемофилией.

Свадьба Алике и Ники состоялась в 1894 году, а за 18 лет до этого французский врач Грандидье, занимавшийся изучением гемофилии, объявил, что «всем членам семей с несвертываемостью крови следует рекомендовать не вступать в брак». Так что заранее, еще до свадьбы было известно: здоровье будущего наследника российского престола под угрозой. Чем же был этот брак? Проявлением безответственности? Или люди, которым предстояло властвовать в огромной стране, не страдали от избытка образованности и к достижениям науки относились с царственным пренебрежением? Неизвестно, что хуже… А если еще учесть, что Алике читала труды Менделя (это известно достоверно). Знаменитый английский генетик Холдейн писал:

Можно утверждать, что Николай знал о том, что его невеста имеет братьев-гемофиликов, хотя, он сам ничего не говорит об этом в своем дневнике и письмах, но, учитывая его воспитание, можно предположить, что он не придавал значения этому факту. Возможно, что жених и невеста либо их доверенные лица консультировались с врачами. Мы не знаем этого и, наверное, никогда не узнаем, советовал ли придворный доктор не вступать в брак. Если бы известный доктор, не принадлежащий к придворным кругам, желал бы предостеречь Николая относительно опасного

характера предполагаемого брака, я не думаю, чтобы он мог сделать это лично или на страницах печати. Короли тщательно защищены от нежелательной реальности… Гемофилия цесаревича была проявлением разрыва между королевской жизнью и реальностью.

Трудно сказать, пытался доктор оправдать Николая или обвинить…

Имел ли он право жениться на Алике? Поверим ему: он давно ее любил. И что? Обычный человек может положить к ногам любимой судьбу будущего сына. Но будущий государь – судьбу России?!

А она? Впрочем, что ей Россия? Она много говорила о любви к стране, быть императрицей которой ей назначила судьба. Но понять страну и ее народ не сумела. В самом начале ее жизни в России, отвечая на жалобы внучки, что ее невзлюбило петербургское общество, мудрая королева Виктория (64 года весьма успешно правившая Британией) писала:

Нет труднее нашего королевского ремесла. Более сорока лет я управляю своей родной страной, знакомой мне с детства, однако не было дня, чтобы я не размышляла над тем, как сохранить и укрепить любовь моих подданных. Как же тяжело тебе, в чужой, незнакомой стране, где образ мысли людей и они сами совершенно чужды тебе. И все же твоя главная задача – завоевать их любовь и уважение.

Самоуверенная внучка советом бабушки пренебрегла (как, впрочем, будет пренебрегать советами всех умных людей, желавших ей добра). В ее ответе – суть позиции, которая привела к краху и ее саму (что, в конце концов, ее личное дело), и русскую монархию, что куда как печальнее. Вот что ответила молодая русская императрица Александра Федоровна умудренной опытом английской королеве Виктории:

Вы ошибаетесь, дорогая бабушка. Россия – не Англия. Здесь не нужно стараться, чтобы завоевать любовь народа. Он считает своих царей Божествами, от которых исходят все милости и блага. А петербургское общество – это величина, которой можно и пренебречь. Мнение лиц, его составляющих, и их зубоскальство не имеют никакого значения. Бороться с ними ниже моего достоинства.

Ее недаром считали высокомерной…

Надо сказать, что ей с самого начала не повезло. Все немецкие принцессы, выходившие замуж за наследников русского престола, несколько лет жили при дворе в роли невесток царствующей императорской четы. Это не всегда было легко и приятно, но давало возможность хорошо изучить придворную

жизнь, узнать цену окружающим, обзавестись сторонниками, а если повезет, и друзьями. Вступив на трон, все они знали, на кого могут опереться, а кому доверять не следует. Александра Федоровна оказалась в России за несколько дней до смерти свекра. Он успел только благословить сына и его невесту, хотя и мечтал о другой жене для своего наследника.

А она успела проявить характер. Ей показалось, что к ее Ники относятся без должного почтения, и сразу начала воспитывать из него настоящего самодержца (как она себе это представляла). Написала в его дневнике (она будет делать это часто, это станет знаком величайшего доверия, подтверждением: у супругов нет тайн друг от друга):

Будь стойким и прикажи доктору… приходить к тебе ежедневно и сообщать, в каком состоянии они его (умирающего императора. – И. С.) находят… Не позволяй другим быть первыми и обходить тебя. Ты – любимый сын отца, и тебя должны спрашивать и тебе говорить обо всем. Выяви свою личную волю и не позволяй другим забывать, кто ты.

Будущая невестка предлагала сыну не позволять Марии Федоровне быть первой, и где? У постели обожаемого мужа! Такого семья, где авторитет матери был непререкаем, не могла даже вообразить. Но пока членам царской семьи не до мелочных счетов: умирает любимый муж и отец.

На похоронах Александра III невеста нового императора появилась в трауре. Как же иначе? Но многих это напугало: «Невеста в черном – не к добру». Ее называли кто – черным солнцем, кто – черной льдиной, а большинство – черной вороной.

21 октября 1894 года, на следующий день после смерти свекра, Алиса Гессенская была миропомазана и получила православное имя: Александра Федоровна. Произошло это в маленькой ливадийской церкви, построенной когда-то для другой Гессен-Дармштадтской принцессы на русском троне, императрицы Марии Александровны. Предстояло венчание. Николай записал в дневнике: «…Странно в таких обстоятельствах думать о свадьбе». Но… ровно через неделю после похорон свадьбу все-таки сыграли. Поторопились, потому что начинался пост. Во время поста – какая свадьба? А ждать два месяца не хотели…

Присутствовавшие на венчании заметили: ступив на ковер в храме, невеста споткнулась; брачный венец, который держали над ее головой, все время дрожал. И в этом увидели плохие приметы. Но сами новобрачные были счастливы. Николай записал в дневнике в канун нового, 1895 года: «Вместе с таким непоправимым горем Господь наградил меня счастьем, о котором

я не мог даже мечтать, дав мне Алике». Она добавила: «Последний день старого года. Какое счастье провести его вместе! Моя любовь выросла такой глубокой, сильной и чистой – она не знает предела. Да благословит и хранит тебя Господь».

В дневниковых записях, во всех без исключения письмах (даже в тех, где она строго и настойчиво учит его, как управлять страной; даже в тех, что написаны через двадцать с лишним лет после свадьбы, когда притупляется острота чувства, и любовь, в большинстве случаев, становится привычкой) будут слова такой нежной, страстной, отчаянной любви, что человеку сентиментальному недолго заплакать от умиления: неужели такая любовь бывает?… Они написали друг другу более 600 писем. Когда ей объявят об аресте, она будет сжигать письма, которые всегда тщательно хранила. Полетят в огонь послания королевы Виктории, сестер. Свою переписку с Николаем она сохранит. Ей говорили, что их будут судить по подозрению в тайных действиях в пользу Германии. Ей казалось, что, прочитав письма, судьи не смогут усомниться в их патриотизме. Знала бы она, что такое большевистское правосудие…

А пока приближался день коронации. Тут-то и начали сбываться предзнаменования, о которых перешептывались уже во время похорон предыдущего императора. Началось с мелочи: одевая императрицу в коронационный наряд, одна из ее придворных дам поранила палец о пряжку мантии. Капля крови упала на блестящий, белоснежный мех горностая. Тех, кто это видел, охватило тяжелое предчувствие… Оно сбылось незамедлительно.

В тот день на Ходынском поле в Москве народ должен был праздновать коронацию очередного помазанника Божьего. Люди бросились за подарками, началась давка – сработал почти неизбежный в таких ситуациях синдром толпы. В день коронации на Ходынке погибло почти 3000 человек (это по официальным данным, а у нас цифры испокон веков любят преуменьшать или преувеличивать, в зависимости от того, как выгоднее). Когда перед коронацией Александра II и Марии Александровны сорвавшийся с колокольни колокол убил двух случайных прохожих, молодая императрица долго не могла прийти в себя, горько рыдала: каким будет царствование, если оно начинается с крови?

А как повела себя новая императрица, узнав о трагедии на Ходынке? Надо отдать ей должное – весьма нестандартно: уговорила мужа вечером того же дня пойти на бал во французское посольство! Потом это присутствие на балу будут ставить в вину Николаю люди самых разных политических

убеждений – от либералов до монархистов. Ему, наверное, простили бы само кровопролитие на Ходынке: в конце концов, его личной вины в нем не было. Но как он мог танцевать в то самое время, когда на небрежно укрытых рогожей подводах через всю Москву везли и везли раздавленные, истекающие кровью тела его подданных?… Такое не прощают. А его вина была лишь в том, что уже в самом начале семейной жизни попал не просто под влияние, а под жесткое давление жены. Противостоять этому давлению он не научится никогда.

Кровь, пролившаяся на Ходынском поле, казалась жутким предвестием. Тогда – казалась. Теперь-то мы знаем: предвестие сбылось. И для царицы, и, как это ни горько, для России. Судьбы немецкой принцессы и страны, где она прожила 23 года, переплелись причудливо и трагически: их связала кровь. Потом, когда через 10 лет после свадьбы и через 8 после коронации императрица наконец родит мальчика, над страной, как липкая пелена кровавого тумана, нависнет мало кому до того знакомое слово – «гемофилия»…

Но об этом – чуть дальше. А пока Александра Федоровна осваивается в России. Пожалуй, первая ее задача – нейтрализовать влияние свекрови. Она не может смириться с тем, что вдовствующая императрица на торжественных выходах, балах и приемах всегда идет в первой паре с государем, а она, царствующая императрица (!) – только во второй паре, со старшим из великих князей. Она не знала и не хотела знать, что свекровь не претендует на ее права, что это всего лишь традиция.

Когда-то такой порядок ввела первая вдовствующая императрица, вдова Павла Петровича, тоже Мария Федоровна. Та действительно хотела уязвить ненавистную невестку, Елизавету Алексеевну. Потом побудительные мотивы забылись, а традиция осталась. Она не возмущала ни Александру Федоровну (супругу Николая I, столь непохожую на свою новоявленную тезку), ни Марию Александровну.

Алике, оказавшись в чужой стране, не изучив местных нравов, не зная языка, а потому часто не понимая, о чем говорят окружающие (придворные, в большинстве случаев предпочитавшие говорить по-французски, часто при ней нарочно переходили на русский), будет стараться навязать всем свое представление о жизни. Она будет возмущаться, что муж советуется с матерью по поводу государственных проблем, раздражаться по поводу нравов при дворе свекрови, критиковать наряды придворных. Порой она будет выглядеть смешно и глупо. К примеру, однажды на балу попросила передать даме, декольте которой показалось ей слишком откровенным, приказание

одеваться поскромнее. Аргумент был ошеломляющий: «В Гессен-Дармштадте так не ходят». Дама ответила достойно: «Передайте ее императорскому величеству, что у нас в России ходят именно так». Окружающие не могли, да и не хотели скрыть насмешливых улыбок. А чего стоила манера Алике, протягивая дамам руку для целования, поднимать ее прямо к губам! Пожилые титулованные особы (некоторые из них – потомки Рюриковичей) возмущались: «Не слишком ли эта немка из заштатного Гессена мнит о себе!».

Марию Федоровну все это раздражало. Ей было стыдно. Она старалась как можно чаще уезжать из Петербурга, чтобы не быть свидетельницей, а то и участницей сцен, которые казались ей неприличными. Окончательно отношения между свекровью и невесткой разладились после того, как Николай, находясь в Ливадии, заболел брюшным тифом. Александра тут же написала императрице-матери, что просит ее не приезжать к больному, что никому не уступит место у его постели, будет ухаживать за ним одна. И ухаживала, но Мария Федоровна, переживавшая за сына, который несколько дней находился между жизнью и смертью, была жестоко оскорблена. О его состоянии она вынуждена была узнавать от преданных ей придворных. Таких в окружении новой императрицы было предостаточно. Во время болезни Николая жена впервые открыто посягнула на его полномочия (потом, в годы Первой мировой войны, он их сам передаст ей): приказала объявить министрам, что все официальные бумаги должны быть адресованы ей, а уж она разберется, допускать или не допускать их до царя.

Людей осведомленных такие притязания не удивили: они уже знали, с кем имеют дело. Еще за три года до тяжелой болезни императора в России была проведена перепись населения. В переписном листе, в графе «Занятие, ремесло, промысел, должность или служба» Александра Федоровна написала: «Хозяйка земли русской». Похоже, ни деликатность, ни трезвое чувство реальности ей знакомы не были. Не нашлось и мудрого советчика, который удержал бы ее руку, объяснил, как нелепо и оскорбительно для народа это звучит в России в канун XX века, да еще в устах иностранки, не научившейся говорить по-русски. Такого советчика не нашлось. Зато появились новые недоброжелатели.

Если бы не характер Александры Федоровны, если бы не такое трудное для нее самой и для окружающих сочетание застенчивости и самоуверенности, могли бы найтись умные, доброжелательные люди, которые сумели бы ей объяснить, что такое современная Россия и чем она отличается от державы времен Ивана Грозного и Петра Великого, о которых она читала в

исторических сочинениях.

Обычно царских невест при русском дворе принимали не просто приветливо – восторженно. Алике встретили более чем холодно. Но были и исключения. Родная сестра Николая, Ксения, и ее муж, великий князь Александр Михайлович, друг юности нового императора, готовы были предложить ей искреннюю дружбу и поддержку. Поначалу она сблизилась с ними. Но потом… Ксения одного за Другим рожала мальчиков, Александра – девочек. А ей так нужен был сын! Ну зачем Ксении сыновья! Они же все равно никогда не унаследуют престол. Впрочем… Нет, она не могла допустить, чтобы на троне оказался кто-нибудь, кроме ее такого желанного, но до сих пор не рожденного сына! А между тем к концу XIX века семейство Романовых разрослось необыкновенно: только мужчин – 65 человек, а уж женщин… Хотя женщины ее не волновали: по закону о престолонаследии, написанному еще Павлом I, женщины права на трон не имели. Тем не менее она яростно завидовала Ксении. Дружбы не получилось.

Существуют такие натуры – они готовы прийти на помощь всем, кому плохо, могут быть на редкость самоотверженны, но радоваться чужому счастью не способны категорически. Александра Федоровна была именно такой. Второе она доказала, разрушив отношения с семейством Александра Михайловича, упорно досаждая другим родственникам, жизнь которых казалась ей чрезмерно радостной. Первое доказывала постоянно, помогая несчастным, по счастливому для них стечению обстоятельств, оказавшимся в ее поле зрения. Во время Первой мировой войны окончила курсы сестер милосердия, работала операционной сестрой, не боялась крови, гноя, забыла о брезгливости и высокомерии, ночами не отходила от умирающих. Раненые ее боготворили. Но таких были десятки. Тех же, кто ненавидел «немецкую шпионку», – миллионы…

Но до войны и до ненависти еще больше 10 лет. Отношения с мужем прекрасные. Четыре девочки, которых она родила за шесть лет, приносят родителям только радость: веселы, здоровы, послушны. Но им нужен мальчик, наследник. Оба истово молятся, просят Господа послать сына. А сына все нет. Александра окружает себя магами, гадалками, ясновидящими. Ей невдомек, что с православной верой это несовместимо. Вообще ее отношения с церковью выглядят весьма запутанными: то она решает изучать православие, то, изводя всех, решительно отказывается менять вероисповедание; то истово погружается в новую веру, вернее, в ее обрядность. И – одновременно – в мистицизм. Не чувствуя, не желая понять, что мистицизм чужд

православию, его чистому, ясному духу. Ее увлечение мистическими учениями и практиками часто объясняют (оправдывают) желанием хоть как-то помочь больному сыну. На самом деле это увлечение появилось задолго до рождения мальчика и с самого начала имело характер экзальтированный и странный, трудно совместимый с положением русской государыни.

Но вот на свет появляется долгожданный ребенок. Мальчик. Пьер Жильяр, которому предстояло стать воспитателем цесаревича, вспоминал:

Насколько я мог видеть, она (Александра. – И. С.) была в состоянии просто оглушающего материнского счастья, поскольку она наконец увидела свое самое сокровенное желание исполненным. Она была горда и счастлива красотой своего младенца. Цесаревич, несомненно, был одним из красивейших детей, каких только можно вообразить, с прекрасными светлыми локонами, с большими серо-голубыми глазами, с бахромой длинных загнутых ресниц и свежим розовым цветом кожи здорового ребенка. Когда он улыбался, в его полных щечках появлялись две маленькие ямочки.

Переход от оглушающего счастья к оглушающему отчаянию был ужасен: мальчик болен! И смертельную болезнь – гемофилию – передала сыну она, обожающая его мать. С этим невозможно смириться. С тех пор и до последнего вздоха над ней висел дамоклов меч: в любой момент Алексей, только что весело игравший, мог споткнуться, упасть, удариться. Здоровый этого бы даже не заметил, а он сразу оказывался на краю гибели. Внутренние кровотечения вызывали непереносимую боль. Мальчик терял сознание. Для него это было хотя бы временным избавлением от боли. Для нее, сидящей рядом и не способной помочь, – немыслимой мукой. Когда у него было кровоизлияние в сустав и сознание еще не оставило его, он шептал: «Мама, помоги мне! Ты не хочешь помочь мне!». Ей казалось, что она сойдет с ума. Держала только одна мысль: как же он без меня!? Горе матери было безмерно. Но она-то ведь знала, должна была быть готова…

Страна готова не была. И об этой мистической связи своей судьбы и судьбы мальчика, Алексея Николаевича Романова, наследника престола, страна пока не подозревала. Но… Истекал кровью царственный ребенок – истекала кровью страна. За Ходынкой последовало Кровавое воскресенье – больше тысячи убитых, две тысячи раненых. Николая прозвали Кровавым. Это сейчас забылось. Или заслонилось чувством вины за убийство царской семьи. А тогда в гибели ни в чем не повинных людей обвиняли только царя: вышел бы к мирной демонстрации

питерских рабочих – не пролилась бы кровь. Он бы и вышел. Это Александра увезла его из столицы. Родив сына, она приобрела над ним полную, безграничную власть. О демонстрации, которую поведет 9 января к Зимнему дворцу анархист и полицейский агент поп Гапон, было известно заранее. Николай собирался выйти к народу. Но 6 января, в день Крещения, в беседку, поставленную на льду Невы у проруби, где происходило водосвятие, попали пули. Одна – совсем рядом с Николаем. Никто не пострадал. Все держались достойно. Но заподозрили попытку покушения. Александра Федоровна была в истерике. Правда, выяснилось, что никакого покушения не было. В Крещение с Петропавловской крепости всегда давали салют орудийными залпами. Так вот: в дуле одной из пушек оказался забытый картечный заряд – обычное разгильдяйство. Но императрицу это не убедило, она категорически потребовала, чтобы государь вместе с семьей уехал в Царское Село. И никаких выходов к демонстрантам! Она безумно боялась за его жизнь. О жизнях его подданных не думала.

Потом будет еще нелепая, бездарная русско-японская война. И позор поражения. И тысячи жертв. Потом – Ленский расстрел. И снова – неоправданная жестокость. И снова – кровь. А впереди еще мировая война, и революция, и война гражданская. Кровь, кровь – реки крови. Спасения от крови не было. Но это для России. Для мальчика спасение нашлось (по крайней мере, так казалось): появился Распутин. (Думаю, рассказывать о нем подробно не стоит – не так уж много в нашей истории персонажей, о которых столько написано.) Он умел делать то, что не удавалось лучшим врачам: взглядом, словом (даже на расстоянии!) останавливать кровотечение, снимать отеки, успокаивать боль. Как ему это удавалось, до сих пор загадка. Но – удавалось. И в благодарность за это полубезумная от горя мать готова была выполнять любую его волю, любую прихоть.

Кажется совершенно удивительным, что сострадательный, любящий детей русский народ не только не сочувствовал страдающей матери, но чем дальше, тем больше ее ненавидел. А объяснялось это просто: Россия (даже люди, бывавшие при дворе) не знала, чем болен мальчик, его болезнь тщательно скрывали. Родители опасались: как народ воспримет известие о том, что будущий государь неизлечимо болен? Когда он не мог появиться перед публикой, говорили, что наследник простудился или подвернул ногу, а поскольку случалось это довольно часто, к недостаткам, которые видели у императрицы (или приписывали ей), добавился еще один: плохо следит за ребенком. Кроме того, поползли слухи, что Алексей то ли умственно отсталый, то ли

эпилептик. В общем, ложь, как это и бывает в большинстве случаев, ничего хорошего не принесла. Зато слухи о непонятном влиянии Распутина на царскую семью приобрели размеры чудовищные. И – угрожающие. Кто же захочет иметь во главе государства дикого, безграмотного мужика?

Распутин «проверял» всех министров царского правительства. Министр получал пост или оставался на своем посту только в том случае, если на это «давал добро» Григорий Ефимович. По просьбе императрицы он был принят двумя премьер-министрами, которые могли бы, если бы дольше оставались у власти, вывести Россию из кризиса.

Петр Аркадьевич Столыпин так рассказывал о визите Распутина своему другу, председателю Думы Михаилу Владимировичу Родзянко:

Он бегал по мне своими белесоватыми глазами и произносил какие-то загадочные и бессвязные изречения из Священного Писания, как-то необычно разводил руками, и я чувствовал, что во мне пробуждается непреодолимое отвращение к этой гадине, сидящей напротив меня. Но я понимал, что в этом человеке большая сила гипноза и что он производил довольно сильное, правда отталкивающее, впечатление. Я собрал свою волю в кулак…

Преемником Столыпина стал граф Владимир Николаевич Коковцев, тоже человек достойнейший. Вот его впечатления о встрече с Распутиным:

Мне надоели его попытки гипнотизирования, и я сказал ему несколько резких слов, насколько это бесполезно и неприятно пялить на меня глаза, потому что это не оказывает на меня ни малейшего воздействия.

Оба председателя кабинета министров были убеждены, что не поддались чарам царского любимца. Они и представить не могли, что эти беседы предопределили их политическую судьбу. Александра Федоровна организовала эти встречи, чтобы Распутин мог оценить обоих премьер-министров и вынести вердикт. Он решительно заявил императрице: эти люди неугодны Богу. Когда размышляешь о гибели Столыпина, не следует забывать, что его убийца был не только и не столько революционером, сколько агентом охранки, и вовсе не исключена цепочка: Распутин – охранка – убийца. А уж связь Распутин – императрица в доказательствах не нуждается. Я, разумеется, не пытаюсь заподозрить, что она дала указание убить неугодного ей Столыпина. На такие крайние меры могли пойти вполне самостоятельно, без всяких указаний сверху, и Распутин, и охранка, и сам убийца. Но то, что царица хотела избавиться от

Столыпина на посту премьера, – несомненно. От Коковцева она тоже избавится. Правда, не таким радикальным способом. Владимир Николаевич будет уволен в отставку, но доживет до 1943 года и увидит, к чему привела политика и последней императорской четы, и ее преемников.

Я рассказала об этом, чтобы опровергнуть широко бытующее мнение, будто деятельность Распутина, во всяком случае до начала Первой мировой войны, ограничивалась заботой о здоровье наследника. Отрицать его вмешательство в политику во время войны не решаются даже апологеты Александры Федоровны. На самом деле его власть над царицей (именно царицей, фигурой государственной, а не просто несчастной, обезумевшей от горя матерью) началась много раньше и нанесла стране ущерб больший, чем просто «министерская чехарда» времен войны и самовластия Александры Федоровны. Она управляла страной. Ею управлял Распутин.

Если его влияние на политические решения подтверждены фактами, его способность облегчать состояние наследника – многочисленными свидетельствами, в том числе и недолюбливавших его врачей, то слухи о его любовной связи с императрицей обычно подтверждают ее письмом. Вот его текст:

Мой любимый, незабываемый учитель, спаситель и наставник! Как скучно без Вас! Моя душа спокойна и расслабляется только когда Вы, мой учитель, сидите возле меня. Целую Ваши руки и склоняю голову на Ваше благословенное плечо… О, я так несчастна и мое сердце тоскует. Скоро ли Вы будете снова рядом со мной? Приезжайте скорей, я жду Вас и мучаюсь. Прошу Вашего святого благословения и целую Ваши благословенные руки. Люблю Вас всегда. Ваша М. (Мама. Так называл императрицу Распутин. – И. С.).

Думаю, каждый, кто внимательно читал письма Александры Федоровны к другим людям, узнает ее цветистый, чувственный, экзальтированный стиль. Так что, если это письмо – подделка, то очень умелая. Но оно никак не подтверждает грязных слухов. Их, на мой взгляд, не стоит даже комментировать или пытаться опровергать, настолько они несовместимы ни с характером императрицы, ни с отношениями в ее семье. А в том, что такие слухи возникли, нет ничего удивительного: ее не любили, ей не доверяли, ее считали немецкой шпионкой. Почему бы ее циничным врагам не добавить еще и обвинение в разврате?

На самом деле все было куда серьезнее. Александра Федоровна пришла к убеждению, что Распутин – личный посланник Бога к ней, к ее мужу, к России. Ее молитвы за сына не находили отклика. Его молитвы всегда были услышаны: мальчик,

пусть на время, но выздоравливал. Это было для нее неопровержимым доказательством божественной миссии Распутина.

Пройдут годы, и Александр Федорович Керенский, глава недолго просуществовавшего Временного правительства (это он сослал царскую семью в Сибирь, желая спрятать ее от разъяренной толпы, а на самом деле невольно отдал в руки убийц), напишет: «Без Распутина не было бы Ленина». В этом Керенский, несомненно, прав. Но цепочка причинно-следственных связей начинается раньше. Зависимость такая. Женитьба Николая на Александре – рождение наследника, больного гемофилией. Появление целителя-Распутина – ненависть к царской семье, управляемой развратным мужиком. Революция – беспомощность Временного правительства, возглавляемого Керенским, – Ленин. Разумеется, было и многое другое. К примеру, революционная ситуация, когда низы не хотят, а верхи не могут (или наоборот – сути дела это не меняет). Была еще война, бессмысленная и беспощадная. Был голод, спровоцированный жадными дельцами. Многое было. Но появление в России последней немецкой принцессы, ставшей русской государыней, без сомнения, сыграло в судьбе империи роковую роль.

В августе 1914 года началась Первая мировая война, в которую были втянуты восемь государств Европы (Германия и Австро-Венгрия – с одной стороны, Великобритания, Россия, Франция, Бельгия, Сербия и Черногория – с другой). Со временем война охватила 38 государств с населением более полутора миллиардов человек. В ней участвовало две трети обитателей земного шара. Численность воюющих армий к началу 1917 года составляла 37 миллионов человек, а всего в годы войны было мобилизовано 70 миллионов; 9,5 миллиона было убито, 20 миллионов ранено. Россия мобилизовала 16 миллионов, потеряла 1,8 миллиона человек.

Боль надрывала сердца людей во всем мире. Солдатские могилы, калеки, вдовы, сироты… Счет шел на миллионы. А война, ненасытная, продолжала пожирать людей. В тылу ни на миг не оставляла тревога за отцов, мужей, братьев, сыновей. Подступал голод, уходила надежда.

В годы бедствий для народа, для государства главная опора – единство. В большинстве воюющих стран, имеющих опыт демократического правления, партии и общественные движения отложили споры до лучших времен, до победы. Народы, по крайней мере в большинстве, поддерживали свои правительства. В России – не то. К началу рокового для нее 1917 года пропасть

между властью и почти 180-миллионным народом все углублялась. С той же неотвратимостью росла пропасть между правительством и парламентом, внутри парламента, между политическими партиями. Народ хотел хлеба, мира, покоя. Власть хотела одного: власти. Как можно больше власти. «Хозяйке земли русской» требовалось не просто больше власти. Ее устраивала только власть неограниченная.

В борьбе за первенство правители России выпустили из-под контроля события, которые вели к гибели и государства, и их самих. Думаю, для того, чтобы читателям была ясна роль Александры Федоровны в крушении Российской империи, нужно хотя бы кратко рассказать о расстановке сил в управлении государством в то время. А заодно показать, что такое самодержавная монархия и как она опасна для страны, когда неограниченная власть оказывается в руках людей некомпетентных, зато крайне амбициозных. В правителях у Российской империи в начале XX века недостатка не было. Наверное, нужно напомнить обо всех, чтобы было ясно, как обстояло дело накануне гибели империи и какую роль в управлении государством играли те, кто называл себя хозяевами земли русской.

Начну с парламента – Государственной думы. Этот законно-совещательный орган представительной власти был учрежден Манифестом Николая II от 17 октября 1905 года в надежде прекратить массовые революционные выступления. Впервые в истории народ получил право избирать своих представителей для участия в управлении государством. Правда, женщины, студенты и военнослужащие избирательных прав не удостоились.

На открытии I Государственной думы 27 апреля 1906 года в Георгиевском зале Зимнего дворца император произнес тронную речь:

Всевышним Промыслом врученное мне попечение о благе Отечества побудило меня призвать к содействию в законодательной работе выборных от народа… Приступите с благоговением к работе, на которую я вас призвал, и оправдайте достойно доверие Царя и народа. Бог в помощь мне и вам.

«Я вас призвал…» А призвать-то вынудили. Даже (в кои-то веки!) вопреки уговорам жены не уступать никому ни крупицы власти. Он готов был поддаться ее уговорам, не подписывать уже несколько дней лежащий на столе Манифест. Но в его кабинет с пистолетом в руке вошел великий князь Николай Николаевич: «Если ты не подпишешь, я застрелюсь у тебя на глазах!» Стреляться великому князю не пришлось. А вот Александра Федоровна, и до этого дядюшку мужа не жаловавшая,

возненавидела его страстно.

Когда началась война, Николай Николаевич был назначен главнокомандующим русской армией. Распутин сообщил ему, что намерен выехать на фронт для «поднятия морального духа» войск. Главнокомандующий любезно согласился: «Приезжайте, я вас повешу!» Этого ему не простят. Александра Федоровна толкнет императора на самоубийственное решение: стать главнокомандующим русской армией, отстранив с этого поста Николая Николаевича, чья популярность в войсках была огромна:

Он (Распутин. – И. С.) любит тебя ревниво и не выносит, чтобы Николаша (великий князь Николай Николаевич. – И. С.) играл какую-нибудь роль.

Согласившись на уговоры супруги, Николай Александрович стал главнокомандующим, что деморализовало армию и приблизило гибель империи. А царица, ничего не понимая в происходящем, счастливая тем, что все сделано, как ей хотелось, с восторгом будет писать:

«Наш Друг вовремя разглядел карты, умолив выгнать Николашу и самому взять командование».

Зато ненавистного дядюшку Александра Федоровна невольно спасла: отстраненный от командования армией, он был направлен на Кавказ, во время революции уехал во Францию и оказался одним из немногих Романовых, кому посчастливилось умереть своей смертью. Это случилось в Антибе, в 1929 году. Его похоронили со всеми воинскими почестями, подобающими главнокомандующему союзной армии. Несуществующей армии бывшего союзника…

Но это еще впереди. А вот к сотрудничеству императора с народными избранниками Манифест не привел: доверия не было. Председатель IV Государственной думы Михаил Владимирович Родзянко (глава Думы двух последних созывов, позднее – один из идеологов белого движения, сторонник Корнилова и Деникина; умрет в эмиграции) за несколько дней до революции будет умолять императора дать народу хоть какие-то права и свободы, чтобы предотвратить взрыв. Николай ответит: «Вы хотите, чтобы я повторил вам 17 октября? Ни за что!». Александра Федоровна не зря изо дня в день уговаривала его не делиться властью. А ведь не исключено, что, прислушайся император к вовсе не стремившемуся к потрясениям Родзянко, – и (не могу не повториться) судьба России и династии была бы иной.

Кроме думы в управлении страной участвовал Государственный совет, учрежденный в 1810 году указом Александра I. За сто лет высший законосовещательный орган державы стал вполне законопослушен. А законом в России был

царь. Это в других странах монарх – всего лишь «первый среди равных». У нас царская власть – от Бога. До 1905 года членов Государственного совета назначал царь. После Манифеста 17 октября половину – избирали. В выборах участвовали только духовенство, помещики, буржуа и профессура. Госсовет обсуждал законопроекты, рассмотренные Думой, и передавал их на утверждение государю. Ну, а уж утверждать или не утверждать, решал только самодержец.

Высшей судебной властью в России был Сенат, созданный еще Петром Великим. Подчинялся Сенат непосредственно императору. А еще было правительство – высшая исполнительная власть. Назначал и председателя правительства, и всех министров тоже сам император. В общем, думается, каждому ясно не только то, что такое самодержавная власть, но и какая безграничная ответственность лежит и на том, кому выпала эта власть, и на том, кто пытается влиять на самодержца, даже если не знает страны, не понимает народа, не слишком сведущ в большой политике. Я имею в виду Александру Федоровну, которая стала фактической соправительницей мужа, особенно во время войны, и подвигла его на многие действия, которые привели страну (и их семью) к краю кровавого рва.

Это она укрепила мужа в намерении взять на себя командование армией (вопреки уговорам Марии Федоровны отказаться от этой пагубной затеи). Это она «советовала» Николаю:

У Друга (Распутина. – И. С.) – ночное виденье. Просит приказать начать наступление возле Риги.

Друг требует приказать Брусилову немедля остановить южное наступление. Начали, не спросив Его!

И тысячи русских солдат и офицеров шли на смерть не когда это нужно Родине, а когда ничего не понимающему в военном деле Гришке взбредет в голову приказать наступление. Это она спровоцировала «министерскую чехарду» – судорожную смену кабинета министров, назначая только тех, кто угоден «Другу».

В царствование Николая II пост главы правительства поначалу занимали выдающиеся политики: граф Сергей Юльевич Витте, Петр Аркадьевич Столыпин и граф Владимир Николаевич Коковцев. После отставки Витте, убийства Столыпина и отставки Коковцева настоящего правительства в России больше не было. Критериями при назначении главы правительства стали не ум, не талант, даже не опыт – только одно: личная преданность монарху. Один за другим сменяли друг друга люди некомпетентные, слабые, часто вообще ни на что не способные. У них было одно «достоинство» – заступничество Распутина.

В январе 1914 года, когда Россия особенно нуждалась в умном, сильном и честном премьер-министре, на этот пост под давлением царицы и «Друга» Николай II назначил Ивана Логиновича Горемыкина, действительного тайного советника, члена Государственного совета, часто впадавшего в старческий маразм. Его любимая фраза: «Это не мое дело!» Казалось, хуже Горемыкина главы правительства просто быть не может. Но новое назначение показало: может! 20 января 1916 года Горемыкина сменил Борис Владимирович Штюрмер, действительный тайный советник, обер-камергер, член Государственного совета. Это – официальные звания. А по существу – человек сомнительной честности, небольшого ума и низкой души. Зато любимец Распутина. Штюрмер в итоге своей «деятельности на благо России» был уличен в германофильстве и предательстве и уволен с должности. В 1918 году расстрелян.

Но самую яростную (и вполне заслуженную) ненависть вызывал министр внутренних дел Протопопов. Эта ненависть объединяла людей разных политических убеждений, разных классов и сословий. Александр Дмитриевич Протопопов – камер-юнкер, землевладелец и промышленник, был сначала товарищем председателя Государственной думы. Министром внутренних дел и главноначальником отдельного корпуса жандармов стал в 1916 году по настоятельной «просьбе» Распутина. Это был слабовольный, трусливый болтун и целеустремленный интриган – некий симбиоз Хлестакова и коварного, жестокого, беспринципного иезуита. Он заслужил благосклонность императрицы не только тем, что ему покровительствовал Распутин, но и тем, что регулярно посылал ей телеграммы, подписанные вымышленными именами, с заверениями в поддержке ее курса всеми слоями населения. Кроме того, Протопопов оказал царице огромную услугу – спас ее от разоблачения. Полиция, занимаясь расследованием слухов о шпионаже, привлекла к следствию банкира Рубинштейна, через которого императрица передавала в Германию… нет, не шпионские сведения – деньги своим обнищавшим родственникам. Если бы дело было доведено до конца, царскому семейству пришлось бы расстаться с властью много раньше, чем это произошло, причем при обстоятельствах позорных. Став министром внутренних дел, Протопопов расследование прекратил.

Сколь губительна власть Протопопова для России, понимали все, кроме приближенных Александры Федоровны. «Объяви, что дарована конституция, что Штюрмер и Протопопов отстранены, и ты увидишь, с каким восторгом и любовью твой верный народ

будет приветствовать тебя», – умолял царственного племянника последний оставшийся в живых сын Александра II, великий князь Павел Александрович. (Протопопова большевики расстреляют. Но не пощадят и Павла Александровича. Единственная его вина была в том, что он носил фамилию Романов. Но до этого еще больше года. А тогда…)

Прислушайся Николай, убери Протопопова – кто знает… Но он прислушивался только к одному голосу:

Держи, держи Протопопова. Не меняй, не меняй Протопопова… Хвати кулаком по столу, не уступай. Царь правит, а не дума! —

это – из письма императрицы августейшему супругу. Случалось, она повторяла эту просьбу по 5-7 раз в день! Штюрмера монарх отстранил, Протопопова оставил.

Место председателя Совета министров после смещения Штюрмера занял Александр Федорович Трепов, член Государственного совета, сенатор. Он оставался на посту 37 дней. Был отстранен от должности за то, что потребовал уволить Протопопова и выслать из столицы Распутина, называвшего себя «министром души» государя.

Последним главой последнего царского правительства был неожиданно назначен князь Николай Дмитриевич Голицын, тоже член Государственного совета, тоже сенатор. Не имея опыта самостоятельной государственной работы, но будучи безусловно честным, первое, что он сделал на высоком посту, попросил Николая об уступках оппозиции, в первую очередь об отстранении Протопопова. Император выслушал благосклонно. Протопопов остался. Что значила просьба главы правительства по сравнению с требованиями жены, а она не оставляла мужа своими советами: «Не меняй, не меняй Протопопова… закрыть Думу… Львова – в Сибирь, Гучкова, Милюкова, Поливанова – тоже в Сибирь… Мы с ними со всеми в войне и должны быть тверды… Раздави всех!».

Моя дорогая, нежно благодарю за строгое внушение… ты говоришь со мной, как с ребенком… твой бедный маленький слабовольный муженек Ники —

это – из ответа на одно из назидательных писем Александры Федоровны.

Николая предупреждали, пытались спасти:

…Она повторяет то, что ей ловко внушено… Если ты не в состоянии устранить это влияние на нее, то, по крайней мере, берегись сам, —

это – из письма двоюродного брата императора, великого князя Николая Михайловича. Монарх упорно не слушал

предостережений. Более того, после своего письма Николай Михайлович получил повеление императора удалиться на два месяца в свое имение Грушевское (под Херсоном). По поводу этого случая посол Великобритании в России Джордж Бьюкенен в своих «Мемуарах дипломата» замечает:

Что императрица не прощала тем, кто пытался отговорить императора от следования ее политике, было очевидно из случая с моим другом великим князем Николаем Михайловичем.

Но император и сам не терпел, чтобы его «учили жить». Он считал, что только он сам (и, конечно, обожаемая Алике) знает, что нужно его стране.

Узнав о смерти в Париже Сергея Юльевича Витте, император распорядился опечатать все его бумаги не только в России, но и во Франции: он не любил графа и опасался компрометирующих фактов в мемуарах бывшего главы кабинета министров. А между тем задолго до крушения империи прозорливый экс-премьер написал:

Жаль царя. Жаль России… Бедный и несчастный государь! Что он получил и что оставит? И ведь хороший и неглупый человек, но безвольный, и на этой черте его характера развились его государственные пороки, т. е. пороки как правителя, да еще такого самодержавного и неограниченного. Бог и Я.

А императрица продолжала диктовать:

Только, дорогой, будь тверд, вот что надо русским. Ты никогда не упускал случая показать любовь и доброту. Дай им теперь почувствовать кулак…

Россия любит кнут, это в их натуре – нежно любить и при этом железной рукой наказывать и править. Как бы я хотела, чтобы моя воля перелилась в тебя…

Будь Петром Великим, Иваном Грозным, императором Павлом, подомни их под себя… Как же она презирала народ, эта «хозяйка земли русской»! И как мало знала своего мужа. Он не мог стать никем из тех, кто казался ей примером для подражания. Он был самим собой, Николаем II. Может быть, потому и стал последним…

«Бог и Я»… А между тем был еще и народ. И его терпению приходил конец. Это понимали многие. Убийство Распутина было попыткой спасти монархию. Тем, кто решился на это, казалось: стоит избавить императора от тлетворного влияния – и все наладится. О том, как убивали Распутина, рассказывать не буду: об этом столько написано, что вряд ли стоит повторяться. Расскажу лишь о последствиях этого убийства и о реакции на него Александры Федоровны.

Отчаянием, которое охватило императрицу после смерти

«Друга», первым воспользовался Протопопов. На аудиенциях у государыни он передавал ей предостережения и сообщения, якобы полученные им в разговорах с духом Распутина. Он совершенно овладел ее доверием и стал еще более могущественным, чем когда-либо. Наслушавшись Протопопова, она писала мужу в ставку: «Мой драгоценный! Наш дорогой Друг в ином мире тоже молится за тебя, он еще ближе к нам, но все же так хочется услышать Его утешающий и ободряющий голос».

Уже через несколько дней после убийства фаворита депутат Думы Василий Витальевич Шульгин, убежденный монархист, записал в дневнике: «Раньше все валили на Распутина, а теперь поняли, что дело вовсе не в нем. Его убили, а ничего не изменилось. И теперь стрелы летят прямо, не застревая в Распутине…». Прямо – это в императора и особенно в императрицу. Ее называют немецкой шпионкой. Ни ее благотворительная помощь семьям погибших, ни забота о раненых, ни госпиталь, организованный в Зимнем дворце, отношения к ней уже не способны изменить.

Вот свидетельство генерала Михаила Васильевича Алексеева, человека в высшей степени достойного, одного из лучших генералов Первой мировой войны, будущего основателя Добровольческой армии:

Когда были исследованы бумаги императрицы, оказалось, что она обладала картой, указывающей в деталях расположение войск вдоль всего фронта. Было сделано только две копии этой карты: одна для царя, другая для меня. У меня осталось очень тягостное чувство. Бог знает, кто мог воспользоваться этой картой…

И все-таки в то, что Александра Федоровна была немецкой шпионкой, поверить трудно: слишком любила она своего мужа, детей, власть, данную всем им в этой стране, чтобы содействовать поражению России. К тому же она совершенно не выносила кайзера Вильгельма (Это единственное, в чем ее взгляды совпадали со взглядами свекрови). Вот что писал Бьюкенен по поводу подозрений царицы в шпионаже:

…Как ни гибельно было ее влияние на супруга в вопросах внутренней политики, императрица должна быть оправдана от столь часто возводимого на нее обвинения в том, что она действовала в интересах Германии. Сам Керенский однажды сказал мне, что не было найдено ни одного компрометирующего документа, который доказывал бы, что она или император когда-либо замышляли заключить сепаратный мир с Германией. По его словам, он имел продолжительную частную беседу с императрицей после революции, в которой ее величество с негодованием протестовала против той мысли, что она была германофилкой. «Я

– англичанка, – заявила она, – а не немка, и я всегда была верна России.» Он был убежден, что она говорила правду, и хотя она бессознательно играла на руку Германии, побуждая императора вести реакционную политику, но она стремилась исключительно к сохранению в неприкосновенности самодержавия, а не к достижению более близких отношений с Германией. Однако, прибавил он, среди лиц, окружавших Распутина, имелись германские агенты.

Но мнение Керенского – это еще не мнение народа. Народ императрицу ненавидел. Тень этой ненависти падала и на ее супруга. Еще недавно, в начале войны, народ объединился вокруг своего государя. «За веру, царя и Отечество!» С этими словами шли на смерть. Теперь в победу и в необходимость войны уже не верили. Так ли уж нужен России этот далекий Константинополь? И зачем ей проливы с чужеземными именами: Босфор, Дарданеллы? Стоят ли они русской крови?

А между тем Россия фактически уже победила в этой войне. Во всяком случае, была близка к победе. В кратчайший срок была построена железная дорога, которая соединила столицу с незамерзающим мурманским портом, имеющим огромное стратегическое значение. А ведь еще Бисмарк учил: «Не стройте крепостей, стройте железные дороги. Это – ключ войны». Военные заводы наконец заработали четко и слаженно. Весной 1917-го должно было начаться всеобщее наступление от Балтийского моря до Персии, оно было обеспечено и военной техникой, и снарядами. Так что были все шансы на успех. Внешние обстоятельства тоже благоприятствовали России: опасность войны на два фронта отпала – Япония решила не начинать военных действий против нашей страны, считая приоритетными свои интересы в Китае. Вот-вот должны были вступить в войну на стороне Антанты САСШ (Северо-Американские Соединенные Штаты – тогда именно так называли США). Оставалось выждать – выиграть 2-3 месяца.

Об этом в годы советской власти предпочитали помалкивать. И правильно делали. Иначе как оправдать призывы большевиков к поражению России, организованный ими развал армии, позорный Брестский мир и все, за ним последовавшее?

Поначалу подрывную работу большевиков воспринимали как измену. Потом измученный, несущий непомерные тяготы народ стал прислушиваться. В словах пораженцев слышали только то, что хотели услышать: не будет больше похоронок, вернутся домой отцы, мужья, сыновья. Если бы знали, для чего вернутся! Власти не придавали агитации большевиков значения. Тем более что Протопопов уверил императрицу: у него все под контролем.

После встречи нового, 1917 года, пользуясь затишьем на фронте, Николай II решил провести некоторое время с семьей. Но безмятежного отдыха не получилось. 12 января все члены царской фамилии обратились к своему венценосному родственнику с коллективным письмом. Оно было составлено в почтительных выражениях, но указывало на опасность, которой подвергает страну и династию его внутренняя политика. После этого среди придворных поползли обнадеживающие слухи: государь отстранит Александру Федоровну от дел, а может быть, и отправит в монастырь. Не дождались…

23 января аудиенции у государя попросил председатель Государственной думы Родзянко. Он предупреждал:

Положение в государстве более опасное и критическое, чем когда-либо… Вокруг вас, государь, не осталось ни одного надежного и честного человека: все лучшие удалены или ушли (напомню: стараниями Александры Федоровны, направляемой Распутиным. – И. С.). Не заставляйте, ваше величество, чтобы народ выбирал между вами и благом России.

«Мое самодержавие останется, как встарь. Не уступлю!» – ответил Николай. Называться императором ему оставалось чуть больше месяца. (Ни о том, как развивались события дальше, ни о голоде, ни об очередях за хлебом, ни о забастовках, ни о попытках прекратить беспорядки, во время которых было убито около двухсот человек, похороненных потом на Марсовом поле; ни о переходе власти к Думе, ни о митингах, ни об организации Временного правительства; ни о вождях будущей революции (еще летом 17-го считавших, что революция в России невозможна); ни обо всем, что за этим последовало, подробно рассказывать не буду: хотя это и очень интересно, но уведет достаточно далеко от основной темы – судьбы последней немецкой принцессы на русском троне.)

В феврале с царским режимом было покончено, но формально Николай Александрович Романов еще оставался Государем Всея Руси.

Из выступления на заседании Думы депутата Александра Ивановича Гучкова (кличка «Шалый»):

В этом хаосе нужно прежде всего думать о том, как спасти монархию, без монархии Россия не может жить. Но Николаю продолжать царствовать нельзя – его повеления просто не исполнят. Выход один – отречение нынешнего государя в пользу наследника. Иначе весь этот революционный сброд начнет сам искать выхода. И сам расправится с монархией.

Царская фамилия тоже делает последнюю попытку спасти династию. От имени Николая II составляют манифест о

даровании конституции. Умоляют Александру Федоровну подписать вместо отсутствующего супруга. Она отказывается с презрительной категоричностью: не стыдно ли уступать хотя бы малую часть власти взбесившейся толпе? Нужно просто немедленно навести порядок! Она не может или не хочет понять, что происходит на самом деле. Манифест подписывают великие князья, отвозят в Думу, вручают Павлу Николаевичу Милюкову, полагая, что этот выдающийся ученый-историк, знаток эпохи Петра Великого, редкий полиглот (знал почти 20 языков), больше других достоин доверия. Пробежав манифест глазами, Милюков замечает: «Да, это очень интересный документ…» – и прячет его в портфель. Больше документа никто не видел.

Посланцы Думы едут в ставку. Цель одна: уговорить Николая отречься от престола. Многие годы из статьи в статью, из книги в книгу повторялось: Гучков и Шульгин чуть ли не силой вырвали отречение. Но вот что писал генерал Алексеев, находившийся в эти роковые дни рядом с Николаем:

…Убежден, что решение возникло у государя уже раньше… это решение было принято им, как всегда, единолично, в борьбе с самим собою, и посвящать в свою душевную драму других, даже близких, он по складу своей застенчивой, самолюбиво-благородной натуры, вероятно, не только не хотел, но и не мог.

Наверное, он пережил страшные минуты прозрения. Винил ли себя? Вспоминал ли тех, кто умолял его изменить политику? Взять хотя бы письмо человека, в чьей преданности не имел оснований сомневаться, ближайшего друга юности, великого князя Александра Михайловича:

…Твои советники продолжают вести Россию и тебя к верной гибели… Приходишь в полное отчаяние, что ты не хочешь внять голосам тех, кто советует принять меры, которые должны вывести нас из хаоса. Правительство сегодня тот орган, который подготовляет революцию. Народ ее не хочет, но правительство употребляет все возможные меры, чтобы сделать как можно больше недовольных, и вполне в этом успевает. Мы присутствуем при небывалом зрелище революции сверху, а не снизу.

Александр Михайлович ни разу не называет источник всех бед – императрицу. Он не хочет причинять боль государю, которого искренне любит. Но наверняка надеется: Николай поймет, отстранит супругу от руководства страной, ведь очевидно: правительство, о котором идет речь, – это ее правительство. Сожалел ли бывший император, что передоверил власть жене? Упрекал ли ее, хотя бы в мыслях? Кто знает… Но, думается, не понять ее роли в произошедшем он не мог. А говорить об этом, упрекать? Какой смысл? Все было уже кончено.

Истекал 304-й год царствования династии Романовых…

Отречение Николай подписал. В пользу младшего брата, которого недавно сам лишил всех прав на престол из-за женитьбы Михаила Александровича на Наталье Сергеевне Шереметьевской, дочери московского адвоката, дважды разведенной (первый раз она была замужем за купцом Мамонтовым, второй – за гвардейским ротмистром Вульфертом). После тайного венчания Николай был вынужден дать морганатической жене брата титул графини Брасовой (по названию имения великого князя). Неожиданная новость застала Михаила в Гатчине. Пришла телеграмма от старшего брата:

Его Императорскому Величеству Михаилу Второму. Прости меня, если огорчил тебя и что не успел предупредить. Останусь навсегда верным и преданным братом. Сейчас я возвращаюсь в Ставку, оттуда надеюсь скоро приехать в Царское Село. Горячо молю Бога помочь тебе и твоей Родине. Ники.

Той же ночью в своем дневнике, куда обычно записывал лишь самые краткие описания ежедневных событий, Николай написал:

Во имя спасения России и удержания армии на фронте в спокойствии нужно решиться на этот шаг… Уехал из Пскова в 1 час ночи с тяжелым чувством пережитого; кругом измена, и трусость, и обман.

Существовало старинное предание, будто если на трон взойдет царь Михаил II, Россия получит то, что было ее многовековой целью, – Константинополь. Кроме того, Англия и Франция, постоянно блокировавшие продвижение России на юг, к этому времени изменили позицию: в случае победы в войне России был обещан Константинополь. Но Михаил II от престола отрекся, возложив окончательное решение вопроса о том, оставаться ли России монархией или стать республикой, на Учредительное собрание. Судьба этого собрания известна. Кто не помнит ставшей хрестоматийной фразы: «Караул устал!»?

В войне Антанта победу одержала. Но без России. 28 июня 1919 года в Версальском дворце был торжественно подписан мирный договор. Страны-победительницы делили добычу. Об обещанном России Константинополе никто и не вспомнил, как и о почти двух миллионах русских солдат и офицеров, павших за общее дело. России на пиру победителей места не было. Ей досталось другое: ненависть, голод, кровь. Реки крови. Российскую империю победила революция.

Падение монархии было встречено ликованием. И в России, и на Западе, в обоих враждующих лагерях. Вильгельм II с восторгом воскликнул: «Это подлинный Божий дар для Германии!» (если бы знал, что в скором будущем ждет немецкую монархию и его

самого!). Американский президент Вудро Вильсон заявил:

Прекрасные и обнадеживающие события произошли в последние недели в России. Самодержавие свергнуто, великий благородный русский народ присоединился во всем своем наивном величии и мощи к силам, которые борются за свободу на земном шаре, за справедливость и мир.

В Париже министр-социалист Альбер Тома восхищался: «Самая солнечная, самая праздничная, самая бескровная революция!». Пожалуй, один Морис Палеолог, чуть лучше знавший Россию, предостерегал:

Русская революция по существу архаична и разрушительна. Она может привести лишь к ужасной демагогии черни и солдатчины, к разрыву всех национальных связей и к полному развалу России… к варварству, ужасу и хаосу. Поддержка, которую вы оказываете крайним элементам, ускорит окончательную катастрофу.

Палеолога никто не слушал. Эйфория охватила весь мир, уже тогда гордо именовавший себя цивилизованным. Ему еще предстояло узнать, что это такое, «самая солнечная, самая праздничная революция»…

Поразительно, как всего за 23 года последней в России императорской чете удалось до такой степени подорвать престиж и династии, и монархии как таковой. В стране, привыкшей к Романовым, пережившей под их управлением не только множество бед и лишений, но никак не меньше грандиозных побед, одни радовались падению монархии, другие оставались равнодушными. В отчаянии были только родственники и кое-кто из приближенных.

«Новость об отречении Ники подействовала как удар грома, – вспоминала младшая сестра бывшего императора, великая княжна Ольга Александровна, жившая с матерью в Киеве. – Мы были оглушены. Мать была в ужасном состоянии. Она продолжала твердить, что это величайшее унижение в ее жизни… Она во всем обвиняла бедную Алике».

Мария Федоровна немедленно выехала в Могилев, где располагалась ставка верховного главнокомандующего, которым еще несколько дней назад был ее сын. Они провели вместе три дня. Вдовствующая императрица, всегда остроумная, блестящая, решительная, утратила свою царственную осанку, выглядела постаревшей и жалкой. Сын, которого она всю жизнь учила правильному поведению, теперь помогал ей держать себя в руках. Они простились в надежде скоро увидеться в Крыму. Больше они не встретятся никогда…

Александра Федоровна в то время находилась в Царском Селе

с больными детьми (у них была корь). Когда узнала, что солдаты Петроградского гарнизона перешли на сторону взбунтовавшейся толпы, не поверила. И все же предупредила офицеров охраны: «Что бы ни случилось, не надо выстрелов. Я не хочу, чтобы из-за нас пролилась кровь». Наутро ее постиг вовсе уж неожиданный удар: гвардейский экипаж во главе с великим князем Кириллом Владимировичем, призванный охранять царскую семью, покинул свой пост и, с красными бантами на груди, отправился в Думу, оставив в Александровском дворце совершенно беззащитных женщин и детей.

И все-таки она до конца считала все происходящее временным недоразумением, бесстыдной выходкой кучки зарвавшихся негодяев. Была убеждена: народ разберется, ведь он так любит и Ники, и ее, свою добрую государыню. Поразительно, газеты были полны обвинений в ее адрес, карикатур, грязных сплетен. Трудно представить, что все это от нее удавалось скрывать. Значит, не верила, считала происками немногочисленных врагов, недостойных ее внимания. Зато свято верила поддельным письмам, которые показывал ей Протопопов. В них была такая преданность, такое преклонение! Возможно, эта вера в народную любовь помогала ей с достоинством переносить все лишения в последний год жизни, когда она была уже не императрицей, а просто гражданкой Романовой.

А может быть, причиной ее удивительного преображения (нервная, истеричная, безмерно требовательная, она вдруг стала спокойной, покладистой, мягкой) стало другое. Она увидела, что сбывается предсказание Распутина: «Покуда я жив, с вами ничего не случится. Но скоро меня убьют, и с того начнутся новые невиданные беды России. Она утонет в распрях, а всю твою семью убьют». Уже случилось все. Кроме последнего. Значит, скоро? Она была готова. Лишь бы не знали они, муж и дети. Пусть продолжают надеяться…

Какая из этих версий справедлива (вера в любовь народа или вера в предсказание Распутина), уже не узнать. Но факт преображения бесспорен. Как бесспорно и то, что своим неожиданным спокойствием и достоинством Александра Федоровна облегчила последний год жизни своей семьи.

О том, каким был этот последний год, написано так много, что не вижу необходимости повторяться. Приведу только отрывки из записей Василия Семеновича Панкратова, рабочего, революционера, бывшего народовольца, прошедшего царскую тюрьму, а после Февральской революции назначенного Временным правительством комиссаром по охране императорской семьи:

Николай Александрович большую часть дня проводил за распилкой кругляков на дрова. Это было одно из любимых его времяпрепровождений. Приходилось поражаться его физической выносливости и даже силе. То же самое наблюдалось и во время игры в городки: все быстро уставали, тогда как он оставался неутомимым…

Александра Федоровна чаще всего выходила на балкон с вязанием или шитьем. Усевшись в кресле, она принималась за работу. Она лишь временами любовалась видом города, который никогда бы не видела, если бы не судьба… Она проявляла весьма малую подвижность. Замкнутость Александры Федоровны и склонность к уединению бросались в глаза.

Панкратов был приятно удивлен, что царские дети, в отличие от матери, отлично говорили по-русски, но его поражало другое:

…Когда рассказываешь им о самых обыкновенных вещах, как будто бы ничего не видели, ничего не читали, ничего не слышали… такие взрослые дети и так мало знают русскую литературу, так мало развиты. Они мало читали Пушкина, Лермонтова еще меньше, а о Некрасове и не слыхали.

Ему было обидно, и он взялся познакомить вверенное его опеке семейство со стихами своего любимого поэта. «Все слушали, даже бывший царь и Александра Федоровна». Напрасно комиссар удивлялся. Императрица, так и не освоившая русского языка, не встретила никого, кто приохотил бы ее к чтению. Круг ее общения был узок, интеллектуалов в нем не наблюдалось. Так что литература – зеркало русской жизни – была ей недоступна. Да и неинтересна. Поразительно другое: ее супруг впервые прочитал «Войну и мир», когда был уже не императором, а гражданином Романовым. Возможно, и эту книгу «открыл» ему книгочей Панкратов.

Это было в Тобольске. Потом, в Екатеринбурге, куда их перевезли после победы большевиков, таких охранников-просветителей, как Панкратов, больше не было. Были убийцы. И они ждали своего часа. А Александра Федоровна в это время писала верной Анне Вырубовой, которой ей так не хватало в изгнании:

Вспоминаю… ужасное 17 число (день убийства Распутина. – И. С.). И за то тоже страдает Россия, но никто не понимает. Я чувствую себя матерью страны и страдаю, как за своего ребенка, и люблю мою Родину. Несмотря на все ужасы теперь и все согрешенья… Несмотря на черную неблагодарность Государю, которая разрывает мое сердце… Он прямо поразителен, такая крепость духа. Хотя бесконечно страдает за страну…

Николай, несомненно, страдал. Но эти последние, скорбные

месяцы еще раз доказали: страны своей он не знал. Он наивно надеялся, что ему позволят жить в России как рядовому гражданину. Мечтал поселиться с семьей в любимой Ливадии…

Когда тучи сгустятся, когда станет ясно, что только покинув Россию, можно спасти жизнь, окажется, что он и его дети – нежеланные гости даже в тех странах, где правят его двоюродные братья: король Англии Георг V, король Дании Христиан X, король Греции Константин I, император Германии Вильгельм II. Не протянет руку помощи и сестра Александры Федоровны, королева Испании.

Главная надежда была на Англию: англичане обещали приют, только требовали, чтобы русское правительство оплачивало пребывание царской семьи в Лондоне (удивительно щедрые родственники!). Но неожиданно было оглашено заявление британского министерства иностранных дел: «Правительство Его Величества не настаивает на своем прежнем приглашении царской семьи». Когда возникли слухи, что приют свергнутому монарху готова дать республиканская Франция, посол Великобритании в Париже лорд Френсис Берти заявил:

Я не думаю, чтобы экс-император и его семья могут быть приглашены во Францию. Императрица немка, не только немка по происхождению, но и по чувствам. Она сделает все для осуществления соглашения с Германией. Она должна рассматриваться как преступница или преступная одержимая, а бывший император – как преступник за свою слабость и покорность ее подсказкам.

После страшной смерти царской семьи все они будут оправдываться, будут искать виноватых…

Новая власть уничтожила царскую семью. Так всегда поступают правители, одержимые страхом или неуверенностью. Так поступала в свое время и последняя императорская чета. (Вспомним Кровавое воскресенье или Ленский расстрел. Романовы тогда сами вынесли себе приговор.) Новая власть тоже вынесла приговор – себе. Правда, исполнение было отсрочено на 75 лет…

Юровский (убийца) так описывает случившееся в подвале дома Ипатьева в Екатеринбурге в ночь с 17 на 18 июля 1918 года:

Разбудил Боткина, а он всех остальных. Объяснение было дано такое: «Ввиду того что в городе неспокойно, необходимо перевести семью Романовых из верхнего этажа в нижний». Одевались с $^1/_2$ часа. Внизу выбрана была комната с деревянной оштукатуренной перегородкой (чтобы избежать рикошетов), из те была вынесена вся мебель. Команда была наготове в соседней комнате. Р(омановы) ни о чем не догадывались. Ком(ендант) отравился за

ними лично, один, и свел их по лестнице в нижнюю комнату. Ник(олай) нес на руках А(лексея), остальные несли с собой подушечки и разные мелкие вещи. Войдя в пустую комнату, Александра) Ф(едоровна) спросила: «Что же, и стула нет? Разве и сесть нельзя?» Ком(ендант) велел внести два стула, Ник(олай) посадил на один А(лексея), на другой села А(лександра) Ф(едоровна). Остальным ком(ендант) велел встать в ряд. Когда стали – позвали команду. Когда команда вошла, ком(ендант) сказал Р(омано)вым, что ввиду того, что их родственники в Европе продолжают наступление на Советскую Россию, Уралисполком постановил их расстрелять. Николай повернулся спиной к команде, лицом к семье, потом, как бы опомнившись, обернулся к коменданту с вопросом: «Что? Что?». Ком(ендант) наскоро повторил и велел команде готовиться. Команде заранее было указано, кому в кого стрелять, и приказано целить прямо в сердце, чтобы избежать большого количества крови и покончить скорее. Николай больше ничего не произнес, опять обернувшись к семье, другие произнесли несколько несвязных восклицаний, все продолжалось несколько секунд. Затем началась стрельба, продолжавшаяся две-три минуты.

В ту ночь были расстреляны: Николай Александрович Романов, 50 лет, Александра Федоровна Романова, 46 лет; их дети: Ольга, 23 лет; Татьяна, 21 года; Мария, 19 лет; Анастасия, 17 лет; Алексей, 14 лет; а также доктор Боткин, лакей Трупп, повар Тихомиров, комнатная девушка бывшей царицы Демидова…

А ведь этот список мог бы быть короче. Я сейчас не о докторе Боткине, не о верных слугах, которые сознательно разделили судьбу своих хозяев. Я – о детях. Их можно было спасти, доверившись хотя бы полковнику Кобылинскому, назначенному по распоряжению Временного правительства охранять семью Романовых. Он, близко узнав бывшего императора и его детей, проникся к ним искренним сочувствием и предлагал устроить побег из Тобольска. Конечно, могло не получиться. Только хуже-то быть все равно не могло… А возможность спасти детей была и раньше, еще в Царском Селе. Они ведь не были арестованы, как родители. Они имели право и возможность покинуть Александровский дворец. А дальше? Наверняка нашлись бы люди, способные на риск, на самопожертвование, которые постарались бы увезти детей подальше от революционной столицы, может быть – в Крым, к бабушке; может быть – за границу. Этот шанс, обещавший жизнь, использован не был. Александра Федоровна очень любила детей и не могла даже помыслить о разлуке. Как эгоистична бывает любовь…

Мученическая смерть уравняла всех: невинных детей, их отца, последнего российского императора, и их мать, последнюю немецкую принцессу на русском троне. Эта женщина не только принесла России много бед, но и стала самой несчастной из своих соотечественниц, разделявших с нашей страной ее судьбу.

Первая немецкая принцесса, вошедшая в мировую историю как Екатерина Великая, вступила на российский престол за 156 лет до расстрела последней царской семьи. Она успешно правила страной 34 года и была уверена: «Государь всегда виноват, если подданные им недовольны». Читали ли ее потомки эти слова?